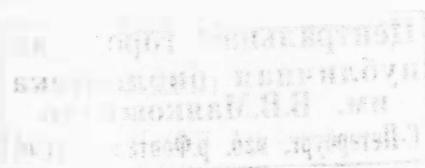

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Фр)-44я5
Д 13

Серия основана в 1997 году

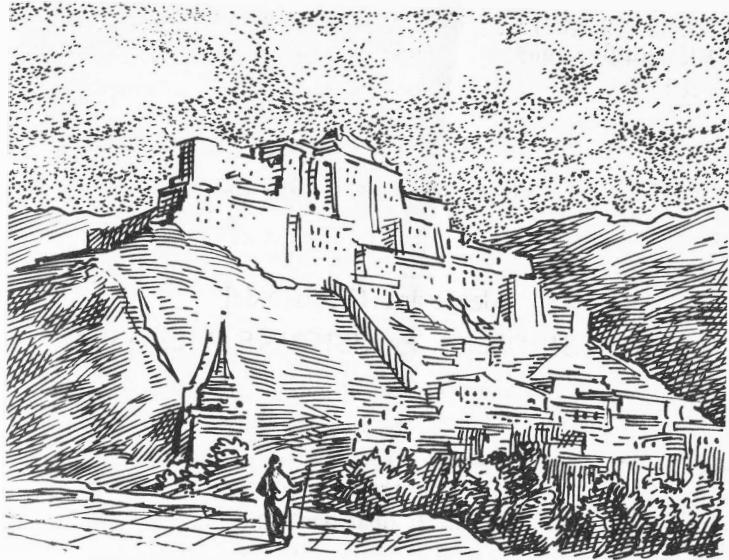
Alexandra David-Néel
VOYAGE D'UNE PARISIENNE À LHASSA
Paris, Plon, 1927

Иллюстрации
В. Э. Брагинского

© Перевод, Панина Н. Ю., 2000
© Иллюстрации, Брагинский В. Э., 2000
© ООО «Дрофа», 2000
© Художественное оформление,
ООО «Армада-пресс», 2000

ISBN 5-309-00018-6

*Посвящается всем тем, кто вольно
или невольно помогал мне во время моих
долгих странствий, в знак сердечной
признательности*

ПРЕДИСЛОВИЕ

На двухстах или трехстах страницах невозможно рассказать о восьмимесячных странствиях, проходивших в не-привычных условиях, главным образом по неизведанным краям. Подлинный путевой дневник занял бы несколько голстых томов. Поэтому вы найдете здесь лишь краткое изложение событий, которые, как мне кажется, могут наиболее заинтересовать читателя и дать представление о местах, куда я проникла в качестве тибетской странницы.

Впрочем, большая прогулка в Лхасу под видом нищей паломницы — не более чем эпизод в ряду долгих скитаний, которые удерживали меня на Востоке четырнадцать лет кряду. Было бы неуместно в этом предисловии говорить о том, что привело меня в Тибет, и все же, думаю, некоторые

пояснения относительно мотивов, побудивших меня избрать столь странный наряд для путешествия в Лхасу, напрашиваются сами собой.

До этого я уже побывала в Азии; в 1910 году, стремясь вернуться в Индию, я выхлопотала командировку от министерства народного просвещения.

На следующий год, будучи неподалеку от Мадраса, я узнала, что правитель Тибета Далай-лама покинул свою страну, где в то время вспыхнуло восстание против господства Китая, и находится в Гималаях.

Тибет не был для меня совершенно неведомым краем. В Коллеж де Франс моим преподавателем был ученый-тибетолог профессор Э. Фуко, и я имела некоторое представление о тибетской литературе. Как вы понимаете, я не могла упустить этот уникальный случай — увидеть государя-ламу и его двор.

Добиться приема у Далай-ламы оказалось непросто, ибо он упорно отказывался предоставлять аудиенцию иностранным женщинам. Однако, предвидя трудности, я запаслась рекомендательными письмами от влиятельных лиц буддийского мира. Эти письма, переведенные для правителя Тибета, несомненно, заинтересовали его, ибо он тотчас же заявил, что был бы рад побеседовать со мной.

Я увидела государя-ламу, окруженного причудливой свитой священнослужителей в одеяниях из саржи темно-гранатового цвета, желтого атласа и золотой парчи, которые рассказывали невероятные истории и говорили о стране из волшебных сказок. Слушая их и благоразумно делая скидку на восточную склонность к преувеличениям, я инстинктивно чувствовала, что за лесистыми горами, которые возвышались передо мной, и далекими, вздымавшимися над ними заснеженными вершинами и в самом деле существует страна, непохожая на другие страны. Стоит ли говорить, что желание проникнуть туда тотчас же овладело мной.

Лишь в июне 1912 года, прожив долгое время среди обитателей тибетских Гималаев, я впервые увидела подлинный Тибет. Медленное восхождение к высокогорным перевалам было исполнено очарования; затем внезапно

передо мной предстала великолепная необозримая панorama тибетских плоскогорий, окутанных вдали неким туманным видением, которое являло взору беспорядочное скопление сиреневых и оранжевых вершин, увенчанных снежными шапками.

Что за незабываемое зрелище! Должно быть, оно навеки очаровало меня.

Однако впечатление, которое произвела на меня эта страна, объяснялось не только внешним обликом Тибета. Она также притягивала меня как востоковеда.

Я принялась собирать библиотеку тибетских книг — оригинальных произведений, не фигурировавших в двух больших антологиях Хажиюра¹ и Тенжиюра, как известно, состоящих из переводов. Кроме того, я искала любую возможность побеседовать с учеными ламами, выдающимися мистиками и приверженцами эзотерического учения, и пожить поблизости от них.

Эти увлекательные изыскания заставили меня окунуться в мир, в тысячу раз более необычный, чем безлюдные высокогорья Тибета: мир аскетов и магов, тайная жизнь которых протекает в ущельях гор, среди снежных вершин.

Неверно думать, что Тибет всегда был запретной, строго охраняемой территорией, каким он стал в наши дни. Как это ни удивительно, размеры заповедной зоны продолжают возрастать. На дорогах, проложенных через Гималаи, которые были легкодоступными пятнадцать лет тому назад, ныне выставлены пикеты, ограждающие не только границу Тибета, но и подступы к ней на протяжении более пятидесяти километров. Туристы, желающие посетить Сикким, должны получить пропуск, в котором указано, что его обладатель «не имеет права находиться ни в Непале, ни в Бутане, ни в Тибете, не должен посещать ни единого пункта, путешествовать или пытаться путешествовать по какому-либо иному маршруту, нежели тот, что значится

¹ Традиционное произношение звучит приблизительно как «Ханджур». «Бха хжьюр» (тибетское правописание) означает «переведенные слова». Это ламаистская библия, включающая в себя часть буддийских писаний, переведенных ссанскрита.

в его пропуске». Также следует подписать обязательство в том, что вы будете придерживаться этих правил.

Что касается китайско-тибетской границы, она совершенно не охраняется китайцами; однако районы, недавно выведенные из-под их контроля, стали запретной зоной. Теперь невозможно передвигаться там, где еще несколько лет назад путешественники могли разъезжать по своему усмотрению и где в более давние времена даже селились миссионеры.

Я упомяну в числе прочих нашего ученого соотечественника господина Бако, который посетил провинцию Царонг в 1909 году, английского капитана Ф. Кингдона Уорда¹, странствовавшего в той же местности в 1911 и 1914 годах, и капитана (ныне полковника) Бейли, тоже англичанина, примерно в 1911 году составившего карту части провинции Царонг. Попутно замечу, что в 1860 году парижское Общество иностранных миссий владело здесь недвижимостью, исключая провинцию Царонг.

Возможно, читателю будет интересно прочесть подробные сведения по этому поводу, предоставленные англичанином Эдмундом Кандлером², который участвовал в британской экспедиции в Лхасу в 1904 году:

«Следует помнить, что Тибет не всегда был закрыт для иностранцев... До конца восемнадцатого века доступ в столицу преграждали лишь естественные препятствия, возникшие из-за рельефа страны и ее климата.

Иезуиты и капуцины, добравшиеся до Лхасы, жили там долгое время, и тибетские власти даже оказывали им содействие. Первыми европейцами³, которые побывали в Лхасе и оставили достоверный рассказ о своем путешествии, были отцы Грюебер и д'Орвиль; они проникли в Ти-

¹ В 1924 году он снова побывал в Тибете, в местности Пемакойчен, куда его направило или дало разрешение на эту поездку английское правительство. Капитан и естествоиспытатель Кингдон Уорд оставил интересные путевые заметки. (Здесь и далее — примечания автора.)

² Эдмунд Кандлер. The unveiling of Lhasa (Лхаса без маски).

³ Предполагают, что монах Одри де Портсноп побывал в Лхасе в 1325 году, но достоверность его рассказа вызывает сомнения (это примечание принадлежит Э. Кандлеру).

бет из Китая по Синингской дороге и провели в Лхасе два месяца.

В 1715 году отцы-иезуиты Дезидери и Фрейр прибыли в Лхасу; Дезидери прожил там тринадцать лет. В 1719 году Лхасу посетил Орас де ля Пенна с миссией капуцинов; он построил здесь часовню и приют, а также обратил несколько человек в христианство.

Капуцины в конце концов были высланы из страны, но только в 1740 году¹.

Первым мирянином, проникшим в столицу Тибета, был голландец Ван дёр Путте. Это случилось в 1720 году, и он прожил здесь несколько лет.

Далее мы не располагаем сведениями о европейцах, посетивших Лхасу, вплоть до путешествия Томаса Маннинга, первым из англичан побывавшего в Лхасе в 1811 году. Маннинг прибыл сюда в составе свиты китайского генерала, с которым он повстречался в Пари-Дзонге²; генерал был благодарен англичанину за то, что тот ухаживал за ним как врач. Он пробыл в столице месяц... Затем он получил предупреждение, что его жизнь в опасности, и вернулся в Индию тем же путем, которым пришел в Лхасу³.

В 1846 году отцы-лазаристы Юк и Габе замыкают ряд путешественников, добравшихся до Лхасы. После этого все исследователи были вынуждены возвращаться назад. Тем не менее некоторые из них, прежде чем их остановили, приблизились к столице вплотную, почти дойдя до берегов Нам-Цо-Чимо (озера Тэнгри). То были: Бонвало с принцем Генрихом Орлеанским и Дютрей де Рейн с господином Гренаром в 1893 году. Ныне иностранцам стало совершенно невозможно открыто путешествовать в этих краях.

¹ В одном из примечаний автор указывает, что, будучи в Лхасе, видел в Джо-Ханге колокол с надписью «Te Deum lauolamis», видимо оставленный капуцинами.

² Следовательно, он беспрепятственно добрался до этого места, что стало теперь невозможно.

³ К этому списку следует добавить Богля и Тернера, побывавших соответственно в 1774 и 1783 годах не в Лхасе, а в Шигадзе у Тashi-ламы в качестве посланцев губернатора Индии Уоррена Хастингса.

Приблизительно в 1901 году, после подавления восстания боксеров, в Лхасе было обнародовано несколько указов, в которых китайские власти объявляли Тибет открытым для иностранцев и предписывали жителям Тибета принимать их. Поэтому в настоящее время все части тибетской территории, которые находятся под контролем Китая, доступны путешественникам.

Через несколько лет после моих первых странствий по плоскогорьям Южного Тибета я посетила в Шигадзе Тashi-ламу, который принял меня очень радушно и призвал продолжить мое изучение Тибета. Чтобы облегчить мне эту задачу, он приютил меня поблизости от себя.

Мне было разрешено посещать библиотеки и заниматься там исследованиями с помощью ученых лам. Это единственный в своем роде случай, но мне не дали возможности им воспользоваться.

В результате моего визита к Тashi-ламе жители деревни, расположенной примерно в девятнадцати километрах от скита, где я поселилась, были вынуждены немедленно заплатить британскому наместнику штраф в размере двухсот рупий за то, что не сообщили ему о моем отъезде. Наместник, который заставил их это сделать, не удосужился принять во внимание, что они никоим образом не могли узнать о моих передвижениях, ибо я отправилась к ламе из монастыря, находившегося на тибетской территории, на расстоянии трех четырехдневных переходов от их деревни. Горцы отомстили сообразно психологии невежественных дикарей, частично разграбив мое жилище. Любые жалобы не имели смысла. Мне было отказано в правосудии, а также предписано покинуть страну в течение двух недель.

Эти методы, недостойные цивилизованных людей, возбудили во мне желание взять реванш, но с остроумием, отвечающим национальному духу моего родного города Парижа. Однако необходимо было выждать.

Несколько лет спустя, когда я странствовала по местности Кхам (в Восточном Тибете), я заболела и решила отправиться в Батанг, где находится больница миссионеров, которой руководят английские и американские врачи.

Батанг — это крупный тибетский город, находящийся под китайским контролем, как и Канзе, вблизи которого я странствовала в то время.

Незадолго до этого лхасские войска захватили часть страны, простирающуюся между данными городами, и она стала недоступной для иностранцев.

Тибетский офицер с приграничной заставы прежде всего спросил меня, получила ли я разрешение английского консула — «большого человека» из Тачиенлу¹, как он его называл. По его словам, с этим пропуском я могла бы разгуливать по Тибету, куда мне вздумается, но без него он не мог пропустить меня через границу.

Тем не менее мне удалось продолжить путь, пока он отправлял гонца к своему начальнику за указаниями. Несколько дней спустя меня остановил другой офицер, и я снова услышала о «большом человеке» из Тачиенлу, новоявленном святом Петре — хранителе ключей от Страны Снегов.

Между тем моя болезнь обострилась. Я объяснила тибетцам, что со мной произошло, но, хотя они искренне мне сочувствовали, страх перед «большим человеком» не позволял запуганным чиновникам дать волю своей природной доброте, разрешив мне продолжать путь к больнице. Следовало оставить надежду попасть туда; тем не менее я отказалась вернуться обратно, к чему хотели меня принудить, и заявила, что, раз меня не пускают в Батанг, я отправлюсь в Жакиендо.

Жакиендо — маленький городок, расположенный на пути в Лхасу, за пределами захваченной зоны, все еще остающейся в ведении Китая. Я предполагала, что поход по территории, недавно перешедшей под контроль Лхасы, может оказаться интересным во многих отношениях.

Несколько дней мы героически вели переговоры. Офицеры располагались в юрте, перед которой развевался тибетский флаг темно-красного цвета, с вышитым львом.

¹ Тачиенлу — тибетский город, крупный торговый центр, расположенный на восточной окраине области Кхам и входящий в состав провинции Сычуань (Китай).

Вокруг них размещалась охрана; среди солдат было двое музыкантов, «вооруженных» фиванскими трубами. Мои люди и я, лишенные флага и труб, заняли две юрты, установленные на некотором расстоянии от юрт тибетцев. Несчастные *докпа*¹, которых злая судьба забросила в этот уголок, оплачивали свое участие в разыгравшейся комедии баранами, маслом, молоком и сыром. Они кормили актеров. Так уж принято в Тибете. Речи следовали одна за другой на фоне романтического мирного пейзажа древнего королевства Диржи. Когда охрипшие, измученные ораторы умолкали, они тотчас же набрасывались на еду.

В конце концов, когда стало ясно, что помешать мне отправиться в Жакиендо можно, только убив меня, они смирились.

Мои надежды полностью оправдались: впоследствии я благословила судьбу, забросившую меня в Жакиендо, ибо благодаря пребыванию в этом месте мне представился случай совершил ряд удивительных путешествий.

В то время как я оставалась в Жакиендо, сюда прибыл некий датчанин, вернувшийся из Чанг-Наг-Чуха, где ему препретили путь, когда он отправлялся в Лхасу. Будучи не в состоянии достигнуть намеченной цели, путешественник хотел быстро вернуться в Шанхай, где его ждали дела. Туда вела прямая дорога, та самая, на которой я сражалась предыдущим летом. Прежде чем он добрался до запретной зоны, солдаты, которых поставили там в ожидании его появления, заставили датчанина вернуться обратно. Несчастный исследователь тщетно пытался объяснить, что отказался от мысли проникнуть в глубь Тибета, что он направляется в противоположную сторону и стремится лишь выйти на большую дорогу, чтобы вернуться в Китай, — его даже не стали слушать. Он был вынужден продолжать путь по дороге, ведущей на север, через пустыни, где разгуливали банды разбойников. Разумеется, ему пришлось взять караван для перевозки съестных припасов

и вещей, ибо путешествие длилось целый месяц. По прошествии этого срока он снова оказался в Синине, значительно удалившись от места своего назначения, в провинции Кансу, откуда выехал несколько месяцев назад, надеясь добраться до Лхасы. После этого он потратил еще два месяца, пока не прибыл в Шанхай. Если бы ему не помешали следовать прямой дорогой, он ехал бы в носилках, ночевал бы в гостинице на каждой остановке и сократил бы время пути более чем наполовину.

Подобные случаи — это сущие провокации, направленные против путешественников, и я не могла оставаться безучастным свидетелем такого произвола. Оказавшись запертой в Жакиендо, подобно датскому путешественнику, я решила не возвращаться на север, а пробиться через запретную зону к берегам Салуина и посетить жаркие долины Царонга и Цаваронга.

Отправлюсь ли я оттуда в Лхасу? Это невозможно, но не исключено; я не решила ничего определенного на этот счет.

Я покинула Жакиендо в конце зимы в сопровождении одного-единственного слуги. Большинство перевалов были еще завалены снегом, и наше шествие по сугробам едва не закончилось трагедией. Мы с моим мальчиком благополучно преодолели физические преграды, миновали пограничную заставу прямо под окнами у чиновника, ведавшего ее охраной, и подошли к Салуину. Тут нас и задержали.

Это случилось не оттого, что нас узнали; причина моей неудачи заключалась в другом.

Я решила, что было бы неплохо во время путешествия по почти неизведанной стране не только вести личные изыскания, но и собрать материал, интересный для других.

Мой приемный сын лама Йонгден следовал за мной на расстоянии нескольких дневных переходов в сопровождении слуги, ведя за собой семью мулов. Мы должны были воссоединиться позднее. В тюках, которые он вез, лежали фотоаппараты, несколько приборов, бумага для гербария

¹ Докпа — пастухи, живущие в юртах.

и т. д. Эти предметы привлекли внимание чиновника, осматривавшего багаж; зная о моем пребывании в Жакиендо, он догадался, что я нахожусь где-то неподалеку. Он запретил моему маленькому каравану двигаться дальше и приказал солдатам искать меня повсюду; они нашли меня, и, таким образом, моим приключениям пришел конец.

Однако я вовсе не считала себя побежденной. Мой принцип — никогда не мириться с поражением, какой бы характер оно ни носило и от кого бы ни исходило.

Именно тогда доселе смутное намерение отправиться в Лхасу превратилось в окончательное решение. Лучшего способа отыграться нельзя было придумать. Я хотела взять реванш любой ценой и поклялась в этом у пограничной заставы, куда меня снова привели.

Однако желание отомстить за свою неудачу было не единственной моей целью. Я хотела гораздо большего: привлечь внимание к странному в наше время явлению — к существованию мест, которые становятся запретными.

Речь идет не только о Лхасе. Бесконечный шлагбаум, прерывающий пути сообщения, простирается в Азии приблизительно между 78° и 99° долготы и между 27° и 30° широты.

Если бы я заговорила, потерпев ряд неудач, кое-кто мог бы подумать, что меня толкнула на это досада. Поэтому следовало прежде всего добиться успеха, добраться до самой Лхасы и таким образом устранить личную заинтересованность. Именно так я и поступила.

Хочу еще остановиться на тибетской орфографии. Я дала лишь фонетическую транскрипцию тибетских слов, чтобы читатели могли произносить их примерно так, как тибетцы. В виде исключения я иногда писала «ph», чтобы обозначить одно из трех «п» тибетского алфавита, как в слове «фи-линг», которое следует произносить «пи-линг». Звука «ф» в тибетском языке не существует. Третье «п» и третье «т» часто передавались звуками «б» и «д» в соответствии с правилом, принятым у востоковедов, хотя эти бук-

вы звучат как «б» и «д» лишь тогда, когда им предшествует непроизносимая буква-приставка.

Очень сложная тибетская орфография неизбежно сбивает с толку тех, кто не может читать слова, написанные тибетскими буквами. Я приведу в качестве примера слово «налджор», которое пишется «рнал бьорз»; слово, произносимое как «дема», пишется «сгрольма» и т. д.

Что касается слова «Тибет», то, возможно, читателю будет интересно узнать, что оно неведомо жителям Тибета. Его происхождение остается неясным. Тибетцы называют свою страну «Пё-юл» либо поэтично именуют ее в книгах «Ганг-юл» (Страна Снегов), а себя — «пё-па».

Некоторые считают, что слово «Тибет» происходит от двух тибетских слов: «тод-бод» (они произносятся как «тё-пе»). «Тод» значит «высокий, верхний». Название «верхний Тибет» порой распространяется на Центральный Тибет, в то время как восточные провинции именуют «нижним Тибетом». Однако данная точка зрения, согласно которой первый слог слова «Тибет» — «ти» — образован от «тод», предполагает нарушение порядка слов, традиционно закрепленного в тибетской грамматике за существительным и прилагательным. Согласно правилам, прилагательное стоит после существительного. Поэтому говорят: «бод-тод» («пё-тё») — «верхний Тибет» и «бод-мед» («пё-мед») — «нижний Тибет».

Прежде чем завершить предисловие, я хочу заверить своих многочисленных английских друзей, что, критикуя позицию их правительства в Тибете, я отнюдь не питаю чувства неприязни к английскому народу.

Напротив, со времен моего детства, каникул на берегах Кента, я невольно полюбила англичан с их обычаями. В ходе долгих странствий по Востоку моя симпатия к ним не просто возросла, к ней добавилась искренняя признательность за радушные приемы в многочисленных жилищах, очаровательные хозяйки которых старались, чтобы я чувствовала себя как дома.

В их стране, как и в моей или любой другой, политика правящих кругов неизменно отражает далеко не лучшие стороны характера ее граждан. Я предполагаю, не опасаясь далеко уйти от истины, что власть имущие Великобритании и доминионов пребывают в том же неведении, что и подданные всех держав, судя по тому, как изворотливо ведутся за кулисами министерств дела колоний и далеких земель, находящихся под протекторатом.

То, о чем я рассказала, несомненно, удивит людей и особенно христианских миссионеров, которые, возможно, будут задаваться вопросом, почему нация, именующая себя христианской, запрещает Евангелию и тем, кто его проповедует, доступ в страну, куда она вольна посыпать свои войска и где продает оружие.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Выход из Юньнани. — Как я избавилась от своих носильщиков. — Ночное бегство к горному массиву Ха-Карпо. — Неожиданная встреча в темноте. — Мы с Йонгденом переодеваемся и меняем свой облик. — Странные видения в лесу. — Переход границы запретной страны на высоте 5412 метров. — Хищные звери обнюхивают нас во время сна. — Явление призрачного города. — Первая встреча с паломниками. — Беспокойный переход через первую тибетскую деревню. — Хитрый ризничий

Прощайте, отец мой!.. Мы уходим. На повороте дороги я оборачиваюсь, чтобы еще раз взглянуть на нашего весьма гостеприимного хозяина, который несколько дней тому назад, совершив нас не зная, радушно принял меня и Йонгдена, когда мы попросили у него приюта.

Стоя у главного входа в миссию, преподобный отец Н. смотрит нам вслед; в улыбке, которой он нас провожает, сквозит тревога. Он не позволил себя одурачить и не поверил в туманные планы, о которых мы ему поведали; цель

Центральная городская
публичная библиотека
им. В.В.Маяковского
С-Петербург, наб. р.Фонтанки 44/46

541238

нашего путешествия, предпринятого при странных обстоятельствах, остается для него загадкой. Куда мы направляемся, одни, пешком, без багажа?.. Он задается этим вопросом, не в силах дать на него ответ, и предчувствует некое рискованное предприятие; я уверена, что имена таинственных странников, которые несколько ночей делили с ним кров, будут звучать в его молитвах. Да сбудутся его заветные чаяния! Да благословит Бог преподобного отца Н. за живительное тепло, которым его дружба согревает начально моего похода в ламаистский Рим!

Прощайте!.. Тропинка делает изгиб, и здание миссии исчезает из вида. Приключение начинается.

Я предпринимаю пятую попытку проникнуть в запретную зону Страны Снегов, и всякий раз на протяжении более десяти лет моменты выступления носили совершенно разный характер. Некоторые из них проходили весело, под смех слуг и шумный перезвон колокольчиков, подвешенных к шеям мулов, посреди грубошной суэты и суматохи, к которой питают пристрастие жители Средней Азии. Иной раз мои отъезды бывали серьезными, почти торжественными: облачившись в парадное ламаистское одеяние из темного пурпурного и золотой парчи, я благословляла селян и *докна*, собравшихся, чтобы в последний раз проститься с чужеземной *хандома*¹.

Однажды я уходила в разгар драматического представления, разыгранного бурей, которая налетела внезапно, когда я отправлялась в путь. Небо, еще совсем недавно залитое солнцем, заволокли огромные черные тучи, клубившиеся над гигантскими пиками подобно сказочным чудовищам. Зловещий свинец разлился над окружающими горами, превратив чистый, исполненный безмятежного покоя пейзаж, обрамленный высокими вершинами, в мрачную и устрашающую картину Преисподней. Метель окутала меня, и я побрела, качаясь, вслепую, подобно судну, попавшему в шторм...

¹ Хандома (гуляющая по просторам) — некая фея, обычно принимающая облик пожилой женщины. Жители Тибета величают ее «матерью». Традиционное произношение: «хандума» или «хандома».

Два раза я уходила тайком, при первом проблеске зари, уводя свой крошечный караван по бескрайним тибетским просторам: диким и непостижимым, хранящим молчание бесплодным пустыням и степям, суровым и чарующим высокогорьям, через край грез и тайн... Ныне знойное солнце китайской осени светит на прекрасном темно-синем небосклоне; горы и леса, еще не сбросившие листву, словно призывают нас; поистине мы похожи на людей, вышедших на обычную прогулку. Впрочем, так мы и заявили простодушным жителям покинутой нами деревни: отправляемся собирать травы в горах. Однако это серьезное начинание, и я предвижу все препятствия, которые вскоре возникнут на моем пути.

Пока что наши вещи, оставленные на хранение в деревне, отводили всяческие подозрения от моих планов. Тем не менее мы с Йонгденом не могли уйти одни даже под предлогом недалекой прогулки, взвалив на плечи по небольшому тюку, как собирались путешествовать по Тибету. Подобный поступок, несовместимый с привычками иностранных путешественников, побудил бы местных жителей следить за нами, чтобы выяснить причину непонятного поведения. Мне пришлось нанять двух носильщиков, и по дороге я перебирала в памяти всевозможные уловки, придуманные в предшествующие дни, дабы избавиться от носильщиков в назначенный час. Этот час быстро приближался, ибо через день мы должны были выйти на проселочную дорогу, которая вьется вверх по склону Ха-Карпо¹ напротив селения Лондре; по этой тропе я и рассчитывала ускользнуть, чтобы ночью добраться до дороги паломников, опоясывающей святую гору. Если бы мой план провалился, над путешествием в Лхасу нависла бы неминуемая угроза.

Кроме того, меня преследовала одна тревожная мысль: казалось, что оба носильщика тяготились весом наших тюков, хотя и не сгибались под их тяжестью. Каким же обра-

¹ Ха-Карпо — горная цепь на северо-западе провинции Юньнань, состоящая из высоких, покрытых вечными снегами пиков; место частого паломничества жителей Тибета.

зом мы с моим юным спутником, чья сила далеко уступает силе носильщиков, сумеем подняться с подобной ношей на многочисленные высокогорные хребты, которые встречаются на нашем пути?

Подбор снаряжения — трудоемкое и довольно мучительное дело. Ввиду совершенно необычных условий, сопутствующих моему странствию в Тибет, я взяла с собой в крайне долгий путь из пустыни Гоби в Юньнань лишь то, без чего совсем нельзя было обойтись. Тем не менее перед тем, как отправиться в путь пешком, без каких-либо транспортных средств, мне пришлось вдобавок изъять из и без того скучного багажа ряд предметов первой необходимости.

Мы уходили в октябре, поэтому нам требовались удобная палатка и теплые одеяла, толстые подстилки из непромокаемой ткани за неимением походных кроватей, запасная одежда и сапоги. Но помимо столь полезных вещей еще сильнее мы нуждались в большом количестве продовольствия.

Я решила совершать переходы по ночам, а днем оставаться в укрытии, до тех пор пока не проникну на достаточноное расстояние в глубь страны, чтобы никто не смог достоверно установить, откуда я пришла, и распознать путь, которым я следовала.

Осуществление этого плана предполагало, что мы сможем прокормить себя в течение двух-трех недель, не испытывая необходимости покупать что-либо у местных жителей. Мы бросили многие вещи, чтобы унести больше еды, одеял и запасной одежды.

Маленькая палатка из тонкого хлопка, железные колышки от нее, веревки, большой кусок недубленой кожи тибетского происхождения для замены подметок на наших сапогах, квадрат толстого полотна, дабы не так чувствовать сырость и холод голой земли, на которой нам предстояло спать, да короткий палаш, предназначенный для различных целей, — основной элемент снаряжения всякого тибетского странника (мы использовали его главным образом в качестве топора дровосека) — были единственными тяжелыми предметами, которые я сохранила. Однако мас-

ло, *тсампа*¹, чай и немного сущеного мяса составляли в общей сложности внушительный вес, и я все больше сомневалась, что мы сможем нести нашу поклажу быстрым шагом по крутым косогорам во время предстоящего ночного восхождения на склоны Ха-Карпо.

Таким образом, по-прежнему размышляя и мысленно репетируя комедию, которую я собиралась разыграть перед моими простодушными носильщиками, я шла вверх по правому берегу Меконга. Мы вышли во второй половине дня и не рассчитывали уйти до вечера далеко. Наш лагерь, то бишь мою крохотную палатку, разбили на невысоком плато, с которого была видна главная вершина Ха-Карпо.

Природа, по-видимому, обладает особым языком, понятным тем, кто долго жил в одиночестве, тесно соприкасался с ней и обрел чуткость, а может быть, подобные люди просто узнают собственные мысли и тайные предчувствия в загадочных лицах гор, лесов и вод. Величественный Ха-Карпо, вздымавший в светлую высь неба громаду своих ледников, синевших под полной луной, показался мне в тот вечер не суровым стражем неприступной заставы, а скорее почтенным благосклонным божеством, стоящим на пороге мистических уединенных земель, готовым принять и взять под защиту довольно дерзкую странницу, которую привела сюда любовь к Тибету.

Последующим событиям было суждено всецело подтвердить это пророческое предчувствие.

Я провела следующую ночь у подножия гряды красных скал, у входа в дикое ущелье, откуда с ревом вырывался широкий поток, впадающий в Меконг. Совсем небольшое расстояние отделяло нас от Лондре — места, где тактика, к которой я окончательно решила прибегнуть, чтобы избавиться от носильщиков, должна была пройти решающее испытание. Первый рискованный ход затеянной мной партии будет сделан через несколько часов. Кому же он принесет победу?..

¹ Т с а м п а — мука из предварительно обжаренного ячменя — главная пища жителей Тибета, играющая в их жизни ту же роль, что хлеб во Франции.

После ухода двух соглядатаев окажется ли расположение деревушки, о которой я собрала лишь туманные сведения, благоприятным для ночного бегства через горы? Смогу ли я добраться до дороги паломников и найти надежное укрытие до восхода солнца? Бесконечные тревожные вопросы роились в моей голове. Тем не менее, когда я улеглась в своей маленькой палатке на жесткой земле, неповторимое чувство благополучия, освобождения и безмятежного спокойствия, которое неизменно вызывает в моей душе пребывание в уединенных местах, в очередной раз наполнило меня блаженством, и я мирно уснула.

На следующий день, когда утро близилось к середине, я простилаась с Меконгом, давним другом, на берегах которого пережила не одно интересное приключение. Повернув на запад, я вошла в ущелье, ведущее в Лондре. Вскоре оно расширилось, превратившись в узкую долину, где струился светлый и спокойный поток, который затем неожиданно и стремительно низвергался в большую реку. Вдоль реки была проложена удобная тропа, неоднократно переходившая с одного берега на другой по деревянным неотесанным мосткам. Благодаря солнечной погоде прогулка была прелестной.

Мы повстречали двух тибетских торговцев, которые почти не обратили на нас внимания. Вероятно, из-за наших костюмов они приняли нас за китайцев. Однако эта первая встреча, предвещавшая множество других, во время которых мое инкогнито, возможно, часто будет подвергаться опасности, заставила меня слегка поволноваться.

Незадолго до полудня мы оказались в виду Лондре.

Если бы мы с Йонгденом были одни, нам было бы легко обойти стороной деревню, прячась в лесах до наступления темноты. Склон Ха-Карпо, куда нам предстояло взойти, возвышался справа от нас, совсем рядом, и от нашей тропы его отделяла только река, через которую был переброшен широкий мост. Однако остановка без уважительной причины после столь короткого перехода могла вызвать у сопровождавших нас людей подозрения. Еще более немыслимо было двигаться в сторону Ха-Карпо. Мы не раз твердили нашим носильщикам, что идем в Луцзе-Кьянг

для сбора растений, и не могли открыто отказаться от своего плана, направившись к тибетской границе, что неминуемо породило бы опасные толки.

И вот, крайне раздосадованная, я повернулась спиной к той самой дороге, на которую собиралась ступить, с мыслью о том, что каждый шаг удаляет меня от цели, осложняя наше предстоящее бегство, и последовала за двумя горцами, собиравшимися отвести нас за двадцать километров отсюда, к лесистому плоскогорью, прелести которого они расхваливали, намереваясь разбить там лагерь.

Прибытие в Лондре прошло незаметно, как нам и хотелось. Ни один из крестьян, изредка попадавшихся на пути, не обратил на нас ни малейшего внимания. Это весьма благоприятное обстоятельство было, вероятно, связано с тем, что в Луцзе-Кьянге находился проездом американский ученый-натуралист, который нанял большое количество местных жителей для сбора растений и семян. Наши китайские, довольно потертые одеяния сбили селян с толку, и, по всей видимости, они решили, что мы направляемся к американцу для работы под его руководством.

После того как мы прошли несколько километров, я сочла неразумным идти дальше, все больше удаляясь от Ха-Карпо. Осмотрительность требовала, чтобы мы миновали Лондре в начале ночи, обеспечив себе время для долгого перехода, до того как рассветет. К этому часу нам необходимо было добраться до дороги паломников. Если бы, когда мы оказались там, нас все же заметили, несмотря на все меры предосторожности, мы могли бы весьма убедительно утверждать, что пришли из северных областей Тибета, а затем затерялись бы в традиционной толпе богохульцев. Паломники, принадлежащие к различным племенам, зачастую из дальних краев, являются собой большое разнообразие типов; диалекты странников, подобно их головным уборам и костюмам, чрезвычайно отличаются друг от друга. Поэтому я надеялась, что моя внешность, одежда и произношение, которые могли показаться коренным жителям непривычными, останутся незамеченными.

Теперь мы значительно возвышались над долиной, в начале которой находился Лондре. В просветах густых за-

рослей колючего кустарника виднелась речушка, через которую мы перешли утром. Козья тропа, начинавшаяся у наших ног, почти отвесно спускалась по склону и вела от дороги к этим безлюдным дебрям. Мне показалось, что настал благоприятный момент отдельаться от двух простаков, не подозревавших о заботах, которые они мне доставляли.

— Я сбила ноги, они распухли, — сказала я носильщикам. — Мне нельзя идти дальше. Давайте спустимся на берег реки, приготовим чай, и я разобью там лагерь.

Честные крестьяне не выразили удивления. Китайские плетеные сандалии в самом деле причиняли мне боль; носильщики видели, как я обмывала свои кровоточащие ноги в ручье. Мы спустились к реке, и я велела поставить палатку на крошечной поляне. Если бы носильщики или кто-то из здешних жителей спросили, что заставило меня избрать такое странное место для стоянки, можно было бы сослаться на близость воды и соседство зарослей, защищавших нас от ветра.

Мы развели костер, и я заставила носильщиков плотно поесть, в то время как мы с Йонгденом лишь слегка перекусили, не чувствуя голода, поскольку были слишком озабочены неотвратимым приближением нашего бегства и опасениями, что план провалится в последний момент. Как только честные селяне закончили трапезу, я велела одному из них отправиться на гору за большими поленьями, так как тонкие сучья кустарника, окружавшего наш лагерь, давали слишком слабое пламя, недостаточное, по моим словам, чтобы согреть нас ночью.

Когда он скрылся из вида, я объяснила его товарищу, что из-за израненных ног долгие переходы будут для меня слишком тягостны и поэтому я решила задержаться на неделю в окрестностях Лондре, где смогу изучить местные растения, а затем отправлюсь в Луззе-Кьянг, и прибавила, что его услуги мне больше не нужны. Когда я снова соберусь продолжить путь, будет легко найти другого носильщика в местной деревне. Это показалось тибетцу вполне естественным, а щедрая плата, служившая вознаграждением за трехдневный труд, наполнила его радостью. Он тот-

час же отправился домой, убежденный в том, что второй носильщик, занятый рубкой леса на горе, останется мне прислуживать.

Когда второй крестьянин вернулся, я в точности повторила ему те же самые слова, которые говорила его ушедшему товарищу, добавив, что, раз я не могу немедленно отправиться в Луззе-Кьянг, ему придется отнести туда письмо и посылку. Я дала ему это поручение, чтобы он не смог вернуться той же дорогой, по которой уже шел отосланный крестьянин. Для моей безопасности было необходимо, чтобы тибетцы встретились только через несколько дней. Я знала, что из Луззе-Кьянга можно вернуться в деревню, откуда мы вышли, по прямой дороге, ведущей через горную гряду, которую мы только что обогнули. Второй одураченный мною носильщик должен был избрать данный путь, и, дабы он неминуемо сделал это, я послала его именно туда, где начиналась дорога.

Письмо и пакет предназначались миссионеру, который, как я знала, жил в этом месте. Я никогда его не видела, и он совершенно меня не знал.

Письмо, состряпанное на скорую руку, ничего не сообщало ему о моих планах; в свертке же лежало кое-какое тряпье, от которого мы решили избавиться для облегчения нашей поклажи, но расстались с ним не без легкой грусти, так как рассчитывали использовать его в пути в качестве подстилки, чтобы не спать зимой прямо на грязной или промерзшей земле.

Второй носильщик не усмотрел в моем поручении ничего необычного. Он удалился, также прияя в восторг от полученной щедрой платы, полагая, что его отсутствующий товарищ был послан в деревню за покупками, вернется вечером и останется со мной на всю неделю, пока я буду отдыхать.

Любопытно было бы послушать, что говорили друг другу двое крестьян, когда встретились несколько дней спустя, обогнув одну и ту же гору с севера и юга, но я этого так и не узнала.

«Все, чему суждено было свершиться, исполнилось» — эта фраза, часто повторяемая в буддийских сутрах по пово-

ду окончания дела куда более высокого порядка, нежели то, которое мы благополучно завершили, столь точно выражала мои нынешние чувства, что невольно пришла мне на память.

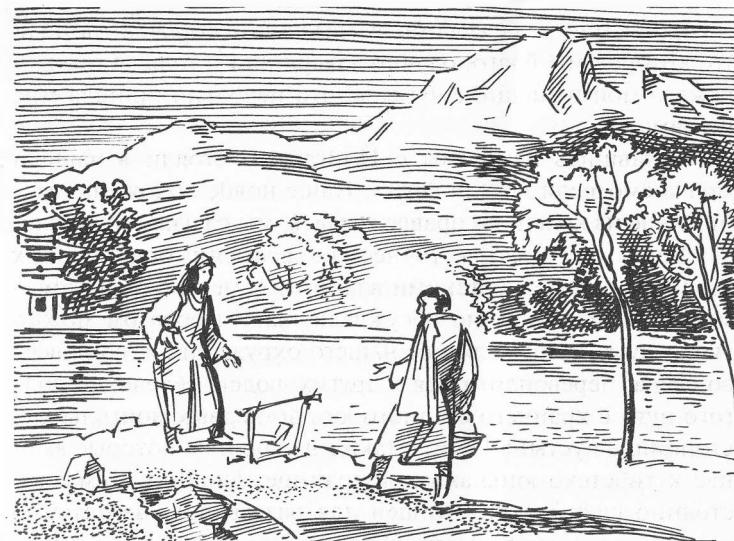
Оставшись одни, мы с Йонгденом стояли в чаще и молча смотрели друг на друга. Наше новое положение выбило нас из колеи: по правде сказать, мы слегка оторопели.

Более двух лет — точнее, со времени моих первых столкновений с тибетскими властями в местности Кхам — мы с ламой неустанно обсуждали, каким образом можно «исчезнуть», избавиться от нашего окружения и, сбив всех со следа, перевоплотиться в других людей. В течение долгого пути с крайнего степного юга до первых монгольских стойбищ в пустыне Гоби, в также на дорогах, которые вели нас к тибетско-юньнаньской границе, лишь эта тема постоянно служила нам пищей для разговоров, неотступно преследовала нас в мыслях и тревожила во сне.

Теперь же то, что, как мы справедливо считали, столь трудно осуществить, стало доступным: через несколько часов мы могли двинуться к Докарскому перевалу, по которому тогда пролегала граница заповедного Тибета.

Я поспешил раздула огонь, Йонгден отправился за водой к реке, и мы приготовили чай на тибетский лад: вскипятив воду, бросили в тот же котелок масло и соль, по упрощенному методу бедных странников, которые не могут позволить себе роскошь делать эту смесь с помощью маслобойки.

Набор нашей кухонной утвари был так же ограничен, как и ассортимент одежды. Перечень ее не займет много места. В нашем распоряжении имелись котелок, две миски (одна — из дерева, другая — из алюминия, ее можно было в случае необходимости поставить на огонь вместо кастрюли), две ложки и китайский чехол, где лежали длинный нож и две палочки. Вот и все, что у нас было. Мы не намеревались питаться изысканными блюдами. Наша еда, как у всех простых людей, должна была состоять из *тсампа*, смоченной в чае или почти сухой, смешанной с маслом. В виде исключения, когда позволят обстоятельства, мы будем готовить суп.

Выпив чаю, Йонгден ушел. Время шло, наступила ночь. Я по-прежнему сидела у потухшего огня, не решаясь разжечь костер из опасения, что слишком яркое пламя будет заметно издали и выдаст наше присутствие. Остатки чая, припасенные на момент выступления как подкрепляющее средство, тихо кипели на красноватых поленьях с однообразным булькающим звуком; луна заливала дикую печальную долину сине-рыжеватым светом. Вокруг царили безмолвие и безлюдье.

Как я отважилась такое задумать? В какую безумную авантюру я собиралась ввязаться? Я вспомнила свои предыдущие приключения, воскрешая в памяти пережитые лишения, грозившие мне опасности, минуты, когда я была на волосок от смерти. То же самое и гораздо худшее снова ожидало меня... И чем же все это закончится? Смогу ли я одержать победу, доберусь ли до Лхасы, посмеявшись над теми, кто запрещает доступ в Тибет? Арестуют ли меня по дороге, или же, потерпев окончательный крах, я найду свой конец на дне пропасти, паду под пулей разбойника либо, как лесной зверь, умру от болезни под каким-нибудь деревом или в пещере? Кто мог это знать?..

Я не позволила мрачным мыслям овладеть мной. Что бы ни сулило ожидавшее меня будущее, я ни за что не отступлю.

«Остановитесь здесь! Ни шага дальше!..» — таков странный приказ, который кучка западных политиков, пришедших на смену китайским властям, осмеливалась отдавать сегодня исследователям, ученым, миссионерам, востоковедам всего мира, всем, за исключением своих шпионов, свободно разгуливавших по стране, по-прежнему именуемой «запретной». Какое право имели они окружать заслонами край, который по закону им даже не принадлежал? Многие путешественники, отправившись в Лхасу, были вынуждены повернуть назад и смирились, признав свое поражение, но я приняла вызов.

«Прохода нет!..» — два раза я слышала такие слова¹ и теперь, одна в ночи, в дебрях кустарника, смеялась, вспоминая об этом. «Прохода нет! Неужели? А женщина сможет пройти!

Я была погружена в свои мысли, когда Йонгден неожиданно вышел из зарослей. В призрачном свете луны он напоминал горного духа, явившегося, чтобы поймать меня на слове.

Юноша вкратце сообщил мне следующее. Чтобы обойти стороной переправу в Лондре, нам следовало вернуться по долине назад, перейти реку по двум деревьям, заменяющим мост, и затем вновь спуститься на противоположный берег, добравшись до места, откуда мы узрели подножие Ха-Карпо. Вероятно, мы могли бы не делать большой крюк, если бы пошли прямо по воде, к которой подступали стены нескольких ферм, не оставлявших прохода по берегу, но рядом с этим местом работали крестьяне, и мой разведчик не смог подойти достаточно близко, чтобы измерить глубину реки.

¹ Во времена других путешествий по заповедной земле, которые не смогли завершиться в соответствии с моими планами, но зато позволили мне пройти по чрезвычайно интересным районам и непосредственно изучить положение коренных жителей Восточного Тибета, после того как лхасское правительство установило свою власть на их территории.

Впрочем, какой бы путь мы ни избрали, нам пришлось бы проследовать вдоль последних домов деревни, соседствовавших с большим мостом, который мы должны миновать, чтобы отыскать тропу, ведущую вверх, к дороге паломников. Где именно начиналась эта тропа? Йонгден не мог этого сказать... Он уточнил, что ее извилины видны на склоне горы, но ему не удалось обнаружить начала дороги.

Я была вынуждена довольствоваться этими нечеткими сведениями.

Мы поспешили двинуться в путь: дальнейшее промедление могло все испортить.

Сильно ли моя ноша давила на плечи, больно ли впивались ремни в мое тело? Вероятно, да. Я почувствовала это позже, но тогда все физические ощущения во мне угасли. Я натыкалась на острые камни, раздирала руки и лицо мелкими колючками, но не замечала этого и непреклонно шагала вперед, одержимая волей к победе.

В течение нескольких часов мы блуждали по долине. Убедившись, что пройти по воде невозможно, мы принялись искать мостик. Не раз мы терялись в зарослях кустарников; следы, оставленные животными на берегу реки, которые мой юный спутник заметил днем, были плохо видны в смутном свете луны, подернутой туманной дымкой.

Добравшись до противоположного берега, мы нашли дорогу, зажатую между горой и рекой; хотя идти по ней было легко, многочисленные зигзаги сильно замедляли наш ход. Наконец показался край деревни.

Тогда мы остановились на несколько минут, чтобы смочить горло водой и проглотить по кручинке стрихнина для стимула перед близившимся восхождением. Теперь — вперед!..

Мы подошли к мостику, ведущему в Лондре, по которому уже ступали утром, и, ускорив шаг, миновали его... Последние дома остались позади... второй мост преодолен... Победа! Вот уже опушка леса. Перед нами возвышается пустынная, дикая святая гора; по ней вьется узкая тропа, она выведет нас на другие тропы, а те — на новые

дороги, которые приведут нас в самое сердце Тибета, в таинственный Рим ламаистского мира.

Следуя вдоль стены последней фермы, прилегавшей к реке, мы услышали приглушенный, едва уловимый лай собаки. Одна-единственная собака на всю деревню, а вокруг всю ночь блуждало множество ее воинственных и шумных сородичей. Я вспомнила старые индийские сказки, где описывается ночной побег «сыновей из хорошей семьи»¹, оставивших свой дом, чтобы обрести «высшее Освобождение». В них часто повторяется фраза о божественной помощи, которая облегчила им уход из дома: «Боги усыпили людей и заставили собак умолкнуть». То же самое было у меня, и я мысленно поблагодарила невидимых друзей, покровительствовавших моему выступлению.

В спешке и при слабом свете луны мы не обратили внимания на небольшую осыпь, откуда брала начало дорога, по которой нам следовало идти, и отправились искать ее, поднимаясь вверх по лощине. Вскоре она сильно сузилась, превратившись в гигантскую горную расщелину. Ни одна тропа не могла виться по этим отвесным скалам, и нам пришлось повернуть назад.

Здесь мы потеряли еще по меньшей мере полчаса, находясь в поле зрения Лондре и содрогаясь при мысли, что кто-нибудь невзначай выйдет из комнаты и заметит нас с высоты террасы. Когда мы наконец отыскали дорогу, она оказалась песчаной и настолько крутой, что, несмотря на все усилия, мы могли продвигаться лишь еле-еле, сгибаясь под тяжестью своих нош, и были вынуждены часто останавливаться, чтобы перевести дух. Наше положение было крайне тревожным. Стрелки маленьких часов, которые я прятала под платьем, показывали начало первого ночи, когда мы начали восхождение; нужно было поторопиться, но нам это не удавалось. Чувство, которое я испытывала, можно сравнить с кошмарным сном, когда спящий видит, как его преследуют убийцы, и пытается бежать, но не может двинуться.

¹ В древних индийских текстах это выражение означало преимущественно членов касты кшатриев.

Ночь близилась к концу. Мы дошли до места, где тропа вилась под сенью высоких деревьев с густой листвой, образовавших своеобразный узкий туннель. Родниковая вода сочилась меж замшелых камней и гниющих листьев; от сырой земли повсюду исходил резкий запах плесени. По мере нашего продвижения большие птицы, дремавшие на ветках, резко взлетали с оглушительным шумом.

От жажды у нас пересохло в горле, и мы с Йонгденом решили сделать остановку, чтобы выпить чаю, но мне было неприятно задерживаться в этом месте, хотя здесь мы впервые увидели воду, после того как покинули долину. Возможно, сюда приходили на водопой хищники. Леопарды, и особенно пантеры, водились в этой местности в большом количестве; я не боялась встречи с ними, но и не искала ее. Более всего казалась невыносимой мысль, что мы снова потеряем драгоценное время. Из-за бесконечных извилин петлявшей дороги мы все еще находились в виду Лондре. Конечно, на таком расстоянии невозможно рассмотреть наши лица, но можно было заметить две черные точки, обозначавшие двух странников, бредущих к дороге паломников, а я страстно желала не оставлять никаких, даже малейших признаков своего присутствия. Если бы я была одна, то вынесла бы любую муку, лишь бы не останавливаться ни на миг, и поползла бы на коленях, если бы меня не держали ноги; но крайняя усталость бедного, измученного ламы одержала верх над моей осмотрительностью. Он не сел, а повалился на сырую листву, и я отправилась за хворостом, чтобы развести костер.

Совсем рядом оказался ручеек, и это избавило нас от перспективы пить воду, стоявшую среди мха. Горячий, сдобренный маслом чай очень подкрепил наши силы, но моего спутника от приятной истомы стало клонить ко сну. Я готова была расплакаться от отчаяния. Каждая потерянная минута уменьшала шансы на удачу. Однако я знала по собственному опыту, что в подобных случаях сон действительно необходим и с ним невозможно бороться. Поэтому я дала Йонгдэну поспать. Не прошло и часа, как я разбудила его, и мы снова двинулись в путь.

Безлюдье придало нам смелости, и мы продолжали восхождение, когда солнце было уже высоко. Внезапно мы услышали над своей головой звуки голосов.

И тут нас охватила дикая паника; не обменявшись ни словом, думая только о том, как бы нас не заметили, мы ринулись с тропы в глубь чащи, как испуганная дичь. Пережив эту тревогу, мы уже не решались продолжать свой путь. Дровосеки, пастухи, спускавшиеся в Лондре, либо жители Луцзе-Кьянга, поднимавшиеся к Докарскому перевалу, могли столкнуться с нами на дороге, заметить нечто необычное в нашем облике и рассказать об этом в деревне, которую мы только что миновали, или по ту сторону границы... Лучше было не рисковать.

Найти укрытие оказалось непросто, так как мы находились на крутом склоне уступа, где не было ни пяди ровной земли; нам оставалось лишь выбраться с осыпи и, скрочившись, присесть под деревьями на более твердой почве. В этом неудобном положении, стараясь почти не двигаться из страха скатиться с откоса вниз, мы провели первый благословенный день нашего удивительного путешествия.

Однообразное течение времени прерывалось звуками, отвлекавшими нас от дум, без которых я бы охотно обошлась. Сначала мы долго слушали крики невидимых пастухов, которые вели свои стада, также скрытые от наших глаз, вверх по склону горы. Затем появился дровосек; он напевал приятный мотив, громоздя срубленные стволы деревьев один на другой и, конечно, не подозревая о том, что его присутствие пугает бедную ученую иностранку. По всей вероятности, листва полностью закрывала нас, и наши одеяния красноватого цвета сливались с осенними красками. Однако опасение, что этот человек либо пастух, расхаживавшие наверху, нас видели, внушило мне как нельзя более мрачные мысли. Я уже готова была вообразить, что меня подстерегает новая неудача и я напрасно явилась сюда из далекого Туркестана, пройдя через весь Китай.

Вскоре после захода солнца мы начали ночной переход.

Преодолев последний подъем, еще более крутой, чем предыдущие, мы вышли к небольшому *шёртену*¹, стоявшему на разилке, где наша тропа соединялась с дорогой паломников — довольно хорошей дорогой, по которой гоняют мулов. Идти по ней было легко и приятно. Большая удача, что мы добрались сюда, никого не встретив, и если бы эта удача и дальше нам сопутствовала, позволив преодолеть Докарский перевал или добраться до берегов Меконга при столь же благоприятных обстоятельствах, я могла бы считать, что успех почти обеспечен.

Страдая от жажды еще сильнее, чем накануне — так как не пили уже около суток, — мы наконец оказались перед широким потоком, катившим свои бурные, белые от пен воды по усеянному камнями руслу, зажатому между крутых берегов.

Йонгден, повинувшись желанию освежиться, решил немедленно спуститься к реке. Я попыталась его отговорить. В темноте нельзя было разглядеть камней, частично прятавшихся под сухой листвой; споткнуться об один из них означало неминуемо соскользнуть в поток и оказаться во власти его стремительного течения. Но юноша упорствовал. Вода так редко встречается в этих краях, убеждал он, нужно воспользоваться случаем и утолить жажду, иначе нам, быть может, еще долго придется страдать.

Его довод был не лишен оснований, но я предпочитала мучительную жажду риску утонуть и посему строго приказала своему приемному сыну, чтобы он отказался от этой мысли и немедленно перешел через небольшой мост, возникший перед нами.

Перебравшись через него, мы обнаружили, что другой берег менее обрывист. Здесь виднелись следы дороги, по которой легко было спуститься вниз; в стороне от нее валились почерневшие камни, засыпанные золой, — признак того, что паломники иногда останавливаются в этом месте, чтобы перекусить.

¹ Ш ё р т е н — один из тибетских памятников, соответствующих индийским ступам, где хранятся предметы религиозного культа или прах великих лам.

Хотя время было дорого, я решила остановиться и выпить чаю, как вдруг нас окликнул голос из темноты. Мы остолбенели от ужаса. Кто-то был рядом, а мы с Йонгденом, споря, говорили по-английски, и даже очень громко. Слышал ли нас незримый незнакомец? Понял ли он по странным звукам неведомого ему, не китайского и не тибетского, языка, что по лесу бродят чужаки?

По его словам нельзя было это понять. Он предложил нам горячие угли, чтобы разжечь костер, и чашку горячего чая, пока наш не вскипел. То был обычный знак вежливости, которую тибетские странники проявляют ко всяко-му, кто проходит мимо места их стоянки.

Растерявшись, мы ничего не ответили. Другой голос осведомился:

— Кто вы такие? Почему разгуливаете ночью?

Мы по-прежнему никого не видели, но голоса доносились из огромного дерева. Я поняла, что, по-видимому, в дереве было большое дупло, которое этой ночью стало приютом для странников.

— Мы — паломники, — отвечал Йонгден, — *докна* из Амдо, и не выносим здешней жары; когда мы выходим на солнце, у нас начинается жар. Поэтому мы дожидаемся ночной прохлады, чтобы закончить обход святой горы.

Это объяснение нашего странного поведения звучало вполне убедительно. Любопытный путник умолк, удовлетворенный ответом, но лама продолжил разговор:

— А вы кто такие?

— Мы тоже паломники.

— Ну, прощайте! — сказала я в свою очередь, чтобы закончить беседу. — Мы пройдем еще немного и сделаем остановку, когда снова увидим воду. Спасибо за чай, мы не хотим пить.

Это не было ложью. От пережитого волнения мы позабыли о жжении в пересохшем горле и думали только о том, как бы поскорее удалиться от своих собеседников, которых нам не удалось разглядеть.

Так закончилась наша первая встреча на пути в Лхасу. Мы радовались, что она не произошла раньше, когда мы еще находились на дороге из Лондри.

Сколько бы незначительным ни было это происшествие, оно послужило нам полезным уроком. Мы поняли, что даже ночные переходы не обеспечивают нам полной безопасности и мы должны всегда быть готовы объяснить причину любого из наших поступков так, чтобы не возникло никаких подозрений. Поэтому отныне мы говорили только на тибетском языке.

Мы шли уже несколько часов, так и не встретив ни одного ручейка, ужасно устали и шагали машинально, в сонном состоянии. В конце концов наши ноги отказались повиноваться. Усталость, голод, жажда и потребность в сне одержали верх. Следовало сделать привал.

Место, где мы находились, отнюдь не подходило для стоянки. Тропа здесь была чрезвычайно узкой и вилась вдоль бездны. Мы растянулись на земле, усеянной острыми камнями, стараясь сквозь дремоту не забывать о том, что лежим на краю пропасти.

Еще не рассвело, когда мы с Йонгденом взвали на спины свои котомки, заменившие нам подушки, и продол-

жили путь через лес, ускорив шаг, насколько это было возможно, стремясь отыскать ручей до того, как придется укрыться в чаще на целый день.

Вскоре у нас начались своего рода гонки с солнцем:казалось, что оно спешило взойти над вершинами гор,преграждавших путь его лучам, а мы старались опередить светило, стремясь преодолеть как можно более значительное расстояние до того, как его свет станет слишком ярким. Божеству суждено было одержать победу. Оно появилось над одной из вершин, скрытой от наших глаз листвой больших деревьев, под сенью которых мы шагали, и вскоре, поднимаясь ввысь, озарило и согрело лесную чащу. Давно было пора уйти с дороги. Люди, с которыми мы говорили ночью, могли нас догнать; тогда неизбежно завязалась бы долгая беседа, посыпались бы бесконечные вопросы и, что хуже всего, нас увидели бы при свете дня.

За дочё¹, окруженным флагами с мистическими надписями, простиралось какое-то небольшое плоскогорье. Мы пробрались туда сквозь кусты и оказались полностью укрытыми от взглядов тех, кто будет идти по дороге паломников. Мы нашли надежное укрытие. Но у нас по-прежнему не было воды. Устремив взгляд вниз, в незримую глубь долины, я заметила голубоватый дым, клубившийся между деревьями; когда я прислушалась, до меня донеслось отдаленное журчание бегущей воды. Видимо, путники или дровосеки устроили там утреннюю трапезу. Мысль о людях, которые ели и пили, усугубила страдание наших пустых желудков; Йонгден, не выдержав, решил рискнуть, взял котелок и вышел на дорогу, направляясь за водой.

Оставшись в одиночестве, я спрятала наши котомки под ветками, растянулась среди опавших листьев и усыпала ими свою одежду. Я так хорошо замаскировалась, что любой странник, бредущий по лесу, прошел бы мимо

¹ Дочё — пирамида из камней, сложенных на дороге или в любом другом месте в честь богов. «Дочё» означает «приношение из камней».

двух шагах, не заметив меня. Даже Йонгден с трудом отыскал меня, когда вернулся с водой.

Мы с моим спутником отправились в путь в китайских платьях, которые носили во время путешествия по Китаю. Эта одежда не привлекала к нам внимания. Даже если бы меня увидел кто-то, с кем я уже встречалась или кто так или иначе распознал во мне иностранку, мой наряд не вызвал бы подозрений относительно наших планов. Большинство иностранцев, обитающих в отдаленных районах Китая, заимствовали свой костюм у здешних жителей.

Добравшись до этого места, мы могли с полным правом полагать, что отныне на нашем пути будут встречаться только совершенно незнакомые люди: тибетские паломники. Следовательно, лучше было затеряться в их толпе в качестве заурядных *арджона*.

Арджона называют паломников, в большинстве своем монахов, странствующих пешком с поклажей; эти люди тысячами бродят по Тибету, посещая места, которые издавна по какой-либо причине почитаются как святыни.

Среди них можно видеть некоторое количество подлинных бедняков и даже профессиональных нищих, маскирующихся под паломников, чтобы заполучить более щедрые дары; однако у большинства *арджона* есть дом в родных краях и средства к существованию; тем не менее их доходы слишком незначительны, и они не могут позволить себе такую роскошь, как животные для верховой езды.

Я решила переодеться *арджона*, так как в этом обличье, как ни в одном другом, можно было передвигаться, не привлекая к себе внимания. Йонгден — подлинный и образованный лама — должен был превосходно сыграть свою роль, а его престарелая мать (то есть я), которая предприняла не одно долгое паломничество по причине своего благочестия, не могла не показаться приятной особой и не вызвать к себе сочувствие.

Эти соображения определили мой выбор. Признаться, меня бесконечно привлекала полная свобода *арджона*, которые не обременены заботами, связанными со слугами, лошадьми, багажом, и спят каждую ночь, где им вздумается, на свежем воздухе.

Теперь, когда десятимесячный опыт¹ позволил мне оценить и радости, и лишения, и тяготы этой красочной жизни, я полагаю, что более восхитительную жизнь невозможно себе представить, и считаю самыми счастливыми днями то время, когда я брела по горам и долинам чудесной Страны Снегов с нищенской сумой за спиной.

После обильной трапезы, состоявшей из *тсампа*, сущеного мяса и чая с маслом, мы опять натянули тибетские одеяния. Я отнюдь не могу сказать, что мы замаскировались: Йонгден вновь облачился в платье ламы, которое носил со времен юности; я же в течение многих лет одевалась на тибетский лад. Единственное новшество заключалось в нарочитом убожестве наших костюмов.

Некоторые затруднения возникли с головным убором. Покидая Амдо, я не захватила с собой тибетской шляпы, рассчитывая купить ее в Атунцзе, но обстоятельства вынудили меня следовать иным маршрутом, и на пути не оказалось ни единой лавки, торговавшей этим товаром.

Пока что старый красный кушак заменял мне головной убор. Я обмотала им голову, и он отдаленно смахивал на чалму женщин Луззе-Кьянга. Красный цвет пояса, вместо традиционного голубого, не должен был вызвать нареканий, ибо эта замена была оправдана моим положением — я выдавала себя за вдову некоего *нагспа*.

Сапоги с немного загнутыми носками, купленные в Кхаме, а также ткань моего платья, изготовленная в этой провинции, соответствовали местности, из которой мы пришли, и служили мне свидетельством о гражданстве.

Несколько годами раньше я обрезала волосы. Решив отправиться в путь в светском платье, я стала отращивать волосы, но они были гораздо короче традиционных косичек, которые следует носить по тибетскому обычью. Многие жительницы Тибета сталкиваются с той же проблемой, и они преподали мне урок. Волосы яка, припасенные для этой цели, дополнили мою прическу, и чтобы ее

¹ Восемь месяцев моего последнего путешествия в Лхасу и два месяца другого путешествия по Восточному Тибету.

коричневый цвет гармонировал с черной как смоль три-вой, я натерла свою шевелюру палочкой китайской туши, слегка смоченной в воде.

Массивные серьги очень сильно изменили мой облик. В довершение всего я напудрила лицо¹ смесью из толченых углей и какао. Признаю, что это странный состав, но театральные поставщики, у которых я могла бы раздобыть более изысканный грим, еще не открыли филиалов в тибетских лесах.

Мы снова двинулись в путь, спрятав в зарослях кустарника различные детали отслуживших свое китайских костюмов.

На следующее утро нам удалось отыскать для отдыха после ночного перехода лишь сырое место, находившееся почти на одном уровне с маленькой речушкой. Мы съели немного *тсампа* и масла, но, будучи слишком близко от дороги, не решились развести костер и пили холодную воду с неприятным привкусом плесени.

Покончив со скучной трапезой, я погрузилась в глубокий сон. Первое, что я увидела, когда проснулась, был мужчина, одетый по-тибетски, в мягкой фетровой шляпе иностранного производства, какие носят солдаты лхасской армии за пределами столицы.

Мгновенно рой мыслей закружился в моем уме, еще скованном сном. «Тибетский солдат!.. Неужели его послали с этой стороны границы, чтобы следить за нами?.. Неужели тибетские власти были осведомлены о том, что мы направляемся к Докарскому перевалу?..» Я должна была любой ценой сбить его с толку, убедить, если это еще возможно, что я — коренная жительница Тибета. И я не придумала ничего лучше, как высыпаться для вида, утирая нос рукой. Это движение вывело меня из состояния дремоты, в котором я находилась. Солдат исчез: стоящий напротив утес и несколько веток ввели меня в заблуждение.

¹ Это было связано с тем, что в тех краях, куда я направлялась, у женщин смуглый цвет лица, как у цыганок, а в провинциях Ю и Цзанг встречается немало красавиц с белой кожей и розовыми щеками.

Странная галлюцинация, над которой можно было тут же посмеяться, слишком меня напугала, и мне было не до смеха; хуже того — я дрожала характерным образом, что свидетельствовало о последствиях нашего длительного пребывания в этом гиблом месте: у меня начался приступ лихорадки.

Я взглянула на часы: они показывали три. Было еще довольно рано пускаться в путь, но ущербная луна восходила лишь около полуночи, и за то короткое время, что она была на небе, мы не успевали совершить длительный переход. Стало невозможно путешествовать только ночью, как мы договорились, ибо это задержало бы нас поблизости от границы и сулило немало опасностей.

Поздним вечером мы добрались до места необычайной красоты — перед нами лежала просторная поляна, окруженная стеной кустарника. Несколько великолепных деревьев, как гигантские колонны, вздымали ввысь свои громадные стволы с раскидистыми кронами. Под сенью густой листвы царил непроглядный мрак, навевавший чувство священного ужаса. Казалось, что мы находимся в храме, где торжественно совершаются грозные оккультные обряды.

Множество *ми дёсса*¹, видневшихся там и сям, указывали на то, что немало паломников облюбовали это место для отдыха.

Некоторые из набожных странников до того разнежились, что разложили еловые ветки вокруг примитивных очагов, устроив себе подстилку. Эти большие круглые пятна, темная зелень которых выделялась на почерневшем золоте опавших листьев, казались кусками бархата, разбросанными по земле, и усугубляли первоначальное ощущение, что вы находитесь в некоем таинственном святилище, жрецы которого собираются здесь для мистических богослужений, занимая помеченные места.

¹ *Ми дёсса* — букв.: «место, где пребывают люди»; груда камней, поддерживающих котелок на огне; они встречаются по обочинам людных дорог, где обычно путники делают привал.

Кругом валялись огромные поленья и разрубленные стволы деревьев; мы лишь притащили часть этих дров к одному из облюбованных нами *ми дёсса* и скоро уже грелись у огромного костра.

Невидимые животные бродили в мрачных дебрях; до нас доносился треск сучьев, которые они ломали, пробираясь сквозь кусты. Порой их шаги замирали совсем рядом с нами. Кто-то из четвероногих, гуляя, вероятно, следил за нашими движениями, но мы не могли ничего разглядеть во мраке, обступавшем поляну и окутывавшем ее края.

Поспав несколько часов, мы попытались двинуться в путь до зари, но свет ущербной луны не пробивался сквозь густую листву, и было невозможно отыскать дорогу в лесу; поэтому нам пришлось вернуться на место стоянки и дождаться рассвета.

По мере того как мы поднимались на святую гору, характер леса менялся: лес становился гораздо более темным и суровым, чем в окрестностях Лондре. Любопытные явления сопутствовали нашим ночных переходам; казалось, что мы вступили в чертоги некоего волшебника. Нашему взору открывались странные миражи, порожденные игрой облаков, лунным светом и лихорадкой, вызванной усталостью либо более загадочными причинами. Мы видели, как под высокими деревьями пляшут языки неведомых костров, таящихся в расщелинах гор; в их свете вырисовывались движущиеся тени; туманные и очень далекие мелодии звучали в воздухе. Как-то раз, шагая впереди, я узрела два человеческих силуэта, направлявшихся в мою сторону. Вернувшись назад почти ползком, чтобы меня не заметили, я присоединилась к Йонгдену и увела его к руслу потока, зажатого между высокими берегами. Мы отсиживались там до конца ночи, прячась среди камней и опавших листьев, и смотрели на блики мимолетных вспышек незримого огня на далекой скале.

Незадолго до восхода солнца, в час, когда тибетцы обычно отправляются в путь, мы с Йонгденом внимательно прислушались, силясь уловить звуки человеческих го-

лосов или топот животных, но ничто не нарушало безмолвия леса. Это меня крайне заинтересовало, и, решив удовлетворить свое любопытство, я свернула с дороги, чтобы исследовать окрестности скалы. Я увидела, что она окружена зарослями колючек и сухими деревьями. Во всей окружности не было места, пригодного для стоянки. На самом же утесе еще в незапамятные времена были высечены изображение Падмасамбхавы и несколько мистических выражений наподобие тех, что встречаются во многих местах Тибета. Они почти полностью заросли мхом, а остатки надписей были наполовину стерты временем. Мы не обнаружили никакого следа огня, обгоревших дров и золы.

Я заметила узкую длинную расщелину между скалой и землей, где камень как будто почернел от дыма, но я склонялась к мысли, что это его естественная окраска. Тем не менее, чтобы выяснить истину, мы с Йонгденом больше часа искали повсюду некий ход, сообщающийся с пещерой или гротом под скалой, но лишь зря потратили время и ничего не нашли.

В то время как мы были поглощены этим занятием, несколько черных птиц восседали на ветвях близлежащих деревьев и, казалось, следили за нами с насмешливым любопытством, качая маленькими головками и издавая негромкие крики.

Неприятный шум, который они производили, рассердил Йонгдена.

— Эти черные бестии, — сказал он, — кажутся мне не-настоящими. Те же хитрые *ми ма йин*¹, которые манят нас огнями и по ночам играют мелодии, чтобы задержать нас, теперь, должно быть, превратились в птиц и наверняка замышляют какую-нибудь новую проделку.

Выдумка Йонгдена заставила меня улыбнуться. Но мой спутник и не думал шутить. Он был правнуком ламы-чародея, некогда пользовавшегося довольно широкой известностью, и в Йонгдене взыграла кровь его предка-чудотвор-

¹ М и а и н — букв. « тот, кто не является человеком ». Одна из шести разновидностей духов, различаемых в Тибете.

ца. Он произнес *дзунг*¹, сопровождая свои слова соответствующими ритуальными жестами, и, как ни странно, все птицы тотчас же улетели с пронзительными криками, словно объятыми страхом.

— Вот так! Вы видели! — торжествовал он. — Я был в этом уверен. Пошли! Не стоит здесь задерживаться.

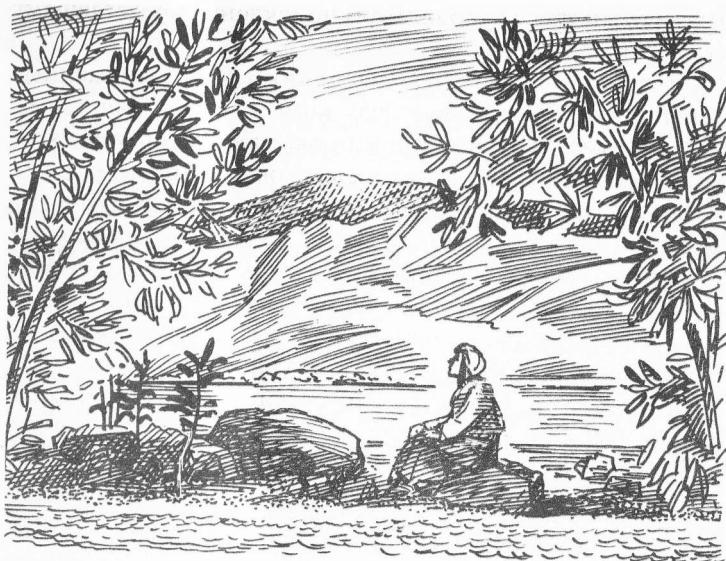
Я снова улыбнулась, но следовало поторопиться — мне нечего было возвратить юноше: мы надеялись той же ночью перейти границу запретной страны.

Ранним утром в долине, поседевшей от инея, мы сделали привал, чтобы перекусить. По мере приближения к перевалу местность становилась все более дикой; теперь слева от нас возвышался каменистый холм причудливой конфигурации, на вершине которого, казалось, стояли настоящие феодальные замки. Окна, ворота, башенки и балконы — все как положено. Сначала я подумала, что здесь был возведен монастырь для лам, предающихся созерцанию, но вскоре я поняла, что единственным архитектором и строителем этих величественных и в то же время изящных зданий была природа.

Я горько сожалела о том, что из-за близости к границе и предельной осторожности, которую следовало соблюдать, чтобы меня не заметили, нельзя было расположиться в этом месте. Мне хотелось найти способ подняться на досуге к волшебным дворцам. Основательно зная Тибет с его обычаями, я могла по праву задаваться вопросом, не облюбовал ли этот холм какой-нибудь отшельник.

Продолжая восхождение к гребню, который, видимо, являлся вершиной перевала, мы обнаружили несколько родников; кристально чистая вода струилась отовсюду, сбегая вниз уступами по небольшим естественным террасам. Летом в этих краях пасутся стада — о чем свидетельствовали следы стойбищ, но в данное время года они были абсолютно пустынными.

¹ Д з у н г — волшебное заклинание (санскр.: «дхарани»).

Наше заблуждение относительно близости Докар-ла¹ длилось недолго. Добравшись до места, откуда нам предстояло начать спуск по обратной стороне склона, мы обнаружили обширную голую долину, поднимавшуюся к далеким крутым косогорам, лишенным всякой растительности. Мы сочли неразумным показываться днем на открытой местности, где нас могли заметить и без труда рассмотреть с любой из окрестных вершин, и поэтому снова были вынуждены терять драгоценное время.

К счастью, нагромождение гигантских камней, в результате давнего обвала, оказалось совсем рядом, и нам удалось найти здесь укрытие. Несмотря на значительную высоту, несколько маленьких елочек росли среди груды глыб; мы расположились под сенью их ветвей.

Из нашего укрытия все еще можно было разглядеть кромку природных замков, приводивших меня в восхищение, но теперь я возвышалась над скалистым хребтом, на краю которого они находились, и понимала, что на его

¹ Л а -- перевал.

вершину нетрудно подняться по склону, представшему моему взору.

Я провела много лет у подножия вечно заснеженных гор и в травянистых пустошах края больших озер, живя причудливой, удивительной жизнью тибетских схимников; мне знакомо присущее этим местам очарование, и все, что имеет к ним отношение, немедленно возбуждает у меня любопытство. В то время как мой взгляд был прикован к замкам на скале, во мне постепенно крепло подсознательное убеждение, что там кто-то обитает. До меня долетела таинственная весть, и завязался безмолвный разговор, участники которого оставались скрытыми друг от друга... Но, в конце концов, не все ли равно, живет или нет на этой горе существо, подобное мне?! Голос, тот, что я мысленно слышала, был отзвуком идей тысячелетней давности, к которым беспрестанно возвращаются восточные мыслители; очевидно, они избрали горные вершины Тибета в качестве одного из своих оплотов.

Мы снова двинулись в путь в середине второй половины дня, полагая, что никто не встретится нам в такой час. Обычно тибетцы стараются преодолеть высокогорные перевалы не позднее полудня, дабы обеспечить себе достаточный запас времени, спуститься как можно ниже по обратной стороне склона и уберечь себя от жуткого ночных холода, когда нечем разжечь костер.

Мы были необычными путешественниками, и зачастую нам приходилось нарушать традиционные правила, предписанные благородствием; наш кодекс сводился к одному-единственному пункту: стараться не попадаться никому на глаза. Во всем остальном мы полагались на свое крепкое здоровье и силу воли.

Во время мимолетной остановки перед последним восхождением мы заметили человека, который только что добрался до верхней долины и присел неподалеку от места, где мы провели часть дня. Отправившись дальше, мы потеряли его из вида.

Я сразу же замечу, что этот путешественник должен был догнать нас в тот же вечер либо по крайней мере на следующий день, ибо среди этих крутых откосов не было

другой тропы, за исключением дороги паломников, и, кроме того, разные обстоятельства сильно задерживали нас в пути; однако мы больше его не видели. Через день нас настигли какие-то странники; в ответ на мои расспросы они заверили меня, что никого не встретили. Этот факт отчасти подтвердил мою догадку об отшельнике, обитавшем в округе. Человек с лошадью был, вероятно, его *джинда*¹ либо посланец, привозивший отшельнику еду. Отдохнув несколько минут, он свернулся с дороги, добрался до скита и, возможно, провел там несколько дней подле ламы.

Впрочем, не было ничего удивительного в том, что красота и величие этого уединенного уголка побудили схимника здесь поселиться. Тибетские мистики сооружают свои жилища в куда более затерянных местах.

Теперь Докар-ла² возвышался перед нами; его величественный силуэт вырисовывался на фоне серого закатного неба. В гигантской стене просматривалась небольшая впадина, острый гребень которой прогибался подобно веревочным мостам, натянутым через реку. Суровый облик Докар-ла представлялся нам еще более строгим из-за того, что являл собой порог запретной зоны.

Участок земли, примыкающий к перевалу, посвящен божествам. Тибетские паломники воздвигли здесь множество крошечных алтарей, сложенных из трех вертикально стоящих камней и поперечного камня, образующего крышу, под которую кладутся всяческие мелкие приношения духам.

На самом перевале и окрестных гребнях развеивается чрезвычайно большое количество флагов с мистическими надписями. Слабый дневной свет, быстро переходящий в сумерки, придает им облик неких воинственных и грозных существ. Также можно подумать, что это солдаты, взобравшиеся на вершины и загородившие границу; они как будто

¹ Д ж и н д а — «тот, кто обеспечивает монаха всем необходимым».

² Согласно английским картам, высота перевала Докар равняется 5412 м. В качестве сравнения я напомню высоту Монблана: 4810 м.

готовы броситься на любого дерзкого путника, который осмелился вступить на путь к священному городу.

Когда мы добрались до пирамиды из камней, обознавшей вершину, резкий ветер принял нас в свои объятья, одарив жгучим ледяным поцелуем сурового края, давно околдовавшего меня своими грубыми чарами, — края, куда я вернулась.

Повернувшись поочередно к четырем сторонам света, я повторила слова буддийского пожелания: «Да будут счастливы все живые существа!» — а затем мы стали спускаться вниз.

И тут на гору обрушилась буря; повсюду клубились черные тучи, и вскоре они низвергли на землю лавину мокрого снега. Мы ускорили шаг, насколько это было возможно, стремясь добраться до подножия почти отвесного склона, на котором мы находились, пока окончательно не стемнело.

Но вскоре нас обступил мрак, сгустившийся раньше времени из-за непогоды, и мы потеряли козью тропу, змевшуюся по обвалам и оползням среди камней, катившихся вниз из-под наших ног. Спуск был настолько крутой, что мы никак не могли сбить скорость. Наконец нам с Йонгденом удалось остановиться, вонзив свои окованные железом посохи глубоко в землю, чтобы обрести дополнительную точку опоры; держась друг за друга для большей уверенности, не снимая котомок, мы присели, съежившись под снегопадом.

Снег шел приблизительно с восьми часов вечера до двух часов ночи. Затем печальный месяц показался среди облаков, и мы продолжили спуск к лесной зоне.

Когда мы отдыхали на краю большого пространства, где на месте деревьев, уничтоженных пожаром, находились заросли травы и карликовый лес, я заметила двух животных с длинными телами, глаза которых фосфоресцировали в темноте. Они несколько раз переходили через тропу, значительно ниже нас, и в конце концов скрылись по направлению к реке.

Я указала на них Йонгдену, и он стал убеждать меня, что это лани, хотя форма их тел и характерный блеск глаз,

напротив, явно свидетельствовали о том, что перед нами хищные звери.

Я выждала некоторое время, чтобы избежать нежелательной встречи, а затем мы снова двинулись в путь.

Изнемогая от усталости, мы вышли на берег довольно широкого потока. Неизвестно, скоро ли нам снова встретится вода: наша тропа поднималась по склону горы, в то время как река струилась в сторону ущелья. Поэтому, надеясь, что замеченные нами животные, если они еще бродят неподалеку, нас не потревожат, мы развели костер, чтобы вскипятить воду для чая.

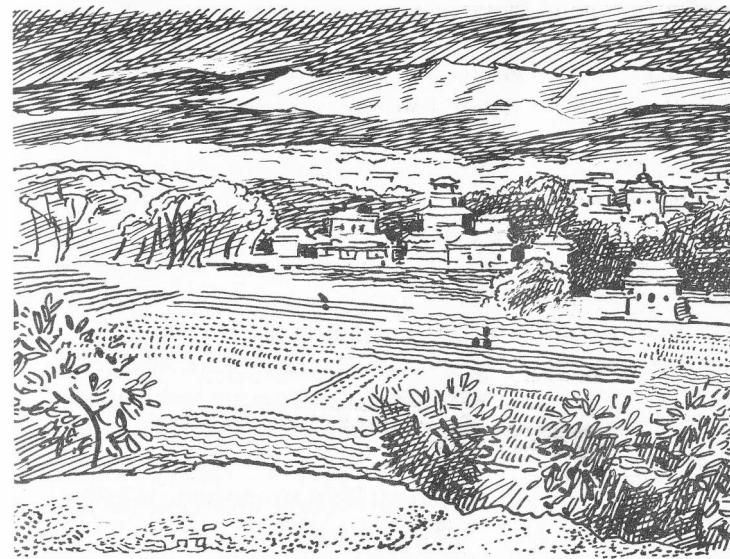
Во время нашей легкой трапезы послышался шум в кустах, но мы уже начали привыкать к диким зверям, разгуливавшим вокруг нас во время стоянок, и Йонгден уснул, не придав этому никакого значения. Я старалась не спать, но не удержалась: мои глаза слипались, невзирая на все усилия. Я пребывала в полудремотном состоянии, когда меня разбудили звуки приглушенного сопения. В нескольких шагах от меня стоял один из зверей с фосфоресцирующими глазами; он смотрел на нас, вытянув шею и втягивая носом воздух; теперь я могла отчетливо разглядеть его пеструю окраску. Животное было небольшого роста, то ли молодой леопард, то ли пантера, как мне показалось.

Я не стала будить Йонгдена, так как уже не впервые встречала подобных животных; они редко нападают на человека — разве что если их раздразнить или ранить, — и в душе я всегда была уверена, что они не тронут ни меня, ни моих спутников.

— Дружок, — прошептала я, глядя на грациозного зверя, — я видела совсем рядом владельца джунглей, куда более грозного, чем ты; иди спать и будь счастлив.

Я сомневалась, что «дружок» меня понял. Однако через несколько минут, видимо удовлетворив свое любопытство, он побрел дальше.

Мы не могли себе позволить более долгий отдых. Уже светало, пора было последовать примеру нашего ночных гостей и поискать укрытие в чаще. Я окликнула ламу, и мы продолжили путь. Не успели мы сделать несколько шагов,

как Йонгден взмахнул своей палкой, указывая на что-то под деревьями.

— Вот они! — воскликнул он.

Парочка «дружков» с пятнистыми шкурами были тут как тут. С минуту они пристально смотрели на нас, повернув головы в нашу сторону, а затем скрылись в зарослях у реки, пока мы поднимались по тропе.

По мере нашего продвижения характер леса снова изменился. Теперь лес стал не таким густым; восходящее солнце озаряло подлесок, и мы уже видели сквозь просветы в листве противоположный берег реки, находившейся под нами. Каково же было наше изумление, когда мы заметили возделанные поля, обработанные причудливым образом и придававшие берегу вид дворянского парка, а не заурядной нивы.

Утро было чудесным и прогулка столь приятной, что мы продолжали идти, несмотря на то что час, когда мы обычно укрывались в лесу, давно миновал.

Внезапно река, над которой проходил наш маршрут, сделала крутой изгиб, и мы оказались перед селением, рас-

кинувшимся на склоне горы. Несколько обособленных домов виднелись также совсем рядом на краю дороги.

Что это за деревня? Она не была обозначена ни на одной карте, и местные жители, у которых я спрашивалась обиняком об этом крае, даже не упоминали о ней. Ее постройки отнюдь не походили на крестьянские дома. Вместо усадьб и хижин мы увидели особняки и миниатюрные дворцы, утопавшие в садах; будучи незначительного размера, эти здания тем не менее поражали своим величественным видом.

Странное селение было омыто бледной позолотой восходящего солнца. Оттуда не доносились ни человеческие голоса, ни крики животных, но время от времени до нас долетали едва уловимые серебристые звуки колокольного звона.

Мы застыли в изумлении. Куда мы попали: в Тибет или в страну добрых фей?..

Однако нам пришлось стряхнуть с себя оцепенение.

Того и гляди могли появиться люди. Мы ни в коем случае не должны были показываться им на глаза так близко от приграничных постов. Ради предосторожности следовало отложить осмотр этого удивительного места до вечера.

Было непросто свернуть с тропы, вьющейся по склону горы. Мы оказались зажатыми между почти отвесной скалой и пропастью и с трудом вскарабкались на кручу по утесам и поваленным деревьям. Как только дорога скрылась из вида, я рухнула на густой мох, росший между камнями, и забылась горячечным сном, слегка напоминавшим бред.

Сгорая от нетерпения вновь увидеть сказочное селение, но не решаясь проходить через населенный пункт даже ночью и стремясь отыскать дорогу, которая позволит обойти это опасное место стороной, мы вернулись на тропу до захода солнца.

Куда же подевались изящные особняки, величественные маленькие дворцы и столь красиво вырисовывавшиеся сады?.. Перед нами простирался сумрачный голый лес, и вместо мелодичного перезвона серебряных колокольчиков слышался лишь рев ветра и шелест листвы.

— Это было во сне, — сказала я Йонгдену. — Мы ничего не видели утром; вся эта фантасмагория пригрезилась нам, когда мы спали.

— Во сне! Вы говорите, что мы видели сон! — воскликнул лама. — Я покажу, как мы спали и видели во сне одно и то же. Сегодня утром, когда вы смотрели на чудесный город, я начертил на камне *сунгпо*¹ железным наконечником посоха, чтобы ни божества, ни демоны не смогли нас задержать на пути в Лхасу. Я сейчас найду этот знак.

Некоторое время он озирался в поисках нужного места. Затем, глядя на плоский камень, лежавший у подножия большой ели, торжествующе вскричал:

— Вот он, смотрите!

В самом деле, *сунгпо*, нацарапанный железным наконечником, выделялся на фоне камня. Рисунок заставил меня замолчать. Я не знала, как это объяснить.

— Сын мой, — сказала я Йонгдену, направляясь дальше, — этот мир — не более чем сон и, следовательно...

— Да, я это знаю, — оборвал меня мой спутник, — и все же *сунгпо* и *нгагс*², которые я произносил, развеяли мираж... Без сомнения, его создали духи, которые хотят задержать нас в пути либо помешать успешному завершению нашего странствия.

— Как черные птицы, не так ли? — пошутила я. — И молодые леопарды, видимо, тоже?

— Конечно, как птицы, — подтвердил вконец раздосадованный Йонгден. — Что касается леопардов, понятия не имею! Они казались порядочными животными. Как бы то ни было, скоро мы выйдем из лесов Ха-Карпо и увидим перед собой настоящие деревни вместо призрачных замков, а также людей из плоти и крови: солдат, чиновников и прочих вместо *ми ма* *йин*. Только посмотрим, сможем ли мы провести их так же ловко, как я провел посланцев других миров.

— Не волнуйтесь по этому поводу, — ответила я с серьезным видом, — я возьму это на себя.

¹ Сунгпо — магический знак.

² Нгагс — волшебные слова.

— Как же вы это сделаете? — спросил юноша.

— Я заколдую их и заставлю видеть миражи, точно так же, как поступили с нами *ми ма* *йин*.

Действительно, несколько дней спустя все произошло именно таким образом.

Чудо, позволившее нам целую неделю следовать по дороге, облюбованной многочисленными паломниками, и не встретить ни одной живой души в дневные часы, а также не наткнуться на место чьей-либо стоянки во времяочных переходов, не могло продолжаться бесконечно. Добравшись до одного из второстепенных перевалов, пересеченного дорогой, спускавшейся к Абену, мы неожиданно услышали позади звон колокольчиков: нас догоняла группа паломников, мужчин и женщин, с двумя лошадьми, нагруженными вещами. Мы вежливо перекинулись с ними несколькими фразами и с благоговением обошли вокруг *латза*¹, пестревшего флагами с мистическими надписями и заклинаниями. Паломники, не обремененные тяжелыми ношами, спустились вниз быстрее нас, и когда мы оказались в небольшой красивой долине, где струились навстречу друг другу ручейки с кристально чистой водой, то увидели, что паломники уже сидят, распивая чай. Пришла пора сделать первый шаг на избранном поприще. Нельзя было нарушить тибетский обычай и не остановиться в этом месте для трапезы, ибо настало время *тсанога*².

Я собиралась отправиться за хворостом для костра, но тут добрые паломники, из почтения к ламе, пригласили нас на чай. Я радовалась возможности спокойно посидеть, наслаждаясь поистине грандиозным пейзажем.

Один из гигантских белоснежных ослепительных пиков Ха-Карпо возвышался, вонзаясь вершиной в ясное тибетское небо, а его окружали многочисленные, поросшие

¹ *Латза* — пирамида из камней, сложенная на вершине в честь местных божеств. Путники, поднявшиеся на гору, добавляют к ней еще один камень с криком: «Лха жъяло! Де тамче нам!» (Боги побеждают! Демоны терпят поражение!)

² *Тсаног* — привал во время пути в середине дня.

лесами горные хребты, громоздившиеся друг на друга уступами. Рядом с этим великаном наша группа, копошившаяся на траве, казалась собирающим крошечных насекомых. Из этого разительного контраста можно было извлечь полезный урок смирения, а также, вероятно, немало других уроков, но славные паломники об этом не помышляли. Они сидели спиной к великолепной обители богов, почтить которую пришли из столь далеких краев, и были всецело поглощены едой.

Я же пришла в исступление от восторга, совершенно позабыв о том, что мое поведение может показаться странным. В конце концов паломники и вправду обратили на это внимание и спросили, почему я ничего не ем.

— Мать пребывает с богами, — ответил Йонгден и поставил передо мной чашку горячего чая, чтобы вернуть меня в мир простых смертных.

Одна из странниц не поняла смысла этого ответа и снова стала расспрашивать обо мне ламу.

— Ваша мать — *памо*¹? — осведомилась она. Я испугалась на миг, что мой спутник не сможет удержаться от смеха, услышав столь нелепое предположение, но он серьезно ответил:

— Мой покойный отец был *нагспа*², и он посвятил ее в *санг юм*³.

Все посмотрели на меня с уважением, и предводитель отряда богомольцев преподнес мне кусок сущеного мяса. До этого нам предлагали лишь *тсампа*, но моя новая испоспасть показалась доверчивым тибетцам достойной более вкусного угощения. *Нагспа* внушают всем сильный страх

¹ *Памо* — женщина-медиум, которая, как считается, в некоторые моменты одержима богами, демонами или душами умерших, говорящими ее устами. Мужчину-медиума называют *пау*.

² *Нагспа* — разновидность страшных колдунов, которые, по мнению тибетцев, способны повелевать бесами и могут убивать любые существа, в том числе и людей, на расстоянии.

³ *Санг юм* — букв.: «тайная мать». Почетное звание присваивается супругам лам, принадлежащих к тантрическим сектам, которые получили особое посвящение, дающее им право участвовать в эзотерических ритуалах вместе со своим мужем.

из-за оккультных способностей, которые им приписывают, и тот, кто навлекает на себя гнев колдунов или их близких даже небольшой обидой, по всеобщему мнению, подвергается страшной угрозе. То, что мой мнимый супруг был мертв, ничего не меняло: грозные незримые существа, которых он покорил и сковал с помощью волшебных чар, продолжали окружать и охранять его жену и сына.

Поэтому, утратив свою веселость, посеревшевые паломники вручили нам немного масла и *тсампа* на дорогу и поспешили удалиться, стремясь как можно скорее избавиться от нашего весьма почетного, но слишком опасного общества. Это в точности соответствовало нашим желаниям.

На следующий день мы добрались до опушки бескрайнего леса, которым покрыт горный массив Ха-Карпо. Поднявшись на одну из вершин, мы обнаружили Абен, расположенный на берегу реки Лахангры. Эта деревня, где китайцы держали раньше несколько солдат, ныне стала, как нам сказали, тибетским военным пунктом.

Теперь нам предстояло следовать не по пустынным лесам, а идти через селение, растянувшееся на несколько километров вместе со своими полями и уединенными усадьбами.

Прежний методочных переходов оказался непригодным. Без сомнения, рассуждали мы, на нашем пути встречаются собаки; ночью они становятся опасными и в любом случае поднимут шум. Нельзя рассчитывать, что чудо будет сопутствовать нам на каждом шагу. До сих пор наше путешествие протекало при столь благоприятных обстоятельствах, что из благородства следовало предусмотреть возможную неудачу и не слишком рассчитывать на покровительство неведомых сил, столь милостиво содействовавших моим планам.

Если нас заметят ночью, могут возникнуть неприятности: начнут допытываться, кто мы такие и каковы наши намерения, а это страшило нас больше всего. Мы решили, что лучше миновать Абен перед рассветом. Таким образом, можно воспользоваться темнотой, которая скроет нас от чужих глаз, а если нас все же заметят, наше поведение бу-

дет выглядеть вполне естественно, ибо тибетцы обычно отправляются в путь в ранние утренние часы.

Мы изучили местность, насколько это было возможно с такой высоты, чтобы на следующий день спозаранку отправиться вниз. Из опасения приблизиться к селению слишком рано нам пришлось оставаться в этом месте, но путь оказался более долгим, чем мы предполагали, и ночь наступила гораздо раньше, чем нам удалось спуститься в долину.

Впервые, с тех пор как мы покинули Лондре, погода была неприятной. Холодный ветер продувал нас насквозь, и низкие облака предвещали снег. Мы утратили представление о точном местонахождении деревни; кусты словно сговорились с темнотой, чтобы сбить нас с пути; не раз мы садились на землю в изнеможении, не в силах бороться со сном. Однако мы не решались сбросить свои вещи и позволить себе поспать часок, чтобы слегка взбодриться. Прежде всего необходимо было найти путь к Лахангре, дабы обрести уверенность в том, что, когда настанет час быстро пройти через Абен, не придется искать дорогу. К несчастью, мы не достигли своей цели, запутались на пересечении проселочных дорог и, оказавшись вблизи нескольких домов, были вынуждены остановиться.

Начался снегопад, но не могло быть и речи о том, чтобы спрятаться под нашей маленькой палаткой, укрывшись ею, как покрывалом. Если бы мы развязали свои котомки, было бы невозможно вновь завязать их ночью надлежащим образом; мы могли бы потерять некоторые предметы и, таким образом, скомпрометировать себя. Пришлось спать несколько часов под идущим снегом, подложив под голову свои сумки.

Задолго до восхода солнца мы проснулись, чувствуя себя продрогшими и разбитыми, и немедленно двинулись в путь. Поначалу без всяких помех мы добрались до центра деревни и здесь услышали разговор в одном из домов. Нас охватила паника; обогнув угол другого жилища, мы помчались вперед и снова оказались в поле. Когда первые лучи солнца осветили реку, мы поняли, что от испуга побежали

не в ту сторону: против течения, а нужно было спускаться по течению.

Наш план, выработанный с таким трудом, провалился. Теперь нам предстояло идти через Абен при свете дня. Уже показались крестьяне, вышедшие на работу; в открытом поле негде было спрятаться, и с каждой минутой наше положение осложнялось.

Мы вернулись назад и снова прошли мимо окон дома, где слышали голоса, обратившие нас в бегство. Люди все еще продолжали свой разговор, ставни были открыты, и я видела пламя большой печи. Эти счастливцы собирались пить горячий чай, а мы даже не знали, сможем ли сделать сегодня привал, чтобы перекусить, хотя наша последняя трапеза состоялась на рассвете предыдущего дня.

Все было хорошо; теперь мы на правильном пути. Мы шагали быстро и вскоре миновали селение. Однако Абен еще не закончился. Еще несколько построек виднелись на холме, одна сторона которого соприкасалась с дорогой. Тропа пролегала у его подножия, а затем углублялась под своды ущелья; по дну ущелья струилась река. Инстинктивно припомнив свои европейские познания, хотя в здешних краях они были неуместны, я представила, что на этой косе должен находиться сторожевой пост; обнаружив нечто вроде будки, из которой просматривалась местность на очень значительное расстояние в сторону Лахангры, я тотчас же пришла к выводу, что в ней, должно быть, сидят наблюдатели и следят за проходящими людьми.

Как догадывается читатель, я не стала мешкать, чтобы это проверить. Несмотря на жажду, от которой у меня пересохло во рту, я не решилась остановиться, чтобы напиться из ручья, протекавшего под балконом этого дома. Я шагала столь стремительно, что, по-видимому, со стороны казалось, что я лечу.

Вопреки своему обыкновению пускать Йонгдена вперед, чтобы встречные путники могли вдоволь на него насмотреться, а мое лицо оставалось скрытым за его спиной, я велела ему следовать за мной: на сей раз опасность, если она существовала, подстерегала нас сзади.

И вот мы побрали гуськом, очень близко друг от друга; таким образом, всякий, кто смотрел бы нам вслед со стороны Абена, должен был увидеть лишь знакомый чисто тибетский силуэт котомки с ногами, прикрытыми рваной шамтаб¹, с головой, увенчанной колпаком ламы.

Прогулка была бы восхитительной, если бы не отчасти портившие ее тревоги. В этой стране осень обладает юношеской прелестью весны. Утреннее солнце озаряло окружающую местность розовым светом, изливавшим радость на все и вся, от реки с переливающимися опаловыми светло-зелеными водами до вершин высоких каменистых скал, на которых стояли и с ликующим видом тянулись ввысь редкие елочки. Каждый дорожный камень, казалось, с наслаждением впитывал в себя дневное тепло и лепетал что-то у нас под ногами с приглушенным смешком. Маленькие деревца, окаймлявшие тропу, распространяли в воздухе сильное благоухание.

То был один из тех рассветов, когда природа очаровывает нас своим обманчивым волшебством, и человек забывает обо всем, погружаясь в негу ощущения радости бытия.

Небольшое расстояние отделяет Абен от Лахангры, и, поскольку мы снова решили миновать селение с наступлением темноты либо перед рассветом, чтобы остаться незамеченными, у нас появилось время для прогулки. Там, где долина делала изгиб, мы увидели широкий ручей, вытекающий из ущелья, перегородившего дорогу, и остановились у воды, за грядой утесов. Мы были не прочь отдохнуть после быстрой ходьбы и восстановить свои силы.

Как ни странно, теперь, когда мы преодолели перевал Докар и попали в запретный Тибет, поток паломников, который как будто иссяк во время первой недели нашего странствия, хлынул снова, как водится в это время года. Укрывшись за щитом скал, мы смотрели, как мимо шествуют живописные группы мужчин и женщин из восточных и северных районов Тибета; они спешили поскорее доб-

¹ Шамтаб — очень широкая юбка, часть религиозного одеяния ламы.

раться до Лахангры и найти место на одном из скромных постоянных дворов, окружающих лаханг¹.

Ближе к вечеру, когда мы перешли на левый берег реки, ландшафт резко изменился.

Мы оказались в тесном ущелье, зажатом между гигантскими грядами черных скал, позволявших видеть лишь узкую полоску неба. Несмотря на суровый и дикий вид этого места, в нем не было ничего печального или устрашающего. Напротив, от него исходило некое торжественное спокойствие; вероятно, здесь сказывалось влияние картин, написанных или высеченных на стенах мрачного коридора.

Набожные художники изобразили на них бесчисленных будд и бодхисаттв, знаменитых лам минувших веков, безучастно сидящих в одной и той же позе, с полузакрытыми глазами, погруженных в медитацию. В сотнях этих глаз, которые не смотрели на шествие паломников, а словно были устремлены «в глубь души», ощущалось нечто гипнотическое. Было ясно, что они поглощены созерцанием другой, более величественной и вечной процессии существ, скитающихся от жизни к смерти и от смерти к жизни, а также, возможно, лицезреют таинственный потусторонний мир, где усталый паломник завершает свой путь и, таким образом, обрывает дорогу странствий.

На закате мы увидели мендонг² с крышей, который мог бы стать нашим пристанищем на ближайшую ночь, но, решив, что находимся еще далеко от деревни, мы продолжили свой путь: снова перешли через реку, затем ущелье сделало резкий изгиб, и перед нами оказалась Лаханга.

Уже почти совсем стемнело, но мы не решались повернуть обратно. Быть может, нас заметили, и тогда покажется странным, что паломники обходят деревню стороной.

В очередной раз наши планы рухнули. Впрочем, мы начали к этому привыкать. Утром мы пережили столько волнений, что их источник в наших душах иссяк. Йонгден,

¹ Лаханг — букв.: «дом божества, часовня». Лаханга — это «огороженное место храма».

² Мендонг — низкая стена, сложенная из камней, на которых начертаны тексты из Священного писания либо мистические фразы.

как и я, отнесся к ситуации очень спокойно: мы провели бы ночь в деревне, среди других странников, если бы не сумели этого избежать.

Группа людей расположилась вокруг большого костра, на невысоком отроге над Салуином. Мы перекинулись с ними несколькими фразами и с большой радостью узнали, что все постоянные дворы переполнены. Благодаря удачному стечению обстоятельств мы могли обосноваться в маленькой пещере, которая укрыла бы нас от непогоды, если бы, как прошлой ночью, пошел снег.

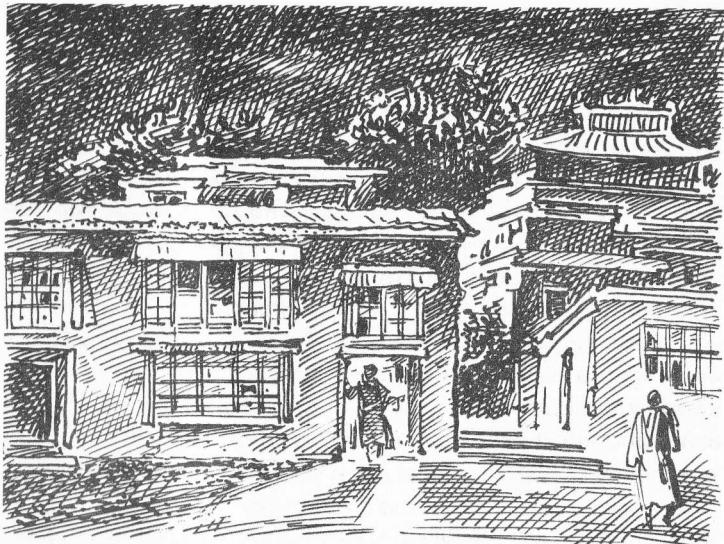
Я подобрала на дороге все, что смогла найти: сучья и сухой коровий навоз, стащила несколько веток из ограды, окружавшей близлежащие поля; мы развели огонь и стали пить масляный чай с традиционной *тсампа*.

Йонгден решил, что, раз мы находимся в деревне и наши лица и одеяния трудно различить в темноте, следует воспользоваться случаем и пополнить запасы продовольствия. До сих пор мы питались тем, что захватили с собой, покидая миссию, но прошло уже десять дней. Наши котомки были почти пусты.

Я развязала пояс, закуталась в свое платье, по примеру бедных жительниц Тибета, у которых нет одеял, и притворилась спящей, чтобы избежать ненужных разговоров, если кто-то будет проходить мимо. Мой спутник направился к близлежащим домам.

Первый дом, в который он вошел, оказался жилищем ламы¹, хранителя лаханга. Йонгдена встретили гостеприимно, как собрата и покупателя, — ведь лама существовал не только за счет должности ризничего, но и получал доход от небольшой лавки, где паломники приобретали продукты и различные предметы религиозного культа: палочки ладана, флаги с магическими знаками и т. д.

¹ Подлинное право на звание ламы имеют лишь следующие священники: *тюльку*, которых иностранцы ошибочно именуют «живыми буддами», *хемто*, стоящие во главе коллегий в больших монастырях, и те, кто получил университетскую степень *геше*. Все остальные монахи называются *трапа* (ученики). Однако принято из вежливости величать ламой всякого человека почтенной наружности и в религиозном одеянии.

Как оказалось, оба ламы принадлежали к одной и той же религиозной секте, и вдобавок, по странному совпадению, ризничий был уроженцем одной из областей северного Тибета, где Йонгден долго жил вместе со мной, и он свободно говорил на местном диалекте. Благодаря такому стечению обстоятельств ламы сразу стали друзьями. Но на этом дело не кончилось.

Оглядевшись, Йонгден заметил на полке книги и попросил разрешения их полистать, так как мы вели постоянный поиск интересных произведений. Когда ему это позволили, он открыл первую попавшуюся книгу и прочел несколько строк вслух.

— Как вы прекрасно читаете! — пришел в восхищение лама. — Вы можете прочитать любую книгу?

— Любую, — подтвердил мой спутник.

И тогда, внезапно сменив тему разговора, ризничий-лавочник принял упрашивать Йонгдена провести ночь в его доме и даже вызвался сходить за его вещами и самолично перенести их.

Йонгден отказался, но лама продолжал настаивать, и моему спутнику пришлось признаться, что он путешеству-

ет вместе с пожилой матерью. Это обстоятельство отнюдь не охладило пыл гостеприимного тибетца. Для матери в его доме тоже имелось место. Мой юный спутник с большим трудом убедил упрямца, что в этот час я сплю крепким сном и лучше меня не тревожить.

Кёгнер¹, видя, что ему не удастся осуществить свой план, не раскрывая карт, вынужденно признался, что его горячее радушие было отнюдь не бескорыстным.

— Лама, — сказал он Йонгдену, — вчера вечером к нам пришли несколько селян с другого берега Жиамо-Наг-Чу² и попросили меня отслужить панихиду по одному из своих недавно скончавшихся родственников. Это богатые люди, и они обратились бы к своему ламе, настоятелю монастыря из их местности, если бы он не уехал в Лхасу. Они выбрали меня вместо него, и я получу изрядный куш, если... Словом, я не очень-то образован и боюсь, что не сумею правильно произнести слова литургии и допущу ошибки, раскладывая ритуальные приношения. Я вижу, что вы — человек ученый; может быть, вы знаете эти обряды?

— Да, знаю, — заявил Йонгден.

— В таком случае я прошу вас оказать мне услугу и остановиться здесь на три дня. Я буду кормить вас обоих: и вас, и вашу мать — и дам вам немного еды на дорогу. Ваша пожилая матушка сможет также читать *мани*³ у дверей храма, и, несомненно, крестьяне дадут ей несколько мерок *тсампа*.

Йонгден отклонил соблазнительное предложение, сказавшись на то, что мы странствуем с группой паломников, которые уже ушли вперед, и потому не только не можем задерживаться, а, напротив, должны поспешить, чтобы догнать их и продолжить вместе с ними путь в родные края.

¹ К ё г н е р — ризничий.

² Ж и а м о - Н а г - Ч у — тибетское название реки Салуин.

³ М а н и — общезвестное выражение, которое почти всегда неправильно переводят: «Ом мани падме хум хр!» «Ом» — это священное слово, заимствованное из Индии, где оно означает множество явлений, но в первую очередь брахман (не путать с Брахмой или кастой брахманов), то есть абсолют. «Мани падме» означает «жемчужина в лотосе» и, подобно «хум» и «хри», имеет ряд экзотических и эзотерических значений.

Когда юноша вернулся, принеся немного еды, и рассказал мне о своей беседе с ризничим, я очень пожалела о том, что из-за близости к границе мы вынуждены идти в быстром темпе. Мне безумно хотелось читать *mани* у ворот храма!

Но то был лишь вопрос времени. Будущее уготовило мне сколько угодно возможностей для этой забавы. Невозможно припомнить, сколько раз я пела *mани* как у дверей, так и внутри тибетских домов. Я так поднаторела в этом особом искусстве, что порой меня хвалили за неожиданные музыкальные вариации, которыми я сопровождала священные слова... В конце концов, возможно, среди тысячи даров, которыми осыпал меня Тибет, я обязана ему также и даром распознавать «жемчужину, скрытую в сердце лотоса».

Хитроумный лама пришел к нам на следующее утро чуть свет, чтобы поговорить с Йонгденом и попытаться переубедить его.

Я оставила двух умников наедине, дабы не подвергать себя слишком пристальному и долгому вниманию, и примерно с час прогуливалась вокруг маленького храма, перебирая свои четки.

Эта благочестивая утренняя зарядка была излишней для человека, которому предстояло пешком пройти за день изрядное количество километров, но я не придумала другого способа улизнуть и, несмотря на все свои ухищрения, не сумела уклониться от встречи с ламой, когда он возвращался домой, и поговорила с ним несколько минут.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я утешаю умирающего больного. — Я опасаюсь за свое инкогнито и меняю национальность. — Уловки, к которым мы прибегаем, чтобы миновать военные посты. — Йонгден проявляет себя как искусный чародей. — Меня едва не разоблачают. — По горам и долинам, мимо монастыря Педо. — Я нахожу шапку, которой суждено сыграть важную роль в моем путешествии. — Чиновник из Лхасы призывает нас к себе. — Я показываю язык почтенному представителю ламаистского правительства

Дорога, по которой мы следовали, поднималась вверх по течению величественной реки Салуин — в здешних краях ее называют Жиамо-Наг-Чу — через глубокие ущелья и обширные долины. Местный ландшафт, какую бы форму он ни принимал, неизменно остается великолепным и чающим.

Страх быть узнанной, заставлявший меня трепетать в начале путешествия, изрядно поутих, и все же он по-прежнему таился в недрах моей души, грозя охватить

меня с новой силой при малейшем признаке тревоги... Мы слишком задержались в Лахангре, думала я, это была досадная оплошность. Не возникло ли каких-либо сомнений относительно нас у ризничего маленького храма?.. Я присматривалась к редким путешественникам, появлявшимся позади. Вот какой-то всадник скачет в нашу сторону — быть может, это солдат, которому поручено догнать нас и доставить обратно к границе?.. А тот странник, бредущий по дороге, уж не шпионит ли он за нами?..

Однако волнение, вызванное тревожными мыслями, не могло долго омрачать моей радости от восхитительного путешествия; его мимолетные всплески быстро ослабевали, и я вновь погружалась в блаженное спокойствие.

Спустя несколько дней после того, как мы покинули Лахангрю, произошла одна драматическая встреча, которая нас опечалила. На обочине дороги, рядом с берегом Салуина, катившего свои светло-зеленые зимние воды, на фоне великолепного, залитого светом пейзажа лежал пожилой человек, голова которого поклонилась на кожаном мешке, и взор его лихорадочно блестевших глаз уже слегка помутился. Завидев нас, он сделал усилие и приподнялся на локтях. Казалось, бедняге недолго оставалось жить. Йонгден спросил его, каким образом он оказался здесь совсем один.

История незнакомца была простой. Старый крестьянин оставил родную деревню, собираясь вместе с приятелями совершить паломничество к горе Ха-Карпо и обойти вокруг нее. Непонятная болезнь лишила его сил, и он передвигался с трудом. Его спутники шли медленно в течение нескольких дней и даже сделали привал на целый день... Затем они отправились дальше без него. Таков тибетский обычай: того, кто отстает, бросают даже в необитаемых, пустынных местах, и, если человек быстро не поправляется, ему суждено умереть от голода, когда истощатся запасы продовольствия... не говоря о рискающих повсюду медведях и волках¹.

¹ Суровые обычаи вовсе не означают, что у тибетцев жестокое сердце. Они всячески стараются оставить больного в какой-нибудь деревне или

— Я скоро умру? — спросил старик у Йонгдена с тревогой. — Лама, погадайте, чтобы это узнать, прошу вас.

Мой юный спутник быстро выполнил традиционные ритуальные действия и ответил, пытаясь утешить несчастного:

— Нет, нет, я вижу, что вы не умрете.

Он руководствовался добрыми побуждениями, но я подумала, что проблеск надежды, порожденной его словами в душе умирающего, быстро угаснет, если на следующий день он почувствует себя еще более слабым или если раньше, во мраке близившейся ночи, он ощутит приближение смерти.

И тут я не смогла удержаться в рамках своей роли пожилой простоватой матери, роли, продиктованной осмотрительностью. Я вкратце напомнила больному постулаты веры, которой он придерживался с детства, и посулила ему отнюдь не эту жизнь, а благополучное возрождение в царстве Ченрезиг¹, ожидающее тех, кто умирает во время паломничества, и множество других жизней после тысячелетий покоя и блаженства, до тех пор пока он не достигнет высшего озарения духа, которое избавит его и от оков жизни, и от уз смерти.

Старик внимательно и благоговейно выслушал меня и, когда я закончила, коснулся лбом нижнего края моего платья; так тибетцы отдают дань уважения своим ламам. Возможно, он вообразил, что хандома, сочувствующая его горю, явилась к нему в образе паломницы, чтобы уте-

---

в стойбище, но это не всегда возможно, и тогда в пустынных местах остро встает проблема продовольствия. Здоровые путники не могут долгие жертвовать из-за того, что рисуют израсходовать собственные съестные припасы, которые невозможно пополнить. Я знаю это по личному опыту, так как была вынуждена поститься вместе со своими спутниками и вычными животными среди снегов в необъятных пустынных просторах Тибета.

¹ Ч е н р е з и г — «Нуб деуа чен» — «западный рай великого блаженства», более известный под санскритским названием Сухавати, населенный буддистами — последователями махагепы, где правил бодхисатва Ченрезиг, более известный под санскритским именем Авало-Китесвара.

шить... Да и так ли уж это было важно, если данная иллюзия скрасила его последние часы.

— Могу ли я вам чем-то помочь? — спросила я.

— Нет, — ответил он, — в моей котомке лежат еда и деньги. Мне хорошо здесь с богами. *Кале пеб!*¹

— *Кале жу!*² — отозвались мы с Йонгденом и удалились.

Я поняла, что обитель блаженства *Нуб деуа чен* уже сияет перед взором этого человека, лишь едва различающего явления нашего мира. Умирающий был охвачен восторгом от видения, вызванного мною в его душе, и все желания земной жизни, о которой он расспрашивал ламу с такой тревогой, в нем угасли.

После этого мы несколько дней наслаждались относительным покоем, бредя по прекрасной долине вдоль берега Салуина. Местность, по которой мы шли, никак не напоминала безлюдные леса Ха-Карпо; деревни, встречавшиеся на нашем пути, находились довольно близко друг от друга, и мы старались проходить через них на рассвете или даже немного раньше, считая, что ради осторожности следует избегать людских взглядов. Это неизбежно приводило к длительным остановкам в уединенных местах, в стороне от дорог и чужих глаз, где мы выжидали удобный момент, чтобы отправиться дальше. Благодаря чудесной погоде в праздном странствии по красивой местности не было ничего неприятного; плохо было лишь то, что наше продвижение вперед сильно затруднялось.

Однажды утром, когда мы неосторожно совершили утреннюю трапезу в небольшой пещере у дороги, неожиданная встреча вновь пробудила страх в наших сердцах.

На сей раз это была знатная дама, элегантно одетая и увешанная украшениями, в сопровождении трех слуг. Она остановилась около нас и осведомилась, откуда мы родом.

¹ Идите с миром! — прощальное напутствие уходящим.

² Оставайтесь, или Сидите с миром! — вежливое обращение к остающимся при прощании.

В то время мы выдавали себя за монгольских *докпа* с северных пастбищ Кукунора¹.

Йонгден ответил:

— Мы живем за Голубым озером.

— Вы — *пилинги*²? — спросила она.

Я разыграла веселое изумление и принялась смеяться, как будто мысль о том, что меня приняли за иностранку, казалась мне чрезвычайно забавной, а Йонгден поднялся, привлекая к себе внимание дамы, чтобы она могла убедиться, что в чисто монгольских чертах его лица нет ничего европейского.

— Это моя мать, — заявил он, указывая на меня.

Женщина задала нам еще несколько вопросов и продолжила свой путь.

Вскоре мимо нас проехал ее муж, восседавший на великолепном коне с роскошной сбруей. Его сопровождала дюжина слуг; некоторые из них вели лошадей дамы и служанок, шествовавших впереди.

Богатый путешественник даже не удостоил нас взгля-
дом. Йонгден узнал от одного из слуг, следовавшего на некотором расстоянии сзади с мулами, нагруженными вещами, что его хозяин живет в небольшом населенном пункте на другом берегу Меконга, и это обстоятельство окончательно повлияло на мое решение обойти стороной городок, столицу провинции Царонг, где находится резиденция ее наместника.

Вопрос, заданный женщиной, вызвал у меня сильное беспокойство. Значит, несмотря на то, что я старательно натерла свое лицо какао, смешанным с толчеными углами, несмотря на мои хорошенъкие косички из волос яка, я не слишком походила на жительницу Тибета. Что еще я могла придумать? Кроме того, вероятно, мое лицо было

¹ «Кукунор» означает на монгольском языке «Голубое озеро» (*тибетск.*: «тсонённо»). Это огромное озеро расположено среди степи недалеку от района Амдо. Так же называется вся ближайшая местность.

² Пилинги (произносится как «пилинег») — иностранцы с Запада, точнее: англичане. *Букв.*: «люди из других стран».

здесь ни при чем; какие-то слухи обо мне могли просочиться с другой стороны границы и распространиться в Лахангре. Не слишком ли долго мы оставались в этом селении и не возникло ли подозрений на наш счет у ризничего?.. Мы с Йонгденом терялись в догадках.

Прекрасная долина, по которой мы шли, утратила свое очарование. Мне снова начали мерещиться шпионы за каждым кустом и чудиться голоса в шуме бурных вод Салуина; эти голоса изрекали слова угроз и насмешек.

И тут нам пришло в голову, что, возможно, мы сами напросились на этот вопрос. Когда Йонгден сказал, что мы живем «за Голубым озером», она, должно быть, перепутала «тсо» (озеро) с «жия тсо» (океаном) и решила, что мы прибыли «из-за голубого океана»; это означало, что мы не являемся жителями Азии. Данное предположение нас успокоило, но мы навсегда исключили из своего дорожного лексикона слова «тсо парчо ла» (за озером) и перенесли свою родину на другую широту, почти на три градуса южнее, и сделались уроженцами Амдо, обитателями окрестностей Лабранга.

Мы приближались к Тана, где, как мне говорили, находится пограничный пост. Полагаясь на карты и прочитанные мной путевые заметки, я считала, что дорога паломников, пролегающая вокруг Ха-Карпо, поворачивает здесь на восток, поднимаясь к перевалу под названием Чу-ла, который ведет на китайскую территорию, на другой берег Меконга. На самом деле единственная дорога к Меконгу в этом месте раздваивается, продолжая виться вдоль Салуина, в то время как тропа паломников простирается на север до самого Вабо. В то время я не подозревала об этом факте и была всецело поглощена сочинением новой истории о цели нашего путешествия. Нам предстояло оставить позади святую гору, которая до сих пор служила благовидным предлогом для наших планов, и я уже подумывала о том, что начальнику пограничного поста Тана, очевидно, строго предписано выявлять и допрашивать тех,

кто сворачивает с кольцевой дороги и устремляется в глубь Тибета.

Мы решили войти в Тана ночью. На сей раз наш план удался. Он удался даже слишком: не только мы оказались совершенно скрытыми от глаз, но также окружающая местность и дорога — и ориентироваться было чрезвычайно трудно. Наконец мы добрались до храма, где обитало множество сторожевых собак, и они яростно залаяли при нашем приближении. К счастью, собаки находились во дворе, окруженном стенами, и не могли на нас напасть, но я боялась, как бы люди не пришли посмотреть, не воры ли вызвали этот шум. Также следовало опасаться, что о таинственных путниках, которые бродят по ночам, донесут пограничникам или те узнают об этом ненароком, и начнется дознание. Чтобы не рисковать, Йонгден во весь голос позвал ризничего, умоляя его приютить на ночь измученного *арджона*, который едва волочит ноги из-за боли.

Мой спутник выражал свою просьбу патетическим тоном и говорил достаточно громко, чтобы его услышали во всех помещениях храма.

Пока он разыгрывал эту комедию, я отошла в сторону. Мы были абсолютно уверены, что ризничий не станет вставать в столь поздний час, чтобы впустить какого-то нищего. Прождав довольно долго, Йонгден отправился дальше, громко причитая: «Ох! До чего же немилосердно оставлять бедного больного ночью на холоде! Как это безжалостно! Какие жестокие люди!» И так далее.

Его жалобы постепенно стихали, как звучит за кулисами опера невидимый хор удаляющихся прохожих. Это было довольно эффектно. Я чуть не зааплодировала ему.

Таким образом мы благополучно миновали храм. Ни у кого из тех, кто мог там находиться, будь то ламы или мирияне, не должно было возникнуть наутро сомнений по поводу нищего, которого они слышали ночью. Но где же деревня? Кромешная тьма не позволяла нам ее разглядеть, и, даже увидев дома, мы не решились бы направиться в их

сторону из страха вновь столкнуться с собаками наподобие тех, что охраняли лаханг, но уже непривязанными.

Йонгден настаивал на том, чтобы мы улеглись прямо на тропе и поспали несколько часов. Я же предпочитала отойти подальше и найти более удобное место. Мы оказались около какого-то ручья. Разглядев камни, по которым можно было перейти речку вброд, я отправилась на разведку на другой берег и обнаружила две пещеры. Теперь у нас было убежище, где мы могли провести остаток ночи, — «дом», под крышей которого нам предстояло отдохнуть. Местные божества были к нам благосклонны.

Я поспешила сообщить своему спутнику о нашей удаче. Мы тотчас же устроились в пещере, самой большой из всех, какие я когда-либо видела, и наконец-то поужинали, запивая *тсампа* глотками ледяной воды из ручья, а затем забылись глубоким безмятежным сном набожных тибетских *некорпа*¹, измученных и в то же время довольных жизнью.

Проснулись мы на рассвете.

Неподалеку от места нашей ночевки виднелись несколько домов. Все крестьяне уже встали и приступили к повседневным делам, твердя на ходу различные мистические фразы, играющие в ламаистских странах ту же роль, что молитвы в других краях. Деревня гудела, как несколько сотен потревоженных ульев.

Женщины рассеянно глядели на нас из окон домов и с высоты плоских крыш, пока мы брали по улочкам деревни с опущенными головами, пряча свои лица и распевая мантры, как все вокруг. Йонгден разузнал дорогу... Несколько минут спустя мы оказались за пределами селения, в открытом поле.

Одни крестьяне только направлялись на работу со своими орудиями труда, другие уже пускали воду по многочисленным оросительным каналам. Хотя стоял ноябрь, погода была теплой. У этого веселого края нет ничего об-

¹ Нескорпа — паломники. Букв.: «тот, кто странствует с одного богомолья на другое».

щего с бесплодными заснеженными областями Тибета, простирающимися к северу от Гималаев, и хоть ему недостает сурового величия тех мест, зато здесь легче и приятнее жить.

Во время восхождения на гору мы говорили с крестьянами, трудившимися в полях по обочинам дороги, затем несколько часов шли по лесу и, наконец, преодолели перевал Тондо-ла, расположенный приблизительно на высоте 3360 метров.

В тот же вечер, впервые с тех пор, как мы покинули Юньнань, мы отважились поставить свою маленькую палатку.

На следующее утро перед нашим взором предстал Наг-Чу, стремительно струивший свои воды по глубокому ущелью и вливавшийся в Жиамо-Наг-Чу. Мы перешли через реку по прочному консольному мосту.

И тут нас догнала большая группа паломников; они принялись осаждать моего юного спутника, требуя, чтобы он предсказал им будущее и ответил на вопросы, которые их занимали. Отказ удовлетворить подобную просьбу рас-

ценивается как преступное бездушие со стороны ламы, которого считают способным ее исполнить. Йонгден был вынужден часто следовать этому обычью, но он никогда не забывал перемежать традиционные обряды крайне простыми рассуждениями о подлинном буддийском учении, пытаясь таким образом хоть немного поколебать суеверные предрассудки, глубоко укоренившиеся в душах его слушателей. Когда к нему обращались по поводу больных, он давал также полезные советы, касавшиеся чистоты и гигиены.

На сей раз мне пришлось ждать более получаса, сидя у подножия скалы желтоватого цвета, которую солнце испепеляло своими жгучими лучами. Ламе удалось отделаться от рьяных любителей гадания. Одни спрашивали Йонгдена, все ли в порядке с их скотом, пока они отсутствуют; другие, стремясь увековечить память о своем паломничестве с помощью нескольких камней для *мэндонга*, воздвигнутого при входе в их деревню, хотели узнать, какие надписи принесут им больше всего успехов и благополучия. Как обычно, задавались самые нелепые вопросы.

В заключение к ламе подошла некая девушка, изнуренная долгой ходьбой; из-за распухших ног она могла двигаться лишь очень медленно и боялась отстать от своих спутников. Девушка страстно желала выяснить, обретет ли она прежнюю бодрость и сможет ли ходить без труда. Ее пожилая мать настаивала на том, чтобы ей открыли имя демона, из-за козней которого распухли и одеревенели ноги дочери. Ни старуха, ни девушка и никто из их спутников ни за что не соглашались признать, что это несчастье явилось естественным следствием длительного перехода по ужасным дорогам.

Мой приемный сын начал совершать обряд в строго традиционной манере.

— Я понимаю, в чем тут дело, — сказал он, завершив ритуальные действия. — Существует способ избавить эту девушку от терзающего ее демона, хотя он и принадлежит к разновидности чрезвычайно хитроумных духов. Пусть все выслушают меня очень внимательно, чтобы хорошо запомнить, что я скажу.

Паломники немедленно обступили моего «колдуна»; одни уселись у его ног, другие остались стоять, прислонившись спиной к скале; все они застыли и напряженно слушали, стремясь правильно понять смысл предписаний *нъёншеса*¹, отчего их загорелые лбы покрылись морщинками.

— Вы встретите на своем пути *шёртен*, — заявил Йонгден (это предсказание не могло не исполниться, ибо *шёртены* встречаются в Тибете на каждом шагу). — В этом месте вы сделаете привал, и больная девушка будет сидеть возле *шёртена* три дня, укрывшись в тени, чтобы солнечные лучи не падали ей на голову. Три раза в день: на заре, днем, когда солнце будет в зените, и на закате — вы должны собираться, чтобы читать *дёльма*². Те, кто не знает *дёльма*, будут повторять *мани*. Во время чтения больная должна трижды обойти вокруг *шёртена*, и, за исключением этих коротких прогулок, ей нельзя двигаться в течение трех дней. Совершив обход, девушка должна плотно поесть; ее ноги следует растереть в теплой воде, куда вы бросите щепотку песка из святого монастыря Самье, которую я вам дам. Когда это будет сделано, нужно осторожно удалить землю, намокшую во время процедуры, положить ее в глубокую яму, вырытую в отдалении, и забросать другой землей и камнями, чтобы освященная вода унесла с собой дьявольскую силу. Если демон не будет изгнан и больная будет по-прежнему страдать, значит, вы совершили ошибки во время ритуальных действий. В таком случае вам придется снова проделать их возле следующего *шёртена*.

Послушайте еще, что я вам скажу. Никто из вас не должен оставлять своих спутников, до тех пор пока все вы не доберетесь до родных мест. Я вижу, что демон немедленно бросится в погоню за тем, кто уйдет от девушки, чтобы отомстить этому человеку, помешавшему ему поступить с ней так, как ему было угодно.

¹ Нъёншес — ясновидящий, пророк, букв.: «тот, кто знает заранее».

² Дёльма — псалмы в честь Матери мира — мистического персонажа тантристского пантеона, которую на санскрите именуют Тара.

Я сообщу матери больной *дзунг*, и, повторяя это слово, она сможет защитить не только свою дочь, но всех вас до тех пор, пока вы будете держаться вместе.

Паломники чувствовали себя на седьмом небе. Лама говорил так долго, что они до конца не поняли и не запомнили того, что он сказал, но это, безусловно, означало, что его мудрость неисчерпаема.

Затем Йонгден приказал всем удалиться, оставив лишь пожилую мать, чтобы сказать ей волшебное слово.

— Бха!.. — оглушительно закричал он ей на ухо, грозно вращая при этом глазами.

Простодушная женщина, дрожавшая от страха и в то же время довольная тем, что может больше не опасаться злых духов, бросилась к ногам ламы, выражая искреннюю признательность, а затем отправилась в путь вслед за другими паломниками. Поднимаясь в гору, она твердила волшебное слово «*sotto voce*¹», стараясь воспроизвести интонацию своего наставника.

— Бха!.. бха!.. бха!.. — бормотала она, но вскоре «а» превратилось в «е», в «и», и в конце концов слово стало звучать как блеянье охваченной тревогой козы: «бе... бе...»

Я сделала вид, что поправляю свою подвязку, и вдоволь посмеялась, закрыв лицо широкими рукавами своего плотного плаща.

— В чем дело? — сказал Йонгден с улыбкой, когда я подошла к нему. — Бедняжка получит удовольствие от трехдневного отдыха, легкого массажа и нескольких сытных трапез; это не принесет ничего, кроме пользы. Поскольку мать девушки, которая наверняка ее не покинет, знает драгоценную тайну *дзунг*, другие паломники, если потребуется, убавят ход и не вернутся домой без них. Это благородное дело, и, кроме того, разве вы сами не учили меня прибегать к хитрости во имя милосердия?

Он был прав, и мне нечего было ему возразить. Я тоже полагала, что таким странным образом он оказал неоценимую помощь бедной девушке.

¹ Вполголоса (*им.*).

...Добравшись до вершины скалы, мы увидели поля, раскинувшиеся там и сям, насколько хватал глаз, и деревню, расположенную совсем рядом, название которой мы узнали позже: она называлась Ке.

Большинство паломников уже добрались до нее, и несколько человек, повернув назад, поспешили к нам.

— О лама! — обратились они к Йонгдену. — Какой же вы искусный *ньёншес чен*! Вы верно предсказали, что нам скоро встретится *шёртен*. Вот он, и девушка уже сидит рядом с ним. Сделайте одолжение, выпейте чаю вместе с нами.

Я не припоминала, чтобы Йонгден говорил, что им «скоро» встретится *шёртен*. Обычно мой сын окутывает свои предсказания туманом, как подобает осмотрительно-му оракулу, но славные тибетцы сами придумали эту подробность, дабы приукрасить чудо.

Рядом с *шёртеном* располагался сельский монастырь, несколько обитателей которого вскоре узнали о дарованиях своего выдающегося собрата.

Наши паломники были отнюдь не нищими, а зажиточными землевладельцами. Они велели принести кувшины с ячменной водкой и принялись пить, в то же время рассказывая о диковинных вещах, якобы сотворенных моим простодушным спутником.

Каждый утверждал, что заметил еще более удивительные явления, чем те, что описывали другие; величина и красочность воображаемых чудес все возрастали. В конце концов один из странников заявил, что видел своими глазами, как лама переходил через реку: он шел не по мосту, а шагал по воздуху рядом с мостом.

Несмотря на то что Йонгден не пил ни капли спиртного, как всегда строго придерживаясь буддийских заповедей, запрещающих употребление крепких напитков, он все же поддался всеобщему возбуждению и в свою очередь рассказал несколько историй, услышанных в дальних краях, где ему довелось побывать. Он описал пятиглавую гору Ривотсе-нга, на которой обитает божество знания и крас-

норечия, покровитель словесности Жампейон¹, а также святую гору Кюнту-Зангпо², где люди с чистыми душами могут лицезреть самого Санжиз³ в радужном ореоле.

Я подумала, что веселье зашло слишком далеко. Вся деревня и местные *trapana*⁴ окружили юношу, и он, будучи в ударе, вешал, давал советы на тысячи тем и раскрывал всяческие тайны. Люди приносили ему небольшие подарки в виде продуктов, которые он милостиво принимал. Эта непомерная популярность беспокоила меня, но, вероятно, я была слишком минутельной: кто посмел бы заподозрить в матери этого блестящего волшебника иностранку?

Мне все же удалось привлечь к себе внимание сына, и я произнесла несколько раздраженно-запальчивым тоном: «Кармапа къено!»⁵. Это слова страстной молитвы, принятой у приверженцев секты Каржиюд-Карма, стремящихся снискать поддержку руководителя секты, своего духовного отца, но в повседневной жизни они заменяют обычновенное восклицание. В данном случае, согласно тайному шифру, который я придумала во время одного из своих предыдущих путешествий, это выражение приобрело весьма тривиальный смысл и означало: «Удираем как можно скорее!»

Слегка раздосадованный неизбежностью прощания с успехом, Йонгден заявил своему окружению, что собирается отправиться в путь. Все стали возражать, говоря, что до ближайшей деревни слишком далеко и мы не успеем добраться туда до наступления темноты, а также не сможем разбить лагерь в пути, так как нигде не отыщем воды для вечернего чая. Добрые селяне добавили, что лучше

¹ Жампейон — божество, более известное востоковедам под санскритским именем Манджусри. Ривотсе-нга находится в Китае и называется по-китайски Вутай-шан.

² Кюнту-Зангпо — «добрейший» (санскр.: Самантабхадра). По древнему преданию, он посетил гору Оми (в провинции Сычуань), которую затем назвали его именем.

³ Санжиз — Будда.

⁴ Трапа — звание ламаистского монаха, не занимающего какой-либо должности в монастыре. Букв.: «школьник, ученик».

⁵ «Кармапа знает об этом» или «Ты это знаешь, о Кармапа!».

всего остаться у них и они предоставят нам прекрасный ночлег. Моему сыну очень хотелось принять их предложение, и я это понимала, но в ответ на его умоляющий взгляд еще более яростно произнесла: «Кармапа къено!»; моя интонация взволновала поклонников ламы, и они принялись повторять с благоговением:

«Кармапа къено! Кармапа къено!..»

Наконец мы ушли, и я почувствовала облегчение, вновь оказавшись среди безмолвных и безлюдных полей. Я строго отчитала Йонгдена за то, что он привлек к себе внимание, в то время как я желала только одного — оставаться незаметной; уязвленный моими упреками, он дулся еще несколько часов.

Ближе к вечеру мы преодолели перевал высотой приблизительно 2200 метров и спустились оттуда вниз по широкой запыленной дороге, проложенной сквозь ряд белесых хребтов, напомнивших мне горы Кансу в северном Китае.

Нам дали точную информацию: мы не встретили на своем пути ни единого ручейка, и перспектива томиться жаждой перед сном и наутро, при пробуждении, усугубляла плохое настроение моего спутника.

Луна заливала окружающую местность ярким светом, и, если бы не усталость, мы без труда могли бы продолжать свой путь хотя бы часть ночи. Однако при виде крошечной пещеры, неожиданно возникшей у дороги, желание бороться со сном мгновенно улетучилось. Мы сдались тем более легко, что нас уже отделяли от опасного Тана горные цепи и река и мы полагали, что в ближайшей деревне нам нечего страшиться. Как же мы ошиблись!

Следующий день стал первым среди дней, ознаменованных происшествиями, способными основательно расшатать мене крепкую нервную систему, чем моя.

Мы вошли в деревню под названием Вабо в разгар утра, страдая от голода и особенно от жажды. Это было вполне естественно, ибо мы ничего не ели и не пили со вчерашнего полудня, когда разделили трапезу с паломниками возле *шёртена* в Ке.

Накануне мы столько насмехались над бесами, что, видимо, один из них решил взять реванш и сыграть с нами злую шутку. Он внушил нам мысль, которая ни в коем случае не должна была у нас возникнуть, а именно: остановиться посреди деревни и приготовить чай в том месте, где ее жители брали воду из примитивного водопровода.

Ночью выпало немного снега; я собрала на побелевшей дороге тонкие сучья и немного более или менее сухого коровьего навоза, а Йонгден развел костер. Вода медленно закипала, мой спутник также ел и пил очень медленно; в результате этого вокруг собрались крестьяне, пришедшие поглядеть на нас. Сначала их было двое-трое, затем дюжины, и в конце концов их число возросло вдвое. Одна сердобольная женщина, видя, как трудно мне поддерживать огонь, на котором разогревался чай, принесла из дома вязанку хвороста.

Если бы Йонгден произнес хотя бы десятую часть тех «крылатых слов», которыми он, по примеру Одиссея, позабавил и очаровал жителей Ке, наша стоянка, вероятно, прошла бы спокойно, но недавний краснобай онемел, словно статуя. Он не говорил ни слова, не делал ни единого жеста, а только ел и пил, пил и ел без конца. Люди смотрели на него с величайшим изумлением. Обычно тибетцы словоохотливы, и молчаливый Йонгден не соответствовал их представлениям об *арджона*.

— Кто эти люди, откуда они пришли? — сказала одна женщина с явным намерением услышать ответ на свой вопрос.

Но лама продолжал упорно молчать.

Какая досада! Я не подумала включить в свой список зашифрованных выражений, который столь тщательно составляла, приказ: «Говорите!» Теперь у меня не было никаких шансов вывести Йонгдена из его необъяснимого состояния, и мне оставалось лишь смириенно пить чай позади моего сына, восседавшего на старом мешке, который я расстелила за неимением ковра.

Я оказывала Йонгдену почтительные знаки внимания и всячески прислуживала ему, дабы у присутствующих не

возникло никаких подозрений. Увы! Это также едва не обернулось против меня.

Я взяла наш единственный котелок, в котором мы кипятили чай, чтобы его помыть, но от соприкосновения с водой мои руки, естественно, стали чище и побелели. Я была озабочена странным поведением Йонгдена, и это обстоятельство от меня ускользнуло, но тут одна из женщин шепнула другой:

— Ее руки похожи на руки *пилингов*.

Видела ли она когда-нибудь людей белой расы? Это было сомнительно, если только она не бывала в Батанге в китайской части Тибета либо в Гьянгдзе на крайнем юге страны. Однако у тибетцев существует сложившееся мнение по поводу классических черт лица и особенностей европейцев. Все они должны быть высокого роста, с белокурыми волосами и светлой кожей, розовыми щеками и голубыми глазами — это обозначение распространяется на все оттенки радужной оболочки, кроме черного и темно-коричневого. *Mig kar*¹ — так обычно именуют здесь иностранцев не без доли презрения. С точки зрения эстетического чувства тибетцев, нет ничего более безобразного, чем голубые или серые глаза, а также «серые волосы», как они называют светлые локоны.

Таким образом, цвет моей кожи едва меня не выдал. Я никоим образом не показала, что слышала замечание жительницы деревни, но, по-прежнему держа котелок, потерла руки о его закопченное и жирное дно.

Среди тех, кто продолжал нас рассматривать, выстроившись полукругом, я заметила трех солдат. Боже милостивый! В этой деревне расположен пограничный пост, и, очевидно, его не было в Тана, который мы миновали с излишними предосторожностями. Что же будет дальше?.. Я смутно слышала, как крестьяне говорят друг другу шепотом: «Это *пилинги*?..» А мой лама словно оцепенел и по-прежнему продолжал жевать *тсампа*... Я не решалась

¹ *Миг кар* (белые глаза) — насмешливое прозвище, которое тибетцы обычно дают иностранцам, считая, что у всех у них светлые (голубые или серые) глаза, признак крайнего уродства в Тибете.

произнести слова «Кармапа къено», опасаясь, что звук моего голоса нарушит напряженную тишину и привлечет ко мне дополнительное внимание.

Наконец Йонгден поднялся, и один из мужчин решил спросить, куда он направляется. Я содрогнулась, ибо неудачный ответ мог поставить под угрозу успех нашего путешествия, ведь теперь мы должны были покинуть тропу паломников под прицелом стольких пристальных взглядов. Теперь мы поняли, что сделали привал как раз у разилки дороги, которая, как мы недавно считали, находится у Тана. Одна из двух троп разветвлявшейся дороги вела в Китай, огибая на севере горный массив Ха-Карпо, а другая — в верхнюю долину Наг-Чу. Выбор, который нам предстояло сделать, был бы равносителен признанию, что мы направляемся в центр Тибета.

Йонгден спокойно заявил, что совершил паломничество вокруг Ха-Карпо и теперь возвращается вместе с матерью в родные края.

Он ничего больше не добавил, взвалил на спину свою ношу, велел мне знаком взять мою котомку, и мы двинулись в путь.

И тут произошло чудо. Озорной дух, забавлявшийся за наш счет, обратил свои шутки в другую сторону и взял нас под свою защиту. Тягостная, угнетавшая нас атмосфера разрядилась, и я услышала, как несколько человек сказали веселым тоном: «Пилинги идут общаться с богами». Эта мысль показалась столь комичной и неправдоподобной, что все покатились со смеху.

— Это *sokpo* (монголы), — решительно заявил кто-то из мужчин, и остальные закивали в ответ, так что у меня не осталось никаких сомнений относительно их мнения о нашей национальности. И вот, по-прежнему храня молчание, мы зашагали словно во сне и, свернув с тропы, опоясывавшей Ха-Карпо, на глазах у всех вышли на дорогу, ведущую в Лхасу.

Нам предстояло в очередной раз пройти через цепь горных хребтов. Путешествие по Тибету — это настоящая зарядка для мышц и легких. В один и тот же день, спускаясь в долины и карабкаясь на вершины, человек преодолевает различные высоты. Эта гимнастика, возможно полезная для здоровья, не может не утомлять путников, особенно если они, подобно нам, тяжело нагружены. И все же эти тяжкие походы имеют обратную сторону и доставляют удовольствие благодаря разнообразию созерцаемых пейзажей; в конечном итоге я предпочитаю их более легким, но однообразным странствиям через бескрайние степи.

Миновав перевал Тонг-ла¹, мы обнаружили в лесу превосходную дорогу, которая вела прямо к широкой реке, устремлявшейся под своды красивого ущелья. Я очень удивилась, убедившись, что ее воды струятся в сторону Китая. В то время мне еще не доводилось читать рассказы немногочисленных исследователей, которые проделали тот же путь раньше меня, когда данная часть Тибета находилась под властью Китая.

Всех интересовала таинственная река, которая как будто течет по направлению к Меконгу, хотя известно, что гигантская цепь гор замыкает неподалеку отсюда бассейн Салуина. Что касается меня, я пришла к выводу на основа-

¹ Приблизительная высота — 3100 м.

нии собранных материалов, что водный поток Наг-Чу, вверх по течению которого я собиралась отправиться, огибает горный массив, только что оставленный мной позади, то есть река, через которую я перебралась недалеко от Ке, — это та же самая река, что течет сейчас перед нами.

Человек, которого я встретила ниже, в долине, подтвердил этот факт. Он также сообщил нам, что вскоре мы увидим мост и нам следует перейти по нему на противоположный берег, чтобы попасть в монастырь Педо, где мы сможем купить провизию. Он добавил, что дорога на другую сторону реки ведет в Атунцзе (на китайскую территорию) и пролегает через ряд перевалов.

Местность была красивой; в глубине долины расстилались возделанные поля, а верхняя часть горных склонов была покрыта лесом с густой зеленой листвой, несмотря на то что стояла зима.

Солнце зашло в то время, как мы перешли через мост. Я собиралась пройти мимо монастыря ночью, а затем спрятаться немного дальше, поручив Йонгдену отправиться спозаранку за продуктами.

Я охотно расположилась бы возле реки, где виднелась прелестная дикая роща, омываемая ручейком с прозрачной водой, но монастырь был еще далеко, и я предпочитала остановиться лишь тогда, когда он окажется в поле зрения, и выбрать благоприятный момент для того, чтобы подойти к нему.

Здесь мы впервые воспользовались своими резиновыми баллонами. Это были обыкновенные грелки наподобие тех, что зябкие люди кладут в свою постель, чтобы не замерзнуть. Я решила включить их в скучный список наших вещей, полагая, что они пригодятся путешественникам, лишенным одеял, когда придется ночевать зимой высоко в горах, а также из-за того, что мы сможем переносить в них небольшое количество воды, когда будем проходить через засушливые районы. К сожалению, они выглядели непривычно, что не позволяло нам наполнять их в присутствии тибетцев; по этой причине мы не раз страдали от жажды, хотя было бы нетрудно захватить с собой немного воды для чая.

Педо-гён¹ действительно находился далеко от моста, и прежде чем мы успели разглядеть его, стало совсем темно. Мы шли по тропе, отлого поднимавшейся вверх через лес; на одном из поворотов дороги, прилегавшей к открытому пространству, мы увидели несколько костров, пылавших на склоне горы. Вероятно, там отдыхали путники, и, если бы мы продолжали свой путь в этом направлении, нам пришлось бы пройти мимо них. Такая перспектива меня не радовала, но, с другой стороны, я не могла ждать до утра, пока эти люди уйдут, ибо тогда нам пришлось бы пройти мимо монастыря поздним утром, а это перечеркивало все мои планы. Я слышала, что в монастыре находится один чиновник из Лхасы, и стремилась любой ценой избежать взглядов местных *трапа*.

Монахи представляли для нас значительно большую опасность, чем простые крестьяне, так как, если последние редко покидают свои жилища и знают очень мало о мире, раскинувшемся по другую сторону гор, опоясывающих линию горизонта, ламы любого ранга являются неутомимыми путешественниками. В ходе своих странствий они встречают множество вещей и людей, включая *пилингов*, и накапливают немало знаний, некоторые из которых могли бы нам повредить. Одним словом, в наших интересах было остерегаться их проницательности.

Продолжая двигаться дальше, мы вышли на опушку леса. В этом месте земля была распахана, и наша тропа чрезвычайно сузилась; справа от нас она жалась к оградам, окружавшим поля, и резко обрывалась левее на крутом склоне, нависшем над местностью, прилегавшей к реке, которую было невозможно разглядеть в темноте.

Костры померкли, и мы поняли по их неясным отблескам, что они находятся далеко от нас. Тем не менее мы продолжали хранить молчание.

Показались нечеткие очертания стен, которые могли принадлежать монастырским зданиям, и ради предосто-

¹ Педо-гён — монастырь Педо. «Гён» — сокращение от слова «гомпа», что значит «монастырь».

рожности мы решили остановиться и подождать до рассвета, чтобы не сбиться с пути в окрестностях *гомпа* и не привлечь к себе внимания собак, блуждая поблизости от монастыря.

Резкий северный ветер разбивался о небольшой утес, на который мы взобрались, и скала немножко прикрывала нас от ветра с одной стороны. Лучшего пристанища, увы, найти не удалось.

Наш ужин состоял из горстки *тсампа* и глотка припасенной мной воды.

Затем мы улеглись на землю, чтобы немного отдохнуть. Из-за острых камней, которыми была усеяна затвердевшая от мороза земля, наше ложе было поистине аскетическим. Тем не менее я вскоре уснула, прижимая к себе под платьем резиновую грелку, вовсе не для того, чтобы она меня согревала, а для того, чтобы не дать заключенной в ней жидкости замерзнуть и иметь возможность утолить жажду при пробуждении. Таким образом, мы как бы поменялись с грелкой ролями.

Утреннее солнце осветило монастырь в нескольких шагах от нас и совершенно не с той стороны, как я предполагала накануне. Мы быстро прошли вдоль его стен, стремясь поскорее найти надежное укрытие. Один из местных начальников в нарядном костюме, восседавший на лошади с роскошной упряжью, повстречался нам в начале дороги, ведущей в Батанг. Он безучастно посмотрел на нас, не сказав ни слова.

В окрестностях *гомпа* не нашлось ни единого уголка, где я могла бы укрыться, пока Йонгден будет ходить за покупками.

Наша дорога спускалась в узкую долину, где струился небольшой приток Наг-Чу. По его берегам раскинулось немало усадеб и мельниц. С нами поравнялся торговый караван, шедший из Лхасы, и тропу заполнили мулы, навьюченные тюками с товаром. Нас окружили люди. Мы были вынуждены продолжать свой путь, хотя было крайне

досадно удаляться от монастыря в то время, когда срочно требовалось пополнить запас продовольствия.

Наконец, когда мы миновали долину, я обнаружила большое, еще не возделанное поле, заросшее кустами. Я оставалась там в течение нескольких часов, спрятавшись в зарослях и читая тибетский философский трактат. Когда Йонгден вернулся, нагруженный как мул, мы закатили поистине лукуллов пир, приготовив суп из репы и пшеничной муки. Затем, засыпав свои *амбаги*¹ сухими абрикосами, мы весело двинулись в путь, продолжая жевать десерт на ходу.

Во второй половине дня мы снова оказались в лесистой местности, где повстречались с группой паломников, которые брели вдоль дороги. Они входили в состав большого отряда, насчитывавшего по меньшей мере пятьдесят человек. Немного дальше мы столкнулись с их авангардом; странники кипятили чай в котелках величиной с бочку.

¹ А м б а г — складка, образующаяся на тибетских одеяниях, туго петляя поясом; своеобразный карман.

Они надолго задержали Йонгдена: одни просили предсказать им будущее, другие обращались к нему за советами по поводу того, как следует себя вести, чтобы добиться успеха в различных начинаниях. Многие добивались его благословения.

Я села на землю и забавлялась, наблюдая за действиями и движениями этих взрослых детей. Лама и верующие держались крайне серьезно, но внезапные шутки и неожиданные замечания, высказанные вслух, неизбежно вызывали смех и приводили всю группу в хорошее расположение духа, которое действовало заразительно; веселый нрав тибетцев приятно скрашивает жизнь в этой стране.

На закате мы оказались в сумрачном лесу с гигантскими деревьями. Тропа по-прежнему была удобной, и я решила идти по ней, пока хватит сил, так как из-за паломников мы потеряли много времени.

Спускаясь к оврагу, по дну которого бежал ручей, я заметила на середине дороги нечто вроде свертка. Подойдя ближе, я увидела, что это старый чепец из кожи ягненка, какие носят женщины в местности Кхам.

Йонгден поднял шляпу железным наконечником своего посоха и отбросил в сторону. Она отлетела недалеко, порхнув, словно птица, и приземлилась на поваленный ствол огромного дерева.

Во мне шевельнулось странное предчувствие, что этот гнусный засаленный головной убор вскоре должен мне пригодиться; повинуясь подсознательному чувству, я сошла с тропы и отправилась на поиски шапки.

Йонгдену не хотелось брать с собой убогий чепец с неприятным запахом. Тибетцы, как правило, не подбирают шапку, если она упадет на землю в пути; тем более они не станут этого делать, если шапка им не принадлежит. Они считают, что такая вещь приносит несчастье. Напротив, старый сапог, найденный на дороге, считается доброй приметой, и зачастую путники ненадолго кладут его себе на голову, каким бы грязным он ни был, чтобы обрести удачу.

Мой спутник уже избавился от подобных суеверий, но грязный мех вызывал у него отвращение, и он не находил ничего сверхъестественного в нашей находке.

— Должно быть, — сказал он мне, — какой-нибудь паломник привязал шапку к *курга*¹, а она незаметно упала, либо он опасался, что она навлечет на него беду, если он ее поднимет, и предпочел бросить ее на дороге.

По-видимому, так оно и было. Конечно, я не воображала, что какое-нибудь божество, восседающее на райском лотосе, сшило для меня этот жалкий образец шляпного искусства. Очевидно, шапку потерял какой-то странник или странница, но почему это случилось именно в этом месте, на нашем пути?.. И почему при виде шапки в моей душе возникла уверенность, что ей суждено сыграть важную роль в нашем путешествии?.. Восток, и в особенности Тибет, — это край загадок и странных событий. Тот, кто умеет смотреть, слушать и внимательно, долго наблюдать, находит здесь мир, выходящий за рамки того, что мы привыкли считать единственной реальностью; быть может, это связано с тем, что мы не подвергаем явления, из которых соткан наш мир, тщательному анализу и не ищем достаточно глубоко цепь причин, их обуславливающих.

Ламаистское монашеское воспитание, полученное Йонгденом, до того как он приобщился к западным наукам, не позволяло ему усомниться в существовании мудрых духов, невидимых для большинства людей, но в тот день он определенно поддался поэтическому очарованию этих мест.

— Ладно, ладно, — ответил он, когда я изложила свои соображения, — вы не верите, что чепец был приготовлен специально для вас каким-то божеством; в таком случае давайте просто скажем, что ваш невидимый друг осторожно стащил его с *курги* путника и уронил на нашем пути. Это поистине роскошный подарок!..

¹ Курга — приспособление, состоящее из двух бамбуковых палок или согнутых веток, между которыми с помощью тонких ремней или веревки привязывают поклажу, которую носят за спиной во время пути. Это похоже на крюки, используемые нашими носильщиками.

Я позволила ламе шутить и ничего ему не ответила, но мое мнение по поводу шапки было непоколебимо: я должна ее унести. Я крепко привязала шапку к своей котомке, и мы двинулись дальше.

Йонгден оказался не прав. Невзрачный чепец не только сослужил мне службу, но, возможно, именно ему я обязана успехом своего путешествия. Это станет ясно из дальнейшего повествования.

В местности, куда мы вступили, прошел снег, и большие белые пятна виднелись среди бурой листвы, устилавшей лесную чащу. Утомившись, мы сделали остановку при входе в долину, откуда струился широкий поток, впадающий в Наг-Чу; он с шумом катил свои бурные воды. Йонгден нашел место, совершенно незаметное с дороги, где можно было разбить лагерь, но поблизости не было ни единого зеленого дерева, и оно продувалось ветром; поэтому мы решили обосноваться ниже, на обочине дороги, за грядой скал, надеясь, что никто не появится здесь ночью.

До сих пор мы почти не использовали свою маленькую палатку по назначению, но она сослужила нам ценную службу в качестве одеяла. Мы спали на манер тибетских странников, положив вещи между собой таким образом, что было невозможно ни унести, ни даже коснуться их, не задев и, следовательно, не разбудив нас. Мы держали под рукой револьверы и хранили свою дорожную казну в поясах, которые носили под плащем; порой мы прятали или зарывали их в землю рядом, а если местность казалась нам более или менее безопасной, просто клали их себе под голову. В заключение расстилалась палатка, прикрывавшая и нас, и поклажу. Когда мы проходили через заснеженные края, это полотнище белой ткани, лежавшее на земле и усыпанное листьями и ветками, нельзя было отличить от снега даже с довольно близкого расстояния, что служило прекрасной маскировкой.

В ту ночь мы не преминули устроиться таким же образом, но иллюзия безопасности, которую мы себе внущили, сделала нас слишком беспечными. Незадолго до рассвета мимо нас прошли несколько купцов, и один из них заметил что-то необычное в нашем «снежном пятне».

— Что это: снег или люди? — спросил он у своих спутников.

— Снег, — ответил один из них, вероятно не смотревший в нашу сторону и видевший вокруг лишь белую землю.

Первый из говоривших пробормотал что-то невнятное, выражая свое сомнение. Мы беззвучно смеялись под своей палаткой-одеялом, но, зная, что тибетцы горазды бросать камни по любому поводу, и опасаясь, как бы путник не решил проверить таким способом, живой или неживой наш «сугроб», Йонгден подтвердил замогильным голосом:

— Это снег.

Сонные мулы каравана отскочили в сторону, засыпав странный звук почти у своих ног, а торговцы расхохотались, оценив хорошую шутку. Тогда лама вылез из-под материи и проговорил несколько минут с купцами, которые направлялись в Атунцзе, в китайскую часть Тибета.

— Вы один? — спросили они у молодого человека.

— Да, — ответил он.

И торговцы двинулись дальше.

На следующее утро мы миновали какую-то деревню и поднялись недалеко от нее на невысокое плоскогорье, откуда увидели гору, которая казалась отвесной на расстоянии. Тонкая желтая линия на ее склоне обозначала дорогу к перевалу То, который нам предстояло преодолеть. Путешественники, желающие избежать восхождения на этот высокий хребет и еще одну вершину, расположенную непосредственно за ним, могут отправиться в обход по козьей тропе вдоль реки. Однако я знала, что эта тропа труднопроходима и даже опасна во многих местах, где нужно цепляться за скалы, карабкаться на четвереньках и проделывать акробатические этюды с ношей за спиной, что отнюдь меня не прельщало, и я выбрала более утомительный, но надежный путь.

Я не подозревала о том, что безопасность, которой я дорожила больше всего на свете, безопасность моего инкогнито, от чего зависел успех путешествия, вскоре подвергнется на избранной мной дороге величайшей угрозе. Если бы я могла это предвидеть, я, конечно, без колебаний

последовала бы по другому маршруту, где рисковала бы лишь сломать себе шею. К счастью, будущее было от меня скрыто; это приключение окончилось благополучно, и я рада, что пережила его.

Спуск с плоскогорья в долину оказался весьма приятным.

После чудесной прогулки по лесу мы обнаружили на берегу некой речушки, книзу от тропы, дивное укромное местечко, словно созданное для отдыха. Разомлев от прекрасной погоды, мы обосновались и провели здесь остаток дня, штопая свои лохмотья. Мы до того расхабрились, что даже водрузили свою палатку, когда стемнело, чтобы спать с большим комфортом, хотя были осведомлены о том, что неподалеку, на другом берегу реки, раскинулось какое-то селение.

Наутро вопреки своей привычке мы не спешили уходить, а угощались вкусным тибетским супом из старых костей и *тсампа*, как вдруг появился какой-то человек и завязал разговор с Йонгденом. Следуя традиции, предписывающей подносить гостю, который входит в ваш дом или останавливается возле места вашего привала, то, что вы едите и пьете, мой сын предложил тибетцу достать свою чашку из *амбага*¹ и отведать нашего супа. Затем последовала долгая беседа, из которой мы узнали, что наш гость является солдатом, прикрепленным к чиновнику из Лхасы, который живет как раз напротив места, избранного нами для стоянки.

Нам оставалось лишь проклинать свое легкомыслие, за неимением средства что-либо изменить. Если у человека, сидящего у нашего костра, возникли бы какие-нибудь подозрения на наш счет и он доложил бы о них своему начальнику, наша участь вскоре была бы решена. В таком случае попытка ускользнуть, вернувшись назад или пря-

¹ Обычно тибетцы носят деревянную кружку в этом своеобразном кармане. Почти повсюду в Тибете принято никогда не пить из чашки, принадлежащей другому человеку, поэтому необходимо свою всегда носить с собой. Что касается людей из зажиточных слоев общества — их чашка лежит в коробке, которую носит сопровождающий их слуга.

чась в горах, ни к чему не приведет, ибо *пёнпо*¹ прикажет нас разыскать, если мы исчезнем из вида, и наше странное поведение подкрепит его подозрение. Но, возможно, солдат не заметил в нас ничего необычного и не станет рассказывать о заурядной встрече с двумя бедолагами, возвращающимися после паломничества. Не было смысла тратить время на всяческие догадки: нам предстояло узнать об этом раньше чем через полчаса.

Я полагаю, что, когда мы двинулись в путь через селение, наша походка отчасти напоминала поступь осужденных на казнь, шагающих к эшафоту.

Дорога к перевалу пролегала по краю полей, вдали от домов, и нам не встретилось ни души. Мы поравнялись с *шёртеном*, и я трижды обошла вокруг надлежащим образом, а затем почтительно прикоснулась к нему лбом.

Мы поднимались все выше и выше, и дом *пёнпо* уже остался далеко позади; никто не пытался нас остановить, опушка леса была близка... Вскоре мы громко провозгласим *Лха жъяло*² на ближайшей вершине, возвышающейся над деревней. Мы в очередной раз избежали опасности.

— Эй! Эй!..

Какой-то крестьянин мчался, окликая нас. Возможности убежать нет, надо подождать его. К тому же он добежал до нас за несколько секунд.

— Вы должны, — сообщил он, — зайти к чиновнику, который находится в деревне.

Я похолодела: с такими же словами меня задержали полтора года назад в области Кхам, после того как я совершила тяжелый переход по снегу, а также через «железный мост»³.

Йонгден встретил опасность с ослепительным спокойствием. Он положил свою котомку на землю, дабы не да-

¹ П ё н по — начальник, важный чиновник.

² «Боги побеждают!» — торжественное восклицание, выражающее пожелание, чтобы восторжествовали добро и боги; тибетцы громко кричат его на перевалах и вершинах гор.

³ Рассказ об этом должен войти в описание другого этапа моих странствий по Тибету.

вать повода для любопытства *пёнио* и его слугам, которые, увидев наши вещи, обязательно исследуют их содержимое. Затем, не глядя в мою сторону, не говоря мне ни единого слова, словно у него в голове не укладывалось, что такая ничтожная старушка, как я, достойна предстать перед взором *кудага*¹, он повернулся к крестьянину и сказал с не-принужденным видом:

— Пошли!..

И оба они удалились, перекидываясь словами.

Я присела на корточки на дороге возле нашей поклажи и, сняв с шеи четки, принялась перебирать бусинки в руках, делая вид, что громко читаю *мани*.

«Надо зайти к *пёнио!*» — слова крестьянина продолжали звучать в моих ушах... Я снова мысленно переживала сцену, последовавшую в Кхаме за подобными речами... свое драматическое путешествие, завершившееся жалким поражением. По всей видимости, меня снова ждала та же участь. В очередной раз все лишения и душевные терзания нескольких месяцев должны были оказаться напрасными.

Я представила, как нас поведут под конвоем к ближайшей границе, через деревни, возбуждая любопытство крестьян... Однако мысль отказаться от игры ни на миг не мелькнула в моей голове. Если, к несчастью, эта попытка снова обречена на провал, я буду пробовать еще раз. Я поклялась не возвращаться на родину до тех пор, пока не добьюсь успеха.

Я была готова побиться об заклад, что выиграю и дойду до Лхасы. Но как и когда, если сегодня мне суждено потерпеть неудачу?..

Прошло полчаса, и я услышала вдали какое-то заунывное пение... Когда звук стал более отчетливым, я узнала голос Йонгдена. Мой сын возвращался, распевая ламаистский литургический гимн. Он возвращался один, с песнями; это означало, что...

Внезапная надежда и даже уверенность засияли в моей душе: нам предстояло продолжить свой путь.

¹ Кудага — человек, принадлежащий к знати.

Юный лама приблизился ко мне с лукавой улыбкой; он разжал кулак и показал серебряную монету.

— Мне пожертвовали рупию, — заявил он. — Теперь бежим скорее.

Йонгден узнал во время визита к чиновнику, что тому поручено наблюдать за путешественниками и следить за тем, чтобы никто из них не проник в глубь Тибета по дороге, ведущей на перевал, предварительно не пройдя досмотр и допрос. Мы были готовы поздравить себя с удачей, но на этом происшествия такого рода не кончились. Вскоре наши нервы ждало еще более жестокое испытание.

В то же утро немного выше в горах мы столкнулись с человеком, стремительно спускавшимся по тропе; он сказал нам, что должен приготовить перекладных лошадей для *пёнио* из Лхасы, который едет со стороны перевала То.

Эта новость повергла нас в ужас. Дорога была проложена по очень крутому склону, и здесь не было ни единого уголка, где можно было бы спрятаться. Чиновник, которого ждали, должен был увидеть нас обоих, и на сей раз, очевидно, не обошлось бы без расспросов.

Мы провели последующие часы в мучительном беспокойстве, напряженно прислушиваясь, чтобы уловить звуки приближения грозного сановника; мы отчаянно озирались по сторонам, словно ожидая, что какая-то скала или дерево развернется, как в старых сказках, чтобы дать нам приют. Увы! Чуда не произошло. Местные духи, видимо, оставались равнодушными к нашему бедственному положению.

В середине второй половины дня мы внезапно услышали звон колокольчиков: на извилистой тропе, над нашей головой, показался тучный, богато одетый человек; за ним следовали солдаты и слуги, которые вели лошадей. Путешественники спускались с горы пешком.

Сановник остановился, видимо изумленный нашим появлением. Мы с Йонгденом в соответствии с тибетским обычаем поспешили броситься на обочину дороги, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Чиновник двинулся вперед и снова остановился перед нами, окруженный своей свитой.

И тут посыпались традиционные вопросы: откуда мы родом, о нашем путешествии и на другие темы. Когда все было сказано и пересказано, *пённо* застыл на месте, продолжая молча смотреть на нас, и вся свита последовала его примеру.

Мне казалось, что мой мозг пронзают иголками, до того сильным было нервное напряжение. Быть может, эти люди считают нашу внешность и ответы подозрительными? О чём они думают? Вскоре молчание будет нарушено либо произойдет что-то ужасное для нас. Как же это предотвратить?.. А! Я придумала...

Жалобным голосом тибетской нищенки, слегка приглушенным от волнения, которое должно было сойти за благословение, я попросила подаяние:

— *Куши римпоче, нга тсо ла сёльра нанг рог нанг!* (Благородный господин, подайте милостыню, пожалуйста!)

Звук моего голоса отвлек всех от напряженных раздумий. Я физически ощутила, как разрядилась атмосфера. Тибетцы перестали сверлить нас испытующими взглядами, некоторые из них принялись громко смеяться. Добрый чиновник достал из кошелька монету и протянул ее моему спутнику.

— Мать! — воскликнул Йонгден, изображая неописуемую радость. — Смотрите, что дал нам *пённо*!

Я выразила признательность иначе, в соответствии с избранной ролью, пожелав нашему благодетелю — впрочем, весьма искренне — процветания и долгих лет жизни. Он улыбнулся мне; я приободрилась и завершила представление в чисто тибетском духе, показав ему язык, что является одной из самых почтительных форм местного приветствия. Внешне оставаясь серьезной, внутренне я откровенно веселилась.

— *Жетсунема*¹! — сказал мне Йонгден несколько минут спустя. — Вы не ошибались, уверяя меня в лесах Ха-Карпо, что «нашлете на них сон и заставите видеть миражи». Этот толстый мужчина и его свита наверняка были околованы.

Стоя возле пирамиды из камней на вершине перевала, мы выразили свою радость, завопив во весь дух:

— *Лха жыяло! Де тамче нам!..* (Боги побеждают, демоны потерпели поражение.)

Но упоминание о демонах в фамильярной форме отнюдь не следует воспринимать как намек на двух велико-душных *пённо*, которых мы повстречали. Напротив, пусть счастье и успех сопутствуют им до последнего дня их земной жизни, а также в потустороннем мире!

¹ Жетсунема — почтенная дама.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Переход через перевал Ку. — Йонгден применяет свой пророческий дар, чтобы помочь ослику. — Я впервые вхожу в тибетский дом в качестве гостя, под видом нищенки. — Страшная ночь возле монастыря Дайюл. — Горячие источники и ночное купание на свежем воздухе в мороз. — Новые опасения по поводу моего инкогнито. — Мы сворачиваем с дороги и блуждаем по горам. — Я переправляюсь через Салуин, прикрепленная к тросу сомнительным крюком. — Происшествие. — Я качаюсь в пустоте над рекой

Стоит ли говорить, что эта новая победа наполнила нас радостью, но радость была омрачена тягостным нервным напряжением. Мы постоянно были настороже, прислушивались и озирались по сторонам, и на каждом повороте дороги нам снова мерещились пёно.

Когда мы спускались с перевала То, медленно приближающийся звон колокольчика вновь привел нас в волнение: мы подумали, что опять столкнемся с каким-нибудь

чиновником или странствующим солдатом. Но это была всего лишь безобидная коза, нагруженная сумками с продуктами¹. Ее хозяева, старый Кампа и его жена, совершили паломничество к Ха-Карпо.

Устав и телом, и душой, мы не были расположены шагать всю ночь либо просить приюта в какой-нибудь деревне, где, вероятно, нам пришлось бы провести вечер среди болтливых крестьян. Дорога пролегала через лес, по склону горы, куда редко попадали солнечные лучи; края ручьев были скованы кромкой льда, и почва сильно замерзла. Не надеясь отыскать приятное место для привала, за неимением лучшего, мы остановились в одной долине печально-го вида, в конце которой виднелись заснеженные склоны гор. К счастью, в чаще было много валежника. Однако, когда мы сложили стволы деревьев в кучу и зажгли, их оказалось недостаточно, чтобы нас согреть; мы озябли и дрожали на фоне мрачного пейзажа, который, казалось, усугубляя мучительное ощущение леденящего холода, пробиравшего нас до костей.

На следующий день, после обеда, мы добрались до некоей деревушки, раскинувшейся у подножия Ку-ла². Йонгден зашел в несколько домов, чтобы купить продукты. Славные крестьяне пригласили его остаться у них до следующего утра, так как, по их словам, было уже слишком поздно, чтобы пытаться перебраться через перевал до наступления темноты. Но до сих пор мы шли так медленно, что я решила сделать наши переходы более длинными. Также мне еще не приходилось ночевать в тибетских домах, и я считала, что разумнее сначала продвинуться в глубь страны, прежде чем затевать долгие беседы с местными жителями, позволяя им рассматривать меня вблизи. По этой причине я продолжила свой путь, в то время как мой спутник задержался в деревне. Он нашел благовидный предлог, чтобы отклонить приглашения крестьян, сослав-

¹ В некоторых областях Тибета иногда используют коз и баранов для перевозки легких грузов.

² Перевал Ку.

вшись на то, что его старая мать ушла уже слишком далеко и он не может ее вернуть.

Мы приготовили суп, расположившись прямо на дороге, и, поднявшись вверх через густой лес, преодолели перевал около полуночи.

В результате восхождения мы согрелись и устали, и меня так и подмывало поставить палатку между больших елей, возвышавшихся плотными рядами на покрытом ровной травой крошечном плоскогорье, между двумя склонами горы. Мы цеплялись за деревья на каждом шагу, будучи не в силах разглядеть их в кромешной тьме.

Примерно час спустя мы вышли на просторную поляну, покрытую дерном и окаймленную большими деревьями; ни единого кустика не росло на ней. Прогалину замыкала грязь скал, возле которой струился бурный поток. Это было идеальное место для отдыха, и множество *ми дёсса*, которые мы нашли, исследуя поляну, подтвердили, что другие тоже оценили ее очарование.

Мы не стали ставить палатку и растянулись на земле.

Когда Йонгден делал покупки у подножия Ку-ла, он слышал разговоры о разбойниках, которые бродят в этих краях, и мы не хотели рисковать, опасаясь привлечь к себе их внимание. Все же мы развели небольшой костер, чтобы приготовить чай, и погасили его, как только вскипела вода.

Мы позволили себе понежиться утром, чтобы отдохнуть после ночного перехода. Затем отведали мучной каши, показавшейся мне восхитительной по причине моего превосходного аппетита, который еще больше усилился от бодрящего высокогорного воздуха и долгих ежедневных переходов. И тут перед нами появился человек. Я сразу его узнала: это был один из крестьян, перевозивших багаж *пёнто*, которого мы встретили, поднимаясь к То-ла. Разумеется, он нас тоже узнал и тотчас же уселся возле костра. Поскольку он был свидетелем великодушия, проявленного по отношению к нам чиновником, мы не могли вызвать у него никаких подозрений; я продолжала спокойно сидеть и заговорила с ним, а Йонгден предложил ему достать чашку из кармана и разделить с нами трапезу. Простые ти-

бетцы никогда не упускают подобного случая: у них податливые желудки, позволяющие им есть в любое время и в любом количестве.

Как можно догадаться, крестьянин попросил Йонгдена погадать ему (мой сын уже начал привыкать к этому занятию), а затем удалился, взяv с нас обещание, что мы остановимся в его доме, расположенному неподалеку, в деревне под названием Жъятонг.

В то же утро мы прошли еще через один небольшой перевал, а затем, после длительного спуска по ровной тропе, оказались среди возделанных полей. Немного дальше мы повстречали большую ватагу паломников. Несколько человек обратились к моему спутнику с неизбежной просьбой предсказать им будущее. На сей раз целью *мо*¹ было выяснить, нужно ли им брать с собой к Ха-Карпо маленького осла, нагруженного вещами, или лучше оставить животное в монастыре Педо, где хозяин заберет его, возвращаясь домой.

Сердобольный прорицатель не мог не избавить бедного ослика от тягостного похода по тернистым тропам и перевалам, которые в это время года, вероятно, были завалены сугробами снега. Он заявил, что животное, несомненно, погибнет, если его поведут к Ха-Карпо, и что эта смерть, которая случится во время паломничества, значительно уменьшит заслуги богомольцев и снизит шансы на благополучное завершение их святого путешествия.

Йонгденасыпали похвалами за бесценный совет, а дары, в которых реально выражалась признательность странников, пополнили наш запас продовольствия.

В то время как юноша милостиво решал судьбу невинного животного, появился некий лама в роскошном одеянии из желтого атласа; он и несколько его слуг восседали на прекрасных лошадях.

Я заметила, что, проезжая мимо нас, он украдкой бросал взгляды в сторону моего приемного сына. Быть может, его душу тоже терзали различные вопросы и он хотел разрешить их с помощью «ясновидящего» в красной шапке,

¹ Мо — различные способы гадания.

умевшего разгадывать секреты судьбы. Но лама был слишком важным, чтобы осквернить дорогую парчу своего прекрасного дорожного костюма, ступив на пыльную тропу. Он дважды поворачивал голову в сторону Йонгдена, но заметил, что я наблюдаю за ним. Тогда, видимо устыдившись, что он обратил внимание на заурядного *арджона*, лама выпрямился в седле, и я проводила взглядом его спину цвета солнца и навес из позолоченного дерева, прикрывавший его голову и напоминавший крышу монастыря, настоятелем которого он был.

Вторая половина дня едва началась, нам не хотелось так рано делать остановку. Поэтому, вместо того чтобы искать дом гостеприимного крестьянина, мы постарались быстро пересечь деревню.

Мы уже приближались к последнему дому и шли вдоль стены, огораживающей какой-то двор, как вдруг открылась дверь, и человек, встречи с которым мы стремились избежать, возник перед нами, отделившись от стены, словно призрак.

Должно быть, он поджидал нас, и, хотя у меня были все основания полагать, что крестьянин отнюдь не сомневается в нашем тибетском происхождении, это обстоятельство вызвало у меня беспокойство. Йонгден тщетно пытался с ним спорить; добрый селянин не желал ничего слышать. Почему же, недоумевал он, мы непременно хотим следовать дальше, если все равно не сможем добраться до ближайшей деревни засветло. Не лучше ли нам провести ночь в тепле его дома? Наше сопротивление его удивило, оно и в самом деле выглядело очень странно и шло вразрез с местными обычаями. Настоящий *арджона* никогда не отказывается от подобного приглашения, которое считается большой удачей.

Мне надоела настойчивость крестьянина, но я опасалась, что мое поведение покажется слишком подозрительным, если я буду упорствовать в своем отказе. Поэтому я сделала знак Йонгдену, чтобы он поддался на уговоры, и мы вошли в дом, громогласно выражая свою признательность его хозяевам и желая им благополучия, как подобает беднякам. Нас провели на второй этаж, где располагались

жилые покой; на первом этаже, как принято в Тибете, размещался хлев.

Я впервые попала в тибетский дом под видом нищенки. Его внутреннее убранство было мне знакомо, но в связи с ролью, которую я избрала, мое положение было иным, чем во время предыдущих странствий.

Теперь мне было суждено изведать на собственном опыте немало вещей, которые до сих пор я наблюдала лишь издали. Мне предстояло сидеть на шероховатом кухонном полу, где ежедневно оставалось множество следов жирного супа, масляного чая и плевков домочадцев большой семьи. Я представила, как добрейшие женщины, преисполненные благих намерений, будут протягивать мне остатки мяса, которое резалось на подолах платьев, не один год заменявших им кухонные тряпки и носовые платки. Мне придется есть, подобно беднякам, обмакивая *тсампа* немытыми пальцами в суп или чай, а также приспосабливаться к обычаям, одна мысль о которых вызывала у меня тошноту.

Однако в этом суровом испытании будут и свои преимущества. Заурядное одеяние нищей паломницы позволит мне подметить немало деталей, недоступных западным путешественникам и даже тибетцам высшего общества. К знаниям, полученным от тибетских ученых, добавятся другие, не менее интересные сведения, которые я приобрету в среде простых людей. Ради этого стоило преодолеть свою брезгливость.

Хозяин дома, где мы остановились, был зажиточным крестьянином, но тем не менее он не стал возражать, чтобы мы сварили обед из собственных продуктов. Когда суп был готов, он также не отказался от своей порции, вероятно полагая, что заслужил ее благодаря нескольким репкам, которые он мелко порезал и бросил нечищенными в котелок.

Вечером явились гости, и наш хозяин не преминул поведать им о щедрости двух чиновников по отношению к нам. В ответ Йонгден дерзко заявил, что благородные господа из провинций Ю и Цанг, будучи образованными и на-

божными людьми, никогда не забывали оказывать верующим милости, и он привык к таким подношениям.

Я воспользовалась случаем, чтобы выяснить, где еще нам следует рассчитывать на встречу с *нёнто* из Лхасы, сказавшись на то, что мы истратили все свои деньги за время долгих странствий и надеемся лишь на милосердие благочестивых вельмож, чтобы обеспечить себе пропитание, пока не вернемся домой.

Я придумала это, чтобы, не возбуждая подозрений, добить как можно более точные сведения о местонахождении представителей лхасских властей. Таким образом, настойчивость, с которой яправлялась о мельчайших подробностях расположения *дзонгов*¹ и скрытых путей, ведущих к ним, объяснялась тем, что я как бы опасалась пройти мимо этих благословенных мест, где манна небесная сыплется в котомки бедных *арджона*.

Странники, столь рьяно искавшие встречи с властями, должны были внушать доверие, и если даже у кого-то возникли бы сомнения по поводу моей национальности, они тотчас же развеялись бы от похвал, которые я расточала зачастую мнимым щедротам наместников, через владения которых мы проходили.

В тот же вечер я узнала, что в долине Наг-Чу проходит набор в армию, почти таким же образом, как это принято в северной области Кхам. Некоторые крестьяне зачислялись на службу; они продолжали жить дома и занимались повседневными делами, но должны были по первому приказу властей собираться в поход и отбывать другие повинности, входящие в круг обязанностей тибетских призывников. Эти полусолдаты пользовались отдельными льготами: их полностью или частично освобождали от налогов и барщины, иногда они получали небольшое жалованье, большей частью в виде продуктов.

Что касается собственно армии, она состоит из профессиональных наемных военных, которые поочередно

¹ Д з о н г — первоначально: укрепленный замок; в наши дни это слово относится к любому жилищу высокопоставленного правительственно-го чиновника или вождя племени, когда его не именуют *поданг* — дворец.

проводят учения в Жианцзе под руководством англичан. Они неплохо вооружены европейскими ружьями старого образца и способны держать в страхе и побеждать неорганизованные войска китайских генералов из Сычуани, но солдаты любой западной армии быстро взяли бы над ними верх.

На рассвете мы покинули наших добрых хозяев, которые первыми приютили нас во время этого рискованного путешествия, а затем отправились дальше через долину.

Существует не много местностей, исполненных такого же безмятежного и очаровательного величия, как долина реки Наг-Чу. Наша тропа, долго змеившаяся по светлому лесу, время от времени выводила нас на природные лужайки, словно специально украшенные скалами разнообразной формы. То и дело какой-нибудь голый уединенный утес возвышался посреди травы, словно памятник, а другие скалы прятались под покровом растительности либо нелепо торчали между рядами зеленых деревьев. Величественные силуэты одиноких елей вырисовывались на заднем плане в обрамлении осенней листвы, золото которой копировало фон византийских мозаик. Кипарисы стояли рядами, образуя сумрачную аллею, перерезанную вдали бирюзовой линией реки. Все было окутано атмосферой легкой тайны. Мне казалось, что я шагаю по страницам старых сказок с картинками, и я не слишком бы удивилась, узрев тайное собрище эльфов, восседающих на солнечных лучах, или наткнувшись на дворец Спящей Красавицы.

По-прежнему стояла чудесная погода, и, как ни странно, ночи не были по-настоящему холодными, хотя лужи и ручейки замерзли.

Странные отблески скрытых костров, которые возбуждали у нас такое любопытство в лесах Ха-Карпо, вновь засияли в темных закоулках этого природного парка. Они сделались столь привычной частью ночных пейзажа, что мы перестали обращать на них внимание, чем бы ни было вызвано это явление: лунными лучами или *ми ма йин*, как утверждал Йонгден.

Теперь нам ежедневно встречались группы паломников, направлявшихся к Ха-Карпо. Деревни были расположены довольно близко друг от друга, и мы могли бы ночевать под крышей, если бы захотели, но я предпочитала спать под деревьями, в тишине и покое.

Видимо, в долине водились дикие животные. Однажды вечером, когда я бодрствовала, несмотря на довольно поздний час, неподалеку от нас пробежал волк. Он также разглядел путников, лежавших на сухих листьях, при свете луны, но не проявил по отношению к нам ни малейшего любопытства и отправился дальше.

В другой раз, когда мы шли глубокой ночью, а затем сделали привал между скал возле моста, перекинутого через широкую реку, большой серый волк спустился по тропе, направляясь в нашу сторону. Он удостоил нас мимолетным взглядом, а затем продолжил свой путь с безучастным видом.

Другие животные этого вида не попадались мне в здешних краях, в то время как в ходе моих странствий по просторам Северного Тибета волки, напротив, встречались довольно часто и бродили стаями возле моего лагеря.

Забавный случай приключился со мной в одном из селений, расположенном в долине Наг. Как я уже упоминала, я использовала тушь для окраски своих волос в черный цвет. Иногда я вынимала влажную кисточку для туши, чтобы ее просушить, и мои пальцы, разумеется, становились черными.

Никто не обращал на это внимания, ибо избранный мной образ старой нищенки предполагал как можно более грязную кожу, и я часто натирала руки и лицо жирной сажей, взятой со дна нашего котелка, чтобы уподобиться местным крестьянкам¹. И все же как-то раз...

В тот день я распевала псалмы у дверей домов, по обычаям неимущих паломников. Одна добрая женщина при-

¹ Темный цвет лица жительниц сельской местности Тибета объясняется тем, что они почти никогда не моются и намазывают кожу маслом, копотью, различными лаками и смолой, которые превращают их почти в негритянок.

гласила нас с Йонгденом к себе и дала нам поесть. Трапеза состояла из кислого молока и *тсампа*. Как водится, сперва в деревянную миску, которую всякий тибетец всегда носит с собой, наливают молоко, а затем кладут туда *тсампа* и перемешивают все пальцами. Забыв о процедуре, проделанной несколькими часами раньше, я решительно окунула пальцы в миску и принялась крошить лепешки. Что же при этом произошло? Молоко помутнело, и на его поверхности появились черные разводы... Наконец до меня дошло, что с моих пальцев сходит краска. Если бы я могла выплеснуть содержимое своей миски! Но об этом нечего и думать: нищие не проливают полученного угощения. Что же делать?.. Йонгден, бросив на меня беглый взгляд, догадался о моем бедственном положении. Ситуация приняла серьезный оборот, какой бы комичной она ни выглядела со стороны: мои пальцы, от которых чернеет белая каша, могут вызвать расспросы и выдать меня. Мой юный спутник недолго пребывал в замешательстве и быстро нашел очень простой выход.

— Глотайте! — прошептал он.

Я попыталась. Какой отвратительный вкус!.. Сделать новый глоток казалось невыносимым.

— Глотайте!.. Глотайте же скорее! — повторил Йонгден повелительным тоном. — Сюда идет *немо*¹.

Я закрыла глаза и... проглотила.

Мы поднимались по дивной долине в направлении монастыря Дайюл², следуя через деревни и леса, леса и деревни. Хотя мои предыдущие встречи с *пёнто* закончились благополучно, у меня не было ни малейшего желания вновь подвергаться подобным случайностям. Зная, что в Дайюле обосновался еще один чиновник, я решила миновать монастырь ночью.

На первый взгляд это казалось просто, однако из-за того, что мы плохо ориентировались в этой местности — на дороге не было километровых столбов — и приходилось идти через лес, где уменьшался обзор, было довольно трудно оценить расстояние, которое следует преодолеть, и рассчитать время таким образом, чтобы добраться до монастыря в назначенный час.

Утром крестьяне сказали нам:

— Вы дойдете до Дайюла сегодня.

Что за расплывчатое разъяснение! Нужно ли нам шагать быстро или идти не спеша, чтобы достичь цели засветло? Мы не могли этого понять.

Опасаясь выйти из леса к монастырю до наступления темноты, мы провели часть дня под деревьями у реки, где ели, пили и размышляли. В итоге это безделье закончилось довольно плачевно. Мы находились гораздо дальше от Дайюла, чем предполагали, и прошли большое расстояние, не обнаружив ни малейших признаков монастыря. Мы с опаской продвигались по рабской безлюдной долине, казавшейся в темноте еще более романтичной, силясь разглядеть на противоположном берегу реки, где, как мы знали, возведен монастырь, очертания построек. Все больше

¹ Немо — хозяин дома применительно к женщинам из народа.

² Название Дайюл, или Драйюл, нанесено на карты, но местные жители называют это место Тейю (иногда Дейю).

крепла уверенность, что из-за долгого дневного отдыха наш план рухнул и мы доберемся до Дайюла лишь после восхода солнца. Время шло, и мое беспокойство все возрастало.

Я энергично шагала впереди; внезапно тропа расширилась и вывела нас из леса; я увидела что-то белое, напоминавшее стены. Пройдя еще несколько шагов, мы подошли к мендонгам, разделенным *шёртенами*. Высокие хоругви образовали длинный ряд, словно несли безмолвную вахту вокруг этих сооружений: зрешище было поистине впечатляющим в темноте.

Мы по-прежнему не могли разглядеть каких-либо жилых строений на другом берегу реки, но мендонги и *шёртены* свидетельствовали о том, что мы находимся напротив монастыря. Я была слишком хорошо знакома с традициями Тибета, чтобы этого не понять. К тому же немного дальше показался большой мост, о котором мы слышали, и у нас не осталось ни малейших сомнений: мы находимся возле Дайюла.

Теперь следовало как можно быстрее удалиться от монастыря. Казалось, что нет ничего проще, но тут, как назло, поднялся встречный ветер, и ночь едва не закончилась трагически.

Прежде всего тропа, по которой мы следовали, с тех пор как вступили в долину Наг, резко обрывалась у скал возле второго моста, о существовании которого нам никто не рассказал. При входе на мост виднелась стена с проделанным в ней отверстием для двери.

Другого пути не было, и мы прошли по мосту. Он привел нас к дому, заслоненному большими деревьями; разлившаяся под окнами дома река текла по каменистому руслу.

Этот дом, затаившийся в темноте, пугал нас, несмотря на свои закрытые ставни; нам следовало быстро и бесшумно миновать его, но, к сожалению, камни, попадавшие нам под ноги, громко стучали, отлетая в сторону.

Несколько минут спустя я убедилась, что мы сбились с пути. Мне еще не приходилось видеть, чтобы хорошо за-

метная тропа неожиданно превратилась в столь опасный проход. Я подумала, что мы оказались на дороге, ведущей на какую-то мельницу, и нам следует вернуться назад.

Я пыталась как можно точнее вспомнить все, что знала о топографии этой местности. Дорога, которая начиналась в Дайюле и вела в Дова, меня не интересовала. Главный путь к Тсава-Тинто, на который я надеялась выйти, пролегал по левому берегу Наг-Чу. Другие тропы вели к той же деревне по правому берегу. Значит, был выбор, как говорили мне крестьяне, стоит переходить через реку или нет; я решила остаться на левом берегу, чтобы не приближаться к монастырю, и поэтому сбилась с пути.

С этими мыслями я повернула обратно, и Йонгден последовал за мной. Мы уже подходили к краю моста, как вдруг послышался какой-то шум. Что это за шум? Кто его производил? Люди, животные или духи? Мы не стали мешкать, чтобы это выяснить. Шум означал возможную опасность, единственную и главную опасность, которой мы старались избежать, чтобы остаться незамеченными на пути в Лхасу. Мы инстинктивно бросились в распахнутую дверь, замеченную чуть раньше, и, замерев, распластались в самом темном закоулке огороженного участка, а через минуту, когда шум затих, решились оглядеться вокруг. О ужас!.. Мы находились во дворе дома, низкая дверь которого виднелась в двух шагах от нас. Вероятно, там спали люди, которые могли проснуться и выйти во двор, либо собака должна была почуять наше присутствие и залаять... Мы выбежали из своего опасного укрытия так же стремительно, как вошли туда, и вновь оказались на той же самой тропе.

Ночь стояла ясная, но безлунная, и звезды, какими бы яркими они ни были, недостаточно хорошо освещали окрестности, чтобы можно было ориентироваться. Мы пытались отыскать другой путь, но с безысходностью признали, что выбраться отсюда можно только по одному из двух мостов.

Мы не знали, что думать. Неужели все собранные нами сведения неточны? Скорее всего, мы неправильно их истолковали. Как бы то ни было, нельзя больше блуждать

поблизости от домов и в виду монастыря, откуда нас могут заметить с первыми проблесками зари. Нам следовало очень быстро покинуть это место и брести наугад, рискуя избрать неверное направление, если даже пришлось бы на следующий день искать дорогу либо полностью изменить маршрут.

И тут Йонгден решил отправиться на разведку и осмотреть местность за большим мостом. Этот мост находился напротив *гомпа*, белевшего на горе, в укромном месте, очень высоко над рекой, и его расположение напоминало мне *чагдзам*¹ и неудачу, которую я там потерпела. В этом воспоминании даже сейчас не было ничего приятного, и оно не прибавляло бодрости.

Доски настила моста сильно затрещали под ногами юного ламы, затем воцарилась тишина, и долгое время я слышала лишь журчание воды у берега. Вскоре в темноте опять послышался стук досок, ударявшихся друг о друга. Это возвращался Йонгден. Я подумала, что шум нельзя не услышать. Сейчас проснутся жители деревни и слуги, прибегут солдаты. Я ждала, что меня окликнут, прикажут показаться и объяснить, почему я брошу в сей неурочный час, но еще больше я боялась внезапных выстрелов во тьме и пули, которая может ненароком попасть в моего сына...

К счастью, опасения не оправдались; ничто не нарушило ночной тишины, и мой разведчик вернулся целым и невредимым. Его донесение было удручающим. Он обнаружил лишь одну тропу, поднимавшуюся от реки к монастырю. Весьма вероятно, что другие дороги начинались за

¹ Чагдзам — железный мост, протянутый над широким притоком Меконга Джи-Чу. Он состоит из цепей, на которых лежат в ряд ничем не закрепленные доски. Я переходила по нему ночью во время предыдущего путешествия. Это был один из самых драматических моментов моих странствий по Тибету. У сопровождавшего меня слуги от страха помутился разум, что привело к внезапному нервному припадку, и мне пришлось бороться с ним на мосту, который раскачивался, как качели, чтобы заставить его идти дальше и не дать ему броситься в пенившуюся под нами стремнину, увлекая меня за собой.

монастырем, но у нас не было желания приближаться к нему, чтобы в этом убедиться.

Хотя шум, произведенный моим спутником, не вызвал немедленного отклика, нам следовало срочно уходить.

Мы снова побежали ко второму мосту, миновали два дома и, наконец выбравшись из заваленной камнями воды, достигли небольшой часовни, построенной под деревом. Здесь дорога разветвлялась. Мы повернули налево, предполагая, что в этой стороне более открытая местность, вскарабкались по крутой, отвесной, как лестница, тропе и приблизились к деревне. Обойдя ее, мы оказались среди оросительных каналов и полей, расположенных уступами. Куда же идти теперь?

Йонгден снова отправился на разведку, положив свою ношу рядом со мной, а я уселись на камни. Мне пришлось долго ждать, затем я услышала, как где-то выше, на горе, яростно залаяла собака. Там ли находился лама? Сможет ли он отыскать дорогу? Йонгден все не возвращался. Прошло более двух часов, и я с тревогой смотрела на светящиеся стрелки своих часов. Что же с ним случилось?..

Вдали послышался шум падения больших камней. Что это: обвал или несчастный случай? Ночью, в темноте, всякий неверный шаг может стать роковым, и этого достаточно, чтобы бедный бродяга полетел вниз с горы, разбил себе голову о камни или утонул в реке. Я встала, собираясь отправиться на поиски юноши. Он слишком задерживался, и я предчувствовала беду.

Как же мне найти своего спутника? Если даже нам чудом удастся встретиться, сумеем ли мы отыскать место, где оставили вещи? Не лучше ли было подать ему какой-нибудь хотя бы едва заметный знак, чтобы он не сбился с пути?

Благородумие подсказывало мне не двигаться с места, и снедавшая меня тревога усугублялась бездействием.

Наконец Йонгден вернулся. Я угадала: он поскользнулся и покатился вниз вместе с обрушившимися камнями. Зацепившись за кусты, которые росли на небольшом участке земли, он увидел, как рядом с ним рухнула часть утеса, едва не задев его. Хотя он говорил тихо, голос выда-

вал возбуждение человека, чудом избежавшего смерти, но больше всего его беспокоили поиски дороги. Ему так и не удалось ее найти. Тем не менее он принес интересное сообщение. Мы не переходили Наг-Чу. Один из двух мостов, заканчивавшийся у подножия монастыря, пересекал эту реку, а другой был переброшен через один из ее притоков. Мы должны были сразу же об этом догадаться, сопоставив длину мостов, но темнота, спешка и страх, обувший наши души, не позволили нам рассуждать здраво. Одним словом, мы по-прежнему находились на левом берегу и могли следовать дальше по тому же пути, который тщательно описывали нам столько добрых людей. Тем не менее мы не решались продолжать осмотр местности ночью, ибо последняя попытка едва не обошлась нам слишком дорого. Также нельзя было оставаться на голом склоне, где, вероятно, как только рассветет, появятся крестьяне. Как мы сможем объяснить им свое присутствие здесь, ведь это место явно не было рассчитано для отдыха.

— Мы снова должны спуститься вниз, — сказала я Йонгдену, — и, если потребуется, вернуться к *мендонгам* напротив *гомпа*. Если кто-то увидит нас там на заре, наше поведение по крайней мере не покажется странным: многие *арджона* nocturni на обочине дороги, под прикрытием *мендонгов*. Ничего другого не остается.

Мы опять прошли через деревню, но за это время долгая зимняя ночь подошла к концу. Когда мы приближались к последнему дому, светлая полоса показалась на горизонте: наступил рассвет.

Теперь не было больше смысла спускаться ниже. На заре мы вновь стали честными паломниками, которые двинулись в путь до того, как запоет петух, как говорят в Тибете. Оставалось лишь выяснить, в какую сторону направить стопы, и ускорить шаг.

Йонгден снова оставил меня одну у какой-то изгороди и, поднявшись вверх, постучался в дверь одного из домов. Заспанный мужчина открыл ставни, и мой спутник узнал от него, что нам следует вернуться на то место, где мы провели часть ночи, и оттуда мы сможем выйти на главную

дорогу, расположенную справа от часовни, которую мы видели.

Как только Йонгден принес эту добрую весть, мы снова взвалили свои котомки и в очередной раз прошли через злополучную деревню. Мы шагали осторожно и почти бежали, чтобы поскорее скрыться от глаз местных жителей. Их еще не было видно; что касается человека, у которого Йонгден узнавал дорогу, он меня не видел и будет рассказывать лишь о ламе-паломнике, странствующем в одиночестве. Это обстоятельство полностью совпадало с моим желанием избегать любых встреч, способных навести на мой след.

К концу подъема мы обнаружили еще одно селение, гораздо более крупное, чем предыдущее.

С возвышенности открывался превосходный вид на монастырь, расположенный намного ниже, у реки. Его многочисленные строения, побеленные известью и окрашенные в розовый цвет лучами зари, красиво смотрелись на темном фоне леса. Но сейчас было не время восхищаться пейзажем.

Крестьяне уже выходили из домов и шли за водой. Каякая-то женщина посмотрела в мою сторону, и я сочла разумным благоговейно обойти вокруг *шёртена*, возвышавшегося на разилке двух дорог.

Следовавший за мной Йонгден заметил лишь одну из них; видя, как я совершаю обход памятника, он неверно истолковал мои действия, решив, что дальше прохода нет. Это укрепило его уверенность, и Йонгден устремился на ту дорогу, которую видел, считая ее единственной.

Я помчалась за ним, чтобы предупредить его, что он удаляется от Наг-Чу, но, прежде чем я его догнала, перед нами появился какой-то человек. Вежливо, но в то же время сверля ламу пристальным взглядом, от которого я вздрогнула, он принял задавать ему всевозможные вопросы о том, откуда он пришел, о его путешествии и о нем самом. К моему великому изумлению и радости, незнакомец не удостоил меня ни единственным взглядом.

Йонгден, изнуренный ночными блужданиями, нервничал и отвечал невпопад. В конце концов он разразил-

ся дурацким смехом, хотя смысл его слов не соответствовал этой веселости. Я чувствовала, что умираю от страха.

Незнакомец рассказал нам то, что я уже поняла: мы двигались в сторону Чамдо, а не Дзогонга, куда, по нашим словам, мы направлялись. Поэтому пришлось вернуться назад до *шёртена* и свернуть на тропу, пролегавшую по долине Наг-Чу.

Вот чем закончилась эта трудная ночь... Нас увидели и рассмотрели с близкого расстояния, и этот крестьянин, похожий на солдата или интенданта, состоящего на службе у *пёни*, узнал, куда мы следуем.

Солнце уже взошло; мы в последний раз взглянули на дивный монастырь Дайюл в зеленом обрамлении густого леса и двинулись дальше неторопливым шагом. Зачем теперь было спешить!..

Я думала о том, что человек, настойчиво расспрашивавший Йонгдена, предупредит чиновника из Лхасы о появлении странных людей. Я рассчитала в уме время, которое потребуется ему, чтобы добраться от деревни до *гомпа*, добиться приема у «большого человека», оседлать лошадь

и догнать нас. Видимо, нам не придется долго ждать — всадник не станет мешкать; не пройдет и часа, как нас схватят.

Однако пока со стороны Дайюла никого не было видно... Нет, вот идет крестьянин... он несет на плече мешок... *Лённо* не стал бы посыпать за нами человека с грузом... Он догнал нас и проследовал дальше. Мы тоже продолжили свой путь.

Звон бубенцов заставил меня вздрогнуть. Приближалася какой-то всадник. Я сделала над собой усилие, чтобы не упасть в обморок, чувствуя, как кровь отливает от моей головы и все вокруг темнеет, и едва успела отскочить на обочину дороги, чтобы не угодить под копыта лошади. Всадник пронесся мимо, и звук бубенцов постепенно затих.

Мы почти окончательно успокоились, но волнение, усталость и бессонная ночь начали сказываться. Наши силы — на исходе. Книзу от дороги, по которой мы шли, гора спускалась к реке широкими уступами, поросшими лесом.

Местность вновь приобрела вид дворянского парка. Золотые и пурпурные осенние листья сияли между рядов суровых елей, устилая траву, припорошенную легким снегом. Никогда еще ни у одного императора не было во дворце столь роскошных ковров и обивки.

Я велела Йонгдену следовать за мной. Вскоре мы нашли прелестный уголок у высоких скал. Чай быстро закипел, и мы уплетали *тсампа* с диким аппетитом. Признаться, самые горькие переживания никогда не могли лишить меня способности есть и спать. Сон! Это то, в чем мы нуждались больше всего. Блистательное знойное солнце, восходящее на небе, согреет нас. Я растянулась на бурой траве, собираясь подложить котомку под голову... Довела ли я это движение до конца?.. На меня навалился сон, и Тибет со всем остальным миром перестал существовать.

Мы снова двинулись в путь во второй половине дня, уже почти поверив в то, что у последнего тревожного слуха, как и у предыдущих, не будет никаких неприятных

последствий и мы в очередной раз отделались легким испугом. Вскоре мы подошли к полноводному источнику, бурлившему вокруг нависавшей над ним скалы, и я обрадовалась возможности принять горячую ванну.

В этом месте, под прикрытием скалистой стены, была оборудована примитивная купальня, огороженная камнями. Оставалось лишь дождаться темноты, когда я смогу раздеться, обнажить свою белую кожу, не опасаясь взглядов случайных прохожих.

Какова же была моя досада, когда у источника появилось семейство богомольцев: отец, мать и трое детей, которые обосновались возле нас. Я нисколько не сомневалась в том, что должно было произойти! Сейчас все они усядутся в водоеме, ибо, хотя тибетцы обычно пренебрегают ежедневными гигиеническими процедурами, они чрезвычайно верят в целебные свойства горячих природных источников и с готовностью окунаются в их воды всякий раз, когда это удается¹. Таким образом, если я не откажусь от своего плана, мне придется ночью войти в воду, где уже плескались немытые люди. Хотя вода в купальне благодаря непрерывному течению обновлялась, эта мысль была мне явно не по душе.

Естественно, все произошло, как я и предполагала: Йонгден, которого я убеждала поскорее воспользоваться чистой водой, сообщил мне, что его опередил отец с тремя своими отпрысками.

Мне оставалось только ждать, и ждать пришлось долго. Блаженство от погружения в теплую воду в холодную пору удерживало тибетцев в купальне более часа. Уже совсем стемнело; немного подморозило, и пронизывающий ветер гулял в долине, сухая мне не слишком приятные ощущения, когда придется выходить из воды и растираться полотенцем, размер которого не превышал тридцати квадратных сантиметров. Новая задержка была вызвана желанием дождаться смены воды, но я раздумала купаться, так как

¹ В Тибете существуют незатейливые курорты с водами, где оборудованы купальни в маленьких домиках. Многие купальщики приходят сюда издалека, и некоторые проходят курс лечения каждый год.

Йонгден страстно умолял меня не мыть лица, которое за это время стало таким темным, что почти не отличалось от лиц тибетских крестьян.

Несколько дней спустя, когда мы неторопливо брали вдоль реки, нас догнали двое лам в дорожных костюмах. Они остановились, принялись расспрашивать нас о наших родных краях и о многих других вещах; при этом один из путников глядел на меня особенно пристально. Они сказали, что состоят на службе у наместника Меконга; он поручил им доставить письмо офицеру, который находился в Дзогонге.

Йонгден также заметил, что взгляд одного из мужчин был прикован ко мне, и, как только ламы скрылись из вида, наша фантазия забурлила — очевидно, так же вели бы себя на нашем месте другие путешественники. Среди различных гипотез, одна ужаснее другой возникавших в наших головах, мы выбрали следующую версию: после того как мы прошли через область Меконг, поползли слухи; вероятно, у кёгнера Лахангры или жителей Вабо возникли сомнения на наш счет. Эти слухи дошли до наместника с опозданием, и он отправил двух своих слуг уведомить о нас коллегу из Дзогонга, чтобы тот мог выяснить наши личности. Возможно также, что путники шли из Меконга по совершенно другому делу и услышали о подозрительных паломниках в Дайюле.

До сих пор после каждой из тревожных встреч ситуация быстро разрешалась, но на сей раз страх долго держал нас в напряжении. Дзогонг, где мы могли бы узнать, насколько обоснованы наши опасения, был еще далеко, и каждый день нас мучил один и тот же вопрос: не идем ли мы навстречу беде и крушению своих планов, которое сделает напрасными все лишения и душевные страдания, терзавшие нас на протяжении девяти месяцев, с тех пор как мы покинули Гоби, оставив позади далекую монгольскую границу?

Теперь мы опять совершали свои переходы ночью, вновь превратившись в загнанных зверей, которым повсюду мерещится охотник. Однажды утром, на заре, нам

встретилась группа паломников, и некоторые из них остановились, заговорив с Йонгденом. Я же, по своему обыкновению, продолжала идти медленным шагом. Когда мой спутник догнал меня, он был напуган как никогда.

— Это люди из Ривоче¹, — сказал он, — кто знает, быть может, они видели вас, когда вы проходили там с Тобжялом?.. Вас хорошо знают в тех краях.

Наш страх усилился и возрастал с каждым часом. При виде любого встречного мужчины или женщины мы принимались дрожать, полагая, что близится развязка нашей истории. Поистине, это было на грани безумия.

В таком состоянии мы добрались до моста через Наг, расположенного возле селения Поранг.

Мне было известно о существовании этого моста, но, согласно моим сведениям, за ним начиналась пустынная и неровная, труднодоступная местность. Мост показался мне старым другом, появившимся вовремя, чтобы нас спасти.

— Давай рискнем, — сказала я Йонгдену. — На этой дороге нам грозит встреча с людьми, которые нас знают. Почти все жители Жакиендо, Диржи и докна из южных степей проходят здесь, направляясь к Ха-Карпо, и к тому же сезон паломничества сейчас в разгаре. Если мы будем и дальше подниматься по долине Наг-Чу, то приедем в Дзогонг, где двое лам, возможно, уже распустили о нас слухи, даже если письмо, которое им поручено доставить, не имеет к нам ни малейшего отношения. Вот прочный мост, он указывает на то, что по другому берегу проходит довольно важная дорога. Жиамо-Наг-Чу течет в этом направлении; давай сперва попытаемся добраться до реки, а затем посмотрим, какой путь избрать дальше.

Так мы и сделали. Отказавшись от намерения купить продуктов в Поранге, мы перешли через мост и отважно принялись карабкаться по тропе, не особенно зная, куда она нас приведет.

¹ Ривоче — населенный пункт в восточной части Тибета.

Когда стемнело, мы постучались в дверь дома, одиноко стоявшего среди недавно распаханных полей рядом с еловым лесом. Здесь жили две женщины, две сестры вместе с несколькими слугами. Они радушно нас приняли.

На рассвете мы поднялись на гору, пройдя через сумрачный лес, и преодолели перевал Ку-ла. Владельцы фермы, у которых мы ночевали, рассказали нам, что их дом расположен на границе пустынной местности, где можно встретить только *докпа*, блуждающих вместе со своими стадами по долинам, окруженному двумя высокими горными цепями: той, через которую можно пройти по перевалу Ра, и другой, повыше, на вершине которой находится другой перевал под названием Панг-ла.

На следующий день, когда мы покинули долину Наг-Чу, нам улыбнулась удача: мы вышли к стойбищу пастухов. Они вынесли нам кислого молока, лепешек и небольшой кусок масла, но не разрешили спать в своей хижине. Вокруг и внутри дома собралось человек сорок, все с оружием. По виду этих людей нетрудно было догадаться, что они готовят разбойничий набег — в здешних краях это в порядке вещей, — и, вполне естественно, они не должны были обсуждать план своего похода в присутствии неведомых странников.

Особенно успешным оказался обход других стойбищ, расположенных поблизости. Предполагаемый набег заставил пастухов расщедриться: видимо, родственники удальцов, которым предстояло рисковать, хотели с помощью подаяний ламе обеспечить им удачу и богатую добычу. Как знать! Так или иначе, сыр, масло и *тсампа* восхитительным образом наполнили наши котомки; мы провели ночь под открытым небом и снова двинулись в путь, стибаюсь под тяжестью своих нош, но зато мы были совершенно уверены, что теперь нам долго не придется заботиться о своем пропитании.

В местности, по которой мы шли, не было очарования долины Наг. Она была холодной, зачастую безводной; дорога то и дело терялась, и ее надо было долго искать.

Покинув стойбище *докпа*, мы перешли через красивую реку, взбрались вверх по ужасно крутой тропинке и затем

выбрали неверное направление. Когда мы уже прошли очень большой отрезок пути по склону горы, нас разглядели зоркие глаза молодых пастухов, находившихся почти непосредственно под нами в долине, но на значительном расстоянии. Их невнятные призывы едва долетали до нашего слуха, и мы сначала не поняли, что они обращаются к нам. Когда мы прислушались внимательнее, удалось уловить несколько слов: нам нужно было вернуться назад и подниматься на гору по лесу.

Я замечу мимоходом, что тот, кто указывает дорогу путнику или служит ему проводником, совершает похвальный поступок с религиозной точки зрения, как считают в Тибете. Согласно ламаистской вере, тот, кто умышленно направляет путника и особенно паломника не в ту сторону или не предупреждает его, что он сбился с пути, будет блуждать после смерти в Бардо¹ неприкаянной тенью, и ему не суждено найти способ возродиться в каком-либо из миров.

Получив необходимые разъяснения, мы миновали перевал Панг и начали нескончаемый спуск через лес по козьей, очень крутой тропе, порой превращавшейся в каток из-за снега, который сначала растаял, а затем снова замерз.

Вечером мы обнаружили просторные пещеры, служившие летними квартирами пастухам, кочующим в здешних краях со своими стадами. Эти примитивные жилища привлекали меня. Я охотно провела бы в них ночь, но русло ручья, дававшего воду, зимой пересохло, и Йонгдену не понравилась перспектива уснуть без ужина. Утром, до зари, мы отправились дальше натощак.

Продолжая спускаться, мы добрались с наступлением темноты до распаханного пространства, где находились

¹ Бардо (букв.: «между двумя») — по народным поверьям, это время, проходящее между смертью и возрождением, когданамше, то есть «сознание-энергия», обусловленное деяниями, совершенными в предыдущие жизни, ищет путь к новому воплощению. Учения мистиков и посвященных эзотерических школ на эту тему очень сложны и сильно отличаются от взглядов большинства ламаистов. Одни школы говорят о шести разновидностях Бардо, другие — о семи, третья — только о четырех.

две фермы. Поведение людей, которые вышли посмотреть на нас, а также справиться о наших животных и багаже, не внушало особого доверия, но, несмотря на их довольно грубые манеры, в итоге они приняли нас вполне сносно.

Я не знаю, стоит ли рассказывать, до чего доходила доброта этих простых горцев... Перед тем как лечь спать в одном из уголков кухни, я ненадолго вышла. Хозяйка посоветовала мне даже не пытаться спускаться по лестнице во двор из-за двух сторожевых собак, которые были способны меня растерзать. Она сказала, что я могу присесть у края плоской крыши. Мне давно был известен этот обычай, наряду с другими, не менее странными местными традициями, и я собралась ему последовать, но тут два молодых великаны, сыновья хозяйки, заметив мое исчезновение, последовали за мной, крепко схватили меня за руки и добродушно предложили:

— Уже темно, матушка, вы можете упасть¹. Садитесь, мы вас поддержим.

Йонгден был вынужден прийти мне на помощь, чтобы убедить их оставить меня одну. Несколько днями раньше, при подобных же обстоятельствах, женщины проявили обо мне еще более трогательную заботу. Славные тибетцы были бы крайне удивлены, узнав, что такие вещи вызывают у нас смех.

Вечером, в то время как мы беседовали с нашими хозяевами у очага, один из мужчин завел разговор о Лхасе и попутно упомянул о *пилингах*. Обитатели фермы слышали немало историй на эту тему и были уверены, что множество иностранцев живут сейчас в столице², но ни один из них еще не появлялся в их краях.

Йонгден, не упуская случая пошутить, похвастался, что видел двух *mig kar* в Амдо, а я, чтобы не отстать от

¹ В этих местах плоские крыши крестьянских домов не огорожены парапетом.

² Многие тибетцы из провинции и даже из Лхасы также в это верят. В Лхасе простые люди считают иностранцами всех индусов, непальцев или обитателей Гималаев, которые носят европейскую одежду.

него, смиленно призналась, что никогда не встречала ни одного иностранца.

Однажды утром, после очередного перехода через горы, на которых полностью отсутствовала растительность, мы увидели над своей головой, приблизительно в полутора километрах выше, узкую сверкающую ленту: то была река Жиамо-Наг-Чу.

По нашим сведениям, в этих местах должна была существовать переправа через реку. Крестьяне, у которых мы только что останавливались, подтвердили это, упомянув о *тупас*¹. Поэтому мы ожидали увидеть здесь паром или лодки из кожи, но перед нами предстала какая-то нечеткая линия, которая увеличивалась в размерах по мере приближения к реке, и вскоре у нас не осталось никаких сомнений: это был трос, натянутый между двумя берегами и заменявший мост.

¹ Т у п а с — лодочники, паромщики и — в широком смысле — те, кто переправляет путешественников, их вещи и животных через реки по канатам, натянутым между берегами.

Путешественники редко появляются в этом затерянном крае, а перевозчики, неправильно именуемые «лодочниками», живут, как нам говорили, на другом берегу реки, в деревне Тсава, и не утруждает себя до тех пор, пока не наберется достаточное число клиентов, нуждающихся в их услугах. Мы — бедные одинокие паломники — могли бы неделями томиться у реки, глядя на другой берег, если бы по счастливой случайности здесь не появился некий лама со свитой из двенадцати человек.

Итак, нам пришлось провести в ожидании всего один день, и он прошел удачно. Мы обнаружили в великолепной гряде красных скал прелестную маленькую пещеру, которая приютила нас; стояла превосходная погода, и снова стало очень тепло.

Мне уже приходилось переправляться через реку по подвесному мосту. Поэтому я спокойно ожидала момента отправления, хотя в столь отдаленных местах прочность «моста» всегда внушает некоторые опасения. Мне доводилось слышать немало драматических историй по этому поводу.

Приспособление для переправы отличалось от устройства, которое я испробовала на берегах Меконга, лишь тем, что его трос был сделан не из соломы, а из веревок, свитых из кожаных ремешков.

Большой вес тросов вызывает значительное оседание посередине, и если пассажир быстро соскальзывает в глубь образующейся таким образом ямы, ему очень трудно оттуда выбраться. Лишь чрезвычайно крепкие мужчины отваживаются перебираться по веревочным мостам без посторонней помощи, ибо подняться по наклонной плоскости на одних руках можно лишь при недюжинной силе. Простых смертных, а также животных и багаж переправляют на другой берег профессиональные перевозчики.

В отдаленных областях Китая, где существуют подобные мосты, веревки обычно натягиваются попарно, и пассажиры держатся за одну либо другую из них. Отправление производится с гораздо более высокой относительно места высадки точки; таким образом уменьшается кривизна тро-

са, и за счет скорости при спуске, как на «американских горках», путешественник поднимается и приземляется на твердую почву по другую сторону «моста».

Разумеется, в нашем распоряжении был один-единственный трос.

Когда пришла моя очередь, меня привязали вместе с некоей девушкой к крюку, о котором я упоминала, и мощный толчок отбросил нас с быстрой молнией на середину «моста», где мы повисли высоко над рекой, качаясь в воздухе, как две жалкие марионетки. Тогда мужчины взялись за дело и принялись тянуть за веревку, привязанную к нашему крюку. При каждом рывке дюжих молодцов мы отплясывали нечто вроде джиги, что было весьма неприятно. Это продолжалось в течение нескольких минут, и мы постепенно продвигались вперед, как вдруг я ощутила удар, услышала шум от падения какого-то предмета в воду, и мы на полной скорости вновь скатились вниз, на середину троса. Все это произошло в мгновенье ока. Веревка, с помощью которой нас тянули, порвалась.

Происшествие само по себе не представляло никакой опасности. Кто-то должен подойти и вновь скрепить трос, надо было только не поддаться головокружению, в то время как мы висели над водой, стремительно бежавшей под нами на расстоянии пятидесяти — шестидесяти метров. Мы были обвязаны бечевкой и могли ничего не бояться, пока оставались в вертикальном положении и крепко держались за ремень, прикрепленный к крюку, но если бы у кого-то из нас закружилась голова, если бы девушка или я потеряли сознание, а наши тела отклонились назад... разумеется, такая поза не была предусмотрена нашими перевозчиками. У меня крепкие нервы, и я чувствовала, что могу оставаться в таком положении час и даже гораздо больше, если потребуется, но моя спутница?.. Она была очень бледна.

— Не бойтесь, — сказала я ей, — я призвала своего тсай-ламу¹. Он видит нас и придет нам на помощь.

¹ Тсай-лама — духовный отец.

— Ремень сейчас развязается, — пробормотала она. Ремень развязается!.. Это могло произойти в результате толчка, когда порвалась веревка, и, значит, скоро мы упадем в реку...

Я осмотрела узлы, но они выглядели прочными и крепко стянутыми из-за нашего веса... Малышке просто померещилось.

— Полноте, — сказала я, — у вас кружится голова, закройте глаза, узлы ничуть не ослабли.

— Они сейчас развязутся, — повторила она, дрожа, с такой уверенностью, что я почувствовала волнение.

В чем же дело? Быть может, кожа лопнула и медленно разрывается в неведомом мне месте или произошло нечто другое? Тибетская девушка, которая столько раз переправлялась через реку таким способом, должна разбираться в этом лучше меня.

Итак, нам суждено утонуть, если только перевозчики не сумеют вытянуть нас на берег до того, как развязутся последние узлы. По этому поводу можно было бы держать пари, и я улыбнулась, припомнив рассказ, кажется, Эдгара По, где речь идет о некоем человеке, подвешенном на веревке над клеткой с медведем. Река Салуин не менее страшна, чем медведь.

Перевозчики суетились, много кричали, но их работа отнюдь не продвигалась. Наконец один из них, цепляясь за трос руками и ногами, словно муха, бегущая по потолку, принялся ползти вдоль нашего «моста». Толчки, которые он сообщал ему своими движениями, снова заставили нас дергаться.

— Ремень сейчас развязается, — сообщила я перевозчику, когда он добрался до нас, — девушка это заметила.

— *Лама къяно!*¹ — воскликнул он, бросив беглый взгляд в сторону крюка. — Я не могу как следует разглядеть ремень, — добавил перевозчик, — надеюсь, что он выдержит, пока вы не окажетесь на земле.

¹ С ми луй ся, о лама! — просьба, обращенная к своему духовному отцу.

Он надеется!.. Да благословят его боги: мы тоже «надеемся».

Все шло своим чередом, и после очередной паузы перевозчики снова принялись за дело. Выдержат ли ослабевшие узлы под напором повторяющихся рывков? Мы продолжали надеяться...

Наконец мы приземлились целыми и невредимыми на выступ скалы. Крестьяне окружили нас, выражая сочувствие шумными возгласами. Развязывая нас, перевозчики убедились в полной исправности и целости наших ремней, и я узнала из их разговора то, что ускользнуло от меня при посадке: мы с девушкой были привязаны независимо друг от друга, и падение одной из нас не обязательно повлекло бы за собой падение спутницы. Впрочем, мне некогда было предаваться подобным размышлениям, а мужчины тем временем брали и проклинали на все лады юную крестьянку, из-за которой им пришлось испытать ужасный испуг. Девушка, и без того перевозбужденная, принялась плакать и кричать; с ней случилась истерика. Воспользовавшись всеобщим волнением, Йонгден попросил милостыню для своей старой матери, пережившей адские муки за то время, что она висела в воздухе, и теперь нуждавшейся в обильной трапезе, чтобы оправиться от страха. Все странники развязали свои мешки с едой и щедро одарили нас. Мы ушли с запасом продуктов на путь неизвестно

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Найденная шапка начинает приносить мне пользу. — Изнурительные скитания по горам. — Мы задаемся вопросом, как избежать встречи с представителями властей. — Ночные блуждания в бурю. — Скупой крестьянин надувает моего ламу. — После всех стараний уклониться от встречи с чиновниками мы натыкаемся на жилище одного из них, где в качестве милостыни нам подают угощение. — Пиршество обограницев: похлебка из протухших внутренностей. — Загадочное происшествие: крестьянин предсказывает появление Йонгдена и ждет его прихода, чтобы умереть. — Наши хозяева отводят нам в разгар зимы вместо спальни крышу своего дома, расположенного на высоте 4500 метров. — Перевал и монастырь Сепо-Ханг. — Трагическая история заброшенной усадьбы. — Экономичное путешествие

Я уже заметила, что моя старая чалма, более или менее соответствовавшая моде Луцзе-Кьянга, привлекает внимание встречных людей. Мы находились далеко от местнос-

ти, где носят такие головные уборы, и все интересовались, откуда я родом.

После бурной переправы через Жиамо-Наг-Чу мы миновали деревню Тсава без остановки, а затем дошли до некоей фермы, где Йонгден стал просить милостыню. Хозяйка дома пригласила нас остаться у нее до следующего утра и сытно нас накормила. Было еще рано, и немало людей пришли поболтать с нами; они не упустили случая сделать всяческие замечания по поводу моих волос и головного убора. Я поняла, что чалма представляет угрозу для моего инкогнито. Она не выдавала моего происхождения, но вызванные ею вопросы могли завести слишком далеко; во всяком случае, мой своеобразный костюм, отличавшийся от однообразных одеяний *арджона*, производил впечатление на тех, кто меня видел и мог так или иначе навести на мой след.

Я должна была непременно обзавестись тибетской шапкой, но отыскать головной убор в этих краях невозможно, ибо здешние крестьяне и крестьянки неизменно ходят с непокрытой головой. Мне не подобало следовать их примеру. Я предпочитала прятать свои волосы, которые, несмотря на тушь, не могли уподобиться иссиня-черным волосам тибетцев, и к тому же я боялась получить солнечный удар во время долгих переходов под палящим солнцем.

Настала пора, когда жалкому чепцу, который я подобрала однажды вечером в лесу, тщательно отмыла и бережно сохранила, суждено было принести мне пользу. Такой головной убор привычной для тибетцев формы, который носят тысячи женщин на востоке и севере страны, не должен был вызывать любопытства. В самом деле, когда на следующий день я надела его вместо своей более живописной, но слишком компрометирующей красной чалмы, люди, встречавшиеся нам по дороге, перестали пристально меня разглядывать, и все вопросы относительно моего происхождения отпали как по волшебству.

Эта шапка стала для меня поистине бесценной, когда мне пришлось преодолевать глубокой зимой заснеженные высокогорные перевалы, где страшный ветер пронизывал

до костей. Несомненно, благодаря ей мне удалось избежать простуды.

Разве могла я еще сомневаться, что некий таинственный дальновидный друг умышленно бросил ее на моем пути?.. Мы с Йонгденом улыбались, рассуждая о незримом благодетеле, как говорят с усмешкой о добрых феях, но в глубине моей души зрела уверенность, что обо мне забочится некая тайная сила, хотя я не решалась это утверждать. Кроме того, мне нравилось тешить себя этой фантазией.

Местность, по которой мы шли, поднимаясь по правому берегу Салуина, была гораздо более населенной, чем край, оставшийся позади. На нашем пути встречалось немало деревень, посевы занимали большую часть низменности. Леса исчезли, и горы являли взору лишь голые склоны. Река то и дело углублялась в гигантские горные расселины между отвесными скалами; отроги гряды, вдоль которой мы следовали, также круто обрывались возле ее русла, перегораживая долину, и нам приходилось преодолевать эти препятствия. Каждый переход сулил радость восхождения на высоту в несколько сотен метров с неизбежным спуском по обратной стороне склона, и порой такая гимнастика повторялась дважды в день.

Этот край, весьма отличавшийся от лесистых районов Кхама, травянистых просторов севера или сухих плоскогорий, соседствующих с Гималаями, открывал нам новый Тибет, и, несмотря на усталость, мы как никогда наслаждались своим восхитительным путешествием и жизнью бродяг.

Однако после непродолжительного безмятежного спокойствия новый повод для беспокойства вызвал смятение в наших душах. Мы узнали, что лхасское правительство от правила своих представителей в самые отдаленные уголки этого затерянного края для сбора новых налогов. *Пёнпо* разъезжали по всей округе в сопровождении многочисленной разношерстной свиты; слуги, гораздо более любопытные и высокомерные, чем их хозяева, представляли для нас подлинную опасность, и теперь мы постоянно обсуж-

дали, как нам лучше всего уклониться от нежелательных встреч.

Это было отнюдь не просто. Перед нами лежали две дороги, они вели в местность *По*, которую я собиралась исследовать, прежде чем отправиться в Лхасу. Мы могли пройти через *Санг нгаг чёс дзонг*¹ или выбрать долгий окольный путь через перевал Сепо-Хант, но *Санг нгаг чёс дзонг* был резиденцией местного префекта, а по другой дороге, в окрестностях Убе, разъезжали верхом посланцы министерства финансов.

Нам казалось, что легче избежать встречи с наместником, находящимся в своем доме, нежели с его коллегами, с которыми мы рисковали столкнуться в любой миг. По этой причине надо было свернуть на первую дорогу, но я знала, что иностранные путешественники уже бывали² в *Санг нгаг чёс дзонг*, в то время как я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из них проходил через перевал Сепо-Хант и прилегающую местность³. Я считала, что разумнее выбирать нехоженые пути.

Однако у меня еще оставались некоторые сомнения по этому поводу. Вскоре мы пришли в деревню Ю, расположенную в дивном месте возле монастыря Бонпо⁴. Здесь со мной произошел нередкий в Тибете случай, который мог бы плохо закончиться для людей с более слабым здоровьем. Нас пригласили в одну бедную семью и угостили очень аппетитным, следует это признать, супом. Мы поговорили, и мой лама достойно справился со своими уже привычными обязанностями предсказателя-ясновидящего; это происходило в тесной хижине, где мы грелись у самого настоящего пылающего костра. Наконец, когда у всех стали

¹ Санг нгаг чёс дзонг — «цитадель учения о волшебных чарах»; Тсанг ха чу дзонг — «цитадель чистого источника».

² Полковник Бейли в 1911 году, и, если я не ошибаюсь, до него здесь был преподобный отец Дегоден или какой-либо другой французский миссионер.

³ Сведения, полученные впоследствии, подтвердили, что никто из иностранцев еще не обследовал эту местность.

⁴ Приверженцы религии, существовавшей в Тибете до введения буддизма.

слипаться глаза, хозяин с той же отменной учтивостью пригласил нас последовать за ним. Я ожидала, что он предложит нам какую-нибудь холодную лачугу в качестве спальни, но славный тибетец без всякого злого умысла отвел нам еще лучшее место... Он предоставил нам свою крышу. Мы провели ночь под открытым небом, на котором сияли чудесные звезды... Стоял трескучий мороз!

Утром мы отправились к перевалу, за которым лежала развилка двух дорог: дорога на *Санг нгаг чёс дзонг* и дорога на Ланка-дзонг. Нам предстояло избрать одну из них. Уже стемнело, а мы все еще находились далеко от вершины на заснеженном склоне, ручьи которого покрылись коркой льда. К счастью, мы заметили на некотором удалении от дороги хижину, где жили летом пастухи, и по крайней мере переночевали под крышей, у пылающего костра.

Утром мы миновали перевал. Вечером поднялся страшный ураган, который бушевал до утра. Нас окружала кромешная тьма, и мы были не в силах разглядеть дорогу в близлежащую деревню, откуда доносился лай собак.

Сильный ветер не позволил нам развязать свои котомки и достать оттуда палатку, чтобы укрыться ею как одеялом. Эта ночь, которую мы провели у какого-то колючего куста, прижавшись друг к другу и стуча зубами от холода, пробиравшего нас до костей, была одной из самых тяжелых в течение всего путешествия. На рассвете буря утихла, и мы увидели, что можем менее чем за полчаса добраться до деревни, расположенной у входа в сумрачное ущелье, куда спускалась дорога, ведущая в *Санг нгаг чёс дзонг*.

Настал решающий миг. Я снова обернулась к Салуину. Этот край и его обитатели интересовали меня; мне выпал случай, который, по всей видимости, больше никогда не представится — обойти большую его часть, и я вовсе не хотела сокращать свое путешествие. Что касается господ из Убе, я готова была рискнуть.

С тех пор как мы ступили на правый берег Салуина, наша жизнь во всем стала походить на жизнь тибетских бродяг. Мы не прятались больше в пустынных местах; напротив, нам доставляло большое удовольствие ходить по

деревням. После каждого перехода мы встречались с разными крестьянами. Мы проводили у них ночь, спали на кухне или делили комнату с кем-либо из наших хозяев, изучали местные обычай, слушали их разговоры и соображения по поводу событий, происходящих в Тибете.

Эти славные крестьяне, принимавшие нас за таких же простых людей, как они, говорили и вели себя в нашем присутствии совершенно непринужденно, и благодаря этому я подмечала тысячи мелочей, о которых не подозревал ни один иностранный путешественник.

Подобная жизнь, как можно догадаться, сопровождалась всякими неожиданными происшествиями. Почти каждый день вносил свою лепту в цепочку событий, имевших то приятный, то досадный характер, но всегда заставлявших нас улыбаться. Я собрала в здешних краях множество веселых историй, которыми можно было бы развлекать приятелей до конца своих дней.

Почему я не могу поведать об этих многочисленных случаях *in extenso*?¹ Большинство того заслуживают из-за своего своеобразия, но для них потребовался бы отдельный том. То немногое, что можно рассказать на страницах моего повествования, по крайней мере даст представление о некоторых сторонах сельской жизни Тибета.

Как-то раз, когда я стояла на коленях на каменистом берегу и черпала миской воду, я услышала, как кто-то вопрошает за моей спиной:

— Откуда вы пришли, лама?

Я поворачиваю голову и вижу крестьянина, остановившегося возле моего сына. При каждой новой встрече нам задают одни и те же вопросы:

— Откуда вы родом?

— Куда вы идете?

— Не хотите ли что-нибудь продать?

На сей раз незнакомец не уходит, удовлетворив свое любопытство. Он ненадолго замолкает, сплевывает, а затем спрашивает:

— Лама, вы умеете гадать?

¹ Полностью, без сокращений (лат.).

Ба! Еще один страждущий! Мы только и делаем, что гадаем на протяжении всего пути, впрочем, у нас нет оснований на это жаловаться: ремесло предсказателя, несмотря на его однообразие, приносит нам немалые доходы и служит великолепной маскировкой.

Йонгден не упрямится. Да, он владеет искусством *мо*, но у него нет времени, он спешит...

Крестьянин упорствует и объясняет свою настойчивость:

— Лама, три дня назад пропала одна из моих коров. Мы напрасно ее искали. Не упала ли она в пропасть? А может, ее украли? — Он вздыхает и добавляет, понизив голос: — Люди с другого берега — сущие разбойники.

Я думаю, что у последних — столь же лестное мнение о своих земляках, обитающих по эту сторону реки; и у тех, и у других, безусловно, существуют тысячи доводов для доказательства своей правоты.

— Они вполне способны, — продолжает крестьянин, — убить и разрубить мою корову, а затем унести ее по кускам домой и съесть... Лама, погадайте мне. Скажите, что стало с моей коровой и найду ли я ее... Сейчас мне нечего вам предложить, но, если вы зайдете ко мне, я накормлю и вас, и вашу матушку, и вы оба сможете переночевать в моем доме.

Матушка — это я. Местные жители удивительно проницательны! Нет смысла их дурачить: они сами сочиняют о нас куда более замечательные истории, чем те, что мы собирались им поведать.

Нищие паломники никогда не отказываются от подобного приглашения. Мне вовсе не хочется показаться странной, особенно после того, как я узнала о пребывании в этом крае чиновников из Лхасы.

Я подаю Йонгдену знак, что следует принять предложение доброго малого. Лама опускает свою ногу на плоский камень и произносит снисходительным тоном:

— Пойдемте, мне следует оказать вам эту услугу. Разве лама не должен проявлять сочувствие к своим ближним?

Затем следуют другие нравоучительные фразы, и начинается обряд гадания. Мой юный спутник бормочет традиционные заклинания, сокращая их, насколько это возможно, вновь и вновь перебирает бусинки своих четок. Я читаю его мысли. Он спрашивает себя: «Куда могла запропаститься его злополучная корова? Мне об этом ничего не известно. Но не в том дело. Как бы получше ответить дураку, который задал мне вопрос?»

Старый тибетец молча присел на корточки и, внимательно глядя на Йонгдена, ждет его приговора.

Наконец прорицатель высказывается:

— Вашу корову не съели. Она жива, но с ней может случиться несчастье. Если вы немедленно отправитесь на поиски вниз по течению реки, вы ее найдете. Все зависит от вашей ловкости.

Эти туманные указания предоставляют человеку свободу действий. Оракул ничего не выигрывает от предельной точности своих предсказаний. Недалек тот день, когда нам суждено забавным образом убедиться в этом на собственном опыте.

Слегка ободренный крестьянин подробно описывает нам свое жилище, которое мы найдем, по его словам, на берегу реки, и мы пускаемся в путь вверх по течению, а он тем временем устремляется в противоположную сторону. Приблизительно полчаса спустя мы подходим к указанному дому.

Художник усмотрел бы прекрасную тему для картины в этой тибетской усадьбе, расположенной возле серых скал, посреди омытой светом рощи с пожелтевшими листьями.

Салуин катил перед ней свои зимние опаловые тихие воды, окаймленные ледяной бахромой. По всей видимости, ни один белокожий путешественник не бывал в этих краях, где дикая река вьется между голых берегов и гигантских скал, острые гребни которых, уходя ввысь, вонзаются в лазурное небо.

Я охотно уселась бы на залитые солнцем камни, чтобы насладиться очаровательным пейзажем, ощутить сиюминутную радость и восторг от этого путешествия, которое привело меня сюда и должно было повести еще дальше,

гораздо дальше, если благосклонные божества будут и впредь оказывать мне покровительство. Но мне нельзя было долго мечтать. Роль дряхлой нищенки, которую я избрала, чужда всяческой поэзии.

Женщины, привлеченные криками моего спутника, выходят на плоскую крышу, покрытую утрамбованной землей, и недоверчиво выслушивают его рассказ о встрече с хозяином дома, который решил нас приютить. После долгих разъяснений они наконец дают себя убедить и впускают нас во двор; затем, еще раз приглядевшись к нашим лицам и расспросив нас как следует, они разрешают нам подняться по лестнице на крышу — террасу — через второй этаж, где живут люди, в то время как на первом этаже находятся помещения для скота.

Йонгдену приносят тряпичную подушку, а его старая ничтожная мать садится прямо на землю. Нам приходится перечислить окружившим нас женщинам все святые места, которые мы уже посетили, и те, к которым направляемся, а также заверить их в том, что у нас нет никаких товаров для продажи, даже ни единого одеяла.

Стоит прекрасная, но холодная погода, и от неподвижного пребывания на свежем воздухе я начинаю дрожать. Наши хозяйки не чувствуют озноба от поднявшегося резкого северного ветра. Чтобы легче было работать, каждая из них вынимает свою правую руку из-под широких плащ из бараньей кожи, перетянутых поясом, обнажая при этом грудь, которую они никогда не моют.

Примерно два часа спустя появляется хозяин дома; он гонит перед собой отыскавшуюся корову. Все приходят в возбуждение.

— О лама, — восклицает крестьянин, поднявшись к нам на террасу, — вы действительно великий *ньёншес*. Все ваши слова подтвердились. Корова забрела в опасное место. Она пошла по узкой тропе, ведущей к обрыву, и не могла ни двинуться вперед, ни вернуться назад, ни забраться на вершину скалы... Мне пришлось проявить сноровку, чтобы вызволить ее оттуда, как вы предсказали. Да, несомненно, вы искусный *ньёншес чен*.

Мы наслаждаемся неожиданным триумфом, за которым вскоре должна последовать трапеза. Сначала нам приносят чай, настоящий тибетский чай с маслом и солью, больше напоминающий суп, чем напиток, но это превосходное бодрящее средство для усталого продрогшего путника. Рядом с нами ставят мешок *тсампа*, и мы можем брать оттуда сколько угодно муки. Я наедаюсь досыта.

Наш хозяин выглядит задумчивым. Он спрашивает Йонгдена:

— Лама, вы умеете читать?

— Конечно, — гордо отвечает тот, — и читать, и писать.

— О! О! Вы настоящий ученый, возможно, *геше*¹... я так и думал.

Он встает, идет в одну из комнат, приносит оттуда огромный фолиант и почтительно кладет его на низкий столик перед моим спутником.

— Лама, — говорит он, — взгляните на эту книгу. Чтение данного произведения приносит тем, кому его читают,

¹ Г е ше — доктор филологических и философских наук.

величайшее благословение и всяческое благополучие... Вы мне его прочтете.

Йонгден поворачивает ко мне голову с удрученным видом. В какую западню мы угодили? Повинность, которую хотят ему навязать, никак не улыбается измученному страннику, мечтающему только об отдыхе и сне... Однако он должен что-то ответить этому простодушному человеку, который вопросительно смотрит на него.

— Книга слишком толстая, — говорит Йонгден, — ее чтение займет несколько дней, а мне надо завтра уходить, но я могу открыть ее¹, и благословение будет не менее эффективным.

Никто не возражает, так как в Тибете это обычное явление. Книгу торжественно извлекают из ее «платья», очищают от нагоревшего ладана, снова наливают в наши чашки горячий чай, и Йонгден начинает громко читать, сказав мне повелительным тоном:

— Матушка, пой дёльма!

Я послушно затягиваю псалом, не имеющий никакого отношения к тексту, который читает мой приемный сын, для того чтобы чем-то себя занять и помешать женщинам докучать мне вопросами.

Обычно Йонгден отдает такие приказы, чтобы избавить меня от утомительных долгих разговоров, в ходе которых я могу удивить крестьян своим произношением либо присущим мне частым употреблением книжных слов.

На звуки наших голосов сбегаются соседи; они качают головами с одобрительным и проникновенным видом. Мне приходится повторить дёльма по меньшей мере двадцать раз и, должно быть, пятьсот раз — заповедь «Кьяндо». Чтение псалмов отвлекает меня от дум...

¹ Букв.: «открыть ее рот», то есть достать книгу из обложки и прочитать первые страницы или первую строчку на каждой странице. Тибетские книги состоят из отдельных листов, их заворачивают в кусок ткани, тщательно завязывают и хранят между двумя дощечками, стянутыми ремнем. Ткань, подчас очень дорогая, которая служит книге обложкой, называется «платьем».

«...Направьте свои стопы к знанию, дабы положить конец страху и страданию...» — гласит «Кьяндо». Я задумываюсь и прерываю свое благостное мурлыканье. Лама замечает это, поворачивается в мою сторону и громогласно провозглашает, обращаясь ко мне:

— Подобно тому как в небе неведомым образом образуются и рассеиваются облака, так что невозможно сказать, откуда они приходят и куда уходят, а также нельзя обнаружить обитель облаков, явления возникают вследствие сочетания причин и исчезают под воздействием других причин, так что невозможно определить местонахождение ни одного из них... Все элементы в совокупности непостоянны по своей сути...

Сельские жители Тибета ожидают, что в результате чтения подобных трактатов, в которых они, разумеется, ничего не смыслят, увеличится поголовье их скота, а сами они исцелятся от всех болезней и успешно проведут торговые сделки. Странный народ и странная страна!

Я подпрыгиваю от воинственного возгласа, которым чтец Священного писания выводит меня из забытья, и снова принимаюсь твердить: «*Ом мани падме хум!*» У меня звенит в ушах, я не в силах больше этого вынести; когда же мы пойдем спать?!

Вечереет, мы в течение нескольких часов совершаем свое странное богослужение. Хозяин дома приносит блюдо ячменных зерен и чашу с прозрачной водой и ставит все это возле книги.

— Лама, — говорит он, — уже недостаточно светло для чтения; я прошу вас благословить мой дом и мое имущество во имя их процветания и дать всем нам святой воды, чтобы уберечь нас от болезней.

Он весьма настойчив, этот крестьянин! Видимо, происшествие с коровойнушило ему безграничную веру в магические способности Йонгдена, а доверие к ламе неизменно выражается в Тибете дарами, чья ценность измеряется степенью этого доверия. Старый владелец усадьбы отнюдь не беден, это видно по числу его скота, возвращающегося с пастбищ; несомненно, нас щедро одарят едой на

дорогу, добавив к съестным припасам несколько серебряных монет.

Выражение лица моего спутника свидетельствует о том, что он не прочь пошутить, лукаво предвкушая ожидающую нас награду.

Он напускает на себя важный вид, словно епископ, и расхаживает по дому, произнося благословляющие молитвы. Порой он ненадолго замолкает, и я знаю, что во время этих коротких пауз он от всей души желает нашим хозяевам материального и духовного благополучия. Хотя Йонгден и смеется над детскими предрассудками своих неграмотных земляков, он является глубоко верующим человеком и входит в состав одной из мистических сект своей страны.

Завершив обход жилых покоев, крестьянин показывает ламе дорогу в хлев. Прогулка по грязным, нескончаемым помещениям для скота, которые никогда не чистятся, быстро надоедает служителю культа. Это приключение уже перестало его забавлять. Он на ходу кидает освященные зерна на головы пугливых баранов и коз, лошадей, которые встают на дыбы, и безучастных коров, словно презирающих всякие обряды. Наконец, решив, что дело сделано, он устремляется к лестнице и начинает карабкаться вверх, но владелец, следующий за ним с палочками ладана, бросается к нему, хватает его за ногу и указывает на свиней, еще не получивших своей доли благословения. Йонгден вынужден вернуться. Несчастный лама стремительно разделяется со зловонными животными, которые вопят как черти, пока он яростно осыпает их градом зерен. Наконец он возвращается на крышу в грязных сапогах, с промокшими и заледеневшими ногами. Настает черед людей. Вода в чаше освящается, согласно традиционным правилам, и затем все домочадцы во главе с хозяином подходят к ламе, который брызгает им в руку немного воды. Воду выпивают и смачивают голову влажной ладонью. Соседи принимают участие в этой церемонии.

После обряда подают ужин: суп из сушеної крапивы без мяса. Это далеко не тот пир, на который мы рассчитывали, и у меня появляются недобрые предчувствия по по-

воду подарков, которые должны нам вручить перед уходом. Вероятно, эти яства будут такими же постными, как и суп. Впрочем, как знать: тибетским крестьянам приходят в голову странные вещи. Я смеюсь *in petto*¹ над мыслями нищенки, которые посещают меня, с тех пор как я вошла в образ бедной бродяжки. Но не стоит воспринимать наше положение только в шутку: приношения, которыми мы заполняем свои котомки, избавляют от необходимости покупать еду, показывая, что у нас есть деньги, и весьма помогают нам сохранить инкогнито.

Теперь наконец мы можем и поспать. В комнате, куда нас отправляют, на утрамбованном земляном полу лежит обрывок старого мешка величиной с полотенце: таково уготовленное мне ложе. О Йонгдене позабылись лучше благодаря его духовному званию: он может воспользоваться старым потрепанным ковром, который убережет его тепло, с головы до колен, от соприкосновения с голой землей. Что касается нижней части ног, это никого не волнует. Простые тибетцы спят, свернувшись клубком, как собаки, и у них нет подстилок или одеял, соответствующих длине их тел. Спать растянувшись во весь рост считается роскошью, доступной лишь знатным osobам.

Я ложусь, развязав пояс своего плотного одеяния. Тибетские бедняки не раздеваются перед сном, особенно в чужом доме. Вскоре ко мне присоединяется сын и после столь же нехитрых приготовлений вытягивается на обрывке ковра. Через некоторое время мы просыпаемся от шума и яркого света. Однако живописная сцена, которую мы наблюдаем из-под полуприкрытых век, притворяясь спящими, заставляет нас усомниться, что это происходит наяву.

В комнате, где мы находимся, живут две девушки и служанка. Они только что вошли и подбросили стружку хвойного дерева в жаровню, помещенную в центре комнаты, чтобы стало светлее — лампы и свечи неведомы жителям этого края. Я вижу, как они распускают пояса, размахивая своими смуглыми руками, и раскладывают засаленные бараны шкуры, которые заменяют им матрацы и оде-

¹ В душе (*um.*).

яла. При этом они тараторят, и серебряные ожерелья позвикают на их обнаженной груди. Подвижное пламя, которое то ярко разгорается, то меркнет, превращаясь в темно-красные блики, окутывает их странным светом: можно подумать, что это три юные колдуньи, собирающиеся на шабаш.

Перед рассветом я осторожно толкаю Йонгдена, чтобы его разбудить. Мы должны совершить свой туалет до того, как станет светло и другие смогут это увидеть. Прежде всего я должна слегка натереть лицо сажей, собранной со дна нашего котелка¹. Затем нам следует приладить под платьем пояса, в которых спрятаны наши золото, деньги, карты, термометр, миниатюрные компасы, часы и другие предметы, которые любой ценой надо уберечь от чужих глаз.

Едва мы завершили свой туалет, как появляется хозяйка дома. Она будит своих дочерей и служанку; они снова разжигают огонь, ставят котелок с остатками вчерашнего супа на жаровню, и через несколько минут нас приглашают к столу со своими мисками. Здесь не принято мыть посуду. У каждого из тибетцев — своя собственная миска, которую он никому не даст; после всякого приема пищи все тщательно вылизывают тарелки, вместо того чтобы их мыть. У меня не хватает опыта в подобном деле, и в моей миске остался жирный налет от супа и чая, который за ночь застыл. Я должна взять себя в руки и преодолеть брезгливость; от этого зависит успех моего путешествия. Закроем же глаза и съедим похлебку, еще более тошнотворную, чем вчера, из-за воды, которой ее разбавили.

Вскоре мы завязываем свои узелки.

Никто не собирается преподносить нам подарков; я забавляюсь, глядя на озадаченное лицо моего ламы, который вчера прочитал столько молитв и спел столько псалмов во время своих священномий. Нет смысла дольше задерживаться. Все семейство сходится, чтобы еще раз получить благословение, и я догадываюсь, что Йонгден с радостью

¹ Сажа заменяла мне порошок какао, который плохо пристает к лицу; к тому же он был почти на исходе, и я предпочитала употреблять его в виде напитка.

задал бы трепку старому скряге, на нечесаную гриву которого он накладывает руки.

Спустившись по лестнице, мы вновь проходим мимо лошадей, провожающих нас удивленными взглядами, мимо насмешливых коз и по-прежнему невозмутимых коров.

Некоторое время мы шагаем молча, но когда дом, где мы ночевали, скрывается из вида, Йонгден резко поворачивается в его сторону и чертит в воздухе каббалистические знаки.

Он восклицает:

— Ах, мошенник, жалкий обманщик, нечестивец, ради которого я потел целый день!.. И он еще заставил меня вернуться, чтобы благословить его свиней!.. Тьфу! Я беру свои благословения обратно, презренный сквальяга. Пусть шерсть на спинах бааронов перестанет расти, самки твоих животных останутся бесплодными и абрикосовые деревья дают только косточки!..

Его потешное, наполовину разыгранное возмущение чрезвычайно меня позабавило. В конце концов, мой спутник — настоящий лама, и его лишили законного вознаграждения. Но Йонгден, и сам понимавший комизм этой ситуации, не смог долго сдерживаться, и мы расходились, стоя на берегу зимнего Салуина, благодушно журчавшего у наших ног. В шуме воды нам слышалось:

— Вот как обстоят дела в прекрасном Тибете; то ли еще будет, жалкие чужеземные искатели приключений!..

В тот же день, преодолев еще один перевал, мы оказались в окрестностях Убе, который внушил нам опасения, и остановились у реки, чтобы выпить чая, решив пройти через деревню под покровом темноты. Несколько часов спустя, оставив позади дома, в одном из которых, как мы полагали, почивает важная особа, нам удалось найти для ночлега горную расселину.

Мы не позволили себе долго отдыхать и с первыми проблесками зари были на ногах. Не прошло и десяти минут, как мы оказались перед зданием, украшенным орнаментом в виде листьев; к нему вела улица, окаймленная белым камнем; очевидно, это и было нынешнее жилище

чиновника. Благодаря тому, что стояло раннее утро, нам посчастливилось никого не встретить.

Мы резко прибавили шагу, и, когда взошло солнце, нас уже отделяли от опасного места около трех километров. Теперь мы по праву могли поздравить себя с тем, что с честью вышли из трудного положения, и с легким сердцем продолжить свой путь.

В середине дня мы все еще пребывали в чудесном настроении, но тут встречные крестьяне рассказали нам, что *нённо* покинул Убе три дня тому назад и отправился в другую деревню, расположенную неподалеку, на дороге, по которой мы следовали.

Мы снова решили идти допоздна, совершенно уверенные в том, что на сей раз нам нечего опасаться, и спокойно уснули около часа ночи среди нагромождения обломков скал и колючих кустов.

На следующий день мы двинулись в путь на заре. В нескольких шагах от места нашего ночлега мы наткнулись на здание, скрытое в укромном месте на склоне горы. Во дворе было привязано около трех десятков прекрасных лошадей,

дей, и множество крестьян уже несли сюда зерно, траву, мясо и масло.

Мы оказались перед домом, где остановился *нённо*. Величественный мужчина высокого роста, видимо управляющий, наблюдал за доставкой продуктов, принесенных крестьянами, в дом. Он остановил Йонгдена и, поговорив с ним минуту, которая показалась мне бесконечной, велел слуге накормить нас завтраком с чаем и *тсамти*. Мы не могли отказаться от столь любезного приглашения: бедные странники должны радоваться подобной милости. Мы старались изо всех сил изображать восторг, сидя на ступеньках дома знатного вельможи, хотя нас так и подмывало пуститься наутек.

Самым трудным и порой крайне мучительным моментом моей тибетской жизни была роль, которую мне постоянно приходилось играть, чтобы сохранить инкогнито. В этой стране, где все действия совершаются публично, я должна была копировать повадки местных жителей вплоть до самых интимных вещей, что ужасно меня смущало.

Вследствие этого я находилась в страшном нервном напряжении, которое, к счастью, ослабевало в те дни, когда я наслаждалась привольной жизнью, проходя через обширные, почти безлюдные районы.

Особенно меня радовало то, что в этих пустынных краях мне не надо было есть похлебку, которой то и дело угождали нас в своих домах щедрые бедняки; ее следовало поглощать с улыбкой во избежание опасных пересудов. Лишь один раз я вышла из образа голодной нищенки, для которой всякая еда сгодится, но в тот день...

На закате мы вошли в небольшое селение, расположенное неподалеку от округа Дайшин. Стояли холода, а в этой голой местности невозможно было найти укрытие. В нескольких домах нам отказали в ночлеге, но одна женщина открыла нам хлипкую дверь своего весьма убогого жилища. Мы входим; в лачуге горит огонь, и в такой мороз это уже можно считать комфортом. Вскоре возвращается муж бедной крестьянки с нищенской сумой, на дне кото-

рой лежат несколько горстей *тсампа*; нечего надеяться, что эти люди, которые сами не могут наесться вволю, накормят нас ужином. В качестве предисловия Йонгден принимается превозносить щедрость некоего воображаемого начальника, который пожаловал ему рупию, а затем заявляет, что купит мяса, если его здесь продают.

— Я знаю одно место... — немедленно отзыается наш хозяин, чувствуя, что можно поживиться.

Из своего угла я настоятельно прошу их обратить внимание на качество товара. Тибетцы не брезгуют мясом животных, умерших от болезни. Я могла бы объяснить причины данной традиции, но это заняло бы слишком много места.

— Не приносите мясо животных, умерших естественной смертью, а также тухлятину, — говорю я.

— Нет, нет, — заверяет меня хозяин, — я знаю в этом толк, у вас будет хорошее мясо.

Деревня невелика, и примерно через десять минут низкий возвращается.

— Вот! — торжествующе заявляет он, вынимая из-под своего широкого мехового плаща какой-то сверток.

Что это?.. В комнате, освещенной только пламенем очага, царит полумрак, и мне трудно разглядеть, что у него в руках. Кажется, он разворачивает тряпку, в которую завернута покупка.

Ох.. Внезапно комнату заполняет жуткое зловоние, невыносимый запах падали.

— Ах! — восклицает Йонгден дрожащим голосом, стараясь унять подступающую тошноту. — Ах! Это желудок!..

Я понимаю, в чем тут дело. У тибетцев существует одна отвратительная привычка: убив животное, они помещают его почки, сердце, печень и кишки в желудок, зашивают его, как мешок, содержимое которого вымачивается в течение нескольких дней, недель и даже больше.

— Да, желудок, — повторяет хозяин, голос его также дрожит, но дрожит от радости при виде того, как из вскрытого желудка вываливается куча внутренностей. — Он полон, полон!.. — восторгается наш хозяин. — О! Как много здесь всего!..

Положив эту мерзость на пол, он запускает туда руки, перебирая студенистые кишки. Трое детей, дремавших на груде тряпья, просыпаются и, усевшись рядом с отцом, с вожделением таращат глаза на тухлятину.

— Да, да, желудок... — машинально повторяет удрученный Йонгден.

— Матушка, вот котелок, — любезно обращается ко мне хозяйка, — вы можете приготовить себе еду.

Чтобы я притронулась к этим отбросам!

— Скажи им, что я больна, — поспешно шепчу я своему сыну.

— Вы всегда сказываетесь больной, когда приходит беда, — цедит Йонгден сквозь зубы...

Но сообразительный парень быстро обретает прежнее хладнокровие.

— Моей пожилой матушке нездоровится, — заявляет он. — Почему бы вам не сварить *тупа*¹.. Я хочу, чтобы вы разделили похлебку на всех.

Чета нищих не заставляет его повторять дважды, и крапузы, сообразив, что грядет пир, смироно сидят у очага, не желая больше спать.

Вооружившись большим ножом, мать режет тухлятину, время от времени какой-нибудь кусок выскользывает у нее из рук и падает на пол, дети тут же набрасываются на сырое мясо, как голодные щенки, и пожирают его.

Затем в омерзительную похлебку добавляют ячменную муку. Теперь бульон готов.

— Выпейте, матушка, это вернет вам силы, — уговаривает меня супруга.

Я же лишь охаю в ответ из своего закутка.

— Дайте ей поспать, — вмешивается Йонгден.

Он не может найти отговорку. Где это видано, чтобы *арджона*, купившие мяса на рупию, к нему не притронулись; на другой день вся деревня стала бы об этом судачить. Ламе наливают целую миску, и он вынужден есть зловонную жидкость, но не может ее осилить и заявляет, что тоже почувствовал себя неважно... Я нисколько в этом

¹ Густой суп.

не сомневаюсь. Остальные долго и жадно смакуют угощение, молча наслаждаясь неожиданным пиром.

Я засыпаю, а семейство все так же шумно поглощает еду.

По горам и долинам мы двигались к перевалу Сепо-Ханг. У его подножия с нами произошло одно из тех таинственных и необъяснимых происшествий, что нередко приводят к замешательство людей, путешествующих по Тибету.

Мы очень долго спускались на дно ничем не примечательного ущелья, где по галечнику текла небольшая речка; ее прозрачные воды вливались где-то неподалеку в Салуин, к которому снова приблизилась наша тропа, петлявшая по горному лабиринту.

На противоположном берегу, за мостом, окрашенным в красный цвет, прямая как стрела дорога тянулась вверх через поля, среди которых были разбросаны крестьянские усадьбы. Близился полдень; дожидаться в деревне, не представляющей интереса, следующего дня, чтобы предпринять восхождение на перевал, означало потерять шесть или семь часов, которым можно было найти лучшее применение. Мы знали, что нельзя взойти на эту горную гряду за один день, даже если отправиться в путь до зари. Значит, раз уж так или иначе придется провести ночь в пути, не следовало теперь задерживаться. Если сильный холод или отсутствие топлива не позволят нам разбить лагерь на высоте, до которой мы доберемся вечером, мы рискнем продолжать свой путь до самого утра, как поступали уже не раз. Однако я считала, что надо хорошо подкрепиться перед долгим переходом. Вода была у наших ног, и мы не могли предугадать, когда еще нам доведется встретить другой источник. Йонгден горячо меня поддержал, и, едва лишь выйдя на берег реки, мы бросили свою поклажу на камни, и мой спутник развел костер из тонких сухих веток, которые я собрала под деревьями, растущими вдоль полей.

Тут же какой-то маленький мальчик, сидевший на другом берегу, перебежал через мост и трижды низко поклонился Йонгдену: так тибетцы обычно приветствуют лам высокого ранга. Мы были крайне удивлены. Почему этот

ребенок оказывал такое почтение жалкому оборванцу? Но нам не пришлось долго гадать. Мальчик обратился к моему приемному сыну с такими словами:

— Мой дедушка очень болен. Сегодня утром он объявил, что скоро с этой горы спустится лама и сядет у реки, чтобы выпить чая. Дедушка хочет его видеть немедленно. Поэтому мы с братом с самого восхода дежурили по очереди у моста, чтобы попросить ламу зайти к нам. Теперь, когда вы здесь, будьте добры, пойдемте со мной.

Мальчик явно обознался.

— Твой дедушка ждет не моего сына, — ответила я ему, — мы пришли из очень далеких краев, и твой дед не может нас знать.

— Он так и сказал: лама, который будет пить чай на берегу, — продолжал настаивать ребенок.

Видя, что мы не намерены следовать за ним, он снова стремительно побежал через мост и скрылся за изгородью, разделявшей поля.

Не успели мы приступить к своей трапезе, как вновь появился юный крестьянин в сопровождении *послушника-трапана*.

— Лама, — сказал последний Йонгдену, приветствовав его поклонами, как и мальчик, — сделайте одолжение, навестите моего отца, который ждет вас с нетерпением. Он все время повторяет, что скоро умрет, и вы один способны указать ему дорогу в Бардо и привести его к счастливому возрождению.

Трапа еще раз повторил рассказ мальчика о том, что больной предсказал приход ламы по дороге, которой мы следовали. Он прибавил, чтобы убедить нас, что речь идет именно о Йонгдене.

— Все произошло точно так, как предвидел отец. Он знал, что вы будете пить чай, сидя на камнях у реки; к тому же вы сели не рядом с *ми дёсса* на обочине дороги, где иногда останавливаются путники, а сразу же развели костер прямо на галечнике.

Мы с моим спутником не знали, что делать, по-прежнему полагая, что больной имеет в виду своего знакомого ламу, который должен прийти по этой дороге. Однако *трапа*

на заплакал, и я посоветовала Йонгдену сходить к старому крестьянину. Он пообещал, что посетит его дом, как только мы завершим трапезу.

Маленький мальчик и послушник, который, как я поняла, приходился ему дядей, поспешили передать наш ответ больному, и вскоре я увидела другого ребенка, следившего за нами с другого берега. Очевидно, эти люди боялись, что Йонгден не сдержит своего обещания. Мы решили, что, раз уж невозможно от них скрыться, не стоит напрасно огорчать больного старика. Увидев нас, он признает свою ошибку, и визит к нему не займет у нас больше десяти минут.

Родственники больного и слуги встретили нас у дверей дома, выражая свое глубочайшее почтение. Нас немедленно проводили в комнату, где хозяин усадьбы возлежал на подушках; мой спутник направился к нему, а я осталась стоять у входа вместе с другими женщинами.

Старый крестьянин не выглядел умирающим. Сильный и ясный голос, а также умный взгляд свидетельствовали о том, что его умственные способности отнюдь не ослабли. Он попытался встать и поклониться, но Йонгден не дал ему выбраться из-под укутывавших его одеял, сказав, что больному достаточно мысленно его поприветствовать.

— Лама, — ответил старик, — я жду вас уже много дней, но я знал, что вы придетете, и не хотел умирать, не повидав вас. Вы — мой¹ лама, мой подлинный *тсаяй-лама*, и только вы можете указать мне путь к счастливой жизни в потустороннем мире. Прошу вас, смируйтесь, не отказывайте мне в помощи.

Больной хотел, чтобы Йонгден спрятал по нему панихиду, которая, по тибетскому обычая, читается или произносится наизусть у смертного одра всякого ламаиста-мона-

¹ Притяжательное местоимение перед словом «лама» может указывать на то, что данный лама является основателем или главой секты, в которую входит говорящий, либо настоятелем монастыря, к которому он имеет отношение как благотворитель, крепостной или монах. Существует и другое значение: в данном случае «мой лама» означает учителя, духовного отца, которого индузы именуют «гурю», чьим учеником человек являлся на протяжении ряда предыдущих жизней.

ха или мирина, не посвященного в эзотерическое учение мистических школ. Обряд заключается не в молитвах и призывах к милосердию божества, а состоит из советов умирающему, который уже не в состоянии двигаться и находится в бессознательном состоянии, либо даже покойнику в первые часы после его кончины. Эта служба призвана в некотором роде заменить первоначальное посвящение *in extremis*¹. Благодаря ей «сознание-энергия»², освободившееся от телесной оболочки, получает подробные сведения о мире, куда оно попадает, и не может заблудиться в сложном лабиринте дорог Бардо. Панихида завершается чтением *нова*³, то есть короткого приказа ламы, повелевающего главному *намне*⁴ возродиться в тех или иных благоприятных условиях — обычно в западном раю великого блаженства — *Нуб деуа чен*. Согласно различным теориям, действенность приказа зависит не столько от покорности того, к кому он обращен, сколько от степени психической силы ламы, совершающего богослужение, и глубины его знаний об истинной природе *намне*, а также рая и мира явлений в целом.

Старый тибетец, как я уже говорила, отнюдь не казался умирающим, и Йонгден не решался подчиниться его странному желанию по ряду причин религиозного характера. Он попытался избавить больного от мыслей о загробном мире, не дававших тому покоя, и вселить в него надежду; с этой целью лама предложил ему произносить магические заклинания, которые «восстанавливают» жизнь и вдыхают в человека новую силу. Но он напрасно старался сломить упрямство этого человека.

¹ *In extremis* (лат.) — при последнем вздохе.

² Понятно, что я не могу задерживаться на этом вопросе, который требует длительных разъяснений, уместных лишь в трудах по востоковедению.

³ Весь обряд носит неточное название «нова», что значит «поменять место», «переселиться».

⁴ *Намне* — это слово, которое нельзя переводить как «душа», и оно имеет ряд значений. Я употребляю слово «главный» за неимением другого, но оно далеко не соответствует оригиналу.

Больной продолжал умолять проводить его в обитель Ченрезиг, называя Йонгдена своим единственным подлинным ламой, и по-прежнему твердил, что задержался на этом свете лишь из-за того, что хотел дождаться его прихода.

В конце концов он велел всем присутствующим броситься к ногам моего сына и присоединиться к мольбам, заклиная умирающему последнюю милость.

Это была невероятная, душераздирающая сцена, которую невозможно передать словами. Йонгден был вынужден уступить. Возвышаясь среди распостертых фигур домочадцев, он произнес ритуальные слова, которые желал услышать из его уст человек, «ожидавший его прихода, чтобы умереть».

Когда мы покидали этот дом, лицо старого крестьянина выражало безмятежное спокойствие, полную отрешенности от всех земных забот; казалось, что он уже попал в благословенный рай, которого нигде нет, ибо он повсюду, в душе каждого из нас.

Я не стану пытаться объяснить этот странный случай. В подобных обстоятельствах, как мне кажется, разумнее признаться в своем невежестве, нежели отрицать что-либо a priori¹ либо, напротив, поспешно создавать всяческие теории и догмы, не подкрепленные вескими научными аргументами.

Я поведала об этом любопытном эпизоде своего путешествия в связи со странным феноменом ясновидения, проявившимся в детальном описании прихода ламы, как-то: он разведет костер не на обычном месте, обозначенном *ми дёсса*, а прямо на галечнике частично пересошедшего русла реки.

Что касается возможности существования в прошлом контакта между хозяином дома и Йонгденом, то это не вызывает никаких возражений у тех, кто, подобно тибетцам, верит, что у нас — несколько жизней.

В любом случае я была бы поистине огорчена, если бы этот факт, который я сообщила в качестве информации, способной заинтересовать людей, занимающихся исследованием психических явлений, дал бы повод для неуместных толкований.

Умирающие не должны служить предлогом для праздной болтовни, насмешек, какими бы странными обстоятельствами ни сопровождалась их кончина.

Те, кто предупреждал нас, что придется совершить долгий переход, прежде чем мы доберемся до перевала Сепо-Ханг, вовсе не преувеличивали.

Проведя ночь в деревне, расположенной на некотором расстоянии от усадьбы больного крестьянина, мы двинулись в путь на рассвете. Дорога, по которой мы следовали, вскоре устремилась в глубь чрезвычайно живописного и дикого горного кряжа, в который вклинивались обширные и глубокие лощины. Мы шагали целый день без остановок, никого не встретив, и несколько раз сбивались с пути среди высокогорных пастбищ, совершенно пустынных в эту пору.

¹ Из предыдущего (лат.); заранее, предварительно.

Стало смеркаться, но высокие хребты, возвышавшиеся со всех сторон, явно указывали на то, что мы находимся еще очень далеко от перевала. Неожиданно налетел ураган, один из тех страшных ветров, что гуляют на больших высотах и обрушаются на вершины, подчас низвергая целые караваны в пропасть¹. Мы как раз поднимались по очень крутому склону. Темнота быстро сгущалась. Становилось опасно продолжать путь при таком ветре. Я уже собиралась повернуть обратно, чтобы поискать укрытие ниже, как вдруг мы услышали звон колокольчиков, и перед нами предстали трое мужчин с лошадьми. То были торговцы, спускавшиеся с горы. Они предложили присоединиться к ним, утверждая, что вскоре мы встретим крестьянскую усадьбу, хозяева которой проводят всю зиму в горах.

Мы пришли туда, когда стало совсем темно. Увидев просторные стойла, опоясывавшие двор дома, я поняла, что здесь дают приют путникам, проходящим через перевал в эту пору, когда ночевка под открытым небом может оказаться роковой и для людей, и для животных.

Нас провели на кухню вместе с купцами, которые угостили нас отменным ужином, состоявшим из супа, чая, *тсампа* и сушеных фруктов.

Эти люди были родом из деревни, расположенной поблизости от той, где жил больной, которого мы посетили накануне. Утром, проходя мимо его дома, они узнали о том, что произошло, и сообщили нам, что с первыми проблесками зари, когда мы покидали селение, старик тихо скончался с улыбкой на устах.

По-видимому, рассказ о последних мгновениях его жизни произвел на торговцев очень сильное впечатление, и, обратившись мыслями к божествам, они попросили Йонгдена прочитать им проповедь, что он и сделал в доступной форме, соответствовавшей умственному уровню слушателей.

¹ Как-то раз мне пришлось видеть среди кустов и камней трупы сорока мулов, сброшенных шквальным ветром к подножию горы. Вместе с ними погибли трое погонщиков.

Узкая, как кишкя, и короткая кухня была единственной комнатой в доме, и мы жарились здесь целый вечер, зажатые между дощатой перегородкой и очагом, где горели огромные поленья. Однако, когда настало время ложиться спать, я поняла, что хозяин и его жена не оставят нас в доме, и в очередной раз нам придется ночевать во дворе.

Торговцы спустились вниз и разместились возле своих животных. Мы могли бы последовать их примеру: крыша над головой и сухой лошадиный навоз вместо матрацев кое-как защищали бы нас от холода. Но в темноте нельзя было определить, до какой степени высохла эта своеобразная подстилка, затвердевшая от мороза, и мы рисковали, учитывая тепло наших тел, проснуться утром сильно перепачканными. Тибетцы не придают большого значения вещам такого рода, но мы еще не достигли подобного уровня философского безразличия. Оставалась плоская крыша над стойлом, на которой нам предложили расположиться.

Какой резкий контраст! Перенестись из кухни, где было жарко, как в печи, на свежий воздух в морозную ночь на высоте 4500 метров, когда кругом бушует непогода! Я не могла с этим смириться и попросила хозяев позволить нам оставаться в тесном закутке, ограниченном с трех сторон, который служил входом на кухню. Разрешение было нам тотчас же предоставлено.

На следующий день мы миновали легкодоступный перевал, расположенный в чудесном месте, среди альпийских лугов. Здесь лежал неглубокий снег.

К концу дня мы добрались до монастыря Сепо, возвышавшегося в романтической ложбине между горами; перед ним простирались на пологих склонах бескрайние луга, а слева раскинулся сосновый лес; монастырь напоминал древнюю обитель монахов-бенедиктинцев или францисканцев. Тибет — это последняя страна, где монашеская жизнь еще в почете.

Купцы, путешествовавшие верхом, намного нас опередили; они остановились в *гомпа* и поспешили поведать ламам все, что знали о Йонгдене, о крестьянине, умершем накануне, и о вечерней проповеди моего приемного сына. Поэтому, когда он пришел в монастырь купить продуктов,

его встретили очень радушно и пригласили оставаться здесь на несколько дней, чтобы обсудить некоторые вопросы буддийской философии с местными знатоками. Мне же собирались отвести место в доме, предназначенном для посетителей¹.

Но я продолжала двигаться вперед и за это время успела уйти далеко. Йонгден извинился, сославшись на то, что мы спешим в Лхасу, где нас ждут, и вскоре присоединился ко мне. Поначалу я сожалела о том, что упустила возможность послушать лам, которые славятся в здешних краях своей ученостью, но затем рассудила, что, скорее всего, меня не допустили бы в комнату, где проходят философские диспуты, по причине моего светского звания и пола, и я быстро утешилась.

Ближе к вечеру, когда мы проходили через пустынную равнину, образованную плоской вершиной горного хребта, нам повстречалась женщина. Она сказала, что мы можем переночевать в полуразрушенной усадьбе, которую увидим с дороги. Это было важное сообщение, так как местность по-прежнему оставалась совершенно пустынной и мы не надеялись спуститься в долину раньше следующего дня. То, что нам говорили о протяженности пути, подтверждалось все больше и больше.

Лишь когда уже совсем стемнело, добрались мы до дома, о котором говорила тибетская женщина.

Разместившись в большой комнате, вероятно служившей кухней, мы заканчивали нашу трапезу, как вдруг в сопровождении маленького мальчика появилась женщина, благодаря которой мы обрели этот кров.

Оказалось, что она — владелица заброшенной усадьбы, покинувшая свой дом несколькими годами ранее из-за разыгравшейся здесь трагедии.

¹ Женщинам и мужчинам, не принадлежащим к духовному сословию, не разрешается ночевать в стенах ламаистских монастырей. Мне разрешалось селиться в некоторых из них в отдельном доме на основании особого распоряжения. Те же правила для мирян установлены в женских монастырях.

Однажды ночью, когда крестьяне спали, к ним ворвалась банда разбойников из местности По. Хотя несчастные хозяева, отрезанные от мира, не могли рассчитывать на чью-либо помощь, они тем не менее дали грабителям решительный отпор. Нападающие гонялись за ними по всему дому: из комнаты в комнату, из стойла в стойло, — и блеянье и мычанье испуганных животных смешивалось с грохотом стрельбы. Постепенно шум смолк. На полу остались лежать убитые и раненые: хозяин дома, два брата его жены и несколько слуг.

Грабители быстро увели скот, подстегивая животных кнутом, топот копыт затих вдали, и на разоренной ферме слышались лишь плач женщин и стоны раненых.

Жители По также оставили на поле боя несколько трупов: разбойникам часто приходится расплачиваться за потерю жизнью.

С тех пор несчастная вдова и ее родные жили в деревне близ монастыря Сепо. Страх, что налет повторится, и еще более сильный ужас перед грозными тайными силами удерживали их вдали от своих полей, быстро пришедших в запустение, и усадьбы, которая скоро совсем разрушится.

Здешние жители верили, что в этом месте водятся злые духи. Гибель стольких мужчин, страх и ненависть, исходившие от них на пороге смерти, притягивали сюда бесов, и, как считали крестьяне, наряду с ними вокруг заброшенного дома бродят призраки разбойников и их жертв.

Бедная женщина проделала ночью долгий путь от монастыря до своего бывшего жилища, чтобы попросить Йонгдена изгнать отсюда злых духов.

Очевидно, ламы Сепо уже совершали в подобных случаях традиционные обряды, но цвет головного убора моего спутника внушил хозяйке дома особое доверие. Ламы, принадлежащие к secte «красных колпаков», ссыдут гораздо более искусными магами и заклинателями духов, нежели их собратья из sectы «желтых колпаков».

Мой сын испытывал сострадание к несчастной жертве страшной трагедии, и это не позволило ему отказать ей в просьбе. Сoverшив обряд, он сказал женщине, что теперь она снова может вернуться в свою усадьбу, не опасаясь

обитателей иных миров, но ей следует принять серьезные меры предосторожности в отношении разбойников из По, сообразно с местными обычаями и советами опытных и благоразумных людей.

На следующий день мы вступили в область Дайшин, где мне снова пришлось побывать во множестве домов самых разных людей, как и на берегах Салуина. Как жаль, что я не могу подробно рассказать обо всех своих остановках! Так, однажды вечером некий хитрый крестьянин с чрезвычайно учтивыми и сердечными манерами уложил нас в комнате, где, по его мнению, обосновались голодные бесы, для того, чтобы посмотреть, выйдем ли мы оттуда утром живыми и можно ли ему будет снова там поселиться без риска.

Большую часть долины, по которой течет река Дайшин, занимают возделанные поля, и эта местность радует глаз. Здесь можно встретить крупные монастыри, крепко сбитые деревенские дома, и ее жители в основном очень приветливы.

Мы также проходили через поля, посыпанные содой, которую тибетцы называют «пультог». Здесь жители неизменно бросают в кипящую воду щепотку соды, чтобы придать чаю красивый розоватый цвет и более терпкий вкус.

Как-то раз во второй половине дня некий дородный путник, направлявшийся с дарами в монастырь, остановился и вручил нам с Йонгденом по две рупии, а затем последовал дальше, не задав ни единого вопроса и ошеломив нас своей неожиданной милостью.

По правде сказать, изображая нищих, мы не слишком серьезно относились к своей роли, хотя порой она приносила нам немалый доход. Оказавшись в сердце Тибета, мы предпочитали покупать то, что нам было нужно. Однако не раз, как в данном случае, подаяния сами плыли к нам в руки.

Никогда еще ни одно путешествие не обходилось мне так дешево. Мы с Йонгденом часто смеялись по дороге, вспоминая о том, как исследователи перечисляют в своих

трудах, из какого множества верблюдов, яков и мулов состояли их караваны и сколько сотен килограммов съестных припасов они везли с собой, ценой огромных издержек, а все их усилия оканчивались неудачей, которую они терпели у самой цели или вдали от нее.

Я же могла бы проделать весь путь без гроша в кармане, но, будучи избалованными нищими, мы лакомились пирогами с патокой, сухими фруктами и первосортным чаем, а также поглощали чрезмерное количество масла — и ухитрились истратить вдвоем за четыре месяца пути из Юньнани в Лхасу около сотни рупий.

Вовсе не обязательно иметь много денег, чтобы путешествовать и быть счастливым на благословенной азиатской земле.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Две дороги из Тashi-цзе в местность По. — Величайший английский путешественник. — Купание в ледяной воде при переходе через реку. — Дорога к перевалу Деу. — Секрет тибетских отшельников: искусство согреваться на морозе. — Похороны и кладбища в Тибете. — Негостеприимные пастухи. — Я выпутываюсь из трудного положения благодаря привычке тибетских нищих искать вшей под одеждой. — Я притворяюсь ясновидящей, чтобы внушить почтение нашим хозяевам: неожиданное чудо удается на славу. — Йонгден священнодействует, чтобы вызвать снегопад. — Хозяин дома не желает оплачивать услуги ламы, и мы сами вознаграждаем себя за труды

В Тashi-цзе мне говорили, что две дороги ведут отсюда в местность По; одна из них тянется по долинам, другая уходит в глубь гор. Вдоль первой дороги раскинулось множество деревень и несколько монастырей; здесь нечего опасаться разбойников, разве что можно столкнуться с

обыкновенными ворами. В этих краях также легко раздобыть себе пропитание, прося подаяние либо покупая еду.

Другая дорога пролегает по совершенно пустынной местности. До тех пор пока вы не доберетесь до первых селений По-юл¹, вы будете видеть лишь голые вершины да леса. Зимой ни один путник не отваживается заглядывать сюда из-за двух очень высоких перевалов², которые нужно преодолеть; здесь бродят только разбойники из По, совершающие набеги на соседние области. Разумеется, предупреждали нас, их не прельстит содержимое наших нищенских котомок, но им не понравится, что кто-то их видел, и, опасаясь, как бы мы не рассказали о встрече с ними, они могут нас убить либо сделать так, чтобы мы как бы случайно свалились в пропасть.

В этом году выпало очень мало снега, говорили тибетцы, возможно, что дорогу через перевалы еще не замело, но в этом месяце ожидаются сильные снегопады, и нам следует приготовиться к самому худшему. Может случиться так, что снег, который выпадет после того, как мы минуем первую горную гряду, отрежет нам путь назад, а также завалит тропы, ведущие через следующую гряду. Надо не забыть взять с собой побольше съестных припасов. Быть может, нам встретятся докна, зимующие на высокогорных пастбищах в глубине долины, разделяющей два горных хребта, но они не дадут нам поесть и ничего не продадут, ибо им самим едва хватит продуктов, чтобы дотянуть до следующей весны.

Я не долго раздумывала над смыслом этих слов. Дорога, пролегающая через долины, обозначена на многих картах; другой же путь, напротив, был совершенно неизведанным. По всей видимости, мне следовало выбрать последний. Впрочем, оба пути, как меня заверили, сходятся в местности По, в долине, ведущей в Лхасу. Об этой долине мне рассказывал в Жакиендо английский генерал, благодаря которому отчасти я избавилась от последних сом-

¹ Юл — край. По-юл — край По.

² Деу-ла и По-Готза-ла.

нений по поводу исследования местности По на пути в тибетскую столицу.

Его звали сэр Джордж Перейра; я часто говорила о нем с Йонгденом, и мы намеревались поведать ему о наших подвигах по окончании своего путешествия. Я не предполагала, что в то время, когда мы вступим на территорию По, он будет умирать на дальнем западе Китая.

Генерал Перейра прибыл в Жакиендо, когда я только собиралась туда вернуться после интереснейшего путешествия по одной из частей местности Кхам, простирающейся от крайнего степного юга до главной дороги¹ из Чамдо в Лхасу. Когда мои странствия были неожиданно прерваны, как я уже рассказывала, я была вынуждена вернуться к исходной точке своего путешествия и выработать новый план, чтобы взять реванш после поражения. Тогда-то божества, охраняющие Страну Снегов, видимо недовольные тем, с каким упорством их лишали встречи с верной сторонницей, решили посодействовать мне довольно острумным способом — с помощью одного из благородных соотечественников тех, кто закрывает доступ в Тибет.

Сэр Джордж Перейра пробыл в Жакиендо около двух недель; он жил там в квартире, расположенной рядом с моей, во дворе одного из домов. Это был обаятельный человек, принадлежавший к высшему обществу своей страны, ученый-географ и неутомимый путешественник. Он направлялся в Лхасу и не скрывал этого. Хотя несколькими неделями ранее на тибетской границе задержали датского путешественника и заставили его вернуться назад², генерал, видимо, был уверен, что правительство Далай-ламы получило приказ оказать ему самый радушный прием, и все произошло точно так, как он предполагал.

В Жакиендо ходили слухи, что английский путешественник выполняет тайное поручение своего правительства; о нем рассказывали также множество других вещей.

¹ Эта главная дорога, разумеется, всего лишь обыкновенная тропа, по которой невозможно проехать.

² Этот случай подробно описан в предисловии.

Я не пыталась докопаться до истины, таившейся за всеми этими сплетнями: дела моего соседа не интересовали меня.

У генерала было множество карт, и он сам составлял план районов, через которые проходил, а также усердно, днем и ночью, работал над своими записками. Он очень любезно предоставил свои карты и часть заметок в мое распоряжение. Я почерпнула оттуда немало ценных сведений, и некоторые элементарные выписки из этих бумаг отправились со мной в Лхасу. Однажды вечером, выпив чая, мы говорили о моих странствиях; на столе лежала развернутая карта. Сэр Перейра провел по ней ногтем черту, обозначающую предполагаемое течение реки По-Цангпо.

— Здесь никто еще не бывал, — сказал он. — Интересно было бы отправиться в Лхасу этой дорогой.

Впоследствии я часто гадала, произнес ли он эти слова для того, чтобы подсказать мне маршрут, или просто размышлял вслух.

Разумеется, я часто думала о том, как попасть в таинственный край По, служивший темой стольких преданий. Я давно вынашивала эту идею и в течение нескольких лет обсуждала ее с Йонгденом, когда мы жили в монастыре Кум-Бум. Однако расплывчатые сведения об этой местности, собранные у купцов из центрального Тибета и обитателей Кхама, внушили нам некоторые опасения. Многие утверждали, что жители По являются людоедами. Более осторожные люди скрывали свое мнение на этот счет, но все дружно заявляли, что если чужак забредет в леса, населенные местными племенами, то ему уже никогда оттуда не выбраться.

Поэтому я немного колебалась, размышляя, стоит ли рисковать, но слова генерала разрешили мои сомнения. «Никто еще никогда там не бывал». Мой сосед не мог бы придумать лучших слов, чтобы подвергнуть меня соблазну. В тот день я приняла решение увидеть этот неведомый край. В самом деле, было бы «интересно отправиться этой

дорогой в Лхасу». Большое спасибо вам, генерал, вольно или невольно вы оказали мне неоценимую услугу.

Таши-цзе — это небольшое селение, где мы окончательно избрали маршрут, по которому мне было суждено пройти сквозь ряд странных приключений; оно расположено в широкой долине неподалеку от дзонга, воздвигнутого на одиноком холме. «Таши-цзе» означает «цветущая вершина» или «вершина процветания» — и тот, и другой варианты перевода весьма спорны с точки зрения грамматики. Глубинная часть этой долины нисколько не соответствует географическому понятию вершины, и мы вынуждены склониться в пользу второго толкования, которое, увы, представляется таким же неточным, как и первое.

Мы покинули Таши-цзе незадолго до восхода солнца, впопыхах сбились с пути и перешли через реку не в том месте, где следовало. Когда я убедилась в своей ошибке, мост был уже далеко позади. Вернуться назад означало привлечь внимание того или иного из слуг *нёнто*. Я не хотела рисковать, и не оставалось ничего другого, как идти по воде. Я поднялась по течению реки в поисках борда и дошла до места, где она разветвлялась на два потока. Один из них широко разлился и почти полностью замерз — из-за последнего обстоятельства переход через реку причинил нам страдания. Мы сняли сапоги, чтобы сохранить их сухими, и тонкая корочка льда, ломаясь у нас под ногами, превращалась в острые, как стекло, осколки, которые больно нас ранили. Затем пришлось искупаться: вода доходила нам почти до бедер.

Как бы нам пригодилось теперь теплое махровое полотенце! Но можно было только мечтать об этом предмете роскоши, который нам давно был заказан. Тибетцы не вытираются, перейдя через реку, разве что используют для этого полы своих широких одеяний. Я попробовала последовать их примеру, но мой широкий плащ из плотной саржи промок и застыл на морозе. Оставалось уповать лишь на быструю ходьбу, чтобы обсохнуть и согреться.

Мы шли вдоль Дайшин-Чу до полудня. Прогулка возбудила у нас аппетит, и мы сочли разумным плотно поесть до того, как покинем долину, ибо не могли предугадать,

когда нам встретится вода в горах. Мы уже знали, что значит страдать от жажды, оставаясь без воды в течение тридцати шести часов, и предпочитали заранее избавить себя от подобной пытки.

Поток, впадающий в реку Дайшин, перерезал нам путь. Однажды он вздулся после таяния снегов на вершинах, затопил гору и усеял равнину на большом протяжении бесчисленными обломками скал. Эти камни, скопившиеся во время стихийного бедствия, затрудняли движение потока, уровень которого зимой понизился, и он разделился на множество ручеек, змеившихся по осыпи поодаль друг от друга.

Я быстро набрала поблизости сухого коровьего навоза, и Йонгден развел костер. Предвидя, что путь на высокогорный перевал будет тяжелее обычного, мы решили как следует подкрепиться; на первое у нас был суп, а на второе — чай. Такую очередность в смене блюд установила я; тибетцы же начинают трапезу с чая и завершают ее супом.

Суп?.. Под каким названием он мог бы фигурировать в меню? Может быть, бульон «ватель»?.. На всякий случай я поделюсь его рецептом. Из сумки, засаленной до черноты, согласно местному обычая, я извлекаю небольшой кусочек сущеного свиного сала — подарок некоего щедрого крестьянина. Мой юный спутник разрезает его на дюжину еще более мелких кусочков, бросает их в котелок с кипящей водой и добавляет туда щепотку соли со вздохом: «Ах! Если бы у нас была хотя бы одна редиска или репа!..» Но у нас нет подобных лакомств, и лишь тонкие, полурасплавленные ломтики сала отплясывают бешеную жигу в кипящем бульоне — мутной жидкости, напоминающей по запаху воду, в которой моют посуду. Однако этот аромат отнюдь не заставляет бродяг, какими мы стали, воротить нос.

Затем в котелок бросают несколько горстей муки, разведенной в чашке холодной водой, и несколько минут спустя суп снимают с огня. Теперь можно его отведать.

— Суп сегодня поистине превосходный...

— Просто отменный...

Но, несмотря на долгое пребывание в Тибете, у меня остались смутные воспоминания о французской кухне, и я добавляю:

— Собаки моего отца ни за что не стали бы есть такие помои!

Я смеюсь и протягиваю свою миску Йонгдену за добавкой.

Настает черед чая. Я срываю с дерева ветку с листьями, кое-как разминаю листья в руках, а затем бросаю в котелок; когда вода немного прокипит, в нее добавляют соль и масло. В сущности, это тоже суп, тем более что мы кладем в свои миски *тсампа*.

Наконец наш обед подходит к концу; мы чувствуем, что полны сил и бодрости, и готовы штурмовать небо. Взвалив на спину поклажу и взяв в руки посохи, окованые железом, мы дерзко глядим на ближайшую горную гряду, которая возвышается перед нами на дороге, ведущей в неведомую страну. В путь!

Неподалеку от места нашей стоянки мы увидели несколько небольших крестьянских усадеб, одиноко стоявших посреди бескрайней долины, отлого поднимавшейся к далеким вершинам, а затем начиналась пустота.

Поначалу мы еще могли разглядеть тропы, по которым пастухи гоняют летом стада, но вскоре следы дороги скрылись под травой и затерялись среди камней, и нам пришлось проявить сноровку, чтобы отыскать тропу.

На обширном покатом плоскогорье, по которому мы шли, то там, то сям виднелись небольшие холмы и овраги. Мы спустились в один из таких оврагов и обнаружили на дне его замерзший ручей, по скользкой поверхности которого было трудно двигаться. Выйдя из расселины, мы увидели, что плоскогорье раздваивается, образуя две долины. Согласно полученным указаниям, мы должны были подняться вверх по течению реки, но перед нами было два потока; один из них струился вдали от нас по глубокому ущелью (это был тот самый ручей, возле которого мы совершили трапезу), а другой змеился у наших ног среди мха и травы. По нашим сведениям, где-то неподалеку распола-

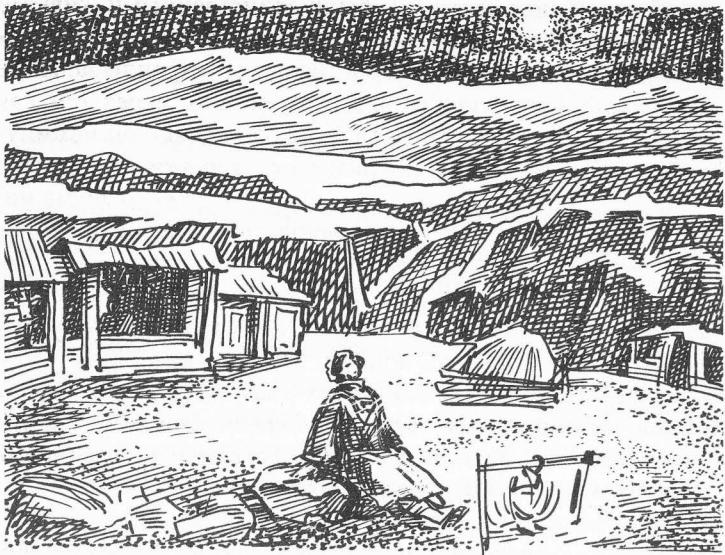
галось становище *докпа*, пустующее зимой, где мы могли бы переночевать. Я жаждала до него добраться, ибо в декабре на такой высоте тяжело выносить ночной холод в таких легких одеяниях, как у нас.

Я выбрала путь вдоль более широкой реки, и мы отправились дальше.

Вскоре солнце зашло, и поднялся резкий пронизывающий северный ветер. Мы не обнаружили ни следов стойбища, ни отдельных хижин. Следовало найти защищенное от ветра место, чтобы провести там ночь у костра, ибо чем выше мы поднимались, тем больше усиливался холод; растительность, состоявшая из редкого кустарника, становилась все более скучной, не суля топлива для огня. Когда мы совещались по поводу места для ночлега, я заметила далеко впереди, на противоположном берегу реки, желтоватое пятно; это не могло быть дерево с сухими листьями, ибо мы уже миновали пояс деревьев; оно напоминало творение человеческих рук, а именно соломенную крышу.

Мы устремились вперед, движимые скорее любопытством, нежели надеждой обрести пристанище. Желтое пятно мало-помалу увеличивалось в размерах, но мы по-прежнему не могли разглядеть, что это такое; затем нам показалось, что это сруб, покрытый соломой. Значит, где-то рядом — становище, о котором нам рассказывали... Но когда наконец желтое пятно, возбудившее у нас любопытство, приобрело конкретные очертания, мы поняли, что это всего лишь стог сена, разложенный на брусьях, чтобы уберечь его зимой, когда лагерь пустует, от диких животных. Но здесь не было ни малейшего признака человеческого жилья.

— Не беда, — сказала я Йонгдену, — даже если мы не найдем хижины, это сено нам пригодится. Мы достанем несколько охапок с помощью своих палок и соорудим шалаш с теплой подстилкой из сухой травы, тогда нам не будет страшен холод промерзшей земли и ветер не будет нас так беспокоить. Переходя через речку, мы наберем в котелок воды и сможем напиться перед сном горячего чая.

Спуск с горы в долину, а затем подъем на крутой, почти отвесный берег, где расположилось стойбище пастухов, оказались довольно утомительны и заняли много времени, но мы были щедро вознаграждены за свои труды. Взойдя на невысокий склон, на вершине которого желтело сено, мы с радостным изумлением обнаружили чуть подальше целое селение *докна*, состоявшее из крытых помещений для скота, и в одном из них — комнату пастухов. Точнее, это было место, отделенное от загона для скота прочной перегородкой, кое-где частоколом, с очагом, помешавшимся против отверстия в крыше.

Все стойбище было усеяно толстым и пыльным слоем козьего помета и сухого коровьего навоза, который доходил нам до щиколоток; по этому можно было судить, какая «чистота» царила здесь летом, когда животные возвращались в хлев каждый вечер. Я представила себе аромат, наполняющий в эту пору жилище, где мы собирались провести ночь, но зато вокруг было сколько угодно топлива, и наше пристанище показалось мне сущим раем.

По всей видимости, мы были единственными живыми душами на этой горе. Однако, помня о предостережениях относительно здешних разбойников, мы устроили западню между собой и зияющим входом в стойло, перед тем как лечь спать. Если бы кто-то зашел сюда ночью, он неминуемо споткнулся бы о неприметные веревки, натянутые чуть выше уровня земли, и мы проснулись бы от шума падения. Большего нам и не требовалось. Важно было не дать застать себя врасплох во время сна.

Несмотря на стужу, пробиравшую меня до костей, я долго бродила по этому дикому летнему кочевью, залитому ярким светом огромной полной луны.

Как я была счастлива, что оказалась здесь, на пороге тайны непокоренных вершин, и среди безмолвия могла «наслаждаться сладостным одиночеством и покоем», как говорится в одной из священных буддийских книг.

Нам следовало покинуть лагерь *докна* посреди ночи, чтобы успеть пройти через перевал до полудня, но мы слишком устали после долгого перехода и разомлели от приятного тепла, исходившего от очага, и посему проспали дольше, чем предполагали. Я отказалась от мысли двинуться в путь натощак, не выпив горячего чая, ибо на высоких вершинах, которые нам предстояло штурмовать, на верняка не из чего будет развести костер.

Кроме того, кто знал, что ожидает нас наверху? Сколько времени придется идти до вершины? Бог весть! Мы даже не подозревали, существует ли дорога через перевал. Крестьяне с равнины не могли сказать этого наверняка.

Разумеется, Йонгден не хотел идти к реке, и пришлось его уговаривать. Дорога была долгой; ручей, который вчера едва струился, должно быть, полностью замерз за ночь, и надо будет долго ждать, пока растают кусочки льда, которые мы принесем... Мой сын приводил веские доводы, чтобы увильнуть от тяжелой работы. Наконец он сдался и нашел немного воды подо льдом между скал, и мы напились чая, но рассвело прежде, чем мы покинули это место.

Поздним утром мы увидели латза и решили, что вскоре доберемся до перевала. Увы! До него было еще далеко.

Позади невысокого гребня, на котором стояла латза, тянулось длинное голое ущелье, зажатое между крутых склонов, усыпанных красноватыми обломками горной породы, и скалой, радовавшей глаз своими разнообразными серо-лиловыми оттенками. Я тщетно искала следы другого кочевья. Судя по отсутствию растительности, скорее всего, стада не гоняли на такую высоту.

Перед нами возвышалась почти отвесная гора кирпичного цвета, резко выделявшаяся на фоне темно-синего неба; казалось, что она преграждает доступ в долину. Все явно указывало на то, что, взойдя на ее вершину, мы достигнем высшей точки своего пути. Хотя до нее было недалеко, это расстояние что-то значило для тяжело нагруженных людей, которые были вынуждены дышать разреженным высокогорным воздухом. Однако, увидев заветную цель, мы приободрились и постарались прибавить шагу.

Но меня беспокоило одно обстоятельство: я не обнаружила на этом гребне латза. Тибетцы также возводят их и в других местах дороги, ведущей к перевалу, но они никогда не забывают сложить пирамиду из камней большого размера на вершине горы. Ее отсутствие объяснилось само собой, когда мы достигли пика подъема.

Какими словами выразить, что я почувствовала в этот миг? Я была поражена и в то же время охвачена восторгом и трепетом. Внезапно перед нами предстал великолепный пейзаж, который мы не могли видеть, находясь в долине.

Представьте себе: слева от нас — бескрайние заснеженные просторы и плоскогорье, ограниченное вдали вертикальной грядой сине-зеленых ледников и вершин девственной белизны. Справа от нас — большая впадина, окаймленная двумя низкими цепями гор. Полого поднимаясь вверх, она сливалась на горизонте с окружавшими ее пиками.

Плоскогорье, раскинувшееся прямо перед нами, также постепенно повышалось и терялось вдали; мы были не в силах разглядеть, ведет ли оно на вершину перевала или к другому замкнутому плато.

Ни одно описание не может дать должного представления об этой картине, ошеломляющем зрелище из тех, что

заставляют верующих падать ниц, как перед покрывалом, скрывающим Божественный Лик.

Как только первый восторг прошел, мы с Йонгденом молча посмотрели друг на друга. Комментарии были излишни, мы четко осознали свое положение.

В какую сторону теперь идти? Это было неведомо. Перевал мог находиться и прямо впереди, и справа от нас. Стояла середина дня, и мы рисковали блуждать всю ночь среди заснеженных вершин. В ходе скитаний по Тибету мы приобрели большой альпинистский опыт и знали, что нам грозит. Наша экспедиция, скорее всего, оборвется в самом начале, и исследователи никогда не расскажут о своих открытиях.

Несмотря на короткие дни, у нас оставалось еще немало времени до вечера, и, к счастью, луна должна была светить всю ночь. Не стоило заранее бить тревогу; важно не сбиться с пути и не мешкать.

Я снова посмотрела направо, обозревая местность, и решила идти прямо.

Это приключение привело меня в возбуждение, и я двигалась довольно быстро, хотя снег становился все более глубоким.

Желание поскорее добраться до перевала либо убедиться, что мы избрали неверное направление, подгоняло меня, и я намного опередила Йонгдена, который был сильнее нагружен.

Пройдя довольно большое расстояние, я решила проверить, насколько отстал от меня юноша, и повернула обратно.

Мне никогда не забыть картины, представшей перед моим взором.

Далеко позади, среди безмолвных бескрайних снегов, медленно двигалась крошечная черная точка, напоминавшая микроскопическое насекомое, с трудом ползущее по наклонной поверхности огромного плато. Гигантские ледники и мрачные просторы, как ни один из величественных, наводящих ужас пейзажей, которые мне доводилось созерцать до сих пор в Стране Снегов, подчеркивали разительный контраст между этим сказочным высокогорным

краем и жалкими путниками, рискнувшими блуждать здесь в одиночку в середине зимы.

Я почувствовала невыразимую жалость к своему верному спутнику, который сопровождал меня в стольких опасных походах и не оставлял теперь. Разве можно было допустить, чтобы он погиб в этой пустыне, подобно заблудившимся паломникам, окоченевшие трупы которых находят нередко на вершинах тибетских гор? Такой конец, возможно, устроил бы меня, но не Йонгдена. Необходимо отыскать дорогу. Мы наверняка выпутаемся из трудного положения, как нам удавалось уже не раз.

Не время было предаваться бесполезным эмоциям. Вечер уже смягчил ослепительную белизну окружающей местности; в этот час нам давно следовало спускаться по обратной стороне склона.

Я двинулась дальше вприпрыжку, опираясь на свой длинный посох, окованный железом, и шла без остановок, не разбирая дороги.

Наконец я увидела пригород, засыпанный снегом, из-под которого торчал куст с сухими ветками; на них развевались флаги, застывшие от холода и украшенные бахромой из сосулек, которые глухо позвякивали, ударяясь друг о друга на ветру. Это была вершина перевала с латза.

Я стала подавать знаки Йонгдену, который, казалось, находился еще дальше, чем раньше, и готов был растаять в сумеречном свете. Сначала он ничего не заметил, но вскоре принял размахивать своим посохом. Он понял, что я — у цели.

Пока я поджидала его возле латза, взошла луна, и ее лучи озарили ледники и заснеженные пики, всю необъятную белоснежную равнину, а также другие неведомые нам долины, посеребренные инем.

Бесстрастная местность, которой мы любовались днем, словно пробудилась благодаря преобразившему ее свету. Мимолетные искры сверкали на снежном ковре, перекликаясь с сияющими бликами, игравшими на вершинах, а ветер приносил какие-то шелестящие звуки, словно горы обменивались непостижимыми посланиями.

Быть может, эльфы и феи, обитающие в этих горах, веселые духи и гномы, охраняющие таинственные пещеры, решили собраться для игр и танцев на белоснежном пустынном плоскогорье, залитом мягким светом, или некое важное совещание должно было состояться среди сине-зеленых великанов в ледяных шлемах, стоящих на страже у порога нехоженых земель.

Кто знает, какие тайны открылись бы смелому путнику, который отважился бы затаиться в этом месте до зари... Но холод не позволил нам осуществить столь дерзкий замысел, и волшебная ночь не выдала своих секретов.

Тибетцы не кричат ночью «Лха жъяло». Согласно обычая, я прочитала шесть раз на санскрите древнюю мантру «Субхам асту саргаджа гатам» (Пусть все люди будут счастливы), поворачиваясь в разные стороны.

Йонгден воспрянул духом и прибавил шагу, уяснив смысл моих знаков; вскоре он догнал меня, и мы немедленно начали спуск.

Теперь мы без труда различали дорогу. На этом склоне лежал неглубокий снег, и во многих местах проглядывала почва — желтоватый гравий.

Какова высота перевала Деу? Я не решилась бы сказать это наверняка, ибо у меня нет точных сведений. Однако тот, кто в течение ряда лет обошел множество высокогорных хребтов в одной и той же местности, может по ряду признаков, сравнивая их с вершинами, высота которых известна, приблизительно определить их высоту. Во время восхождения я обращала внимание на растения и лишайники, записывала свои наблюдения и пришла к заключению, что по высоте перевал, по-видимому, равняется, если не превосходит, Нагу-ла и другие известные мне перевалы, возвышающиеся над уровнем моря на 5489—5555 метров. Но я хочу повторить, что это всего лишь предположения.

Прежде чем мы доберемся до пояса деревьев и сможем развести костер, придется шагать полночи, но это нас не пугало. Мы обнаружили перевал и преодолели его без про-

исшествий; удачное начало похода наполнило нас радостью.

В хорошем расположении духа мы спустились в долину, где замерзшая речка протекала по дну обледенелой, гладкой, словно зеркало, котловины. Дорога, разумеется, пропала из вида, и мы были вынуждены снова браться за палки, бросаясь во все стороны в поисках какого-либо знака, который указал бы нам нужное направление. В конце концов я отыскала тропу у подножия горы, и мы стали спускаться по очень пологому ровному скату, что облегчало ходьбу.

Прогулка при ярком свете луны оказалась поистине восхитительной. Вскоре показались кусты, разбросанные по лугам, лишенным иной растительности.

Невозможно было сделать привал, не разводя костра. Ледяной ветер, прилетавший с заснеженных вершин, обрушивался на долину. Его сила возрастала с каждой минутой, но в поле зрения не было ни единого укрытия, и мы не мерзли лишь благодаря тому, что двигались.

Таким образом, мы шагали до двух часов ночи и были в пути уже в течение девятнадцати часов, не сделав ни единой остановки, без еды и питья. Как ни странно, я не чувствовала усталости, но мне очень хотелось спать.

Йонгден отправился за дровами для костра, а я тем временем обнаружила топливо у реки, где, вероятно, обычно отдыхают путники, следующие из По в Дайшин или наоборот.

Я окликнула своего спутника и собрала большое количество сухого навоза яков в подол своего платья. Мы были уверены, что в этой глуши нет ни единой живой души, и я решила поставить нашу палатку среди зарослей, в ложбине, зажатой между крутыми берегами.

Теперь надо было срочно разжечь огонь. Я бросила на землю *джуа*¹, Йонгден же достал огниво и его принадлежности из небольшой сумки, которую он носил на поясе, по тибетской моде.

¹ Д ж у а — навоз яков или коров, именуемый также *онгуа* в Северном Тибете.

Однако кремень не высекал искры. Что же произошло? Юноша старался напрасно, с таким же успехом он мог стучать по кому земли в надежде добыть огонь. Осмотрев сумку, он заметил, что она отсырела. Видимо, лежавшее в ней огниво промокло, когда мы пробирались к перевалу по сугробам.

Как бы то ни было, мы остались без огня. Положение незавидное. Хотя реку покрывал толстый слой льда, мы не боялись замерзнуть, так как находились уже не на вершине горы и через несколько часов должно было взойти солнце, но совершенно очевидно, что после этой декабрьской ночи нам грозит воспаление легких или другая скверная болезнь того же рода.

— *Жетсунема*, — неожиданно обратился ко мне Йонгден, положив на землю сумку с бесполезным огнивом, — вы владеете искусством *тумо рескьянг* и можете обходиться без огня. Согревайтесь и не беспокойтесь обо мне. Я буду прыгать и бегать, чтобы не дать крови застояться. Не бойтесь, я не заболею.

Действительно, я училась у двух тибетских отшельников странному умению повышать температуру тела. Истории, приведенные в тибетских книгах, и рассказы по этому поводу вызывали у меня большой интерес. Поскольку мой ум склонен подвергать все критике и проверять на практике, у меня возникло сильное желание самой убедиться, что скрывается за всеми этими описаниями, которые я считала небылицами чистой воды.

С великим трудом, проявив крайнюю настойчивость в желании приобщиться к этой тайне, а также согласившись пройти ряд довольно тяжелых, а порой даже опасных испытаний, я в конце концов смогла кое-что узнать и «увидеть».

Я встретилась с несколькими людьми, мастерски владевшими искусством *тумо*, они неподвижно сидели на снегу безо всякой одежды, из ночи в ночь, погруженные в свои мысли, в то время как вокруг кружились и завывали свирепые ветры.

Я видела при свете полной луны, как их ученики сдавали невероятный экзамен. Нескольких молодых людей при-

водили в разгар зимы на берег озера или реки, где они раздевались и принимались высушивать теплом своего тела простыни, смоченные в ледяной воде. Едва одна простыня становилась сухой, как ее тотчас же заменяли другой. Простыни, затвердевшие на морозе, дымились на плечах *кандидатов-рекьянг*¹, словно их прикладывали к пылающей печке.

Более того, я узнала упражнения, позволяющие продевать эти диковинные фокусы, и, горя желанием довести свой опыт до конца, самолично тренировалась зимой, на протяжении пяти месяцев, на высоте 3900 метров, в тонком ученическом одеянии из хлопка².

Узнав то, что меня интересовало, я сочла бесполезным продолжать учебу, так как не собиралась постоянно жить в том крае, на который рассчитаны эти приемы.

Поэтому я вновь стала тривиально разводить огонь и носить теплую одежду. Мой спутник ошибался, полагая, что я в совершенстве овладела искусством *тумо рекьянг*.

— Вернитесь на то место, где останавливались путники, и соберите столько сухого навоза и тонких веток, сколько сможете унести, — велела я ламе. — Это помешает вам простудиться. А я пока займусь огнем.

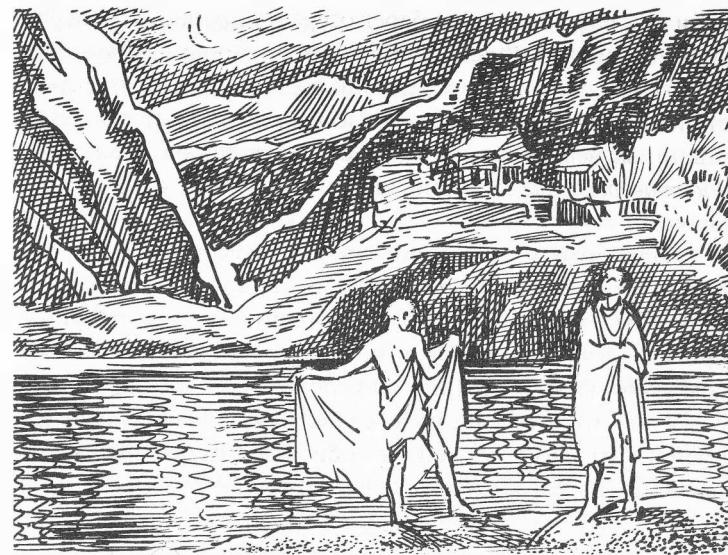
Он повиновался, хотя был уверен, что топливо нам не пригодится.

Мне пришла в голову одна мысль: огниво и его принадлежности — кремень и мох³, с помощью которых высекают искру, — отсырели и застыли, но не смогу ли я привести их в действие, согрев на себе, подобно тому как я высушивала мокрые простыни во время изучения *тумо рекьянг*? Было нетрудно это проверить.

¹ Рекьянг означает «только хлопок» (подразумевается одежда из хлопка), ибо те, кто упражняется в этом искусстве или сведущи в нем, носят лишь юбки и куртки из хлопка.

² Слишком долго было бы описывать здесь методы, используемые для создания *тумо*; соответствующие разъяснения будут даны в книге, посвященной психической подготовке в Тибете.

³ Это не настоящий мох. Тибетцы используют пух некоторых высокогорных растений.

Я положила кремень и пучок мха под одежду и приступила к упражнению, предписанному в подобных случаях.

Я упоминала о том, что мне хотелось спать. Помогая Йонгдену ставить палатку и пытаясь развести костер, я немного стряхнула с себя дремоту, но теперь, в спокойном состоянии, меня снова стало клонить в сон. Между тем мой ум всецело сосредоточился на мысли о *тумо* и машинально, но непреклонно продолжал проделывать начатое упражнение.

Вскоре я увидела пламя, взметнувшееся рядом со мной; оно все сильнее разгоралось, окутывая меня своими красными языками, плясавшими над моей головой. Я почувствовала, как меня наполняет восхитительное чувство блаженства...

И тут я подпрыгнула от треска ломавшегося на реке льда, который напоминал пушечные выстрелы. Окружавшее меня пламя немедленно опустилось и исчезло, как бы вернувшись под землю.

Я открыла глаза. Ветер свирепствовал еще сильнее, чем прежде. Мое тело горело, то ли в результате проделанного

ритуала, то ли из-за простуды, от естественно поднявшейся температуры. Я не стала выяснять, в чем тут дело. Теперь огниво наверняка будет действовать. Я встала и направилась к палатке, в то же время продолжая грезить. Я ощущала, как из моей головы, из каждого моего пальца исходит огонь.

Положив пучок сухой травы на землю, я поместила сверху кусочек очень сухого навоза, зажала между пальцами немного мха и ударила огнivом о кремень. Мелькнула яркая искра. Я ударила еще раз, и снова вырвалась искра... вторая... третья... — настоящий фейерверк в миниатюре.

Огонь загорелся, и крошечное пламя, жадно поглощавшее топливо, стало расти и крепнуть. Я добавила сучьев, и пламя взметнулось еще выше. Когда Йонгден вернулся с большим количеством сухого навоза и ветками под мышкой, он пришел в радостное изумление.

— Как вам это удалось? — спросил он.

— Это огонь *тумо*, — ответила я с улыбкой. Лама посмотрел на меня внимательно.

— Правда, — сказал он, — все ваше лицо покраснело, и глаза так блестят...

— Чудесно, — ответила я. — Не утруждайте себя комментариями по этому поводу и приготовьте-ка мне быстро чашку крепкого чая с маслом. Мне нужно выпить горячего.

Я несколько опасалась неприятных последствий, но на следующий день, когда лучи солнца проникли за тонкий хлопок нашей палатки, проснулась совершенно здоровой.

В тот же день мы покинули долину, по которой шли от подножия Деу-ла. Она переходила в другую, гораздо более широкую низину, которая тянулась среди высокогорных цепей, насколько хватал глаз.

Солнце светило не так сильно, как обычно, и легкие белые облака плыли по небу, голубизна которого поблекла по сравнению с предыдущими неделями. Этот абсолютно безлюдный край, омытый мягким светом, вызывал ощущение свежести и юности. Здесь не было ни признаков кочевий, ни следов путников.

Мы брели через эту дивную пустыню, чувствуя себя первыми и единственными обитателями земли, совершающими обход своих владений.

Мы не боялись заблудиться, так как светлая река, образованная из нескольких потоков, указывала нам путь: один из ее рукавов спускался с перевала Деу, другой — со склонов, казалось преграждавших путь в долину, и еще один широкий ручей струился с выступа горы. Несколько часов спустя я смутно разглядела какие-то черные точки, рассеянные среди невысокой травы. Большое расстояние не позволяло определить их природу, но я вспомнила, как мне говорили в Таши-цзе о *докпа*, зимующих на этих пастбищах, и догадалась, что вижу яков; мы принялись искать глазами жилище хозяев стада. Пришлось долго идти, прежде чем удалось обнаружить становище, сложенное из камней, как принято в высокогорном Тибете.

Шётрен и маленький *мендонг* свидетельствовали о том, что здесь живут набожные люди. Впрочем, в Тибете, как и везде, внешние проявления благочестия не всегда сопровождаются реальным радушием и милосердием.

Когда Йонгден попросил приютить нас на ночь, ему грубо ответили, чтобы он шел своей дорогой и поискал пристанища в другом месте.

И вот мы побрали дальше вниз по долине и добрались до хижины, в которой *докпа* хранили останки мертвых людей в виде *тса-тса*.

Ламаисты, подобно многим буддистам, предпочитают кремировать трупы, но на большей части тибетской территории нет лесов, и кремацию трудно осуществить. Когда речь идет о священниках высокого ранга, вместо костра используют огромный чан, заполненный маслом, в котором, за неимением дров, сжигают тело покойного.

Что касается простых тибетцев, их трупы обычно относят в горы и оставляют, зачастую предварительно расчленив, на растерзание грифам и другим хищникам.

Когда звери съедают плоть и от тела остаются лишь совершенно сухие кости, родные покойного собирают останки и передают их ламе, который принимается их толочь, превращая в порошок. Затем, смешав этот порошок с сы-

рой землей, он изготавливает с помощью литейной формы ряд миниатюрных *шёртенов*, именуемых *тса-тса*, которые хранятся в отдельных либо общих хижинах *ад хос*¹.

Хижина, на которую мы наткнулись, не была заполнена *тса-тса* до предела; в ней оставалось достаточно места, чтобы мы могли здесь улечься, но из-за отсутствия топлива Йонгден, мечтавший об ужине, предпочел попытать счастья в другом месте.

Мы добрались до ближайшей деревни, когда уже стемнело. Здесь нас встретили еще менее любезно, чем в предыдущей, и мы были вынуждены обороняться от собак, хозяева которых не мешали им проявлять свою враждебность.

Поэтому пришлось провести ночь под открытым небом, на небольшом выступе скалы.

На следующий день мы продолжали спускаться по долине, которая постепенно сужалась, и во второй половине дня вышли к мосту. Я весьма удивилась, обнаружив это сооружение на безлюдной дороге, хотя оно не отличалось большими размерами и не было похоже на те мосты, что встречались мне в долине Наг-Чу. Это произведение искусства состояло из четырех-пяти еловых стволов, поклонившихся на опорных досках, а сверху местами лежало несколько широких плоских камней, чтобы было куда поставить ногу.

Этот длинный мост, несмотря на свою убогость, был сооружен не напрасно. Я видела, что широкая, четкая тропа продолжает виться по другому берегу. Что же нам теперь делать? Переходить через реку или нет?..

Я решила перейти на другой берег. Сначала мой выбор показался неудачным, потому что мы оказались в зарослях терновника, который рос на болотистой почве, и тропа пропала из вида. Мне очень хотелось сделать привал и отложить поиски дороги до следующего утра, если бы удалось найти более или менее подходящее место для стоянки, но тут, озираясь по сторонам, я заметила детей, кото-

рые пасли скот недалеко от берега реки. Я выбралась из чаши и направилась к ним, чтобы расспросить их.

Они поведали мне, что на том берегу, который мы только что покинули, расположено стойбище *докпа*, а мы находимся у подножия трех перевалов, за которыми начинается местность *По*.

Маленькие пастухи были уверены, что один из перевалов завален снегом, и не могли сказать ничего определенного относительно двух других; вероятно, через тот или другой, или даже через оба, еще можно было пройти.

В то время как мы беседовали с мальчишками, подошла женщина, подтвердившая то, что мы услышали о трех путях, ведущих в *По*. Она посоветовала нам выбрать средний перевал, именуемый *Айгни-ла*. Самое лучшее, сказала она, продолжать двигаться по дороге в этом направлении, пока у нас хватит сил, а затем передохнуть в любом месте, где мы встретим воду и лес, и снова отправиться в путь до рассвета.

Она добавила, что переход будет долгим и, даже если перевал еще проходим, следует приготовиться к тому, что придется пробираться к вершине по глубокому снегу, который не позволит нам двигаться быстро.

Такая перспектива отнюдь не улыбалась людям, которые совсем недавно, при восхождении на другую гряду, увязали в сугробах. Сведения, полученные от этой доброй женщины, поистине не вызвали у нас оптимизма.

Впрочем, мы ожидали подобного известия, ибо в Тashi-цзе нас предупредили, что грозит путникам в эту пору при переходе через горы. Тем не менее до сих пор все заканчивалось благополучно, и мы могли по крайней мере надеяться, что удача не покинет нас и впредь. И все же следовало поторопиться.

Обстоятельства не позволяли нам, последовав совету крестьян из Тashi-цзе, запастись достаточным количеством продовольствия; наши съестные припасы были уже на исходе.

Поэтому мы должны были радоваться, что оказались столь близко от обжитых мест, где сможем найти себе пропитание, а также тешить себя мыслью, что завтра в тот же

¹ Для этого, применительно к этому (лат.).

час будем спускаться к селениям По-юл, о чём говорили и мечтали уже много лет. Однако неясная грусть омрачала наши думы. Я могла объяснить ее лишь нервным утомлением после перехода Деу-ла.

Как бы то ни было, теперь, как и раньше, у нас не было возможности заниматься анализом своих чувств. Необходимо добраться до вершины перевала рано утром, чтобы обеспечить себе как можно больше времени для выбора верного направления, в том случае если на обратной стороне склона окажутся несколько дорог, и предотвратить возможную задержку, вызванную каким-либо непредвиденным происшествием.

Итак, мы уже собирались отправиться дальше, как вдруг из кустов вышел человек с вязанкой дров.

Йонгден был вынужден в очередной раз поведать назидательную, частично вымыщенную историю о многочисленных паломничествах, которые мы совершили, и подобно рассказать о наших родных краях.

Когда допрос был окончен, мой спутник снова осведомился о состоянии перевала и расстоянии, отделявшем нас

от него. Ответы *докпа* в точности подтвердили то, что мы слышали раньше. Он посоветовал нам попытаться пройти через Айгни-ла: этот путь к По-юл был длиннее, но гораздо удобнее. Он также утверждал, что по дороге мы встретим хижины пастухов, заброшенные в эту пору, которые послужат нам пристанищем. Он никогда их не видел, но все знали, что обитатели По поднимаются летом высоко в горы со своими стадами, и путники говорили, что эти становища стоят прямо на дороге.

Последние сведения, несомненно, имели ценность, но мне гораздо важнее было узнать что-либо о верховьях реки, протекавшей по югу местности По¹. Однако задавать прямые вопросы неразумно. У *арджопа*, если только они не проделывают один и тот же маршрут несколько раз, нет никакого представления о топографии края, простирающегося перед ними, и, кроме того, это их нисколько не интересует. Мне не следовало показывать, что я знаю о существовании реки, спускающейся с этих гор к По-мед и впадающей в реку Йесру-Цангпо. Если бы я открыто проявила интерес к линии водораздела бассейнов Салуина и Брахмапутры, это показалось бы крайне подозрительным. Поэтому я сделала вид, что озабочена сугубо материальными вещами.

— А как там с водой, — спросила я, — найдем ли мы ее по другой сторону перевала?

— Не волнуйтесь, — ответил мужчина, — вы будете идти вдоль реки до самых пастбищ. Это все, что я могу вам сказать. Дальше я никогда не бывал.

— Встретим ли мы воду на дороге, спускающейся с Готза-ла? — продолжала допытываться я.

— Да, но река там поуже.

— А на третьем перевале?

Я чувствовала, что проявляю излишнюю настойчивость, но, понимая, что из-за снега и отсутствия пищи не сумею исследовать гору столь основательно, как мне бы хотелось, стремилась получить побольше сведений. Я вы-

¹ Она называется По-мед: «нижняя часть местности По».

брала бы маршрут через Готза-ла, если бы была уверена, что этот путь интереснее маршрута через Айгни-ла.

— Что? — удивился мой собеседник, нахмурив брови. — Вы не сможете пройти через Иентсонг-ла, он зален снегом... Люди из По говорят, что там течет большая река... Какое вам до этого дело?

Йонгден поспешил мне на помощь.

— Ах! — воскликнул он со смехом. — Вы не знаете мою старую матушку, она вечно боится остаться без чая. Ее глаза постоянно выискивают ручейки и места для отдыха. Если бы я ее слушал, мы распивали бы чай по полдня.

Докна тоже рассмеялся.

— Ах вот как! — сказал он. — Чай — поистине прекрасная вещь, особенно для женщин, которые не пьют так много спиртного, как мы.

И тут моего ламу неожиданно осенило.

— Старший брат, — обратился он к тибетцу, — нет ничего лучше, чем умножать заслуги путем благих деяний; добрые дела приносят пользу и выгоду не только в этой жизни, но и в тех, что последуют за ней.

Крестьянин не мог не согласиться с этим поучительным изречением и закивал головой.

— Видите ли, — продолжал Йонгден, — сам я — лама, а эта старая женщина¹, моя мать, — *нагспа юм*; мы оба являемся *некорпа*, и тот, кто окажет нам помощь, несомненно, совершил весьма похвальный поступок. Одолжите нам своих лошадей и проводите нас до перевала Айгни.

Это была дерзкая попытка. Убедить *докна* предоставить свои услуги бесплатно, если он не вынужден сделать это по приказу своего непосредственного начальства,

¹ Конечно, я уже далеко не молода, но, решив полностью изменить свой облик, приписала себе некоторое количество лет и в присутствии тибетцев изображала дряхлую старуху, чтобы никто не догадался, кто я такая, и не выдал меня в случае дознания. Однако, несмотря на это, я, вероятно, выглядела моложе своих шестидесяти двух лет. Женщины удивлялись, что я сохранила все зубы и у меня нет седых волос. Поэтому я решила несколько убавить свой почтенный возраст и снизила его до пятидесяти шести лет, которые сохраняла до самой Лхасы, где кокетливо омолодила себя еще немного.

обычно невозможно. Мы прятали в поясах звонкие дово-ды, которые немедленно убедили бы этого человека, избавив нас от долгих уговоров, но мы считали, что было бы неосмотрительно прибегать к ним в здешних краях.

Я присела на траву и забавлялась, наблюдая за поедин-ком двух хитрецов. Но *докна* был не в силах тягаться с моим приемным сыном, который порой мог бы дать фору самому Одиссею. Все же победа Йонгдена оказалась неполной: он раздобыл только одну лошадь, на которой нам предстояло ехать по очереди, а *докна* должен был нести на-шу поклажу на спине. Однако и в таком урезанном виде наша удача показалась мне чудом.

Не могло быть и речи, чтобы привести лошадь в тот же вечер и оставить ее ночью в горах без крыши над головой. К тому же Йонгден не хотел разлучаться с *докна*, опасаясь, что, оказавшись вдали от него, тот выйдет из-под его влия-ния и передумает. Поэтому он попросил у крестьянина разрешения переночевать в его доме. Тибетец на миг заду-мался, а затем согласился.

Мы должны были снова перейти через реку, так как стойбище пастухов осталось на другом берегу. Я боялась снимать войлочные сапоги и показывать свои слишком бе-лые ноги, которые могли бы удивить тех, кто их увидит, и нашла выход из трудного положения, ссылаясь на мучив-ший меня ревматизм. Я сказала, что, если войду в холод-ную воду, мои боли тотчас же усилятся. Поэтому я, дес-кать, предпочту сделать крюк и пройти по мосту. Однако славный тибетец, в душе которого уже начинали давать всходы проповеди моего ламы, горел желанием совершить какой-нибудь благородный поступок, возможно надеясь таким образом смягчить роковые последствия своей раз-бойничьей жизни¹, которые, очевидно, вызывали у него

¹ Ламаисты, подобно другим буддистам, говорят о «последствиях» человеческих поступков, а не о награде или каре за них, ибо, согласно их учению, причины и следствия сменяют друг друга в соответствии с естест-венными законами, так что божествам не приходится выступать в роли судей.

угрызения совести. Он заявил, что будет переносить нас по очереди через небольшие речки.

Это решение меня устраивало, ибо оно сокращало наш путь. Однако я чувствовала себя неловко из-за автоматического пистолета, мешочка с золотом, висевшего у меня на груди, и пояса, набитого деньгами, который я носила под платьем.

Когда этот человек посадит меня на спину, думала я, он почтует, что я тяжелее, чем кажусь с виду, и, вероятно, поймет, что я скрываю под одеждой какие-то твердые предметы... Если он догадается, что это ценности и деньги, мы рискуем быть убитыми... Теперь, когда мы на верном пути и можем надеяться на успешный исход своего путешествия, было бы поистине жаль окончить жизнь подобным образом.

Если бы нас сопровождал лишь наш будущий проводник, я без особого труда поменяла бы местами опасные предметы, чтобы они не соприкасались со спиной или руками крестьянина, но за нами следовали также женщины и мальчишки, трещавшие без умолку.

Однако я нашла способ уладить дело. Остановившись на миг, я сымитировала жест, привычный для всех тибетцев, — да простят меня читатели — притворившись, что меня донимают вши и я пытаюсь отыскать противных насекомых под платьем. Проделав это, я сумела передвинуть пистолет под мышку, мешочек с золотом — под котомку, а также подтянуть пояс. Никто из присутствующих не обратил на это ни малейшего внимания, поскольку причина моих действий была всем знакома и понятна.

Наш приход в стойбище *докла* также не вызвал ни у кого любопытства, так как мы с Йонгденом казались обычновенными странниками-оборванцами, какие бродят по всем тибетским дорогам. Один из пастухов отвел нас в небольшую хижину, где помещались козы — об этом не трудно было догадаться по земле, усеянной *рима*¹. Очевидно, нам предстояло делить ночью это жилище с животными: такое соседство людей и скота в Тибете не редкость.

¹ Рима — козий или овечий помет.

Я жалела о том, что встретила мальчишку и женщину, из-за которых мы задержались в пути. Без них мы разбили бы лагерь в зарослях кустарника и ночевали бы не в этом хлеву, а в куда более чистом месте, да вдобавок могли бы на досуге обследовать гору. Теперь, когда нас видели, нам следовало неукоснительно придерживаться своей роли нищих нескорпа, ибо обитатели здешних мест пользуются дурной славой разбойников.

В Тибете, если вас уже заметили, всегда безопаснее проводить ночь у местных жителей, даже если вы уверены, что это отъявленные бандиты. Дело в том, что большинство тибетцев, если они не пьяны и не руководствуются какими-то исключительными мотивами, обычно не решаются пойти на убийство, ибо буддизм учит относиться с уважением ко всякой жизни, и эта идея укоренилась в душе тибетского народа.

Ограбив путника, разбойники отпускают его с миром, и, если он запомнил место, где было совершено преступление, грабители рисуют, что на них подадут в суд.

Поэтому все деревенские жители и *докла* предпочитают творить дурные дела вдали от родных мест. Таким образом, в случае дознания им легко придумать отговорку: «Мы здесь ни при чем. Мы не грабители. Должно быть, это были люди из другой местности, проходившие через эти края...»

Бросив свою поклажу, я попросила несколько кусочков горящего коровьего навоза, чтобы разжечь огонь, и спросила о собаках: не опасно ли мне сходить одной за водой к реке?

В это время одна из женщин принесла нам кислого молока и чая и отложила работу, решив сначала подкрепиться.

Глава семьи также пришел поглядеть на нас и поговорить с Йонгденом; по-видимому, он остался доволен и счел нас достойными своего гостеприимства. Он ушел, ничего не сказав, но несколько минут спустя явился другой человек и сообщил нам, что мы не должны заботиться об ужине, так как хозяин пригласил нас разделить с ним трапезу.

Солнце уже зашло, когда мы присоединились к хозяевам. В очаге пыпал сильный огонь; на огромном тагане стоял чан гигантских размеров, в котором варились какое-то кушанье, вызывавшее живейший интерес у домочадцев, ибо они то и дело поглядывали на котел с величайшим вниманием.

Нас встретили очень любезно. Глава семьи расстелил обрывок потрепанного ковра для ламы, а женщины, которые пряли у очага, предложили мне присесть рядом с ними на полу.

Затем последовал традиционный разговор о наших странствиях и месте, откуда мы родом. Когда эта тема была исчерпана, хозяин дома и члены его семьи, как обычно, решили воспользоваться присутствием ламы и вынудить его исполнить свои обязанности служителя культа в обмен на оказанное ему гостеприимство.

Таким образом, Йонгдену пришлось расплачиваться предсказаниями, благословениями и прочими услугами за чай, лепешки и крышу над головой за нас обоих.

Наш хозяин, как сказал мне позже мой сын, не внушал ему доверия: у него было лицо и манеры отпетого разбойника. Мой спутник попросил у наших хозяев разрешения отлучиться, чтобы заняться сбором милостыни в других домах стойбища, ибо мы действительно нуждались в еде и, с другой стороны, в целях безопасности нам следовало убедить хозяев в своей бедности. Никто не выразил ни малейшего удивления: *арджона* всегда просят подаяние.

— Моя мать устала, — сказал Йонгден *докпа*, прежде чем уйти. — Она сейчас ляжет спать. Нам придется отправиться в путь среди ночи, и у нее не слишком много времени для отдыха. Идите сюда, матушка, — продолжил он, обращаясь ко мне. — Ложитесь. Я скоро вернусь.

Он ушел, а я улеглась там, где он сидел, на обрывке ковра, и положила голову на свою котомку, придинув ее к сумке сына, чтобы почувствовать, если кто-то тронет нашу поклажу.

Тибетские странники никогда не пренебрегают подобными мерами предосторожности, если noctуют не у родст-

венников или друзей, ибо им всегда следует опасаться воришек.

Я притворилась спящей, но, разумеется, была начеку и следила за хозяевами сквозь опущенные ресницы, а также слушала их разговоры, ожидая подвоха.

Некоторое время речь шла о нас, но ничего интересного не было сказано; затем после короткой паузы одна фраза заставила меня насторожиться.

— Что может быть у них в котомках? — спросил шепотом хозяин дома.

Возможно, он проявлял простое любопытство, за которым не скрывались далеко идущие намерения, но это было сомнительно. Неужели дело примет дурной оборот?.. Я не двигалась, продолжая делать вид, что сплю, и ждала, что последует дальше.

Мужчина сказал что-то еще своим домочадцам, сидевшим возле него, но так тихо, что я не расслышала его слов. Затем я увидела, как он встает и направляется, крадучись, в мою сторону. Я заметила, что у него нет оружия; мой же пистолет был под рукой, но не могла же я воевать одна с целым станом разбойников, привыкших к жарким схваткам. Лучше было прибегнуть к хитрости, чтобы защитить себя, но что бы такое придумать?.. Пока я задавалась этим вопросом, *докпа* протянул огромную руки и осторожно ощупал котомку, заменявшую мне подушку.

Я зашевелилась, и он живо отдернул руку, пробормотав с досадой:

— Ну вот, она уже просыпается!

Но тем временем я придумала уловку.

— *Лагс, лагс, желонг лагс*¹! — произнесла я, как бы бредя во сне. Затем я открыла глаза, растерянно посмотрела по сторонам и сказала будничным тоном: — Разве моего

¹ «Да, да, преподобный монах». «Желонг» — священник, получивший посвящение и принявший сан и давший обет безбрачия. «Лагс» — вежливая форма, которая сама по себе ничего не выражает. Когда ее употребляют отдельно, она может означать: «Да, очень хорошо», но если ее добавляют к другому слову, особенно к обращению, то она придает фразе более почтительный оттенок.

сына-ламы еще нет?.. Как странно!.. Я только что слышала, как он говорит: «Проснитесь, матушка, скорее проснитесь, я здесь».

— Он еще не вернулся, — ответил *nepo*¹, которому, видимо, было не по себе. — Не хотите ли, чтобы я кого-нибудь за ним послал?

— Нет, нет, — возразила я. — Он мне не нужен. Я не посмела бы его беспокоить. Это ученый и святой *желонг*.. Он скоро придет, я знаю... Мне очень хорошо здесь с вами, у этого очага...

— Выпейте-ка немного чая, — предложила одна из женщин.

— Конечно, с большим удовольствием, вы очень добры, — откликнулась я, доставая чашку из своего *амбага*.

Когда я собиралась приступить к чаепитию, вернулся Йонгден. Его возвращение, последовавшее тотчас же за моими словами, произвело на всех присутствующих сильное впечатление. Я не дала никому сказать ни слова и немедленно обратилась к юноше:

— Я хорошо слышала, как вы звали меня, *желонг лагс*, как вы велели мне проснуться. Я так и сделала, только думала, что вы уже в комнате. Не правда ли, *nepo лагс*...

— Да, да, это так, — пробормотал явно обеспокоенный хозяин дома.

Йонгден понял, что за время его отсутствия произошло некое происшествие и он должен подтвердить мои слова.

— Хорошо, хорошо, — согласился он и, перейдя на бас, каким ламы читают псалмы на хорах монастырских церквей, произнес: — Проснитесь... проснитесь...

Бедный юноша вертел головой во все стороны, но не видел ничего, что могло бы объяснить подобный приказ, и растерянное выражение его лица было весьма комичным.

Йонгден принес немного масла, немного *тсампа* и даже несколько мелких монет. Он не смог отказаться от них, опасаясь, что это вызовет пересуды, ибо он получил деньги

¹ Непо — селянин, хозяин дома. Хозяйку называют «немо».

в качестве вознаграждения за совершение религиозного обряда.

Nepo испугался, что его гость обладает магической силой, степень которой он не в состоянии был определить, и, желая задобрить ламу знаками внимания, прогнал меня с ковра, где я сидела.

— Уходите отсюда, мамаша, — сурово велел он. — Сядьте среди нас. Позвольте ламе устроиться поудобнее.

Меня разбирал смех, но я сдерживала его изо всех сил. Я покорно отодвинулась на голый пол и посмотрела на Йонгдена, мысленно приказывая ему не противоречить и сесть на лохмотья, которых он удостоился.

В конце концов мы узнали тайну котла, стоявшего на тагане. Сняв крышку, глава семьи опустил в отвар длинный железный крюк и вытащил оттуда сердце, легкие и печень яка, а затем — кишки и желудок, фаршированные *тсампа*, кровью и небольшим количеством мяса и напоминавшие сосиски. Воцарилась тишина; присутствующие с вожделением смотрели на все эти яства, которые хозяйка разложила на большом деревянном подносе, накрытом куском мешка, и... отодвинула его в сторону.

Затем одна из женщин бросила в отвар *тсампа*, и несколько минут спустя кушанье стали разливать по мискам: в первую очередь обслужили ламу, затем *непо*, а я оказалась в числе последних. В преддверии долгого перехода я старалась съесть как можно больше, и мне удалось опорожнить три миски густого, весьма съедобного супа.

После трапезы *непо* завязал долгую беседу с Йонгденом о святых местах. Я слушала их болтовню краем уха, вспоминая некоторые из своих дневных наблюдений и размышляя о По-юл — этом почти легендарном даже для тибетцев крае, от которого нас отделяла лишь одна горная гряда. Неожиданно, как гром среди ясного неба, надо мной прозвучали слова, от которых я вздрогнула.

— По-видимому, — говорил наш хозяин, — в Ха-Карпо побывали *пилинги*...

Иностранные в Ха-Карпо!.. Неужели речь идет о нас?.. Значит, когда мы ушли из Юньнани, поползли слухи?.. Может быть, нас уже разыскивают тибетские власти? Я вспомнила о *трапа*, направлявшихся в Дзогонг, встреча с которыми заставила нас поспешно перейти через Наг-Чу. Удалось ли нам проникнуть в глубь Тибета лишь благодаря тому, что мы выбрали необычный маршрут и следовали окольными путями?.. Я не знала этого. Но, если это так, не бродят ли в окрестностях Лхасы дозоры, которые остановят нас у самой цели?..

Йонгден попытался узнать об источнике данного известия, но, как водится в Тибете, *докпа* не имел об этом ни малейшего представления. Он услышал новость от каких-то странников, которые узнали ее от других странников, а те — в свою очередь — еще от кого-то. Возможно, это событие произошло несколькими годами ранее и никаким образом не относилось к нам. Три-четыре года назад английский консул и его жена — уроженка Тибета — обошли вокруг Ха-Карпо и осмотрели окрестности горы. Возможно, речь шла о них либо американском натуралисте, с которым мы встретились в Луззе-Кьянге; как знать, не рискнул ли он продолжить свои исследования в запретной зоне? Мне оставалось только теряться в догадках.

Наконец моему спутнику надоело развлекать *непо* рассказами о наших дальних походах; он заявил, что устал и хочет спать. Но тибетец сделал вид, что ничего не слышал, и обратился к нему с новой просьбой.

Высокогорные пастбища, по его словам, получили недостаточно влаги, что вызывало сильное беспокойство у здешних *докпа*; если в ближайшее время не пройдут обильные снегопады, будущим летом трава будет короткой и редкой. Что станет тогда с исхудавшими после долгой зимы животными, которые будут нуждаться в усиленном питании?

Скоро ли выпадет снег? Лама должен был это знать. Более того, благодаря искусству тайных заклинаний и магических ритуалов, он мог призвать на землю снег, спрятанный в небесных закромах. Неужели он откажется исполнить свой долг, чтобы достичь столь желанной цели?

Лама очень устал, но ради предосторожности ему не следовало перечить *докпа* и тем более позволить тому усомниться в своих способностях чудотворца.

— Чтобы совершить этот обряд, потребуется несколько дней, — ответил он, — а мне надо поскорее попасть в Лхасу, и я не могу здесь задерживаться. Кроме того, мне придется идти через По-юл, и если я вызову снегопад, он завалит перевал, который туда ведет. То, что вы просите, очень трудно осуществить.

Все присутствующие *докпа* согласились, что это действительно нелегко.

— И все же... — продолжал мой спутник, который, казалось, был погружен в свои мысли. — Да, таким образом...

Он достал из кармана клочок бумаги и попросил зерна.

Затем он развернул бумагу, положил на нее несколько ячменных зерен, которые ему принесли, и, держа все это на вытянутых ладонях, углубился в медитацию.

Через некоторое время служитель культа очень тихо и заунывно затянул нечто вроде псалма; сначала он пел едва слышно, в очень медленном темпе, но постепенно его голос усиливался и в конце концов загремел как гром, сотрясая низкую шаткую крышу кухни.

Докна оцепенели и, казалось, были объяты ужасом. Внезапно Йонгден замолчал, и все присутствующие, включая меня, подпрыгнули от неожиданности.

Йонгден разделил зерна, которые держал в руках, на две части, одну из них завернул в свой носовой платок и отодвинул в сторону, а другую поместил в бумагу, сложив ее замысловатым образом.

— Вот и все, — сказал он *непо*. — Возьмите этот сверток и послушайте меня. Завтра вечером, на закате, вы развернете бумагу и бросите в небо лежащие в ней зерна. Вы тщательно проделаете это четыре раза, на все четыре стороны света. К тому времени я уже пройду через перевал и тоже брошу зерна, которые возьму с собой, прочитав *нгагс*, необходимые для того, чтобы вызвать обильные снегопады. Если кто-нибудь, на беду, развернет сверток с освещенным зерном до захода солнца, когда я произнесу магические заклинания, чтобы умилостивить богов и войти с ними в контакт, боги разгневаются и отомстят всем пастухам вашего стойбища. Будьте же осторожны!

Хозяин дома обещал неукоснительно следовать предписаниям ламы. В конце концов он, вероятно, понял, что значимость услуг, оказанных ему гостем, превосходит то убогое гостеприимство, которое он нам предоставил. Поэтому он велел своей жене отрезать мяса и дать его нам на дорогу. *Немо* принесла довольно увесистый кусок туши яка, но муж проворно вырвал мясо у нее из рук, прежде чем она успела вручить его ламе, повесил мясо на крюк в углу кухни, а затем старательно выбрал крошечный кусочек кожи и сухожилий и торжественно протянул человеку, который должен был совершить чудо и обеспечить процветание его стада.

Мы с Йонгденом украдкой переглянулись, с трудом удерживаясь от смеха, до того забавной показалась нам эта сценка.

— Я не могу, — заявил юноша, знакомый с монашескими обычаями, — поблагодарить вас за этот подарок, ибо мясо — нечистый продукт, напоминающий об отвратительном грехе убийства; принесите мне лучше *тсампа*, и я благословлю ваших родных и ваше имущество.

Эти слова были не только назидательными, но и в точности соответствовали буддийским канонам, и все одобрительно закивали. Я же предвкушала, что мы положим в свои котомки немного лепешек. Как бы мало их ни было, они нам весьма пригодятся.

Перед Йонгденом поставили большую миску с горкой муки. Он бросил несколько щепоток в разные стороны, призывая в этот дом здоровье и благополучие для всех его обитателей. Затем, прежде чем хозяйка успела убрать миску с мукою, предоставленной, как мы поняли, лишь на время обряда, лама высыпал ее содержимое в сумку, которую я проворно подставила, стоя перед ним на коленях с трогательным благоговением.

Мы надеялись, что теперь старый скряга отпустит нас спать. Глядя, как оторопело он взирает на пустую миску, мы полагали, что его любовь к благословениям и прочим ритуалам значительно поостыла после того, как лама решил самолично вознаградить себя за труды. В самом деле — пастух притих.

Из-за его притязаний наш отдых и без того уже сократился. Что, если за перевалом нас поджидают непредвиденные препятствия и следующей ночью снова придется блуждать по горам, как доводилось уже не раз? Предчувствуя это, мы еще сильнее стремились как следует отоспаться.

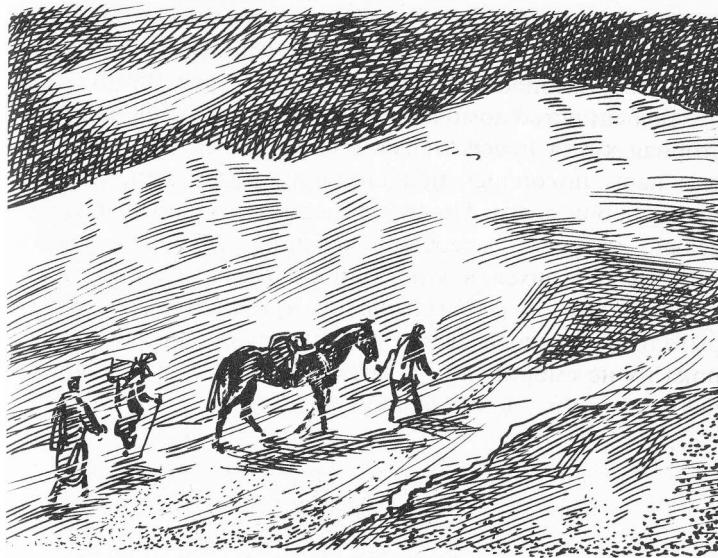
Что касается докна, мы их больше не опасались. Я разгадала уловку Йонгдена, который хотел таким образом помешать пастухам последовать за нами, чтобы ограбить.

Наутро слухи о зерне, которое должно было вызвать снегопад, распространились по становищу; люди, крайне заинтересованные в успехе магического обряда, вряд ли посмели бы ослушаться и навлечь на себя гнев ламы. После того как зерно будет брошено ввысь, пастухи должны были ждать результатов по меньшей мере еще один день. За это время мы могли уйти далеко и оказались бы в более населенной местности, среди людей другого племени. Во всяком случае, мы на это надеялись, но события неожиданно приняли совершенно иной оборот.

Две женщины приготовили постель для главы семьи.

Старый докна снял свою одежду и сапоги, оставшись в одних штанах¹, и опустился на бараньи шкуры, расстеленные в самом теплом месте, возле очага.

Большинство домочадцев улеглись еще раньше, и просторная кухня превратилась в спальню ночлежки. Молодые пары покоились под широкими одеялами, положив между собой детей. Пожилые люди и одиночки спали отдельно, там и сям, в середине комнаты. Что касается малышей, теснившихся в углу, они смеялись и толкались, и каждый тянул на себя грязные лоскуты, которыми они укрывались от холода. Дети сутились еще некоторое время, пока их не сморил сон, а затем заснули вповалку, подминая друг друга, словно щенки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Восхождение к перевалу Айни. — Бесхитростная душа. — Предчувствия. Я устанавливаю рекорд в высокогорном скоростном спуске. — Йонгден падает в овраг и получает вывих стопы. — Мы застреваем в пещере без огня и еды; снегопад продолжается. — Его состояние улучшается; мы отправляемся в путь. Среди ночи мы находим пустую хижину. — Продолжение поста; снегопад не прекращается. — Блуждания в горах. — Новогодняя ночь в местности По. — Йонгден бредит в лихорадке, и я вынуждена удерживать его силой, чтобы он не бросился в пропасть. — Суп из кожаных подметок. — Долгожданная встреча с обитателями По. — Отступление от внутренней политики Тибета. — Среди мятежников. Первая деревня По-юл, где мы получаем миску супа в качестве подаяния. Неужели мы съели собачий суп?

Сколько времени я проспала? Мне кажется, что я только что закрыла глаза.

— Пора уходить, — твердит человек, чей голос разбудил меня.

¹ В Тибете принято снимать с себя всю одежду выше пояса; мужчины остаются только в штанах, а женщины — в нижних юбках. Однако странники почти всегда спят одетыми.

Внезапный свет режет мне глаза: *докна* бросил охапку веток на красноватую золу; сухое дерево трещит, и пламя разгорается, освещая спящих, распростертых на полу. Некоторые из них что-то бормочут во сне и натягивают на себя одеяло.

Наши сборы делятся всего несколько мгновений: это время уходит на то, чтобы повязать пояса и натянуть сапоги. К тому же мы даже не развязывали свои котомки.

— *Кале неб, ле лама!* — кричит *непо* на прощанье, не вылезая из-под бараньих шкур.

Луна, скрытая горой, слабо освещает долину; дует сильный ветер, и мороз пробирает нас до костей. Мои пальцы, которые я прячу в длинных рукавах тибетского одеяния, заледенели, и я с трудомдерживаю посох.

Мы с Йонгденом отказываемся от предложения *докна* ехать верхом; сейчас слишком холодно, так что предпочтительнее идти пешком до восхода солнца.

Спустя несколько часов, в то время как мы проходим через высокогорные пастбища с пожелтевшей за зиму травой, занимается бледно-серая заря; из-за облаков робко выглядывает солнце.

Снег, скопившийся в ущельях, лежавших на нашем пути, уплотняется и становится все более глубоким. Наш проводник говорит, что гигантский белый холм, который мы видим слева от себя, возвышается там, где дорога раздваивается, и одно из ее ответвлений ведет к перевалу, полностью засыпанному снегом.

Теперь у меня не остается сомнений в том, что нас правильно информировали, и я понимаю, что не сумею взойти на гору, как бы мне ни хотелось.

Однако из-за устойчивой засухи, которая волнует этой зимой пастухов, можно без труда преодолеть перевал Айгни. Еще до полудня мы добираемся до *латза*, возведенного на его вершине.

Наш проводник передает нам вещи, которые он вез на лошади, и собирается с нами проститься.

Несмотря на то что нищенский наряд и забота о своей безопасности не позволяют нам проявить большую щедрость, я решила вознаградить доброго пастуха за его труды. Наставления Йонгдена о том, что человек, бесплатно прислуживающий ламам, приобретает особые заслуги, должны были убедить *докна* в нашей бедности. Ночью, когда все спали, я шепотом сообщила Йонгдену о своем намерении, и он выполнил мой наказ.

И вот лама не спеша достает из своего кошелька две серебряные монеты и несколько щепоток сушеных листьев кипариса, хранящихся в бумажном пакетике.

— Эти деньги, — заявляет он торжественным тоном, — все мое богатство. Их пожертвовал мне *нёнто* из Тashi-цзе, которому я читал в *дзонге* Священное писание. Вы помогли нам обоим, моей матери и мне. Поэтому я дарю вам эти деньги, а также *санг*¹ из очень далекого святого места под названием Ха-Карпо.

Хотя плата за лошадь была незначительной, наш проводник должен быть доволен: *докна*, совершающие торговые сделки путем обмена, редко видят деньги. Мы также были уверены, что он умолчит о полученных подарках из опасения, что кто-нибудь из соседей попытается украсть у него монеты. Таким образом, мы сможем одновременно проявить порядочность и соблюсти необходимую осторожность.

Йонгден добавляет также, что в тех краях, куда мы направляемся, нас ждут могущественные покровители. Наш проводник не преминет передать эти слова хозяину дома, где мы ночевали, и его соседям, и это, возможно, заставит призадуматься тех, кто собирается нас догнать и ограбить.

— Возьмите деньги, старший брат, — повторяет мой сын, — без всяких колебаний. Мы уже вступили во владе-

¹ С а н г — различные сушеные растения, измельченные в порошок, которые используют в качестве благовоний во время ламаистских обрядов, подобно ладану в католической церкви. Чаще всего сжигают листья кипариса, но в некоторых районах для этой цели употребляют также листья азалии, растущей высоко в горах, почки некоторых видов папоротника, а в Гималаях — растения семейства ромашковых.

ния По *жъялпо*¹, и его *амчё*² — один из моих лучших друзей. Мы оба — из лхасского монастыря Сера. Если я буду в чем-то нуждаться, он попросит короля мне помочь.

— Конечно, он вам поможет, *кушо*³, — почтительно соглашается *докпа*, показывая, насколько лама вырос в его глазах после упоминания о столь высоких покровителях, — но все же я возьму только *санг*. Это необычайно ценная вещь, раз вы принесли ее из святого места. Что касается денег, если я их приму, то не смогу совершить богоугодный поступок, оказав услугу ламе... Нет, благодарю вас, я предпочитаю приобрести заслуги. Они пригодятся мне в будущих жизнях, и в этой тоже... Будьте добры, *кушо*, дайте мне ваше благословение. А теперь я должен поторопиться. *Кале пеб, лама! Кале пеб, матушка!*..

Он ушел очень довольный, унося с собой щепотку душистого порошка из высокогорных растений и веря в то, что посеял несколько зерен грядущего блаженства, которые взойдут и расцветут в этом или ином мире. Добрая и чистая душа! Я от всего сердца мысленно пожелала ему счастья.

Мы молча стояли возле *латза* — не крича *Лха жъяло!*, как велит здешний обычай, не ощущая радостного возбуждения, которое неизменно заставляет путников после изнурительного подъема с воодушевлением приветствовать покоренную вершину. Мы уже привыкли к долгим походам, и недолгий путь показался нам сущей забавой. Впервые за время наших странствий мы не испытывали усталости, поднявшись на перевал, и, видимо, именно поэтому не ликовали.

— *Лха жъяло!* — наконец почти одновременно воскликнули мы, машинально повинувшись давней привычке. Наши крики прозвучали странно глухо и отрывисто, как

¹ Жъялпо — король.

² Амчё — капеллан.

³ Кушо — господин; почтительное обращение, аналогичное слову «сэр» в английском языке.

шум падения птицы с перебитыми крыльями, и не вызвали никакого отклика на окрестных склонах.

— Скоро пойдет снег, — сказал Йонгден, впавший в необычную для него задумчивость.

— Да, пожалуй, — согласилась я, — солнце сегодня подернуто какой-то грустной дымкой. Но разве это произойдет сегодня? Неужели *непо* нечаянно разбросал зерна, которые мы ему дали, до назначенного срока?

Моя шутка нисколько не развеселила ламу.

— Надо спешить, — коротко бросил он.

Мне не нравилось его мрачное настроение.

— Вы помните, — сказала я, — *нгагспа* из Кукунора, который, по словам *докпа*, мог усилием воли вызывать дождь, снег и град либо предотвращать их? Он научил меня некоторым волшебным словам. Давайте заключим пари: вы вызвали снегопад, а я постараюсь не допустить его. Посмотрим, чья возьмет.

Юноша даже не улыбнулся.

— Эти бедные люди нуждаются в снеге для своих пастбищ, — произнес он, — позвольте им получить его.

И, ничего больше не сказав, начал спускаться по заснеженному склону.

Меня удивило странное поведение Йонгдена. Почему его так заботил снег? За время наших странствий было столько снегопадов, но они нисколько не пугали нас, особенно вблизи селений.

Как обычно покидая вершину, я сосредоточилась и пожелала счастья всем людям, а затем поспешила вслед за ламой, который шел размашистым шагом и был уже далеко.

Несмотря на мои усилия, Йонгден отдался все больше и больше. Чтобы его догнать, я решила двигаться не зигзагами, которые смягчали крутизну склона, но замедляли мой ход, а по прямой линии. И тут, как мне кажется, некая очаровательная незримая фея посочувствовала моему положению и, любезно решив оказать мне услугу, потянула меня за ногу. Я упала и покатилась вниз, как по сан-

ной трассе, с той лишь разницей, что я играла роль саней и спортсмена одновременно. К счастью, мне удалось ухватить свой посох за железный наконечник и кое-как с его помощью направить свое движение. Таким образом, я промчалась мимо своего изумленного спутника, как скорый поезд, и остановилась, оставив его далеко позади.

Йонгден понесся ко мне со всех ног, пока я отряхивалась и счищала снег со своей сумки. Убедившись, что я не ушиблась, он шутливо поздравил меня с мастерски, хотя и не по своей воле проделанным спуском. Во всяком случае, благодаря этому происшествию мой путь значительно сократился и, самое главное, к моему юному спутнику вернулось хорошее настроение. Что за смутное предчувствие омрачило на миг его всегда жизнерадостную и беспечную душу? Я умолчу об этом и скажу лишь, что вскоре нам предстояло пережить довольно драматические события.

Облик местности, представшей перед нами за перевалом Айгни, свидетельствовал, что мы вступаем в край, резко отличающийся от только что покинутого. Воздух стал влажным, почва — топкой и местами заболоченной. Повсюду лежал снег: большие пятна белели на жухлой траве, а в оврагах скопились целые сугробы. У *докпа*, пасших скот на здешних пастбищах, не было причин жаловаться на засуху, в отличие от их собратьев с другой стороны горы.

Вскоре мы вошли в лес; река, зарождавшаяся ниже перевала, продолжала спокойно струиться по узкой долине, переходившей в обширные высокогорные пастбища. За ними мы увидели вход в другую долину и без труда поняли, что она поднимается к перевалу, засыпанному снегом, о котором нам говорили *докпа*. Отсюда брал начало более крупный водный поток, чем тот, вдоль которого мы следили, и две реки, слившись воедино, спускались по третьей долине к По-мед. Оттуда, вобрав в себя множество притоков, они устремляются в сторону Йесру-Цангпо, а затем понесут в Индийский океан растаявшие снега могучих горных хребтов, по которым мы шли.

Таким образом, мы добрались до истоков Полунг-Цангпо, верховья которой до сих пор не исследованы. Я только что видела, как рождалась эта река, и обнаружила место, где в нее вливается другой поток. Приходилось довольствоваться этим, так как необычные условия моего путешествия позволяли мне лишь поверхностно обследовать неизведанные края. Однако я испытывала большое желание продолжать двигаться в сторону открывшейся перед нами долины.

Не надеясь добраться по этому склону до вершины перевала, возвышавшегося над долиной, я хотела попытаться дойти до истока начинавшейся под ним реки или хотя бы до прилегающей к нему местности.

Решив снова подняться на гору, с которой мы спускались, я коротко изложила свой план Йонгдену.

Он был еще более немногословен и сказал только:

— Сейчас пойдет снег, а у нас почти нет съестных припасов.

Эти слова заслуживали того, чтобы к ним прислушаться.

Снег?.. Я его не боялась. Развязав котомки и проверив их содержимое, я согласилась с ламой, что еды нам хватит всего на три трапезы. Такое количество можно было расстянуть на три дня. Мы пришли в эти пустынные просторы не для того, чтобы обедаться, и, кроме того, не собирались обосновываться в горах навсегда. Беглый осмотр местности удовлетворил бы мое любопытство и позволил бы собрать некоторые сведения для тех, кто заинтересуется неисследованными землями По-юл.

— Итак, вперед!

Снегопад начался на закате. Поначалу редкие снежинки, словно белые бабочки, порхали среди сумрачных деревьев, но мало-помалу снег усилился и стал падать большими мокрыми хлопьями отвесно и равномерно. Это был один из тех затяжных неторопливых снегопадов, что случаются в пору затишья; они окутывают высокие вершины белоснежными шапками и засыпают долины сугробами.

— Давай поставим палатку, — сказала я Йонгдену, — разведем внутри костер и приготовим чай.

Необходимо было подкрепиться: мы ничего не ели со вчерашнего дня.

Сухой древесины оказалось мало, и нам пришлось потратить много времени, чтобы собрать под деревьями достаточно количество хвороста. Торопливо проглотив свой скучный ужин, мы немедленно выбросили головешки наружу, так как от их тепла начал таять снег на тонкой хлопчатобумажной крыше палатки и на наши головы хлынул настоящий ливень.

Вскоре стало ясно, что посохи странников, которые мы использовали как подпорки, не смогут долго выдерживать тяжесть снега, быстро скапливавшегося на крыше. Эти палки были нам очень нужны, и мы не могли допустить, чтобы они сломались. Поэтому мы соорудили себе возле скалы укрытие из одной ткани, положив на края палатки несколько камней. Проделав это, мы залезли под нее и тут же уснули.

Я проснулась от невыносимой духоты и попыталась встать, но при первом же движении уткнулась головой в крышу. Сразу же стало ясно, что крыша прогнулась под тяжестью снега, грозя похоронить нас заживо.

Наше положение не было критическим, так как масса, давившая на палатку, не была еще слишком большой, но все же следовало поскорее выбраться наружу, пока укрытие окончательно нас не придавило.

Я растолкала Йонгдена, спавшего крепким сном. Он понял, что произошло, без моих разъяснений.

— Поворачиваемся осторожно на живот, — скомандовала я, — затем дружно встаем и толкаем палатку спинами... Вы готовы?.. Начали!..

Мы оказались на свободе, но чувствовали себя неуютно: снег продолжал падать, и нечего было даже пытаться создать себе новый кров, ибо нас тут же засыпало бы снова. Времени на отдых не было; мы снова двинулись в путь и шли весь остаток ночи и следующее утро, но далеко не

продвинулись. Во-первых, рыхлый и уже глубокий снег затруднял движение, и, кроме того, под сугробами таялся предательский лед, образовавшийся от первоначального слоя снега, который сначала частично растаял, а затем снова замерз. Мы скользили как по катку и после нескольких часов такой ходьбы почувствовали себя разбитыми.

Около полудня нам посчастливилось обнаружить *са фуг*¹, и это нас очень обрадовало.

Мы немедленно обосновались в пещере, а также развесили палатку как полог, зацепив ее за корни, торчавшие над нашими головами. Нам не из чего было развести костер, ибо редкие карликовые кусты, которые еще росли на этой высоте, стелясь по земле, скрылись под снегом. Мы съели несколько горстей *тсампа*, запивая снегом, который растапливали во рту, а затем провалились в сон, обессилев

¹ Са фуг (произносится «са пуг») — земляная пещера; пещера в скале именуется «таг пуг».

после двух почти бессонных ночей, и проспали до рассвета. Утром снег все еще продолжал идти. По сугробам, которые намело перед нашим доисторическим жилищем, было ясно, что он падал всю ночь.

Тем не менее я решила попытаться обследовать эту часть долины и подняться на гору, насколько возможно, оставив вещи в пещере, чтобы чувствовать себя свободнее. Мы забрали бы их на обратном пути, так как в любом случае нам пришлось бы вернуться назад, чтобы спуститься к селениям.

В этих пустынных краях, да еще на заметенных снегом дорогах, можно было не бояться воров.

Когда мы вышли из пещеры, снег медленно, но неумолимо кружился; в общей сложности снегопад продолжался уже более сорока часов. Мы наткнулись на непреодолимые препятствия наподобие тех, что я видела на обратной стороне склона; стало невозможно двигаться по низине. Тогда я забралась на соседний косогор, откуда разглядела сквозь зыбкую пелену белых хлопьев невысокие волнистые плоскогорья или очень пологие склоны, поднимавшиеся к вершинам. Однако я предположила, что снег выровнял почву и изменил облик местности. Все альпинисты знают, как зима искажает линии горных пейзажей, так что кряжи, которым снежный наряд придает округлые формы, летом являются взору острые выступы и неприступные пики.

Не без труда спустившись со своей наблюдательной вышки, я направилась туда, где, по моему мнению, на дне неглубокого ущелья прятался источник, впадающий в реку, протекавшую по главной долине. Я устремилась к этой цели, но внезапно за моей спиной послышался крик. Оказалось, что Йонгден решил сократить путь и упал в овраг. К счастью, яма была неглубокой, но с почти отвесными стенками, по которым было нелегко спуститься вниз. Прошло несколько минут, прежде чем я добралась до своего несчастного спутника.

Он лежал в потрепанном монашеском одеянии на снегу, где алели капельки крови, словно позируя для некой трагической картины.

— Ничего страшного, пустяки, — тотчас же произнес лама, желая меня утешить. — Видимо, я стукнулся головой о выступ скалы и содрал немного кожи, но, похоже, у меня нет серьезных повреждений, так что не пугайтесь. Удар лишь слегка оглушил меня.

Йонгден попытался встать, но у него вырвался стон; он побледнел и пробормотал, закрыв глаза:

— Ох! Моя нога!..

Он снова попробовал подняться, и снова ничего не вышло.

— Я не могу, — сказал Йонгден со слезами на глазах, видимо от боли, — я не могу держаться на ногах.

Мне стало страшно. Неужели он сломал ногу?.. Что же мы будем делать одни в этой глухи, без еды, и вдобавок снег продолжал прибывать с каждым часом.

Я сняла с юноши сапог и осмотрела его ногу. Оказалось, что кости целы. Мой спутник лишь вывихнул лодыжку и ушиб колено. Какой бы сильной ни была боль после несчастного случая, риска для жизни или здоровья пострадавшего я не видела. По крайней мере, в населенной местности ему ничто бы не угрожало, но здесь...

Йонгден, как и я, осознавал, в какое трудное положение мы попали.

— Постарайтесь выбраться из оврага с помощью коленей и рук... как сможете, — сказала я, — а я вас поддержу. Затем попытаюсь вас нести. Мы должны вернуться в *са* нуг, и там посмотрим, как быть дальше.

Несмотря на все мое желание, мне не удалось уйти далеко: у меня не хватало сил, чтобы двигаться с такой тяжелой ношей по снегу, под которым таились ямы и камни, о которые я спотыкалась на каждом шагу.

Йонгден неохотно подчинился моему решительному приказу и позволил себя нести. Затем он попробовал идти сам, опираясь на мое плечо и свой посох. Он едва волочил

ноги, останавливаясь на каждом шагу, и капли пота стекали ему на лоб из-под ламаистской шапки. Мы добирались до пещеры несколько часов.

В пещере я растерла распухшую лодыжку бедного Йонгдена и перевязала ее его поясом. Больше я ничем не могла ему помочь.

Как и накануне, у нас не было огня, и мы дрожали, лежа на промерзшей земле. Снег, которым мы утоляли жажду во время пути, и ледяная вода, выпитая за обедом, усугубляли мучительное ощущение внутреннего холода. И все же, если бы не тревога за сына, наше незавидное положение показалось бы мне не лишенным прелести. Чары этой ночи в глубине девственных гор были настолько сильными, что я позабыла о своих опасениях, а также о физической усталости, которая начинала сказываться. Долго, почти до самого рассвета, я неподвижно сидела, наслаждаясь одиночеством среди полной тишины и покоя этого сказочного заснеженного края, отрешившись от всех забот и погрузившись в неизъяснимое блаженство.

Немного подремав, я открыла глаза и первым делом увидела Йонгдена. Он стоял на одной ноге, прислонившись спиной к земляной стене и опираясь на посох. Его поза напомнила мне некоторых духов, которых изображают на сводах даосских пагод, и при других обстоятельствах я бы рассмеялась, но бедный парень выглядел расстроенным.

— Я не могу идти, — произнес Йонгден, — я уже несколько раз пытался, но это невозможно.

Его щиколотка сильно распухла, и стопа была немного искривлена. Мы были вынуждены остаться.

В течение нескольких часов мы обсуждали свои дальнейшие действия. Я предложила Йонгдену остаться в пещере с вещами и пытаться *тсампа*, которая еще была у нас в запасе, а я тем временем отправилась бы за помощью в деревню. Мой сын сомневался, что крестьяне захотят утруждать себя, чтобы прийти на выручку двоим нищим; кроме того, было опасно показывать им деньги и предлагать приличное вознаграждение за хлопоты — это могло бы привести к еще более досадным последствиям.

Возможно, Йонгден проявлял излишний пессимизм по отношению к жителям По, но он руководствовался не только этими соображениями. Мы не подозревали о том, какое расстояние отделяет нас от ближайшей деревни, и лишь приблизительно представляли дорогу, которая туда ведет. Несколько дней назад, спускаясь с перевала Айгни, мы заметили три тропы, но, скорее всего, теперь их засыпало снегом.

Что будет, спрашивал Йонгден, если я сьюсь с пути и мне придется блуждать среди снегов без пищи? А если вдобавок со мной произойдет несчастный случай, подобный тому, что сделал его неподвижным, и у меня не хватит сил, чтобы добраться до цели?

Как бы мой сын ни сгущал краски, нельзя было отрицать, что опасности, о которых он предупреждал, существуют. Меня охватывал неописуемый ужас при мысли, что я должна оставить своего бедного спутника одного в пещере, где ночью на него может напасть какой-нибудь голодный зверь: волк, медведь или леопард — и он совершенно беззащитен перед ними.

Время шло, а мы все продолжали строить планы, от которых тут же отказывались. В конце концов я решила спуститься в долину, чтобы убедиться, не зимуют ли там *докна*, и вернуться в тот же вечер в пещеру, если пастухи не захотят перенести ламу к себе.

Я шагала целый день, встретила два опустевших стойбища, но там не оказалось ни души. Мне было жаль возвращаться со столь неутешительными известиями к сыну, который ждал меня, дрожа от холода.

Насколько лучше было бы нам в какой-нибудь хижине, где по крайней мере можно согреться у огня. Я обязана любой ценой найти что-нибудь, из чего мы сможем развесить костер. Но как это осуществить? У меня не было ни сумки, ни тряпицы, куда положить сухой навоз, чтобы он не отсырел за время пути; для этого требовался кусок толстой шерсти. Я сняла с себя нижнюю юбку из плотной саржи тибетского производства, завернула в нее топливо, завязала узелок своим поясом и, взвалив его на спину, повернула обратно.

Возвращение было трудным. Снег шел непрерывно, и мое легкое китайское платье — единственная одежда, которая на мне осталась, — тотчас же промокло; мне казалось, что я принимаю ледяную ванну. Стало темнеть, а я находилась еще далеко от *са пуг*. Я не могла заблудиться, так как все время следовала вдоль реки, но в темноте трудно было разглядеть пещеру, расположенную на довольно большом расстоянии от берега. В конце концов я задумалась, следует ли продолжать подниматься по долине или пора поворачивать обратно. Я содиралась позвать Йонгдена, но тут заметила огонек чуть повыше того места, где остановилась, чтобы оглядеться, и поняла, что лама решил указать мне дорогу и зажег восковую свечу, которую мы хранили в одной из котомок.

— Я чуть не умер от страха, — сказал он, как только я вошла в пещеру. — Когда стемнело, а вас все не было, я стал воображать всякие ужасные вещи.

Огонь, который мы поспешили развести, и горячий чай, сдобренный *тсампа*, придали нам бодрости, хотя, в сущности, наше положение ухудшилось.

У нас оставалось лишь две-три чайные ложки *тсампа* и немного чая, а мы по-прежнему не знали, далеко ли до ближайшего селения и ведет ли туда прямая дорога; кроме того, Йонгден все еще был не в состоянии идти.

— Не беспокойтесь обо мне, *жетсунема*, — сказал мне лама, когда я обсущилась у огня. — Знаю, что смерть вас не пугает. Я тоже ее не боюсь. Я долго массажировал днем ногу и теперь собираюсь поставить горячие компрессы. Вероятно, завтра смогу двигаться, в противном случае вы уйдете одна и постараетесь спастись. Не вините себя за то, что со мной случилось; причина всего, что с нами происходит, таится в нас самих. Этот несчастный случай является следствием речей и поступков, совершенных мной, моим телом или духом¹ в этой жизни либо в предшествующих воплощениях. Ни боги, ни люди, ни демоны в этом не виноваты. Жалобы нам не помогут. Поэтому давайте спать...

¹ Согласно классификации, принятой в буддизме.

И мы оба заснули крепким сном, а снег все валил и валил...

На следующее утро Йонгден смог держаться на ногах. Я связала наши котомки в один узел, взвалила его на спину и, поддерживая юношу, продолжила свой путь. Не стоит и говорить, что мы двигались со скоростью улиток. Когда мы вошли в лес, я срезала довольно прямую ветку, прикрепила к одному из ее концов кусочек дерева, обмотала его пустым мешком из-под продуктов и вручила этот самодельный костыль своему спутнику, чтобы он мог обходиться без моей помощи.

Обследовав накануне местность, я пришла к выводу, что долина постепенно сужается, и это вызвало у меня опасение, как бы в конце концов она не стала непроходимой. Тропа, поднимавшаяся по лесистому склону, которую я заметила, когда мы спускались с перевала Айгни, внушила мне больше доверия. Она удалялась в сторону от дороги, по которой мы шли через пастбища, и, как я полагала, вилась параллельно реке. Возможно, дорогу проложили гораздо выше уровня реки именно потому, что внизу не было прохода.

Мы наверняка сумели бы отыскать тропу, не возвращаясь окольными путями на то место, где я ее обнаружила, но Йонгден не мог карабкаться по крутым склонам и пробираться через чащу — ему было трудно шагать даже по ровной дороге.

Поэтому нам пришлось вернуться назад и пройти большое расстояние, прежде чем мы отыскали тропу, четко видневшуюся между деревьями.

Погода наконец прояснилась, и, если бы не сугробы, которые намело за двое с половиной суток, и мои переживания за Йонгдена, старавшегося идти из последних сил, эта прогулка показалась бы мне восхитительной.

Местность радовала взор прекрасными высокогорными пейзажами; по-видимому, здесь было особенно чудесно весной и в конце лета, после сезона дождей. К сожалению, новая неприятность помешала мне полностью погрузиться в созерцание окружающих красот. Утром, выходя из пещеры, я обнаружила дыру в подошве своего сапога. За не-

сколько часов дыра сильно расширилась и уподобилась зияющей пасти сказочного чудовища, челюсти которого то открывались, то смыкались при ходьбе. Второй сапог был отнюдь не в лучшем состоянии¹, и каждый шаг причинял мне ужасные страдания. Недавно выпавший снег обжигает тело, отчего образуются язвы, и тибетские горцы, чью кожу трудно назвать нежной, всячески пытаются избежать соприкосновения с ним.

Вечерело, но нигде не было видно ни возделанных полей, ни домашних животных, и надежда добраться до какой-либо деревни до наступления ночи стала совсем прозрачной. Мы приготовились провести ночь под открытым небом, так как тщетно искали хижины *докна*, которые, по словам недавно приютивших нас крестьян, стоят на обочине тропы, ведущей в обжитые долины. Возможно, мы не заметили их под снегом. Остались ли они позади, или же мы, на свою беду, сбились с пути?

Мы говорили мало и все время возвращались к этой теме, однако решили не спрашивать друг друга об усталости и страданиях, выпавших на долю каждого из нас, понимая, что ничем не можем помочь друг другу и всякие разговоры по этому поводу были бы напрасными. Вскоре мы также перестали обмениваться своими предположениями относительно становищ *докна* и гадать насчет того, не сбились ли мы с пути.

Ночью снова начался снегопад. Тогда же иссиня-черное небо и все вокруг озарилось странным светом. Казалось, что от белоснежной земли исходит неясный, бледный, сумрачный свет, который преобразил заснеженные деревья и превратил лес в царство теней. Усыпанные снегом с головы до ног, мы продолжали брести по этой прозрачной местности подобно двум привидениям, спешащим на зов тибетского колдуна, или жалким слугам нищего Деда Мороза.

¹ Крестьянские сапоги, которые мы носили, были сшиты из сукна, а подметки сделаны из недубленой кожи яка. Такие подметки непрочны, и их следует часто менять; по этой причине в Тибете принято брать с собой в дальние походы куски кожи.

Дед Мороз!.. В самом деле, ведь стоял декабрь! Но в то время я пользовалась уже много лет китайско-тибетским календарем, не соответствующим григорианскому, и позабыла, как высчитать нужное мне число. Я пообещала себе свериться на досуге с китайским почтовым календарем, лежавшим в моей сумке, где указаны рядом даты обоих летосчислений.

Мало-помалу Йонгден стал отставать. Я продолжала свой путь одна, без всякой цели, в некоем душевном оцепенении. Ни селений, ни хижин не было видно... Значит, нам не найти пристанища, но и спать на снегу тоже невозможно... Что же делать?..

Внезапно я наткнулась на что-то твердое, и удар вывел меня из забытья. Ощупав предмет, я убедилась, что это деревянная доска, торчавшая из грубо сколоченной изгороди. Изгородь! Значит, летнее стойбище пастухов где-то рядом... То самое, о котором нам говорили... Мы на правильном пути, и скоро у нас будет где укрыться ночью!

Я с трудом верила в такую удачу и продолжала водить рукой по шершавым доскам, словно опасаясь, что изго-

родь сейчас исчезнет или рассыплется у меня на глазах. Затем я подошла к барьера, преграждавшему доступ в загон для животных; оттуда были смутно видны большая четырехугольная приземистая хижина и какие-то крыши, по-видимому крыши хлевов.

Я закричала, чтобы сообщить ламе хорошую новость:
— *Диру! Диру! Хампа чиг дуз!*¹

Не дожидаясь его, я вошла в становище. Рядом с жилищем пастухов располагался загон для лошадей. Я оставила там свою ношу и принялась разгребать снег перед входом в хижину. Вскоре подошел Йонгден.

Мы нашли под навесом во дворе довольно большое количество навоза и сухих дров, зажгли несколько веток, чтобы осветить себе путь, и, когда они разгорелись, отнесли их в помещение. В хижине был сложен очаг и сооружен пол, чтобы спать не на голой земле. Еще больше мы обрадовались, найдя здесь дополнительный запас топлива.

Вскоре мы с Йонгденом уселись по обе стороны от пылавшего очага. Тепло показалось мне восхитительным после ночей, проведенных в ледяной пещере. Закрыв глаза, я молча наслаждалась уютом, слушая со снисходительной улыбкой, как во мне стонет от удовольствия эпикуреец, неизменно таящийся в человеческой плоти, даже в телах самых суровых аскетов.

Перед тем как лечь, мы выпили по чашке горячей воды, сдобренной горстью *тсампа*, чтобы сберечь остатки чая на утро, а Йонгден обмотал свою ногу теплым компрессом. Я сверилась с календарем: было 22 декабря.

На следующий день опухоль на ноге моего сына стала гораздо меньше, и хотя юноша по-прежнему должен был опираться на костьль, он уже не так сильно страдал и готов был двинуться в путь. К несчастью, теперь я стала калекой, получив накануне ожоги от снега и наполовину отморозив пальцы на ногах, которые покрылись волдырями и кровоточащими ранами. Длительная ходьба в таком состоянии, почти босиком, по снегу могла привести к пе-

чальным последствиям. Необходимо было заменить подошвы на моих сапогах.

Всякий раз, когда лама выполнял работу сапожника, которой его не учили в монастыре, на это уходило много времени. Я же проявила позорную бездарность в этом деле и могла разве что отпороть куски кожи со старых подметок.

Мои сапоги были готовы только в час пополудни. Мы не решились выходить так поздно. Летнее стойбище, затерянное в глухи, говорило о том, что до места, где постоянно живут люди, еще далеко и нам не добраться туда до наступления темноты. В таком случае, вероятно, пришлось бы снова совершать долгий переход, весьма утомительный для тех, кто вынужден поститься не по своей воле. С другой стороны, отложить выход до следующего утра означало голодать еще один день. Было трудно выбирать между этими двумя вариантами, ни один из которых не сулил нам радости. В конце концов огонь, пылавший в очаге, одержал верх: мы решили провести ночь в теплом доме и двинуться в путь на рассвете.

Весь день шел снег. Незадолго до захода солнца Йонгден, которому не терпелось проверить, насколько улучшилось состояние его лодыжки, сходил в другое стойбище *докпа*, расположенное поблизости, и рассказал мне, что видел там дорогу, по которой надо идти дальше.

Когда было еще темно, мы снова развели огонь и принялись трясти над котелком мешочком из-под чая, тщетно надеясь, что на дне его затерялось несколько драгоценных крупинок. После завтрака, состоявшего из одной жидкости, мы направились к месту, где накануне Йонгден заметил дорогу. Еще не рассвело, и валил густой снег; тропа показалась мне более узкой, чем та, по которой мы спускались днем раньше, но ширина и облик тибетских дорог меняются в зависимости от здешних своеобразных лесов.

Мы с трудом волочили ноги до полудня, когда непрходимые чаши и крутые горы преградили нам путь. Тропа исчезла из вида: мы избрали неверное направление.

Быть может, сначала мы были на правильном пути, а затем отклонились в сторону? Я сомневалась в этом. Ско-

¹ Сюда! Сюда! Здесь дом! (тибетск.)

рее всего, покинув хижину, мы пошли по тропе, проложенной летом домашними животными, блуждавшими по лесу: подобные тропы всегда можно встретить поблизости от стойбищ. Было неразумно пытаться найти нужную дорогу, не представляя, где ее следует искать. Предприняв такую попытку, мы бы лишь окончательно заблудились.

Костьль, на который по-прежнему опирался лама, и состояние моих ног не позволяли нам двигаться быстро. Однако нас беспокоила не столько длина пути, сколько время, необходимое для того, чтобы вернуться обратно. Допущенная ошибка была чревата опасными последствиями для людей, голодавших уже несколько дней.

Было нелегко отыскать наши следы. Утром снег продолжал идти, и отпечатки шагов в начале пути исчезли. Кроме того, Йонгден нуждался в частых передышках, и это также нас задерживало.

Вернувшись в хижину *докпа*, мы подкрепили силы горячей водой. Мне хотелось поскорее отправиться на поиски дороги, чтобы не блуждать на следующий день. У каждого из нас уже начинала кружиться голова, и нам мешался странный колокольный звон; хотя мы не особенно страдали от голода, было ясно, что, если голодовка продлится еще немного, у нас не хватит сил, чтобы добраться до места, где живут люди.

Йонгден настаивал на том, чтобы я осталась у костра, а он отправился на разведку один, и я уступила его ласковым просьбам; бедный юноша снова побрел по снегу, опираясь на костьль и посох.

Отсутствие продуктов избавляло нас от необходимости заниматься стряпней — достаточно было лишь растопить снег и вскипятить воду. Зато я могла лечь и вдоволь подумать.

Я представила кое-кого из знакомых на своем месте: одни из них стали бы метаться, браниться, проклинать Бога, дьявола, а заодно себя и своих спутников, другие бы плакали, став на колени, и молились. Я знала, что и те и другие осудили бы мою безмятежность и веселый интерес, с которым я следила за ходом нашего приключения. Стро-

ка одного старого стихотворения нежно зазвучала в моей памяти:

«Поистине, мы счастливо живем среди людей, снедаемых тревогой».

Йонгден вернулся уже под вечер. Он преодолел большое расстояние, исследовав тропу, и нашел единственно правильный путь.

Я обрадовалась, услышав эту приятную весть, но мне не понравился вид юноши. Йонгден был очень бледен, и его глаза лихорадочно блестели. Он осушил залпом две чашки горячей воды и тут же заснул.

Я наблюдала за ним еще некоторое время. Он был возбужден и стонал во сне, но постепенно успокоился и затих. Я тоже уснула.

Меня разбудили звуки шагов, шаркающих по полу, и невнятное бормотание. Я увидела ламу, освещенного слабым светом затухающего костра. Он направлялся к двери неверной походкой, с посохом в руке. Я вскочила и бросилась к нему.

— Что с вами? — спросила я. — Вы заболели?

— Снег увеличивается... он растет и растет... — ответил лама странным голосом, как во сне. — Мы спим, а он все идет... Пора в путь, а то скоро будет слишком поздно...

Вероятно, он еще до конца не проснулся и видит какой-то кошмар. Я попробовала снова уложить его, но он не слушал меня и продолжал настаивать на своем: надо уходить, причем немедленно. Его лицо и руки горели. Я поняла, что у него сильный жар и он бредит. Неожиданно Йонгден оттолкнул меня, устремился к двери и открыл ее.

— Смотрите, — сказал он, — идет снег. — В самом деле, сильный снегопад продолжался, и в хижину проникла струя ледяного воздуха.

— Не стойте там, — приказала я, — вы больны, и холод вам повредит.

— Надо уходить, немедленно уходить, — упрямо повторял Йонгден. — *Жетсунема*, вы скоро умрете. Пойдемте, пойдемте скорее...

Он старался увлечь меня за собой, плакал, что-то невнятно бормотал, все время повторяя слово «снег».

Я ударила его, и это заставило юношу отодвинуться назад. Я закрыла дверь ногой и попыталась снова уложить его у огня. Но он сопротивлялся и отбивался от меня. Из-за жара и навязчивой идеи спасти мне жизнь сила крепкого парня возросла; он покачивался, опираясь на большую ногу, и, видимо, не ощущал боли, которую должен был испытывать.

Что будет, если Йонгден сумеет вырваться и убежать?.. Мне стало страшно, когда я вспомнила, что распаханное плоскогорье, где было расположено стойбище, заканчивается крутым обрывом и пропастью в нескольких метрах от нашей хижины.

Наконец мне удалось бросить в огонь несколько тонких веток, и яркий свет, внезапно озаривший комнату, положил конец бреду ламы.

— Что случилось?.. Что это?.. — вопрошал он, озираясь по сторонам, и наконец позволил уложить себя на пол, заменявший нам постель.

Затем я положила на лоб юноши немного снега, и Йонгден почти сразу же уснул, но я больше не рисковала оставлять его без присмотра и просидела остаток ночи, не сводя с него глаз.

Вероятно, в конце концов, вопреки моей воле, меня ненадолго сморил сон. Мне почудилось, что откуда-то снизу доносится легкий звон колокольчика¹. Но кто же мог ехать на лошади по снегу в столь поздний час?.. Я прислушивалась, опасаясь незваного гостя, но вскоре звуки стали удаляться и в конце концов затихли.

Так я встретила Рождество в местности По.

Я не решилась разбудить своего спутника, когда рассвело. Во многих случаях сон — это лучшее из лекарств, и я верила в него больше, чем в средства, которые были в моем распоряжении.

Йонгден открыл глаза, когда уже темнело. Я поняла, что ему стало лучше; у него остались смутные воспоминания о событиях минувшей ночи, и он думал, что видел сон.

¹ Тибетские всадники обычно привязывают на шею своих скакунов колокольчики.

Я вскипятила воду, растопив снег, который в очередной раз заменил нам завтрак. Если бы у нас была крупица масла или две-три щепотки *тсампа*, мы бросили бы их в котелок, и напиток создал бы иллюзию насыщения, но безвкусная, даже очень горячая вода внушала отвращение нашим желудкам.

Я выразила свои чувства вслух, пожелав в шутку, чтобы какой-нибудь горный дух сжался над нами и принес нам кусочек масла или жира величиной с орех. Йонгден пристально посмотрел на меня, и его взгляд показался мне странным.

— В чем дело? — спросила я,

— Что же! — нерешительно ответил он. — Если вы не будете предъявлять слишком много требований к качеству жира, я, вероятно, смогу сыграть роль «горного духа».

— Каким образом?

Он рассмеялся.

— *Жетсунема*, — сказал лама, — вы уже почти ничем не отличаетесь от тибетских женщин во многих отношениях, и все же вам чего-то не хватает, чтобы вести себя подобно истинным тибетцам.

— Продолжайте... Неужели в вашей сумке завалялось что-то съедобное?

— Да, — насмешливо произнес он, — маленький кусочек свиного сала, которым я натирал подошвы наших сапог, чтобы они не промокали, и обрезки кожи из новых подметок, которые я пришивал позавчера¹.

— Бросайте все это в котелок и добавьте немного соли, если у вас хоть что-то осталось! — весело воскликнула я, чувствуя, как во мне пробуждается настоящая тибетская душа.

Йонгден так и сделал, и полчаса спустя мы отведали мутную похлебку с сомнительным вкусом, но по крайней мере это варево немного заполнило наши пустые желудки.

Рождественские сюрпризы продолжались.

¹ Как говорилось выше, речь идет о недубленой коже яка, которую сначала высушивают, а затем натирают чаем или кислым молоком, чтобы придать ей гибкость.

Сразу же после того, как мы покинули хижину, небо прояснилось и солнце ненадолго показалось на бесцветном небе. По мере того как мы спускались, снег становился менее глубоким, и темп нашей ходьбы ускорился, но ничто не предвещало, что вскоре мы выйдем из густого леса. Нам встретилось еще одно летнее стойбище, указывавшее на то, что мы все еще находимся далеко от обжитых мест. Чуть ниже протекала речка, которая берет начало у подножия перевала По-Готза. Этот небольшой водный поток струится по крутым склонам и впадает в реку, образовавшуюся от слияния талых вод двух долин, которые я недавно обследовала.

Таким образом, несмотря на явно неблагоприятные условия, сопутствовавшие моей короткой экспедиции, я смогла убедиться, что у большой реки Полунг-Цангпо, протекающей через местность По-мед, существует несколько притоков помимо Нагонга, а также я отметила ряд особенностей этого неизведанного края. Следовательно, не было потеряно время и мои труды не напрасны.

День клонился к вечеру. Было ясно, что нам не добраться до какого-нибудь селения засветло. Сколько же еще мы должны голодать?..

Внезапно ниже уровня тропы я заметила хижину, расположенную на частично распаханном пространстве, и подумала, не стоит ли здесь остановиться и воспользоваться этим кровом. До темноты оставалось недолго, и надо было успеть собрать достаточное количество хвороста для поддержания огня в течение всей ночи.

Было бессмысленно мечтать о еде; казалось, что вскоре эта тема окончательно перестанет нас волновать, как если бы мы превратились в духов из эфирных сфер, питающихся запахами и чистым воздухом.

Мы подошли к хижине и остолбенели, увидев мужчину, стоявшего на пороге. Это была наша первая встреча с коренным жителем По, и всяческие истории о разбойниках и людоедах, обитающих в здешних краях, тотчас же всплыли в моей памяти.

Разумеется, я не выказала ни малейшего признака тревоги и лишь любезно осведомилась:

— *Кушо*, можем ли мы войти и развести огонь?

— Входите, — коротко бросил мужчина.

Получив разрешение, мы свернули с тропы и спустились к хижине. Наше удивление возросло, когда мы увидели с десяток мужчин, восседающих у очага.

Что делали все эти люди посреди леса?

Нас приняли вежливо; когда же мы рассказали, что прошли через перевал Аигни, жители По выразили крайнее изумление и переглянулись с таинственным видом. Йонгден счел излишним распространяться о нашем походе в соседнюю долину и прочих дорожных приключениях; таким образом, наши хозяева решили, что мы спустились прямо с перевала.

— Без сомнения, — сказали они, — ваши По-лха и Молх¹ — могущественные боги: без их помоши вы наверняка бы погибли, ведь перевал сейчас совсем завалило снегом.

Видя, что мы явно находимся под покровительством небесных сил, жители По прониклись к нам симпатией.

¹ Боги предков по отцовской и материнской линии.

Ламе отвели почетное место у очага и предложили нам достать чашки из своих *амбагов* и выпить чая.

Мужчины извинились, что не могут дать нам *тсампа*, так как только что закончили трапезу. Однако наши желания не простирались столь далеко. Чай, щедро сдобренный маслом, показался нам восхитительным и без мучной добавки.

Расспросив о наших странствиях и о том, откуда мы родом, один из жителей По, по-видимому занимавший более высокое общественное положение, чем его спутники, поинтересовался, не сведущ ли Йонгден в искусстве гадания. Все очень обрадовались, когда мой сын подтвердил, что обладает пророческим даром.

И тут мы услышали любопытный красочный рассказ о внутренней политике тибетских властей.

Поскольку на Западе почти ничего не известно об истинном положении в Тибете, здесь необходимы кое-какие разъяснения.

Не следует думать, что тибетцы представляют собой однородную нацию с единым правительством. За исключением провинций Ю и Цанг, многочисленные племена, населяющие большую часть страны, всегда были свободными, и во главе их стояли вожди, высокопарно величавшие себя королями (*жъялло*).

Когда Тибет входил в состав Китая, имперские чиновники спокойно мирились с этим давно заведенным порядком и довольствовались чисто формальной зависимостью местных вождей. Однако, когда лхасские войска одержали победу, лама-государь вознамерился распространить свою власть на всю тибетскую территорию, отвоеванную у китайцев.

Но племена, которые радовались изгнанию китайцев и полагали, что обрели полную независимость и отныне избавились от всяческих налогов, отнюдь не приветствовали новых хозяев-чиновников, присланных из Лхасы, чтобы диктовать им свои законы и собирать оброк, средства от продажи которого направлялись в столицу.

Конечно, все тибетцы, за очень редким исключением, почитают Далай-ламу как выдающуюся личность и на-

местника богов на земле, но, несмотря на то что некоторые благочестивые верующие молятся ему на коленях за сотни километров от Лхасы, большинство подданных Далай-ламы не терпят его вмешательства в свои личные дела.

Мы узнали от обитателей хижины, что жители Чё-дзонга просто-напросто забросали камнями высокопоставленного уполномоченного столичных властей, и когда злополучному вельможе удалось скрыться в дзонге, они принялись осаждать его.

Возмущенный и раздосадованный столь недостойным обращением, чиновник из Лхасы каким-то образом ухитился отправить своего посланца к Калён-ламе, чтобы уведомить его о мятеже.

Калён-лама — это своего рода вице-король, который правит в Восточном Тибете; его резиденция расположена в Чамдо (провинция Кхам), и в его распоряжении находятся регулярные войска. Узнав об отъезде гонца с письмом, жители Чё-дзонга испугались возмездия и также разослали своих людей по всем дорогам, ведущим к перевалам на границе местности По. Этим доблестным патриотам было поручено перехватить письмо, адресованное Калён-ламе, и, как я поняла, несмотря на недомолвки, «устранить» гонца.

Люди, к которым мы попали по воле случая, были именитыми гражданами свободолюбивого селения, теми, кто забросал камнями приезжего начальника. Йонгдена попросили предсказать, будет ли перехвачен гонец.

На сей раз дело было нешуточным. Если бы пророчество не оправдалось, это могло бы плохо обернуться для предсказателя. Великаны, сидевшие у огня, явно не отличались кротким нравом. Мы с моим сыном, оба невысокого роста, напоминали рядом с ними Мальчика-с-пальчик в логове людоеда. Разница была лишь в том, что в хижине находилось четырнадцать «людоедов» — я их сосчитала, — и, хотя мы были уверены, что они не съедят заблудившихся путников, также было ясно, что они не позволят над собой насмехаться.

Лама забросал мужчин вопросами о дорогах, по которым гонец мог уехать из этой местности, и из их ответов я почерпнула немало географических сведений.

Так, я узнала, что всадник поднялся на перевал Айгни — вот чем объяснялся далекий звон колокольчика, который я слышала ночью. Затем он вернулся назад, убедившись по глубине снега, что к перевалу невозможно подобраться.

Поэтому жители По пришли в изумление, узнав, что мы явились, как они полагали, прямо из-за гор. Они снова принялись нас расспрашивать, чтобы выяснить, не видели ли мы каких-либо следов. Мы ничего не заметили: посланец чиновника наверняка поехал по другой дороге.

Йонгден довольно долго что-то бормотал, сопровождая свои слова таинственными жестами, и горцы наблюдали за ним с неослабным вниманием и интересом; затем лама изрек приблизительно следующее: «Если ваши люди поспешат, они догонят посланца *пёнпо...*» Разумеется, эта простая истина была изложена в туманных и торжественных выражениях и загадочных намеках, которые произвели на слушателей сильное впечатление.

Затем храбрецы из Чё-дзонга вежливо с нами простились и удалились, поручив Йонгдену передать тем, кто, возможно, заглянет в хижину, что «все они вернулись домой».

Мы снова остались одни и стали гадать, что делать дальше. По словам жителей По, мы находились неподалеку от деревушки под названием Чолог; впрочем, то, что могучие горцы называли коротким расстоянием, могло показаться измученным и израненным людям вроде нас долгой дорогой. Мы выпили по несколько чашек масляного чая и получили небольшой кусочек масла и горсть чая; таким образом, жидкий завтрак на следующее утро был нам обеспечен, и лучше уж провести ночь под крышей.

Я сказала Йонгдену, что никто из жителей По наверняка не вернется, чтобы ограбить таких бедняков, как мы. Юноша разделял мое мнение, но хижина не казалась ему надежным укрытием. По его словам, слуги чиновника могли узнать, что их враги собирались в этом месте, и, полагая,

что мятежники еще прячутся в лесу, они могут нагрянуть ночью в хижину, чтобы застичь их врасплох и убить. В результате нас обстреляют через дверь или отведут к *пёнпо*, где нам придется ответить на множество каверзных вопросов.

Наши страхи не были беспочвенны, но тем временем стало совсем темно, и, не зная дороги, мы рисковали стать жертвами несчастного случая, подобного тому, от последствий которого все еще страдал Йонгден. Кроме того, мы с таким же успехом могли угодить под пули в лесу, если слуги наместника стали бы прочесывать его в поисках повстанцев.

С другой стороны, крошечная хижина, затерянная в глухи, великаны-заговорщики, одетые как опереточные разбойники, и волнующее ожидание развязки драматических событий — во всем этом была своя прелесть. Я решила остаться и увидеть продолжение спектакля... если только оно последует.

Когда мы сделали свой выбор, Йонгден отправился на опушку леса, чтобы нарубить дров, а я принялась собирать сухие ветки, валявшиеся вокруг хижины. Закончив работу, я присела к огню, как вдруг чья-то голова показалась над низкой дверью, закрывавшей проем лишь на три четверти.

Какой-то субъект заглянул внутрь, что-то невнятно пробормотал и скрылся так быстро, что я не успела попросить его повторить, чего он хочет. На всякий случай я прокричала ему вслед: «Они все ушли!» — как просили жители По. Но никто не отозвался.

Было ясно, что нам не дадут спокойно провести этот вечер. Вскоре Йонгден вернулся с вязанкой дров, и мы сбрались ложиться спать, но тут под деревьями послышались чьи-то шаги. Сухие листья шуршали и тонкие сучья хрустели под ногами ночного гостя, который, судя по производимому шуму, был немалого роста.

Лама вышел на порог и крикнул на манер жителей Амдо:

— *Appo! Appo!* (Товарищи!) Вы можете войти!

Никто не откликнулся на его зов. Я стала склоняться к мысли, что по лесу бродят дикие звери. Мы обследовали

поляну, бросая камни в ту сторону, откуда доносился шум, чтобы отогнать невидимого полуночника, который продолжал расхаживать в темноте, не обращая внимания на наши действия; это только подтвердило догадку Йонгдена, что пришелец принадлежит к человеческому роду.

Как бы то ни было, никто на нас не покушался, и мы оставили пришельца в покое. Мы забаррикадировали дверь хижины, как смогли, притушили огонь и улеглись в разных углах, где нас нелегко было заметить и поразить, если бы стали стрелять через отверстие над дверью.

Приняв максимальные меры предосторожности и рассудив, что больше ничего сделать нельзя и не стоит тревожиться понапрасну, мы уснули крепким сном, а когда проснулись, солнце было уже высоко.

Мы с удовольствием выпили по большой чашке чая с маслом, но наши желудки настоятельно требовали более существенной пищи. Вынужденный пост продолжался уже шестой день, и мы могли признаться, что умираем с голода, не рискуя прослыть обжорами.

Чолог — первое селение По, в которое мы попали, — находился не настолько близко от хижины, как утверждали накануне богатыри из Чё-дзонга. Мы добрались туда лишь к полудню.

Наконец-то мы с Йонгденом оказались среди тех самых таинственных обитателей По, о которых так давно говорили. До сих пор наше путешествие протекало благополучно, и мы надеялись, что и впредь удача нам не изменит.

Уединенное селение, расположенное в глубине узкой долины, обрамленной красивыми горами, выглядело совершенно затерянным. Мы чувствовали себя здесь страшно заброшенными, отрезанными от всякой цивилизации. Впрочем, ни облик скромных хижин, из которых состояла деревня, ни лица ее обитателей, изредка попадавшихся на пути, не могли внушить нам страх.

Казалось, что отныне ничто больше не грозит моему инкогнито. В этих краях никогда не бывал ни один чужеземец, и никому не пришло бы в голову, что какая-то *пилинг* отважилась проникнуть сюда, перебравшись через пустынные горы. Почувствовав себя в безопасности, я избавилась

от постоянного напряжения, что позволяло мне безмятежно наслаждаться своим рискованным путешествием и восхитительной вольготной жизнью бродяги.

Мы решили, что лучше всего для начала обойти деревню и собрать милостыню: это соответствовало бы нашим ролям и в то же время отвечало бы нашим нуждам. Поэтому мы остановились у первого же дома, бормоча принятые в таких случаях слова.

Хозяйка прежде всего задала нам традиционный вопрос: «Откуда вы пришли?» Когда мы ответили, что спустились с перевала Айтни, женщина разразилась громкими удивленными возгласами, на которые сбежалось несколько ее соседей.

Как же мы сумели преодолеть снежные завалы? Это просто чудо! Жители деревни также признали, что мы явно находимся под покровительством своих По-лха и Мо-лха.

Нас пригласили к столу, и хозяйка хижины наполнила наши миски супом. Я не могла бы сказать, какой у него был вкус. Меня охватило странное чувство: казалось, что из недр моей плоти поднимаются какие-то существа, которые бросаются к моему рту, чтобы завладеть густой похлебкой, которую я жадно глотала.

Другие добрые люди принесли нам немного *тсампа* и масла, а затем мы обошли деревню с котомками в руках. Быстро собрав подаяние, мы обеспечили себе пропитание на два дня. Теперь в обжитых местах, где довольно просто доставать еду, незачем было обременять себя тяжелой ношей. Не мешкая, мы покинули гостеприимное селение и продолжили путь вниз по долине.

Десять минут спустя мне пришла в голову странная мысль: суп, который мы съели холодным, прежде чем *нено* успела подогреть его на огне, стоял в углу кухни, на полу, за открытой дверью. Почему горшок с супом поместили в такое место?.. Неужели... Нет, все во мне противилось этой мысли. И все же... на полу, в углу...

Я повернулась к своему спутнику:

— *Желонг лагс*, — вежливо обратилась я к нему. — Мне кажется, что мы съели собачий суп.

Лама безмятежно переваривал угощение, охваченный приятным блаженством. Мои слова заставили его вздрогнуть.

— Что вы говорите?.. Какой собачий суп? — удивился он.

Я очень спокойно объяснила ему, на чем основаны мои подозрения. Йонгден побелел, напомнив мне выражением своего лица гримасы пассажиров океанских пароходов во время шторма.

Оживляя в памяти подробности нашей трапезы, я внезапно припомнила, что *немо* черпала и разливала суп по нашим мискам половником, висевшим возле очага на кухне среди прочей утвари. Ни одна тибетская женщина ни за что на свете не опустила бы кухонную ложку в горшок с едой для животных. Теперь я знала: похлебка была предназначена для людей. Я поспешила успокоить взъянного ламу.

— Как вы меня напугали! — рассмеялся он.

— Какой же вы глупый! — отвечала я. — Даже если это был суп для животных, вы им насытились, так стоит ли переживать?

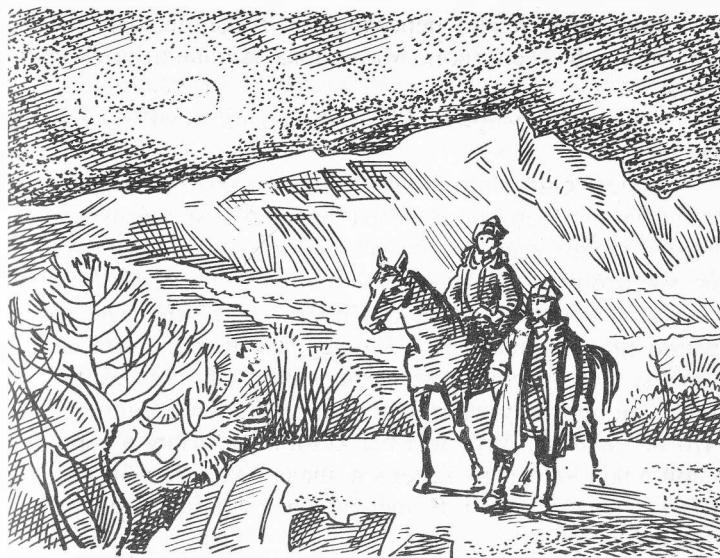
— Я очень боюсь, *жетсунема*, — возразил мой спутник, — что под руководством ваших многочисленных учителей — отшельников, *налджорта* и других — вы слишком преуспели в *тюл шуг*¹. Впредь буду тщательно осматривать содержимое котелка, когда вы готовите.

— В свою очередь очень надеюсь, что мне не придется варить похлебку из кожаных подметок сапог, что вы недавно делали, — парировала я.

Суп, на который я возводила напраслину, постоянно служил предметом наших шуток.

Чуть позже к нам подошли трое красивых, роскошно одетых мужчин. Эти жители По в шубах, суконных жилетах гранатового и изумрудного цвета, с распущенными волосами, ниспадавшими им на плечи, и саблями с ножнами, отделанными серебром и драгоценными камнями, ко-

¹ Тюл шуг — название философского учения, проповедующего безразличное отношение ко всем мирским вещам.

торые они носили за поясом, слегка напоминали рыцарей минувших веков с картин старых фламандских мастеров.

Они вежливо заговорили с Йонгденом и попросили его погадать им по поводу того же дела, о котором нам рассказывали в лесу.

Лама ответил, что уже спрашивал об этом богов и не следует больше надоедать им, чтобы не навлечь на себя их гнева, а также повторил, что, согласно предыдущему *мо*, все уладится как нельзя лучше. «Рыцари» были удовлетворены таким ответом и, поклонившись моему спутнику, вернулись в свои дома с величавым достоинством.

Не успели мы сделать несколько шагов, как еще один селянин снова остановил Йонгдена с просьбой погадать по личному вопросу. В то время как мой оракул собирался снизойти к его просьбе, к нам подъехал некий лама, который также стал добиваться аудиенции у своего собрата-бродяги.

Нам поднесли немного *тсампа* и масла в качестве вознаграждения *ньёньшеса*. Поистине наши первые шаги в краю грозных разбойников были многообещающими.

Вскоре мы вступили в ущелье и, прельстившись продуктами, лежавшими в наших сумках, присели на поваленное дерево, решив слегка перекусить, но тут появился какой-то человек. Он посоветовал нам не задерживаться в этом месте. По его словам, до ближайшей деревни еще далеко и дорога отнюдь не безопасна: грабители бродят в округе даже днем, и еще больше их следует бояться с наступлением темноты.

Эти сведения полностью совпадали с предупреждениями о том, что в По-юл надо соблюдать осторожность. Поэтому мы отказались от трапезы и тотчас же двинулись дальше, пряча свои револьверы под одеждой и держа их наготове.

Мы добрались до края ущелья после захода солнца. Ущелье выходило на простор, где встречались сразу три долины. Вокруг раскинулись большей частью возделанные поля; селения и отдельные усадьбы виднелись по другую сторону реки, насколько хватал глаз. Желая обрести ночлег, мы перешли через реку по широкому мосту, который связывал главную дорогу, пролегающую вдоль реки По, с дорогой, ведущей в Чё-дзонг, где находился большой монастырь. Именно там местные жители забросали камнями правительственный чиновника из Лхасы.

Крестьяне разрешили нам переночевать в их доме, в помещении, где стоял мельничный жернов.

За исключением крупных населенных пунктов, где производят большое количество муки для торговли, всякая деревенская семья в Тибете мелет зерно сама, по мере своих нужд, с помощью небольшого ручного жернова. Чаще всего эта операция производится в особом помещении, которое содержится в абсолютной чистоте и куда обычно допускаются лишь члены семьи и слуги, чтобы присутствие посторонних не осквернило это место¹.

¹ Хотя в Тибете не существует таких каст, как в Индии, представители некоторых сословий — кузнецы, мясники и особенно бродяги, профессиональные нищие — считаются нечистыми. Другие же путешественники, как полагают тибетцы, возможно, находились в контакте с нечистыми людьми или предметами и таким образом запятнали себя; кроме того, их могут сопровождать злые духи.

Хозяева принесли нам немного сухого навоза, для того чтобы развести костер, но отказались дать или продать достаточное количество топлива, дабы мы могли сварить себе еду. Мне пришлось снова отправиться к реке за хворостом, который течение выносит на берег во время паводка, хотя уже сгущались сумерки и стало почти совсем темно.

Вернувшись в дом, я застала у Йонгдена нескольких посетителей, которых по-прежнему интересовала судьба гонца чиновника и людей, посланных за ним в погоню.

Вслед за ними появились другие крестьяне. Они пришли за зерном, чтобы накормить еще одну ватагу мятежников. Нам не назвали места, где они собирались, и не посвятили нас в дальнейшие планы патриотов. Очевидно, восстание разрасталось. Наутро отряд вооруженных людей явился к ламе с требованием провести еще один сеанс мо. Ситуация изменилась: чиновник сумел бежать из Чё-дзонга и укрылся в другом монастыре, расположенном в Сунг-дзонге.

Когда повстанцы ушли, мы стали совещаться. Йонгден считал, что следует отказаться от намеченного похода в Чё-дзонг, который лежал в стороне от нашего пути.

Как водится в Тибете, по всей местности, должно быть, рыскали шпионы обеих сторон. Крестьяне и приближенные начальников были начеку; они могли принять нас за лазутчиков либо взять на подозрение и так или иначе навлечь на нас неприятности. Поэтому мы решили воздержаться от посещения Чё-дзонга, дабы не ставить под угрозу свое дальнейшее путешествие, снова перебрались через реку и, прибавив шагу, постарались поскорее миновать Сунг-дзонг и территорию, охваченную восстанием.

Превосходное мнение о жителях По, сложившееся у нас после предыдущих встреч, сохранялось не более дня.

В тот же вечер, выйдя из длинного ущелья, мы вновь оказались в очень открытой местности. Горы неожиданно отодвинулись далеко от реки, и между ними образовалось пустое пространство, заселенное местными крестьянами. В полях виднелись фермы, разбросанные там и сям. Мы

заметили также два-три разрушенных дома, стоявших почти у обочины дороги, и я подумала, не заночевать ли нам в одном из них. Но Йонгден возразил, что огонь, который мы зажжем, привлечет внимание здешних жителей и ночью к нам могут нагрянуть незваные гости.

Я уступила, признав его правоту. Раз нельзя было разбить лагерь отдельно, поблизости от людей, оставалось попросить у кого-нибудь приюта. Тут-то мы лучше познакомились с гостеприимством обитателей По.

Когда мы подошли к ближайшей усадьбе, нас увидел юный пастух. Он тотчас же бросил своих животных и помчался к дому, чтобы предупредить хозяев о нашем приближении. В тот же миг двери и окна захлопнулись, как по мановению волшебной палочки, и никто не ответил на наши призывы. Вся эта сцена была разыграна столь стремительно и от нее веяло таким простодушием, что я едва удержалась от смеха. Однако моему персонажу не пристало веселиться при подобных обстоятельствах, поэтому я состроила огорченную мину и направилась к другой усадьбе.

— Мы напрасно выбрали такой убогий дом, — сказал мне Йонгден, когда мы отошли от усадьбы. — Наверное, живущие в нем люди сами недоедают и боятся нищих, потому что не могут ничего им дать. Но они делают вид, что не слышат просьб о помощи, ибо тот, кто отказывает странствующему ламе в подаянии, совершаet очень дурной поступок. Вы заметили, как ловко они закрыли двери и ставни, даже не выглянув на улицу? Возможно, один из них сказал другим: «Ба, вот еще один бездельник из тех, кто подделывается под лам-неккорпа, чтобы обмануть слишком доверчивых хозяев».

Таким образом эти хитрецы надеялись избежать греха. Разве они не ведали, что настоящий лама стучится в их дверь? Какая великолепная уловка!

Мы решили попытать счастья в другом месте.

В доме *шугпо*¹ не стали закрывать двери и окна, но пять больших собак окружили нас с яростным лаем, показывая

клыки. В то время как я удерживала их на расстоянии при помощи своей палки, окованной железом, Йонгден взывал к милосердию, стараясь перекричать лай собак.

Сначала никто не отозвался, затем на плоской крыше стойла показалась молодая женщина и задала нам множество вопросов, даже не подумав унять собак. Йонгден отвечал ей с ангельским терпением, а я продолжала сражаться с животными. Наконец, удовлетворив свое любопытство, женщина вернулась в жилые покои на втором этаже, чтобы передать нашу просьбу хозяину. Десять минут спустя она снова вышла к нам с отрицательным ответом: *непо* отказался впустить нас в дом.

Тибетцам, как и большинству людей во всех странах, присуще стадное чувство. Путник, которому один крестьянин отказал в приюте, может быть уверен, что и другие жители деревни, узнав об этом, захлопнут перед ним дверь. Нам не следовало рассчитывать на удачу по соседству с домом хозяина сторожевых собак.

Итак, мы смирились с тем, что придется идти еще час или два и провести ночь в лесу, но, проходя мимо последней усадьбы красивого вида, расположенной на краю возделанных полей, мы увидели женщину, которая стояла у двери хлева и следила за тем, как животные возвращаются в стойло. Воспользовавшись удобным случаем, Йонгден попросил разрешения переночевать в ее доме. Пока он говорил, в одном из окон над нашей головой показалась другая женщина, и мой сын возобновил свои мольбы.

Как и в других местах, требовалось согласие *непо*, и крестьянка заявила, что сейчас спросит у хозяина.

Последовало новое ожидание. Затем та же женщина вышла на порог с тарелкой, полной *тсампа*. Крестьянин посыпал нам угощение, но не хотел нас принять.

Я не настаивала, но Йонгден заупрямился.

— Мы не нуждаемся в *тсампа*, — пояснил он, — а лишь просим приютить нас. Мы будем есть свои припасы и не станем никому докучать просьбами о подаянии. Предоставьте нам только *нестсанг*²!

¹ Шугпо — богатый человек.

² Нестсанг — место, где можно спать.

Женщина снова поднялась на второй этаж, унося *тсампа*, и то, что мы отказались от милостыни, видимо, произвело хорошее впечатление на *непо*, ибо нам разрешили войти. Нас провели в богато обставленную, очень чистую комнату, что характерно лишь для домов зажиточных тибетцев. Служанка развела огонь и положила большую вязанку дров у очага.

Наше мнение о жителях По, упавшее до предела, снова несколько поднялось.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Монастырь Сунг-дзонг. — Сказочный край. — Опрометчивое предсказание. — Скиты Дашинга. — Мы встречаем Филиона и Бавкиду. — Мы пируем у местного царя. — Веселые дни. — Начало беспокойного периода. — Как я едва не убила вора, которого хотела лишь напугать. — Своевременная встреча со странниками. — Разбой в По-юл. — Я снова перевраляюсь через реку по воздушному мосту. — Рискованные акробатические этюды на живописной горной тропе. — Мы избегаем опасности

На следующее утро, пройдя сквозь густые заросли, мы оказались поблизости от монастыря Сунг-дзонг¹.

В одной из окрестных деревень только что закончилось чтение Хажиура, и, погрузив на яков сто восемь толстых

¹ Сунг-дзонг — «крепость Слова» (в тибетском правописании «гсунг» = «слово» (речь) либо «сторожевая крепость»; «бсунг» = «стража», «наблюдение», «дозор»). Произношение в обоих случаях примерно одинаково, и различный выговор приставок в местных диалектах вносит дополнительную путаницу.

томов, из которых состоит это произведение, крестьяне повезли их обратно в монастырь. Шествие замыкала женщина с большим волосатым быком, который плелся так же медленно, как его хозяйка, выискивая взглядом корм по обочинам тропы и останавливаясь время от времени, чтобы сорвать пучок травы.

Славная старушка заговорила с нами; видя, что я жую на ходу сухую *тсампа*, она достала горбушку хлеба из своего *амбага* и протянула ее мне. Этот хлеб лежал в кармане бедной женщины рядом со всякой грязью, но я не могла отказаться и была вынуждена проглотить у нее на глазах несколько кусочков. Сначала я хотела дождаться удобного момента, когда моя старая благодетельница отвернется, и зашвырнуть горбушку в кусты, но мне не пришлоось прибегать к этой крайней мере. Бурый свежевыпеченный хлеб оказался очень вкусным, и я уплетала его за обе щеки, подбрав все до последней крошки.

Я еще продолжала жевать деревенское угощение, когда мы пришли в Сунг-дзонг.

Группы домов были разбросаны в разных местах очень открытой долины, и поселок казался довольно крупным.

За крепостными стенами на холме теснились многочисленные строения монастыря. Холм был окружен реками с подвесными мостами. В отличие от большинства *гомпа* с побеленными известью стенами, которые выделяются на фоне окружающей местности, монастырские, большей частью глинобитные постройки не были покрыты штукатуркой. На фоне величественных крутых гор темного цвета, видневшихся на заднем плане, бледно-желтый монастырь, куда спускались дороги со всех сторон, не производил внушительного впечатления.

Географические сведения о верхней части бассейна реки Полунг-Цангпо, где до меня не бывал ни один иностранец, представляют некоторый интерес, но из-за ограниченного объема данной книги я вынуждена их опустить.

Нам пришлось задержаться в Сунг-дзонге, чтобы пополнить свои запасы продовольствия. В окрестностях монастыря бурлила жизнь. Крестьяне стекались сюда из разных мест, ведя за собой животных, нагруженных дровами,

мясом и зерном. Среди них гарцевали верхом либо расхаживали взад и вперед местные вожди, отдавая приказы с важным видом, а озабоченные монахи то и дело сновали в ворота *гомпа* и обратно. С возвышенности, откуда я наблюдала за всей этой суетой, монастырь с его желтоватыми земляными домами казался мне гигантским муравейником, где неустанно трудятся прилежные насекомые.

Необычное оживление объяснялось присутствием чиновника, который укрылся в *гомпа*, после того как его забросали камнями в Чё-дзонге. Когда важная особа останавливается где-либо во время пути, местные жители обязаны не только кормить гостя вместе со свитой, слугами и животными, но также преподносить ему ежедневно определенное количество подарков в виде продуктов либо денег.

Поэтому бедные люди-муравьи, которых я видела, шествовали друг за другом, чтобы наполнить мешки *пёнпо*.

Йонгден пробыл в монастыре около трех часов. Он по-встречал там нескольких услужливых *трапа*, которые, помимо купленных им продуктов, дали ему бесплатно несколько буханок хлеба, сушеные абрикосы и различные сладости. Столь дружеское обхождение не позволило моему спутнику уклониться от долгой беседы и отказаться от приглашения его собратьев по религии выпить чаю.

В то время как он развлекался в веселой компании, я куда менее приятно проводила время, сидя возле наших вещей на голой земле, продуваемой резким северным ветром со всех сторон.

Несколько ребятишек, которые пасли стадо, подошли и присели рядом со мной; я разговорилась с ними, и они простодушно поведали мне кое-что интересное о местном быте. Мимо нас проезжал богатый путешественник в сопровождении множества слуг. Он остановился и осведомился, кого я ожидаю: две котомки, лежавшие возле меня, говорили о том, что у меня есть спутник. Я ответила, что мой сын, *желонг*, отправился в *гомпа*. Вероятно, близкое родство со священником показалось незнакомцу залогом моей благонадежности, и он спустился на землю, чтобы побеседовать со мной и, разумеется, расспросить о моих родных краях.

В ту пору я в очередной раз сменила родину, остановив свой выбор на далеком Нгари. Путешественник слышал название этой местности, но ничего о ней не знал, однако он бывал в Шигадзе, столице провинции Цанг. Я посетила сей город несколько лет назад, и мне не составляло труда говорить об этом. Мы вели приятную беседу, в которой, согласно старинному обычая, участвовали также слуги, вставлявшие время от времени свое слово. Путешественник приехал из провинции Конгбу¹ и привез оттуда мешок пирогов с патокой — любимое лакомство тибетцев. Он преподнес мне на прощание два пирожка.

Когда Йонгден вернулся с провизией и принял с торжествующим видом демонстрировать мне полученные подарки, я показала ему свои трофеи и заинтересовала его, заявив, что получила их от лхамо (богини), спустившейся с небес.

Местность, в которой мы оказались вскоре после того, как покинули Сунг-дзонг, вероятно, великолепна в любое время года, но зима превратила ее в чарующий край из волшебной сказки.

В течение нескольких дней мы шли через сумрачные девственные леса, а затем внезапно увидели в просвете дивный пейзаж, какой может только присниться. Острые пики, вонзившиеся в небо, застывшие реки, гигантские водопады, замерзшие воды которых висели на гребнях скал блестящей бахромой, — фантастический мир ослепительной белизны неожиданно показался нам темными рядами огромных елей.

Мы молча смотрели на это необыкновенное зрелище, охваченные восторгом, и готовы были поверить, что дождались края света и находимся на пороге мира духов.

Затем мы двинулись дальше, и нас снова окутал лесной сумрак; видение исчезло, но вскоре новая сказочная картина предстала перед нами.

Мы были горды тем, что первыми попали в эти края. Слабые и жалкие странники с котомками за спиной, одни, без провожатых и помощников, преодолели в разгар зимы

¹ Конгбу — Конгпо (см. карту).

множество высоких горных хребтов и проникли в заколдованный страну, усыпив бдительность стражей, охраняющих подступы к ней. От этой двойной победы над зимой и горами долгие переходы казались нам короче и тяжелая ноша становилась легче.

Я задержалась здесь надолго, стараясь выбирать окольные пути, и мы неторопливо брали днем, а ночи чаще всего проводили под каким-нибудь деревом или в пещере, если удавалось найти такое пристанище.

Однако, если нам попадался поселок, затерянный в лесу, одинокая ферма или монастырь, мы подчас не могли устоять перед искущением побывать в тепле и просили принять нас. Не все принимали нас радушно — некоторые хозяева спускали на нас собак, от которых приходилось подолгу отбиваться. Степень жестокости этих животных зависела от районов, через которые мы проходили. Было нетрудно составить определенное мнение по этому поводу, ибо такого опыта у нас хватало.

Некоторые эгоистичные люди в ответ на нашу просьбу о крове ссылались на то, что в их доме кто-то болеет; это было равнозначно отказу. Категоричный запрет входить в комнату больного вызван не заботой о гигиене, как можно было бы подумать, а связан с предрассудками.

Тибетцы, как я уже говорила, не хотели признать, что болезни, от которых они страдают, являются следствием естественных причин, и считали, что все их недуги — дело рук невидимых обитателей других миров. Духи, движимые скорее нуждой, чем злобой, бродят вокруг нас подобно охотникам в поисках дичи и пытаются завладеть «жизненной энергией» людей, которая служит им пищей. Это народное поверье может показаться странным, тем более в столь кратком изложении. Однако изучение теорий позволяет познакомиться с некоторыми любопытными традиционными учениями Центральной Азии.

Так, тибетцы полагают, что большинство путешественников тянут за собой одного или нескольких бесов, которые следуют за ними некоторое время, подобно бродячим собакам, увязавшимся за караваном. Когда странника приглашают в дом, эти невидимые и нежелательные гости

проникают туда вместе с ним, и стоит им увидеть там легкую добычу в лице больного, как они непременно ею овладевают.

Хитрые селяне нередко ссылаются на это поверье, чтобы не допускать в дом посторонних, даже когда все его обитатели здоровы.

Как-то раз я страшно напугала одну крестьянку, которая прибегла к этой старой уловке. Прежде чем она захлопнула ставни своего единственного окна, я успела заглянуть в него и убедиться, что комната пуста. Когда женщина стала говорить о больном, я прикинулась ясновидящей, учила ее во лжи и предрекла ей, что, раз она обманула святых паломников, в ее дом действительно придет болезнь. Это обвинение, произнесенное суровым тоном, повергло крестьянку в такой сильный ужас, что она упала на колени и, заливаясь слезами, призналась в своей вине.

Однако в этой местности, как и в бассейне Салуина, не все двери закрывались перед нами, и мне не раз представлялась возможность ближе познакомиться с жизнью и обычаями здешних жителей.

Вечерами, во время дружеских бесед у очага, я слушала забавные истории и трагические легенды, в которых отразилось своеобразное мышление обитателей По. Бесцельное блуждание по лесу подарило мне две в высшей степени волнующие встречи, позволившие увидеть любопытные занятия по приобретению духовной силы.

Теперь следовало вернуться на тропу, пролегающую вдоль реки, и продолжать двигаться в сторону Дашинга, первого крупного населенного пункта, расположенного ниже Сунг-дзонга.

За день до того, как мы добрались до этого селения, нас догнали двое крестьян, муж и жена, которые где-то купили корову и вели ее домой, в Дашинг. Как обычно, Йонгдена попросили погадать — на сей раз речь шла о земельной тяжбе между крестьянами. Во время привала мы провели несколько часов в обществе своих попутчиков. За чаем они предложили нам остановиться у них в доме по

прибытии в Дашинг, пообещав принять нас как нельзя лучше.

Однако к концу дня, проходя через какой-то поселок, мы увидели, что они зашли в один из домов, привязав корову к двери, и владелец коровы крикнул нам изнутри: «Ступайте медленно, мы скоро вас догоним». Наступил вечер, а супружеская чета все не появлялась, и мы поняли, что наши знакомые остались в доме своих друзей. Когда мы подошли к другим усадьбам, было слишком поздно, чтобы просить приюта: крестьяне в это время уже спали и не открыли бы дверь нишим бродягам.

Мы привыкли ночевать под открытым небом и, отыскав в лесу впадину, разместились в ней вместе с вещами. Повсюду лежал снег, и мы решили прибегнуть к своему давнему способу маскировки, расстелив палатку над своей ямой.

Небо благоволило нам и, пока мы спали, припорошило белый хлопок снегом; таким образом, наше убежище оказалось надежно скрытым от глаз, и в то же время было тепло.

На следующее утро, когда мы заканчивали завтракать на берегу широкой реки, снова появились супруги с коровой. Они объяснили, что накануне задержались у друзей, и еще раз пригласили нас погостить в их доме несколько дней. Мы отправились дальше вместе, и они вновь стали просить у Йонгдена советов как у провидца, вероятно решив заранее вознаградить себя за гостеприимство. Один из их вопросов касался здоровья некоего больного: их волновало, будет ли еще жив этот человек, когда мы приедем в Дашинг? Обычно Йонгден проявлял предельную осторожность в своих предсказаниях, но ему надоели бесконечные вопросы крестьян, и он резко ответил:

— Ваш знакомый умер.

Я не знаю, отчего супруги проявляли такое нетерпение: являлись ли они наследниками предполагаемого покойного или его любящими родственниками и огорчило ли их заявление ламы или порадовало. Они сказали что-то друг другу шепотом и замолчали.

Полчаса спустя нам встретился один из жителей Дашинга. Наши спутники тотчас же осведомились у него о здоровье больного.

— Ему гораздо лучше, — ответил путник.

Авторитет Йонгдена немедленно упал, и, как только показалась позолоченная крыша монастыря Дашинга, супруги прибавили шагу и удалились, не удостоив нас взгляdom.

Мы не стали напоминать им о том, что они обещали. По правде говоря, мы могли обойтись без их гостеприимства. В ту счастливую пору моей жизни меня нисколько не заботило, где придется провести ночь и другие подобные мелочи!

Место, где мы оказались, было красивым уголком: густые леса, расположенные поблизости, придавали ему некоторую суровость, но оно не было лишено очарования. Очевидно, ламы Дашинга давно признали его своеобразную прелест и построили здесь несколько *тсхам хангов*¹ на склоне скалы, возвышавшейся над дорогой. Казалось, что белые домики отшельников цеплялись за выступы черных утесов и удерживались на них каким-то чудом, а отважные ели, которые росли в горных расселинах, окружали беспорядочно разбросанные жилища пустынников. Зрелище было восхитительным.

Схимники в Тибете в большом почете. Я не могу слишком задерживаться на этом вопросе и подробно рассмотрю его в своей следующей книге, посвященной миру тибетских мистиков. Поистине, этот мир представляет собой настоящую загадку, хотя весь Тибет окутан атмосферой тайны.

Возможно, Страна Снегов вскоре перестанет быть запретной зоной, но маловероятно, что секреты скитов будут когда-нибудь открыты для широкого круга.

В то время, когда я сидела на траве, прислонясь к огромному эрратическому валуну, и пыталась представить жизнь и мысли людей, скрытых за белыми стенами крошечных хижин, мимо проходила большая группа паломни-

ков. Они возвращались из Лхасы домой, в долину реки Наг-Чу. Мы попытались выяснить у них информацию о дорогах, которыми они следовали, и краях, которые они видели, но узнали мало интересного.

Когда паломники удалились, мы еще раз перешли через Полунг-Цангпо по очень красивому деревянному мосту и оказались на левом берегу реки. Подходя к монастырю, я заметила впереди наших недавних попутчиков.

Они стояли на вершине дороги, поднимавшейся к селению, и смотрели на нас, не решаясь подойти ближе.

— Это не злые люди, — сказала я Йонгдену, указывая на супружескую чету. — Я уверена, они раскаиваются в том, что не сдержали обещания, и теперь хотят проводить нас в свой дом.

Лама посмотрел в сторону крестьян и заявил:

— Больной умер.

— Откуда вам это известно? — удивилась я.

— Это нетрудно понять, — ответил мой сын. — Разве вы не видите, как смиренно они себя ведут? Не то что раньше, когда бросили нас! Они наверняка считают, что

¹ Тсхам ханг — скит.

оскорбили великого пророка, и опасаются последствий за свое непочтительное отношение к нему. Это значит, что по возвращении в деревню они узнали: больной умер.

Скорее всего, недоверчивый лама был прав. Как бы то ни было, он отправился к монастырю с важным видом и вошел туда, не удостоив двух грешников даже взгляном... Я же скромно присела на каменистый косогор на краю дороги, окаймляющей монастырь, и стала дожидаться, когда Йонгден сделает покупки у местных *трапа* и вернется со съестными припасами.

Гомпа Дашинга, расположенный в долине, выглядит не так величаво, как монастыри, гордо возвышающиеся на вершинах. Однако река с зеленой водой, вытекающая из подножия его древних крепостных стен, и увенчанный деревьями утес напротив него создают великолепный романтический фон для его позолоченных куполов.

За монастырем раскинулась обширная, местами возделанная долина. Здесь начинается тропа, которая через множество перевалов ведет в Южный Тибет. Часть ее ответвлений тянется к границе с Индией на севере Ассама, а другие ведут в Бирму и Юньнань.

По противоположному берегу Полунг-Цангпо, на некотором удалении от Дашинга, пролегает другая тропа, которая устремляется на север, через горы. Она соприкасается с почтовой дорогой из Лхасы в Чамдо, а затем встречается с несколькими дорогами, ведущими в степные районы и в Жакиендо, тибетскую факторию, расположенную на пути караванов, доставляющих чай в Лхасу. Отсюда, следуя на север через пустынные просторы, можно добраться до больших китайско-тибетских рынков Сининга и Данкара в провинции Кансу, а затем попасть в Монголию. Вся эта местность к северу от дороги по направлению к Чамдо мне хорошо знакома, и множество воспоминаний оживало в моей памяти при виде тропинок, которые могли бы привести меня в те края.

Между тем, когда я сидела на обочине дороги, машинально перебирая четки и глядя на реку, мимо проходили несколько женщин. Они направлялись за дровами в лес, который мы миновали по пути в Дашинг, и, видя, что я

одна, остановились поболтать со мной. Узнав, что мой сын-желонг отправился в монастырь и мы были в дальних краях, они задержались и принялись меня расспрашивать.

Йонгдена приняли в *гомпа* так же радушно, как и в Сунг-дзонге. Волею случая он встретил здесь одного *трапа* из тех мест, где его дед некогда занимал довольно важное положение как лама, входивший в секту «красных колпаков». Мой спутник знал там немало людей если не лично, то по имени; хотя у него не было от них вестей уже много лет, он удовлетворил любопытство своего собрата, рассказав ему обо всем и вся.

Столь радостная встреча никогда не обходится в Тибете без последующей трапезы. Пока мой сын развлекался в стенах монастыря, зашло солнце, и старая мамаша, сидевшая на камнях, стала дрожать от холода.

Между тем женщины, отправившиеся в лес, вернулись обратно, нагруженные дровами; они очень удивились, застав меня на том же месте. Это послужило поводом для новой беседы, в ходе которой одна из крестьянок пригласила меня переночевать в ее доме и подробно объяснила, как туда добраться. Как только мои новые знакомые ушли, появился Йонгден вместе с послушником, оба сгибались под тяжестью продуктов.

Молодой монах собирался проводить нас к крестьянам, чтобы передать им приказ одного из лам приютить нас. Но я решила остановиться у доброй женщины, с которой только что познакомилась, и мы направились к ее жилищу.

Хозяин дома был простым крестьянином, но отличался недюжинным умом; кроме того, он много путешествовал и долго жил в Лхасе. Все, что он нам рассказывал, было крайне интересно, но к удовольствию, которое нам доставляло это общение, примешивались некоторые опасения: не раскроет ли сообразительный крестьянин — с более живым, чем у большинства односельчан, умом — наш обман?

Чтобы предотвратить угрозу разоблачения, я всячески демонстрировала свое смирение и бралась за любую домашнюю работу: ходила к ручью за водой, варила суп, чис-

тила котелок после трапезы, в то время как мой лама восседал на коврике и вел разговоры с хозяином.

Мы вышли на рассвете. Было холодно, и, пока мы не вошли в лес, ветер нещадно нас хлестал.

Долина По-Цангпо, которая простирается от возвышенности, где мы обнаружили истоки этой реки, до места слияния с Брахмапутрой, отличается разнообразным климатом. Мы начинали путь по глубокому снегу, а в январе увидели в Шова зеленеющие поля и уже высокий ячмень.

По-видимому, здешняя недавно обработанная почва весьма плодородна. Обитатели близлежащих провинций переселились сюда, надеясь на обильные урожаи, выкорчевали несколько гектаров леса и построили незатейливые дома из бревен, напоминающие русские избы; зачастую их окружают большие ели, придающие этой местности сходство с сибирским пейзажем. Большинство крестьянских усадеб очень малы, жилые покои соседствуют в них с хлевом, и размеры дома порой не превышают двадцати — тридцати квадратных метров.

В одной крошечной хижине я с изумлением обнаружила идеальную влюбленную пару.

Супруги, очевидно, уже проделали более половины пути, отделяющего молодость от старости. Шею мужчины обезображенвал большой зоб, и женщина была далеко не красавица.

Вместе с ними в хижине обитали корова с новорожденным теленком, еще два теленка и несколько поросят — то были настоящие ясли животного молодняка. Среди этой странной шумной компании мы услышали историю безумной любви наших хозяев. *Немо* была когда-то замужней женщиной и хозяйкой другого, более уютного дома, откуда она сбежала в лес, ничего с собой не взяв, вместе с неимущим Ромео.

У супругов не было детей, но ни крестьянин, ни его жена не переживали по этому поводу, что не часто увидишь в Тибете. Нежное чувство друг к другу, несмотря на прошедшие годы, по-прежнему безраздельно владело их сердцами.

Эти бедные люди старались принять нас как можно лучше. Мы разделили с ними суп с репой, и они настояли на том, чтобы мы взяли с собой в дорогу немного *тсампа*.

Разумеется, здесь, как и в других местах, к кудеснику Йонгдену обратились за советом по различным вопросам. Совершив обряд, он в заключение порекомендовал крестьянам призывать *лу*¹, угостить их молоком и прежде всего тщательно убрать свое жилище, чтобы достойно принять божественных гостей.

После этого мы отправились спать. Наши хозяева улеглись по одну сторону от очага, мы с Йонгденом — по другую, корова и новорожденный — у дверей, другие телята — у наших ног, и вскоре все обитатели дома, несмотря на тесноту, погрузились в сон. Лишь чумазые поросята продолжали свою возню. Они носились из одного конца хижины в другой прямо по телам спящих, ибо им негде было играть, и очень напоминали в полуумраке злобных дьяволят вроде тех, что нарушают покой пустынников.

Пожилые влюбленные, очевидно привыкшие к ночных забавам молодняка, вскоре захрапели. Йонгден, уверенный, что его не услышат, прошептал мне на ухо:

— Не положить ли мне в горшок, стоящий на полке над нашими головами, среди кухонной утвари, несколько монет?.. Когда наш славный *немо* станет убирать дом, он найдет деньги и подумает, что их положили туда *лу*.

Это была хорошая шутка, но из осторожности я посоветовала ламе пожертвовать индийские рупии, а не монеты из Сычуани. Мы хранили индийские деньги в отдельном мешочке, и было нетрудно отыскать их даже при слабом свете еле теплившегося огня. Таким образом, если бы хозяева заподозрили нас в этом благодеянии, монеты подтвердили бы, что мы действительно совершили паломни-

¹ *Лу* (тибетск. «клю») — змееподобные божества, более известные под санскритским названием *naga*; они якобы обитают в океане, озерах, источниках и обладают несметными сокровищами. Считается, что они могут сделать богатыми тех, кто их почитает. Эти божества не выносят грязи и дурных запахов, особенно запаха мяса; им приносят в дар молоко и чистую воду.

чество из Лхасы, где они находятся в обращении, в Восточный Тибет и теперь возвращаемся в столицу.

Мне хотелось бы увидеть, как добрые крестьяне восприняли наш скромный подарок. Вероятно, у них сложилось высокое мнение об искусстве ламы, который снискал им милость лу. В Тибете ходит множество слухов о божественных змеях, разгуливающих порой в человеческом обличье, и, быть может, наши хозяева решили, что именно мы являемся божествами?

Новый год отмечается в разных частях Тибета не в одно и то же время. Жители Лхасы и Центрального Тибета придерживаются китайского календаря¹, а обитатели По-юл и Кхама справляют Новый год на месяц раньше. В связи с этим мы прибыли в Шова, скромную столицу По-мед, в тот самый день, когда жители По отмечали праздник.

Здешние король и королева находились в Лхасе, но это обстоятельство не могло помешать их подданным веселиться и пировать. Глядя на всеобщее ликовение, мы решили последовать примеру других.

И вот мы дерзко направились к королевскому дворцу, вошли в ворота и громко запели псалмы, непрерывно изливая на всех и вся слова всяческих благословений. Я сомневаюсь, что в этом крае, где нищие обладают необычайно мощными легкими, часто можно услышать что-либо подобное.

В окнах дворца появились головы; ошеломленные люди собирались вокруг нас во дворе. Успех придавал нам смелости, и сверхмощный бас моего спутника, изрекавшего новогодние пожелания (именно таким голосом ламы совершают богослужение), звучал все более громогласно.

Собаки, которые сначала принялись лаять, в конце концов замолчали и убежали, поджав хвосты, в самые дальние уголки двора.

¹ Однако уже и течение ряда лет между китайским Новым годом и аналогичным праздником, признанным в Лхасе, существует расхождение в несколько дней. Ныне Китай принял григорианский календарь, но им пользуются лишь в государственных учреждениях, а повсеместно продолжают придерживаться прежнего лунного календаря.

Я полагаю, что, хотя это был замечательный концерт, нашим слушателям вскоре захотелось положить ему конец. Слуги принесли кувшин ячменной водки, чая и *тсампа*, и нам предложили подкрепиться.

Мы отказались от водки, заявив, что ревностно соблюдаем буддийские заповеди и не пьем крепких напитков. В этой стране так мало людей воздерживаются от спиртного, что управляющие дворца тотчас же прониклись к нам уважением, в знак чего прислали еще блюдо сущеного мяса. Когда же мы отказались от него, сославшись на то, что чтим жизнь всех земных существ и не желаем начинать год, участвуя в столь жестоком деянии, как убийство, даже косвенным образом, восхищение наших слушателей достигло предела. Мясо немедленно унесли, положив перед нами взамен гору лепешек.

Вдоволь наевшись и напившись, мы получили в дорогу большое количество провизии и покинули дворец, обитатели которого провожали нас восторженными взглядами.

В Шова главная дорога, пролегающая по долине, вновь пересекает Полунг-Цангпо, возвращаясь на правый берег реки. В одном месте построен широкий деревянный мост, напоминающий коридор с крышей.

Благодаря двум дверям, над каждой из которых возвышается будка часового, оба его конца запираются. Внутренние стены коридора оклеены множеством плакатов с рисунками и магическими формулами, а также увешаны связками маленьких флагов. Считается, что течение уносит похвальные слова и благословения, напечатанные на плакатах, распространяя таким образом на всем протяжении реки благочестивые мысли и ростки счастья.

Тибетцы, как и китайцы, любят украшать мосты, дороги и памятные места своей страны стихотворениями, религиозными или философскими надписями. Некоторые путешественники сочли своим долгом высмеять этот обычай, но я их не понимаю. Мне кажется, что строки изящной поэзии, в которой китайцы достигли совершенства, мудрые мысли, начертанные на живописных скалах, изображения Будды, погруженного в медитацию, на стенах пещер или флагах, развевающихся на перекрестках, и даже простые бумажные ленты с древней санскритской мантрой

«Сарва мангалам» («радость для всех») куда предпочтительнее рекламы, превозносящей окорока и спиртные напитки, что красуется на дорогах западных стран.

По-видимому, у меня примитивный вкус.

Возле моста находится *мани лха ханг*, окруженный множеством камней с высеченными на них надписями и флагов. Отсюда хорошо виден весь королевский дворец и река, протекающая у его подножия. Это приземистое, почти квадратное здание, без каких-либо архитектурных излишеств.

День только перевалил за полдень, а мы уже ознакомились с достопримечательностями столицы По-мед и решили не задерживаться в Шова.

Когда стемнело, мы остановились в некоем селении, и здешние крестьяне пригласили нас на новогодний ужин. На следующий день праздник продолжался, и мы пировали уже в другом доме.

Наше Рождество было несколько драматичным, зато Новый год, который мы отметили с жителями По, оказался более веселым; но насколько мы были бы счастливее, если бы встретили праздник в Лхасе! В ту пору мы еще не подозревали, какие радости сулит нам святой город.

В этом селении мы гостили в доме крестьян, недавно переселившихся в По-мед, и они принимали нас очень радушно.

Когда мы сидели у очага и Йонгден болтал с *nepo*, я наблюдала за одной из хозяйственных дочек, месившей тесто в огромной посуде. Она трудилась в течение нескольких часов. Лама, как обычно, гадал и отвечал на вопросы крестьян; было уже поздно, но юная стряпуха все продолжала свое занятие. Это возбудило во мне любопытство, и я охотно посмотрела бы на результат ее труда, но мой сын попросил разрешения лечь, сославшись на то, что мы устали и вдобавок собираемся двинуться в путь рано утром. Я не могла ему перечить, мы удалились в закуток кухни, служившей общей спальней, и улеглись на полу, укрывшись своей палаткой-одеялом.

Наших хозяев не смущало присутствие таких бродяг, как мы, и они продолжали петь и веселиться, полагая, что шум не помешает нам уснуть, как это было с истинны-

ми *арджона*. Но, разумеется, я не могла спать и продолжала наблюдать за тибетцами и слушать их разговоры. Однако в конце концов усталость одержала верх над любопытством, и я погрузилась в полудрему, но тут запах жареного снова вернул меня к действительности.

Девушка перестала месить тесто и теперь жарила «новогодние лепешки» в восхитительном нежном масле, которое жители По получают из ядрышек абрикосовых косточек¹. Какая жалость! Если бы мы остались сидеть возле хозяев, то получили бы свою долю сладостей, а теперь, по всей видимости, нам придется довольствоваться только их запахом.

Я не слишком большая лакомка, но питаться ежедневно *тсампа* было сущей пыткой... Я проклинала ламу, по чьей вине мы легли слишком рано. Спал ли он? Мне очень хотелось, чтобы он разделил со мной танталовы муки, на которые меня обрек. Я протянула руки, чтобы его встряхнуть, но не смогла до него дотянуться. Тогда я медленно

¹ Это фирменное блюдо По-мед. В других областях Тибета готовят на горчичном масле.

поползла к нему под прикрывавшей нас палаткой и обнаружила, что он лежит с широко открытыми глазами.

— Они едят лепешки, — прошептала я ему на ухо.

— Ох! Я и сам вижу, — тихо ответил Йонгден с сожалением.

— Как вы считаете, они нас угостят?

— Даже не надейтесь: они думают, что мы спим.

Я ничего не ответила на эти прискорбные слова и снова улеглась возле своей котомки, заменявшей мне подушку, и стала смотреть, как пируют счастливые крестьяне. Они не успевали съедать все лепешки с пылу с жару, и девушка складывала лепешки в корзину. Вскоре там скопилось изрядное количество лакомства, и мы тотчас же вновь обрели надежду. Быть может, наутро что-нибудь достанется нам к завтраку? Конечно, лепешки будут уже холодными, но насколько они вкуснее нашей извечной *тсампа*!

Насытившись, все домочадцы улеглись на полу, завернувшись в покрывала; огонь погас, в комнате стало темно, и я уснула.

На следующее утро оказалось, что еще осталось сырое тесто. Мы наелись теплых хрустящих лепешек и взяли с собой в дорогу немало вчерашней сдобы.

До сих пор наше путешествие по местности По протекало чрезвычайно мирно, и я начала думать, что слухи о кровожадности ее обитателей сильно преувеличены. Однако все тибетцы верили в это и считали красивых людей атлетического телосложения с серьезными лицами, которых мы встречали на своем пути и в чьих домах ночевали, сущими разбойниками.

Хотя ничто, казалось, не указывало на дурную репутацию местных жителей, мы смогли убедиться, что, как нас и предупреждали, ни караваны, ни одинокие странники, ни даже нищие паломники, которые якобы отваживаются порой забредать в эти опасные края, не следовали дорогой, которую мы выбрали. Последующие события полностью подтвердили то, о чем нам говорили.

Несколько часами позже, покинув гостеприимный дом, где готовили вкусные лепешки, мы поравнялись с одиноко стоявшей усадьбой в тот момент, когда из нее выходили несколько человек. Новогодние празднества все

еще продолжались, и некоторые из веселившихся здесь гостей были совершенно пьяны, а другие сильно захмелели. У тибетцев, с которыми мы столкнулись, были в руках ружья; кое-кто стал в нас целиться, но мы сделали вид, что ничего не заметили.

Вечером я нашла большую пещеру, и мы так удобно в ней устроились, что проспали слишком долго. Затем решили побаловать себя супом, и стряпня задержала нас еще больше. К концу трапезы появился какой-то человек и спросил, не хотим ли мы что-нибудь продать. Он пристально смотрел на раскрытые сумки и не сводил глаз с двух наших ложек. Затем он сел, достал из *амбага* кусок сухого сыра и начал есть.

Этот кислый сыр, напоминающий по вкусу рокфор, мог бы стать приятным дополнением к нашему рациону, и Йонгден осведомился, можно ли достать такой сыр где-нибудь поблизости. Незнакомец ответил утвердительно. Он сказал, что у него в доме, недалеко от пещеры, тоже есть сыр и он мог бы обменять его на иголок.

Мы прихватили с собой несколько пачек иголок, предвидя такого рода обмен, и житель По отправился за сыром.

Не успели мы уложить свои вещи, как наш недавний знакомый вернулся в сопровождении мужчины, который сразу же повел себя дерзко и невежливо. Он ощупал ткань нашей палатки, заявив, что не прочь купить ее, схватил ложки и принялся их разглядывать, в то время как его товарищ неотрывно смотрел в сторону выхода, как бы поджидая кого-то.

Вскоре намерения двух хулиганов недвусмысленно проявились. Один из них сунул наши ложки в свой *амбаг*, а другой попытался вырвать из рук ламы палатку.

По-видимому, они уже предупредили своих приятелей и те должны были прийти им на помощь, чтобы нас ограбить.

Ситуация обострилась; следовало напугать двух воров и поскорее уносить ноги. Возможно, нам удалось бы добраться до деревни, где разбойники не решились бы нас преследовать. В любом случае мы должны были что-то предпринять.

Сначала я стала взвывать к совести грабителей, но моя попытка ни к чему не привела. Каждая минута была на счету; надо было как можно скорее дать понять обидчикам, что мы не робкие беззащитные овечки.

— Бросьте немедленно палатку и верните ложки, которые вы взяли, — строго приказала я, незаметно для разбойников сжимая под платьем свой пистолет.

В ответ более наглый из двоих расхохотался и наклонился, чтобы взять еще одну вещь. Он стоял ко мне спиной, и я почти касалась его. Тогда я достала пистолет и направила оружие в сторону, желая только напугать вора. Человек, который ел сыр, увидел пистолет, показавшийся из моего длинного рукава, и от страха потерял дар речи. Видимо, он решил, что я сейчас выстрелю в упор, убью его товарища и никто не придет им на помощь. Разбойник остолбенел и пристально смотрел на меня расширившимися от ужаса глазами. Заметил ли другой грабитель, что его приятель внезапно изменился в лице? Так или иначе, он резко попятился, и пуля просвистела рядом с его головой, опалив волосы.

Разбойник поспешил бросил ложки на землю, и парочка злодеев убежала, скрывшись в чаще.

Несмотря на это бегство, наше положение оставалось сложным. Грабители могли встретиться со своими сообщниками, которых они поджидали, и вместе им было бы несложно с нами расправиться. Я велела Йонгдену быстро связать наши котомки и немедленно уходить.

Когда мы собирались покинуть пещеру, появилась группа паломников, насчитывавшая около тридцати человек. Это были первые путники из дальних краев, которых мы увидели в По-юл, и впоследствии нам не доводилось встречать здесь других странников. Проходя по дороге, эти люди услышали выстрел и поспешили к нам, чтобы узнать, что произошло. Мы присоединились к ним и, очевидно, спаслись благодаря этой неожиданной встрече.

Паломники заявили, что жители По — во всяком случае, большинство из них — заслуженно пользуются дурной славой, и вскоре нам снова пришлось убедиться в этом на собственном опыте.

Большинство наших новых спутников были родом из Дзогонга, расположенного в долине реки Наг-Чу, того самого места, которое мы обошли стороной, переправившись через реку выше по течению от Поранга и добравшись до Жиамо-Наг-Чу по горам. В тот день, когда мы пришли в становище *докна*, где нашли проводника и лошадь, чтобы подняться на перевал Айгни, они сделали привал возле другого стойбища, у подножия горы, за которой раскинулась долина Нагонга.

Прежде чем подняться на вершину, некоторые *трапа* собрались заменить подметки на своих сапогах, и большинство паломников также решили задержаться на день у *докна*, чтобы починить обувь. Однако несколько миран из числа мужчин и почти все женщины предпочли не делать остановки, подняться на гору и подождать остальных внизу на обратной стороне склона.

Они преодолели перевал и переночевали под деревьями чуть ниже вершины. На рассвете появились люди, которые поднимались вверх с яками, нагруженными сухими абрикосами и стручковым перцем; это были жители По, направлявшиеся в соседнюю провинцию, чтобы обменять свои товары на ячмень. Увидев паломников, они бросились к ним и отобрали их одеяла и немного денег, которые те прятали под одеждой. Узнав, что следом идут другие странники, разбойники приказали всем быстро спускаться в долину, не делая остановок. Затем они разгрузили яков, отогнали их в сторону, чтобы те наелись, а сами уселись возле перевала и стали поджидать вторую группу *нескорпа*.

Трапа увидели людей, подстерегающих их подобно демонам, которые, согласно преданию, прячутся в горных расселинах, а затем набрасываются на путников и пожирают их.

Жители По попросили странников преподнести им подарки: таким образом тибетские и китайские разбойники с большой дороги вежливо выражают свои требования. Большинство монахов были вооружены и дали им отпор своими мечами и пиками. Разбойники тоже обнажили оружие, но паломников было больше; они стали теснить доблестных сынов По-юл и в конце концов одолели их.

Основной отряд воссоединился со своим злополучным авангардом лишь на следующий день и узнал о краже, когда было уже поздно пускаться в погоню за грабителями.

После этого досадного происшествия часть паломников, принадлежавших к духовному сословию, надолго задержалась в монастырях, встречавшихся на пути, а их несчастные спутники-миряне, оставшиеся без средств, ходили по деревням, выпрашивая еду и тряпье, чтобы заменить украденные одеяла. Поэтому они не догнали нас, хотя мы двигались очень медленно.

Троє *трапа*, служивших проводниками, уже пересекли центральную долину По-мед во время своих предыдущих странствий и входили туда летом через По-Тотза-ла. Они не подозревали о существовании двух соседних перевалов, включая Айгни-ла, которые мы преодолели.

Эти люди, как и большинство жителей провинции Кхам из долин Наг-Чу и Жиамо-Наг-Чу, оказались чрезвычайно любезными, и нам было приятно провести в их обществе несколько дней. Однако затем они значительно ускорили ход, чтобы наверстать время, потерянное в горах По-юл, и прибыть в Лхасу в назначенный день, где им предстояло принять участие в ряде религиозных церемоний и получить за это вознаграждение. Мало-помалу они перешли на спортивную ходьбу, и мы не стали за ними гнаться.

Проведя второй день в обществе этих жизнерадостных людей, мы удалились от берега Полунг-Цангпо и, пройдя через небольшой перевал, спустились в селение Тонг-мед, расположенное возле места слияния Полунга и Йигонг-Цангпо. Последняя из упомянутых рек преградила нам путь, и мы были вынуждены переправляться через нее по воздушному мосту, как делали это на берегах Салуина и Меконга.

Провидение и на сей раз позаботилось о том, чтобы у нас были спутники в тот момент, когда мы в них крайне нуждались. *Тупас* ни за что не стали бы утруждать себя ради двух одиноких бродяг: столь мизерная плата не вознаградила бы их за труды.

Тупас в По-юл нисколько не походили на тех простых добрых людей, что помогали нам в предыдущих переправах. Своими грубыми повадками и живописным обликом они напоминали персонажей с рисунков Гюстава Доре. Канат — под стать перевозчикам, — казалось, так и жаждал приключений. Река была гораздо шире Салуина, и трос страшно прогибался; вероятно, в период паводков его средняя часть оказывалась под водой.

Сначала перевозчики сказали, что займутся нами на следующий день, но затем они вняли настоятельным просьбам предводителей наших попутчиков и, подсчитав причитавшуюся им сумму, согласились переправить нас в тот же день.

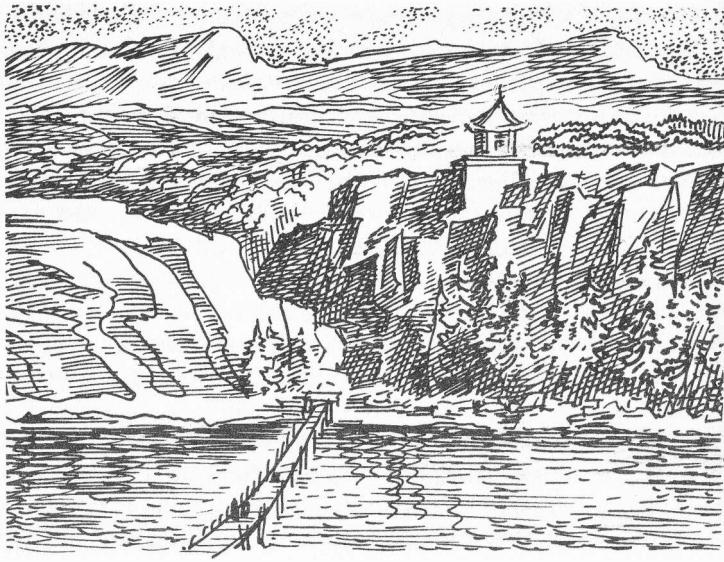
В самом деле, работа была нелегкой. Перевозчиков работало не меньше дюжины. Сперва часть из них перебралась на другой берег, проделывая просто акробатические этюды: никто не перетягивал их как пассажиров и они продвигались вперед с помощью рук по веревке, раскачивавшейся над стремниной.

Затем стали перетягивать вещи, и это заняло много времени. Между тем пожилая женщина, по-видимому руководившая *тупас* и уже получившая за переправу деньги, принялась взимать дополнительную плату в размере трех иголок с человека или равнозначенную стоимость наличными. Иголки в Тибете пользуются большим спросом, и в местах, удаленных от караванных путей, их нелегко раздобыть. Матушка *тупас*, выпрашивавшая иголки у пассажиров, вероятно, неплохо подзаработала.

Я должна была переправляться перед Йонгденом. Меня прицепили к канату за крюк вместе с какой-то женщиной, как и на берегах Салуина, но на сей раз обошлось без происшествий.

Вокруг подвесного моста простиралась дикая и величественная местность, над которой возвышалась гигантская вершина Жъялва-Пе-Ри¹. На середине реки перед моим

¹ Эту гору одни называют Жъялва-Пе-Ри («победоносная гора лотоса»), а другие — Жъялва-Пал-Ри («победоносная и благородная гора»). Ее высота превышает 7000 метров.

взором промелькнуло одно из самых чудесных видений, которые мне доводилось лицезреть за время долгих походов по горам Азии.

Внушительные сугробы нетронутого снега на склоне «победоносного лотоса» в обрамлении лесистых гор белели на краю мрачного ущелья, в которое неистово устремлялась река Йигонг. Казалось, ее бурные воды обезумели и бросаются к ногам невозмутимого горного исполина, стремясь поскорее принести себя в жертву. Здесь, как нигде, особенно ощущалась неизъяснимо таинственная атмосфера, окутывающая любой тибетский пейзаж. Скалы и деревья стояли с многозначительным видом, словно хранили неведомый секрет, а шум ветра в чаще, казалось, был полон загадочных недомолвок.

Как же мне хотелось надолго остаться в этом месте, чтобы дружески побеседовать с природой! Но, к сожалению, мы должны были спешить и провели здесь лишь одну ночь.

Оказавшись на другом берегу, я сразу же отправилась на поиски приюта и обнаружила пещеру, расположенную

высоко над узким берегом, усыпанным белым песком. Йонгден переправился через реку одним из последних и присоединился ко мне, когда стало смеркаться.

На следующее утро мы проснулись на рассвете и не- приятно удивились, увидев, что расположенная неподалеку большая пещера, где спали наши спутники, опустела. Это было досадно, так как мы рассчитывали, что *трапа*, знаяшие дорогу, поведут нас по лесу, который превратился в сущие дебри наподобие тропических джунглей у подножия Гималаев.

Воздух тоже изменился, утратив специфический аромат и живительную силу, присущие ему на сухих и высоких тибетских плоскогорьях. Несмотря на то что стояла зима, было удивительно тепло: в этих краях температура никогда не опускается низко. Почва была сырой и местами даже топкой, небо — облачным, и крестьяне Тонг-мед предсказали нам дождь.

В этом месте, на берегу реки, вются несколько едва заметных тропинок. Одна из них поднимается в долину Йигонга, которая простирается на север, до высокогорной местности По (По-мед), соединяясь, как дорога возле Да-шинга, с тропами, ведущими в степные просторы. Другая спускается на юг, обрываясь на берегах Брахмапутры¹, а третья является дорогой в Лхасу и пролегает через провинцию Конгбу².

После недолгих поисков мы наткнулись на тропу, ведущую в Конгбу, и пошли по ней, а примерно полчаса спустя добрались до развилки. На самом деле одно из ответвлений было главной дорогой, а другое — проселочной, но тогда мы не подозревали об этом, полагая, что надо выбирать между двумя различными путями. Доверившись своему чутью, мы последовали по проселочной дороге, которая, по-видимому, была шедевром неведомого инженера из дорожного ведомства По-юл. Огромные отвесные скалы

¹ Верхняя часть этой реки, протекающей через Тибет, называется Йесру-Цангпо. Название большинства крупных рек в Тибете сопровождается эпитетом «цангпо» (чистый).

² Помимо этих троп существует дорога, по которой мы пришли, а также тропа, отходящая от нее недалеко от Тонг-мед. Последняя дорога ведет в местность Йигонг, в честь которой названа река.

постоянно преграждали нам путь, и мы перебирались через них то по стволам деревьев, где были сделаны зарубки вместо ступенек — на них умещались лишь пальцы ног, то по шатким камням — из них было сложено некое подобие лестницы. В некоторых местах не хватало земли, и ее заменили доски, грубо обтесанные топором, или бревна, вдавленные в отвесный склон. Эти сооружения предназначались для здешних великанов, чьи ноги были гораздо длиннее наших, поэтому, когда мы спускались по головокружительным лестницам или пытались преодолеть проломы, которые местные жители могли просто перешагнуть, мы зачастую встречали под собой лишь пустоту. Если опоры на ноги оказывалось недостаточно, приходилось опираться на руки и посохи. Один раз я даже ухватилась за ветку зубами — совершенно бесполезное непроизвольное движение, — и мы с Йонгденом смеялись надо мной еще несколько дней.

Если бы мы шли налегке, такая гимнастика, возможно, доставила бы нам некоторое удовольствие. Но, зная, что впереди долгий путь через безлюдные леса, мы запаслись большим количеством *тсампа* и рисковали из-за этого груза потерять равновесие во время своих пируэтов.

Хуже того, мы опасались, что сбились с пути. Такая тропинка, вероятно, вела в какую-нибудь деревню, но не могла быть дорогой в Конгбо, по которой, как нам было известно, ходили навьюченные мулы.

Вдобавок мы не находили следов своих недавних попутчиков. На илистой почве неизбежно должны были отпечататься шаги тридцати двух человек. Значит, ватага паломников избрала другой путь. Тем не менее я решила следовать дальше, ибо мой маленький компас показывал, что направление правильное.

Итак, мы снова остались одни. Никто не ждал нас в Лхасе в назначенный день, ведь мы не должны были читать там Священное писание во имя процветания ламаистского правительства. Было бы неплохо попасть в столицу к началу празднеств, но до этого дня оставалось еще немало времени, и мы позволили себе не спешить.

В любой момент нам грозила новая встреча с разбойниками, но мы решили, что, раз уж находимся в опасной

зоне и поневоле вынуждены продолжать свой путь, не стоит переживать по поводу вероятных опасностей, которые вдобавок невозможно было предотвратить.

Наша живописная тропа оборвалась у гигантского дерева, посвященного некоему лесному божеству. Здесь она соединилась с дорогой для мулов, и стало ясно, что мы не заблудились.

Священное дерево, разукрашенное флагами с надписями и магическими фигурками, смягчило гнетущую атмосферу тревоги, которую вызывал полумрак, царивший под густой листвой. От этого места, приятно выделявшегося на однообразном лесном фоне, веяло необычайной психической силой, характерной для таких уголков природы; отыгная у Священного дерева, я думала о незапамятных временах, когда юное человечество жило в согласии со своими богами.

Выйдя на более удобную тропу, мы смогли двигаться быстрее, и я пожалела о том, что, на свою беду, выбрала ужасную проселочную дорогу. Однако вскоре мне было суждено благословить доброго лесного духа, вероятно направившего меня на этот путь.

Немного дальше я нашла посреди тропы ветку цветущей орхидеи, такой свежей, как будто ее только что сорвали. Дело было в январе, и я упоминаю об этом, дабы показать, что не весь Тибет представляет собой бесплодную ледяную пустыню, простирающуюся к югу от Лхасы до самых Гималаев.

В конце дня мы догнали *трапа* и их спутников, расположившихся на красивой поляне, на берегу притока По-Цангпо.

Увидев нас, паломники пришли в волнение, бросились к нам и принялись расспрашивать о том, чем закончилась наша встреча с грабителями. Мы отвечали, что не видели на своем пути ни единой живой души. Путники были поражены. Ранним утром они столкнулись с шайкой местных разбойников, которые преградили им путь и стали требовать «подарков». *Трапа* отказались давать что бы то ни было, как и во время спуска в долину Нагонга, и началась схватка. Несколько разбойников были ранены, а другие разбежались. Двое из *нескорпа* получили удары саблей, и

еще один человек, которого толкнули, упал на камень и теперь жаловался на боли в теле.

Когда мы рассказали, что шли проселочной дорогой, все похвалили нас за прозорливость. Если бы мы выбрали дорогу для мулов, то, скорее всего, тоже столкнулись бы с грабителями, раздосадованными недавним поражением, и они обобрали бы нас до нитки.

Встречи с разбойниками в Тибете не редкость, и путники относятся к ним очень спокойно, если только такие встречи не сопровождаются исключительным кровопролитием. Присутствие раненых, лежавших у костра, отнюдь не омрачало веселого настроения их спутников. Скорее наоборот, эта стычка, нарушившая однообразный ход путешествия, даже придала им бодрости.

Большие костры, разведенные на поляне, и стук топоров в лесу привлекли внимание крестьян, обитавших поблизости. Некоторые из них пришли навестить нас. Казалось, что они немного навеселе; беседуя с нами, селяне с любопытством озирались по сторонам. Я спрашивала себя, не разведчики ли это, посланные для того, чтобы оценить наши силы и сообщить своим приятелям, как нас лучше ограбить.

Крестьяне попросили Йонгдена остановиться здесь на денек, чтобы благословить их дома и посевы. Лама, разумеется, отклонил это предложение, сославшись на то, что спешит в Лхасу, где он должен принять участие в *мёламе*¹. Причина была уважительная, и жители По не настаивали на своей просьбе, но заявили моему сыну, что пришлют к нему утром жен и детей для благословения.

Несмотря на мирные речи, путники решили стоять ночью на страже: благочестивые искатели благословений или недавние грабители могли воспользоваться темнотой, чтобы напасть на нас. Поэтому часовые ходили вокруг лагеря, сменяя друг друга, и ночь прошла спокойно.

¹ Мёлам — добрые пожелания. В более широком смысле: съезд монахов из трех государственных монастырей — Сера, Гальдена и Депунга, — которые собираются в начале года, чтобы благодаря чтению Священного писания и других обрядов снискать благополучие для Тибета и его ламы-государя.

Пока мы крепко спали в своей палатке, которую установили чуть поодаль от всех, странники снова ушли до зары. Когда мы проснулись, поляна была пуста. Я настояла на том, чтобы мы выпили чай, но вскоре Йонгден выразил беспокойство по поводу того, что мы остались одни в опасной местности. Когда мы заканчивали укладывать вещи и я склонилась над котомками, он сообщил мне о приближении отряда разбойников. В самом деле, я заметила какую-то группу людей, но, как только они подошли ближе, стало ясно, что среди них только женщины и дети.

Несмотря на то что наши вчерашние гости были в подпитии, они не забыли прислать к Йонгдену своих родных для благословения. Крестьянки принесли ему немного масла, сушеных фруктов и корзину стручкового перца, который является меновым товаром и весьма ценится на рынках Лхасы. Таким образом, «грабители», напугавшие моего спутника, оказались нашими благодетелями.

Пока Йонгден благословил каждого человека в отдельности, согласно ламаистским правилам, пока мы упаковали полученные дары и поговорили с женщинами, прошло немало времени. Наконец мы двинулись в путь, уже не рассчитывая догнать своих попутчиков, во всяком случае в тот же день.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я мистифицирую и устрашаю семерых разбойников. — Забавная уловка помогает мне перейти охраняемый мост через Тонжиюк. — Таинственный лама, возникший перед нами как призрак, узнает меня. — Встреча с любезным философом. — Восхождение на перевал Темо. Сон или видение? — Страница современной истории Тибета. Бегство Великого ламы Ташлумто. — Древнее предсказание о воине-спасителе, который должен появиться в «Северной стране», начинает сбываться. — Изнурительные религиозные обряды. — Беспомощные страницы. — Я открываю кульп километровых столбов

Я чувствовала себя поистине чудесно: мы избежали столько всяческих опасностей и находились в По-юл, на дороге в Лхасу, что соответствовало моим планам. Однако не следует преждевременно поздравлять себя с удачей. Мои встречи с храбрыми жителями По на этом не закончились, но им также предстояло лучше познакомиться с искусством первой иностранки, побывавшей в их прекрас-

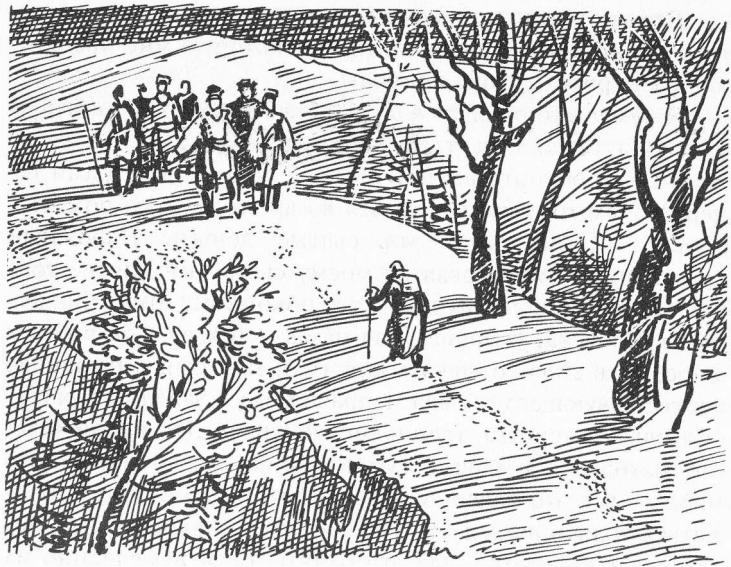
ной стране. В то время как они посредственно играли свою роль, мое выступление, вероятно, еще долго сохранится в памяти тех, кому довелось его видеть. Быть может, впоследствии в богатом воображении этого народа родится еще одна легенда, которая станет предметом глубокого изучения какого-нибудь знатока фольклора.

В тот же вечер, на закате, устав от долгого перехода, мы поднимались вверх по течению реки Тонжиюк, которая шумела внизу, будучи скрытой от наших взоров. Я шла впереди и смотрела по сторонам, выискивая подходящее место для ночлега; неожиданно я заметила несколько человек, двигавшихся по направлению к нам; часть из них несла поклажу. Внезапное предчувствие заставило меня насторожиться — я подумала, что эта встреча не предвещает нам ничего хорошего. Однако за годы бурной жизни я свыклась с подобными происшествиями и, помня о том, что хладнокровие защищает нас лучше всякого оружия, продолжала спокойно и безуспешно плестись, как подобает измученной страннице.

Один из мужчин остановился посреди дороги, как бы преграждая мне путь, и спросил, куда я направляюсь. Пробормотав в ответ названия нескольких мест паломничества, я отошла на обочину тропы, к кустам, и уже внутренне ликовала, полагая, что мы в очередной раз вышли сухими из воды. Оглянувшись назад, я увидела, что мой юный спутник мирно разговаривает с жителями По, прислонившись спиной к скале. Я не слышала, о чем идет речь, и решила, что Йонгден хочет купить у путников *тсампа*, но внезапно одни из незнакомцев выхватил что-то из носового платка Йонгдена, который тот держал в руках. Мой сын крикнул:

— Он взял у меня две рупии!

Столь ничтожная сумма сама по себе не заслуживала внимания, но другой разбойник, очевидно позавидовавший удаче собрата, положил руку на котомку моего сына, точно собираясь развязать ее. Ситуация осложнилась. Я не могла воспользоваться пистолетом, как несколько дней тому назад. У каждого из грабителей, окруживших Йонгдена, висела за поясом сабля; при первом же моем выстреле они

набросились бы на моего сына и изрубили бы его. С другой стороны, нельзя было допустить, чтобы они рылись в наших сумках, где лежали некоторые предметы иностранного производства, неизвестные этим дикарям, которые породили бы множество вопросов. А что, если эти вещи вызовут у жителей По любопытство и они вознамерятся нас обыскать, как принято в Тибете у разбойников с большой дороги? В таком случае они найдут золото и деньги, которые мы прятали под одеждой. К чему это приведет?.. Возможно, они тотчас же прикончат странных нищих, чтобы мы не могли их выдать, либо испугаются, найдя столько ценностей, и отведут нас к одному из своих главарей. Если я признаюсь, что являюсь переодетой иностранкой, предводитель разбойников отправит меня к ближайшему представителю властей; если же я сохраню свое инкогнито, он обойдется с нами как с ворами: отберет все вещи и прикажет ненадменно нас высечь. Ни один из этих вариантов меня не устраивал, ибо в итоге наше путешествие было бы прервано или обречено на полный провал.

Все эти мысли пронеслись в моей голове как молния, и я тут же сочинила сценарий пьесы, которую мне предстояло разыграть на фоне природы.

Я немедленно вошла в роль и стала плакать и вопить от отчаяния, оплакивая утрату двух рупий. Эти деньги составляли все мое богатство, причитала я. Что станет с нами теперь?.. Чем мы будем питаться во время долгого похода в Лхасу?.. Кроме того, это святые деньги. Набожный крестьянин пожертвовал их моему сыну-ламе, после того как он отслужил панихиду по его покойному отцу.. Да, дух этого человека, умершего год назад, блуждал в загробном мире, не в силах отыскать дорогу, и мой сын с помощью соответствующего обряда направил его в западный рай — обитель блаженства, где он теперь живет. Две рупии и то, что находится в наших сумках: мука, масло и немного мяса, — все это является иеном¹, которым могут распоряжаться только лама и его близкие. Если какие-нибудь нечестивцы посмеют у нас это отнять, боги немедленно их покарают..

И тут я перестала жаловаться и принялась проклинать злодеев. Я давно усвоила весь ламаистский пантеон, и мне не составило труда призвать самых страшных богов, перечисляя их бесконечные имена и грозные титулы, которые обычный человек даже не смеет произносить.

Я заклинала отомстить за нас Палдена, Дорджи, и Лхамо, восседающего на диком скакуне, в седле из окровавленной человеческой кожи, и других неистовых богов, пожирающих плоть людей и высасывающих их мозг, а также яростных великанов, которые пляшут на трупах, соратников Владыки Смерти, в коронах из черепов и ожерельях из костей.

Разве я сама не была женой черного *нагспа* и не получила посвящение?.. Неужели они думают, что демон-хранитель моего покойного мужа не накажет их за зло, причиненное его невинному сыну, который преисполнен сострадания ко всем земным существам и шагает по безупречной тропе *желонгов*?..

¹ Йен — плата, причитающаяся священнику за совершенный обряд.

Я слушала себя не без удовольствия: мне казалось, что мое мастерство не уступает искусству лучших трагических актрис. Скорее всего, это было заблуждение, продиктованное тщеславием. Как бы то ни было, окружающая природа не осталась безучастной к моему страстному выступлению и вступила со мной в союз. Лес помрачнел, легкий ветер зашелестел вдали листвой, наполнив чащу ропотом: казалось, что от незримого потока, катившего свои воды в глубине долины, исходят таинственные и скорбные голоса, бормочущие угрозы на неведомом языке.

Хотя я не робкого десятка, по моему телу пробежали мурашки от присутствия тайных сил, которые я пробудила. Впрочем, не я одна находилась под впечатлением своего выступления. Семеро разбойников, стоявших возле высокой скалы позади Йонгдена и ниже на тропе, остолбенели. Эти парализованные ужасом люди представляли собой живописную группу, и меня так и подмывало взять свой фотоаппарат. Однако время для снимков было неподходящее.

Один из жителей По осторожно сделал несколько шагов в мою сторону и, остановившись рядом со мной, робко произнес слова примирения:

— Не сердитесь на нас, матушка, вот ваши две рупии. Перестаньте плакать. Не проклинайте нас больше, мы не дурные люди. Мы уважаем религию и лам и хотим лишь спокойно вернуться домой... Нам придется провести еще шесть дней в пути... Надо преодолеть перевал... перевал, где обитают злые духи... Вот, возьмите ваши деньги, и пусть лама благословит нас.

Я тотчас же сменила гнев на милость и схватила монеты с видом человека, который вновь обрел бесценное сокровище. Йонгден благословил каждого из семи шалопаев в отдельности, пожелал им счастливого пути и присоединился ко мне. Мы отправились дальше.

Можно было не опасаться, что путники вернутся ночью, чтобы нас ограбить, но я сочла это приключение предостережением, которым не следовало пренебрегать. Мы должны были прибавить шагу, чтобы как можно скорее выбраться из этой чрезвычайно опасной местности. Мы очень долго шли через лес, объятый мраком. Затем

стал накрапывать мелкий дождь, и печальный месяц запоздало выглянул из-за облаков; около двух часов ночи мы добрались до крошечной поляны, отделенной от реки скалами. Усталость не позволяла нам продолжать свой путь. Нечего было мечтать об ужине. Даже если бы удалось отыскать более или менее сухие ветки, невозможно развесить костер под дождем и слишком опасно в темноте спускаться за водой к бурной реке, усеянной валунами. Я решила создать хотя бы иллюзию уюта с помощью нашей маленькой палатки. Установив ее, мы с Йонгденом улеглись на мокрой земле в сырой одежде и грязных сапогах. На луну то и дело набегали облака, и ее причудливый свет приводил в движение тени, которые она отбрасывала на нашу белую крышу. Ветки и скалы вырисовывались на фоне палатки подобно силуэтам сказочных существ. В шуме реки чудились сотни невнятных голосов. Казалось, что нас окружают незримые духи. Я вспомнила о тех, кого недавно призывала, о таинственном мире фей, богов и демонов, которые сродни людям, живущим среди дикой природы. Моя усталая голова лежала на мешке из-под продуктов; я улыбнулась нашим неведомым друзьям, закрыла глаза и унеслась в иные миры.

Сценические эффекты неизменно оправдывают себя при встречах с тибетскими разбойниками, но, отдавая дань этим отвлекающим маневрам, мы обычно не желаем прибегать к ним слишком часто. Я искренне рада, что после драматического представления, разыгранного перед бродягами в лесу По-мед, мне больше не доводилось сталкиваться с грабителями.

Теперь мы приближались к Тонжиюку, где на пересечении двух дорог возвышается дзонг, искусно возведенный для наблюдения за путниками, направляющимися в Лхасу.

Отсюда можно попасть в столицу провинции Конгбу Жъямда более короткой дорогой, чем та, что подходит к берегам Брахмапутры. Я слышала, что это трудный путь, пролегающий по безлюдным просторам. Видимо, поэтому путешественники предпочитают окольную дорогу на юг и следуют по ней до берегов великой реки. На Востоке люди не особенно ценят время, и тибетцы придают первосте-

пенное значение своей безопасности в пути, а также возможности легко раздобыть себе пропитание.

Кроме того, из Тонжиюка можно отправиться в степные районы Северного Тибета.

Дорога, которую мы должны были избрать, перерезана неширокой, но довольно глубокой рекой, спускающейся с долины; через нее переброшен мост, возле которого расположен дзонг. Неподалеку от моста река сливается с водным потоком, берущим начало в Лунанге, а в него чуть выше по течению впадает еще один крупный приток, тот, что я видела издали лишь мельком. Все эти воды образуют одну реку Тонжиюк, которая течет по направлению к По-Цангпо.

Здешний мост совершенно не похож на мост через реку Полунг в Шова и Дашинге. С одной стороны его замыкает дверь, которую держат закрытой, а рядом стоит дом сторожа, наблюдающего за тем, чтобы никто не прошел через мост, не получив предварительно разрешение в дзонге и не уплатив пошлину.

Когда мы постучали, сторож приоткрыл дверь и хотел нас о чем то спросить, но мы не дали ему раскрыть рот и воскликнули в один голос, как бы охваченные тревогой:

- Наши друзья здесь?
- Какие друзья? — удивился сторож.
- Группа монахов из Сера и Депунга.
- Они ушли еще утром.
- Какое несчастье! — вскричали мы оба с сожалением.

Разговаривая с нами, сторож невольно открыл дверь шире, и, воспользовавшись этим, мы проскользнули на запретную территорию, не переставая забрасывать беднягу вопросами.

Мы осведомились, нет ли для нас послания от *трапа*, а главное, *трапа* должны были оставить ему мешок сушено-го мяса, принадлежавший нам. При этом Йонгден недоверчиво смотрел на тибетца, и тот принял всячески убеждать моего сына, что ему ничего не передавали, заверяя нас, что его замучила бы совесть, если бы он присвоил хоть что-нибудь из вещей ламы.

Все мысли Йонгдена сосредоточились на сушеном мясе, и он, казалось, позабыл обо всем на свете, и в частнос-

ти о формальностях, которые необходимо выполнить, чтобы нам разрешили продолжать путь. Он играл свою роль с удивительным блеском. Между тем, несмотря на то что сторож был ошарашен потоком обрушившихся на него слов и оскорбительными подозрениями ламы, я заметила, что он все же еще не утратил способности рассуждать здраво и не забывает о своих обязанностях, а также о том, что мы должны уплатить пошлину.

Мы надеялись, что, проникнув за дверь моста, сумеем избежать визита в дзонг, но сторож не должен был об этом догадаться. Наша уловка удалась наполовину: честный тибетец, поглощенный разговором с ламой, даже не посмотрел на меня; таким образом, *пёнпо*, у которого не было никаких подозрений на наш счет, вряд ли соизволил бы лично принять какую то нищенку. Внезапно мне пришла в голову дерзкая мысль: я подумала, что могу подняться в дзонг и, без сомнения, без труда обману мелкого служащего, который меня там встретит.

Итак, я решила рискнуть и спросила сторожа хнычащим голосом, как подобает нищенке:

- Подавал ли *пёнпо* милостыню нашим друзьям?
- Понятия не имею, — сухо ответил тибетец, все еще озабоченный тем, как доказать свою честность.
- Ну что ж! — сказала я. — Попытаюсь раздобыть еды, ведь у нас не осталось почти ничего из съестного, а нашего мяса здесь нет.
- Что касается этого мешка, — прервал меня Йонгден суровым тоном, — я узнаю правду с помощью гадания. Мои гадания всегда безошибочны.
- Да-да, именно так, — с готовностью откликнулся простодушный тибетец. — *Мо жъяб*, лама, вы встретитесь с *пёнпо* позже.
- А я сейчас же пойду к нему, — заявила я, — возможно, он проявит к нам сострадание.
- Сторожу не было до этого никакого дела. Подходя к дому чиновника, я увидела опрятно и довольно изысканно одетого человека. Очень вежливо ему поклонившись, я спросила, каким образом попасть на прием к *пёнпо*.

— Что вы хотите? — поинтересовался незнакомец. Я объяснила ему, что мы с сыном, *трапа* из монастыря Сера, входили в состав группы странников, прибывших в Тонжиюк накануне. Мой сын страдал из-за болей в ноге, и поэтому мы отстали, но теперь он чувствует себя лучше. Мы должны попытаться как можно скорее догнать наших друзей, ибо у нас совсем не осталось еды.

Затем с нарочитой робостью я вытащила из своего *амбага* тщательно завязанный лоскут и достала из него две *транки*¹.

— Эти деньги, — заявила я, — предназначаются *пёнпо*. Мой сын еще не подошел, но скоро будет здесь. Он сейчас расспрашивает сторожа о мешке, который должны были оставить для нас друзья.

Две *транки* изрядно превышали сумму мостовой пошлины. Незнакомец мог понять из моих слов, что лама рассчитывает получить от *пёнпо* подаяние в виде продуктов². Я придумала эту хитрость, хорошо зная тибетские нравы, и учитывала, что предложенная сумма должна быть достаточно значительной, чтобы прельстить кого бы то ни было и заставить человека проявить алчность. Меня не волновало, что он будет думать о том, какие надежды мы возлагали на эти деньги.

— А пока, — продолжала я, — хочу попросить *сёра*.

Я не успела уточнить, у кого именно намереваюсь клянчить подаяние: у *пёнпо* или у его слуг. Мой собеседник быстро выхватил у меня две монеты, коротко велел ждать, не сходя с места, и удалился. Комедия удалась, как я и предполагала.

¹ Транка — серебряная тибетская монета достоинством приблизительно в четверть индийской рупии.

² Обмены такого рода, при которых каждая из сторон старается получить больше, чем дает, очень распространены в Тибете. Ни один частный или официальный визит в этой стране не обходится без подарков, но человек, получающий подарок, должен ответить тем же. При этом проявляется его щедрость или скучность, в результате чего дарующий испытывает удовлетворение или досаду. Предмет, который получают таким образом от человека, занимающего более высокое общественное положение, вежливо именуют «сёра»: «дар», «милость».

Несколько минут спустя появился слуга с миской *тсампа*, и я услышала, как человек, завладевший моими деньгами, приказывал ему:

— Уведите ее. *Трапа* незачем подниматься сюда.

Слуга отправился к сторожу, сказал ему несколько слов, которые мне не удалось услышать, а затем вернулся обратно.

Неумолимый страж моста развеселился и был преисполнен гордости, ибо за время моего отсутствия Йонгден, чьи *мо* были «безошибочны», обнаружил, что наши друзья действительно не оставляли мешок с мясом.

Что касается человека, который встретился мне по дороге в *дзонг*, то я сочла, что из осторожности не следует интересоваться его личностью.

Мы в очередной раз ловко избежали опасности и ускользнули ход, стремясь отойти подальше отсюда. Это не могло удивить сторожа, полагавшего, что мы хотим догнать наших попутчиков. В тот же вечер мы сделали привал в красивом месте, расположенном приблизительно напротив селения, которое видели с другого берега реки. Начался небольшой снегопад, поэтому мы установили свою палатку под большим деревом, но наутро тонкий слой снега быстро растаял от солнечных лучей.

Нам не суждено было вновь встретиться со своими недавними спутниками. Они были ниспосланы нам Провидением, но теперь, когда благодаря им, хотя их не было рядом, мы без труда получили разрешение в *дзонге* Тонжиюка продолжать свой путь, казалось, что их роль в нашем рискованном походе окончена. Пусть же удача сопутствует им на протяжении всей жизни за то, что они невольно оказали нам помощь!

За Тонжиюком тропа устремляется к границе Конгбу, где ее называют Конгбу-ихо-лам (южная дорога Конгбу). Здесь местность также покрыта лесом, но это уже не те полутропические джунгли, что мы видели на берегах Йигонг-Цангпо, и пейзаж вновь стал типичным для высокогорья.

Температура значительно понизилась, и вдоль речных берегов протянулась толстая кромка льда, а кое-где реки совершенно замерзли. Мы спали каждую ночь под открытым

тым небом, у пылающего костра, под сенью елей, раскидистые ветви которых образовывали крышу над нашими головами.

Немногочисленные деревни, скрытые в лесах, невозможно было разглядеть, шагая по дороге; прохожие встречались нам тоже крайне редко. И все же атмосфера этого пустынного края все больше отличалась от салонгов¹, которые остались позади. Интуиция подсказывала, что мы приближаемся к центральным областям страны — средоточию населенных пунктов.

Местные жители, как и обитатели По, носят меховые одеяния, поверх которых они надевают нечто вроде риз; богатые люди шьют их из медвежьих, а простые селяне — из козьих шкур темного цвета. Покрой костюмов одинаков для обоих полов, и они отличаются лишь по длине. Мужчины приподнимают подолы своих нарядов с помощью пояса; таким образом, меховые одеяния едва доходят им до колен, а накидка — до талии; женщины носят платья до щиколоток и накидки — до колен. Как и повсюду в Тибете, одежду выворачивают мехом внутрь.

Характерной деталью женского костюма в этой части «южной дороги» является черная фетровая шляпа окружной формы, совсем как у европейских женщин; если дополнить сей головной убор лентой или пером, он мог бы украсить витрину любого парижского магазина.

И все же странные песнопения, которые я слышала в здешних краях, представляются мне куда интереснее модных изделий.

Сначала я полагала, что они сопровождают мистические обряды, совершаемые в глубине лесов, но на самом деле все оказалось проще и обыденнее.

Как-то раз, снова услышав душераздирающие стечения в стороне от дороги, я пошла через лес по направлению к незримому хору. Я уже представила себе мрачные похороны или какой-нибудь жуткий некромантический ритуал. Меня охватило приятное возбуждение, которое испытывает любой путешественник в предвкушении инте-

¹ Салонг — букв.: «пустошь». Так называются в Тибете большие незаселенные пространства.

ресного зрелища. Выйдя на опушку леса, я увидела там исполнительниц трогательных песнопений; они были в одеяниях из козьих шкур и в круглых фетровых шляпах. Женщины тащили вниз деревья, которые рубили и распиливали на склоне горы мужчины их племени. Каждое из тяжелых, обвязанных веревками бревен несли с десяток крестьянок, и трагический похоронный марш, который они пели, помогал им шагать в ногу.

Каково происхождение этой странной музыки? Я никогда не слышала подобных мелодий ни в одной из областей Тибета.

Выйдя из лесов По и Конгбу-ихо-лам, мы оказались на очень открытой местности, где нашему взору предстали несколько долин. Мы увидели деревни, разбросанные среди бескрайних возделанных полей, за которыми простирались обширные пастбища. Горы, вырисовывавшиеся на заднем плане, обрамляли эту картину, напоминавшую альпийские пейзажи, но гораздо большего масштаба.

Край, лежавший на западе и северо-западе от этой местности, все еще оставался неисследованным, и мне очень хотелось предпринять вылазку в горы, возвышающиеся между реками Тонжиюк и Жъямда.

К сожалению, времени было в обрез. Нужно спешить, чтобы успеть в Лхасу к началу празднеств первого месяца года. Кроме того, я по-прежнему опасалась, что какая-нибудь оплошность привлечет ко мне внимание и поставит под угрозу мое инкогнито. Каким образом объяснить, чего ради я брошу вдали от больших дорог? Что ответить, если меня спросят, куда я направляюсь? Теперь мы шли по обжитым местам, где и в лесной чаще, и в горах в любой момент могли столкнуться с дровосеками или охотниками.

В Тибете не принято путешествовать ради собственного удовольствия; местные жители считают, что нет смысла скитаться без цели, если вы не направляйтесь в конкретный пункт по делам или не совершаете паломничество к святым местам.

Если бы мне были известны названия монастырей или дзонгов, расположенных в горах и за ними, при случае можно было бы выдать эти сооружения за цель нашего пути, но я не имела о них ни малейшего представления.

И все же я рискнула предпринять этот поход, и мы выступили ночью, чтобы не привлекать внимания крестьян, которые утром должны были выйти в поле.

Мы взошли на лесистый гребень, спустились по обратной стороне склона, поднялись на другую вершину и увидели вдали заснеженные горные пики.

Два дня спустя мне уже казалось, что мы сумеем добраться до реки Жъямда, но я отнюдь не была в этом уверена и не представляла, сколько дней займет такая экспедиция.

Вместе с тем я собиралась приблизиться к берегам Брахмапутры возле Тэмо и затем посетить основное место паломничества Бонпо и некоторые другие уголки, о которых мне рассказывали; кроме того, как я уже говорила, мне хотелось прибыть в Лхасу в период празднеств. Однако мы не успели бы этого сделать, ибо нам пришлось бы спуститься от берегов реки Жъямда на юг, до Брахмапутры, а затем вернуться обратно, чтобы попасть в столицу Конгбу Жъямда, которая уже в течение нескольких лет фигурировала в моем маршруте.

Невозможно было обять необъятное. Нужно было чем-то пожертвовать.

Сидя у костра, где кипела вода для нашего вечернего чая, я внезапно увидела человека очень высокого роста, который стоял по другую сторону огня и смотрел на меня в упор.

Мы с Йонгденом не слышали, как он подошел, и нам показалось, что он вырос из-под земли, как дух из старых сказок. Я знала о том, что тибетцы ступают бесшумно, так как носят сапоги *докна* с мягкими и гибкими подошвами. Тем не менее незнакомец появился столь неожиданно, что мы оцепенели от изумления.

Он был в очень простом одеянии *гомченов*¹ с *тё тренгом*², свешивавшимся ему на грудь, и его длинный, окованный железом посох был увенчан трезубцем.

¹ Гомпчены — ламы, живущие в монастырях.

² Тё тренг — четки из ста восьми бусинок, вырезанных из человеческих черепов.

Лама молча сел у огня, не отвечая на наше вежливое приветствие *Кале жу ден жаг*¹. Йонгден тщетно пытался завязать с ним разговор, и мы решили, что он дал обет молчания, по древнему обычаяу схимников.

Безмолвный человек глядел на меня пристально, и это меня смущало; мне хотелось, чтобы он встал и ушел или, по крайней мере, вел себя естественно, ел и пил, как все обычные путники. Но у него не было с собой никаких вещей, даже мешка *тсампа*, что редко увидишь в здешних краях, где нет постоянных дворов. Чем же он питался? Незнакомец сидел, скрестив ноги, возле своего трезубца, вонзенного в землю, и был неподвижен, как статуя; лишь осмысленные глаза говорили о том, что это живой человек. Уже стемнело, а он все не уходил.

Когда чай был готов, странный лама достал из-под одежды чашу, сделанную из человеческого черепа, и протянул ее Йонгдену. Обычно из таких зловещих кубков, какими пользуются исключительно тантристские мистики,

¹ Садитесь потихоньку (тибетск.).

пьют только крепкие напитки. Поэтому мой спутник извинился:

— Гомчен, у нас нет чанга¹, мы не употребляем спиртного.

— Мне все равно, — ответил лама, наконец открыв рот, — дайте то, что у вас есть.

Он выпил чай, съел немного тсампа и снова погрузился в молчание. Непонятно было, чего он хочет: уйти или лечь у костра.

Неожиданно лама обратился ко мне, по-прежнему оставаясь без движения:

— Жетсунема, что стало с вашими *тё тренгом, зеном*² и кольцами посвященной³?

Мое сердце перестало биться. Этот человек знал меня; он видел меня в Кхаме, степных просторах Амдо или Цанга, невесть где, когда я была одета как гомченема.

Йонгден попытался склонить. Он пробормотал, что не понимает, о чем говорит лама... мать и он... Но странный путник оборвал его, не дав досказать то, что он придумал.

— Убирайся! — приказал он повелительным тоном.

Я вновь обрела хладнокровие. Всякое притворство было бесполезно. Лицо странника не вызывало у меня никаких ассоциаций, но он, несомненно, знал, кто я такая. Не следовало терять присутствия духа: этот лама, скорее всего, не собирается на меня доносить.

— Идите, — сказала я Йонгдену, — разведите для себя костер в стороне.

Мой сын взял охапку хвороста, горящую ветку и удалился.

— Не напрягайте вашу память, жетсунема, — сказал мне отшельник, когда мы остались одни, — у меня столько

¹ Чанг — так именуют в разговорном языке пиво и ячменную водку.

² Зен — плащ, напоминающий монашескую ризу.

³ Символические кольца, одно из которых сделано из золота и украшено *дордже*, а другие из серебра с колокольчиками. Такие украшения носят лишь некоторые категории отшельников. *Дордже* символизируют методичность и ловкость, а колокольчик — ученость.

лиц, сколько мне нужно, и вы никогда не видели меня в теперешнем облике.

Затем последовала долгая беседа, затрагивавшая слишком специфические вопросы тибетской философии и мистицизма, поэтому я не стану ее здесь приводить. Наконец путник встал, взял в руки посох и направился к чаще, бесшумно ступая по каменистой земле; в мгновение ока он исчез из вида, растворившись во мраке, как призрак.

Я позвала Йонгдена и коротко сказала, опережая его вопросы:

— Этот гомчен нас знает, хотя я не могу вспомнить, где его видела, но он нас не выдаст.

Затем я легла и притворилась спящей, чтобы спокойно следить за ходом мыслей, которые вызывали во мне слова таинственного странника. Но вскоре небо озарилось бледным светом — занялась заря. Пока я внимала своему внутреннему голосу, прошла целая ночь.

Мы снова развели огонь, чтобы приготовить себе скромный завтрак. Несмотря на то что беседа с ламой должна была полностью меня успокоить и избавить от всяческих подозрений на сей счет, мой ум, уставший от многочисленной тягостной тревоги и постоянных волнений, не мог оградить себя от опасений, которые вновь стали терзать его. У меня пропало желание продолжать начатую экскурсию.

Вероятно, гомчен должен был спуститься в долину, где протекает река Жымда, если только он не направит стопы в какой-нибудь скит, спрятанный в горном ущелье, и, не взирая на все свое уважение к нему, я предпочитала не следовать по пятам за человеком, который меня знает¹.

¹ Помимо опасений за свое инкогнито, я также руководствовалась иными соображениями. В подобных случаях среди тибетских мистиков не принято заводить разговор и искать повод к продолжению знакомства. Они приводят убедительные доводы для объяснения этого обычая. Один из доводов заключается в том, что всякое учение или идея носят безличный характер и обязаны оставаться таковыми для человека, который их слышит. Он не должен связывать их с людьми, от которых узнал, ибо минуту спустя те же люди, возможно, выскажут совершенно другое мнение.

— Давайте вернемся назад, — сказала я Йонгдену. — Мы пройдем через перевал Тено и осмотрим большой монастырь, расположенный в этом месте. Вы наверняка сможете купить там теплую одежду, в которой так нуждаешься.

Мы благополучно добрались до обжитых мест, миновали несколько деревень и однажды вечером, когда стемнело, подошли к подножию тропы, ведущей к перевалу.

В этом месте стоял большой, массивный дом, сложенный из серого камня, и вокруг него раскинулись пастбища. Несмотря на чрезвычайно внушительный вид постройки, от нее исходило ощущение угрозы. Фотография этого дома с подписью «Гостиница смерти» или «Замок с привидениями» могла бы стать неплохой иллюстрацией для какого-нибудь жуткого готического романа.

Нас встретили любезно и немедленно провели на второй этаж, в большую, чистую и очень уединенную комнату с одним-единственным маленьким окошком.

Мы с Йонгденом занялись приготовлением супа, но тут появились некий лама и *нэмо*, который нес его вещи. Мы поняли, что это новый постоялец, который будет нашим соседом по комнате.

Это нам не понравилось, но у нас не было другого выхода. Комната, которую нам отвели, была лучшей в доме после хозяйствских покоев. Другие номера занимали купцы, возвращавшиеся из Лхасы, и, поселив двух лам вместе, *нэмо* тем самым выразил каждому из них свое почтение.

Путник казался спокойным и хорошо воспитанным человеком. Он расстелил вдали от нас, в другом конце комнаты, коврик, заменивший ему постель, и подошел к очагу, чтобы приготовить себе чай.

Йонгден вежливо пригласил его присоединиться к нам, так как наш суп был уже готов и затем мы также собирались пить чай. Лама согласился, но выложил из сумки хлеб и другие продукты, чтобы внести свою лепту в общую трапезу. Затем он сел рядом с нами и принял есть.

Тибетский обычай требовал, чтобы я оставалась в стороне от мужчин, и, воспользовавшись этим, я принялась наблюдать из своего темного закутка за незнакомцем, сидевшим у огня.

*Гомтаг*¹, надетый через плечо поверх дорожного костюма китайского покроя, некоторые детали его наряда и посох с железным наконечником, увенчанный трезубцем, который он воткнул в щель между досками пола, когда вошел в комнату, указывали на то, что лама принадлежит к одной из сект «красных колпаков», вероятно к секте Дзогчен.

*Дунг хатам*², освещенный пляшущими языками огня, создавал в обыкновенном крестьянском доме таинственную и волнующую атмосферу тибетских скитов. Он напоминал мне отшельников, поблизости от которых я жила, и других схимников, с кем мне удалось лишь перекинуться несколькими словами во время случайных встреч. Он заставил меня также вспомнить о *гомтчене*, которого мы видели несколько дней назад, но возможно, что память о таинственном ламе еще не изгладилась в моей душе сама по себе.

Однако, за исключением этого предмета, имеющегося в распоряжении всякого тантристского ламы, у нашего нового знакомого не было ничего общего с загадочным человеком, столь неожиданно возникшим перед нами в лесу.

Обменявшийся с Йонгденом вежливыми приветствиями и по традиции расспросив его о родных краях и странствиях, путник показал себя незаурядным знатоком провинции Кхам.

Поначалу я молча сидела в стороне, в соответствии со своей ролью, но через некоторое время, видя, что Йонгден невнимательно слушает тонкие рассуждения своего ученого собрата, и не желая упускать возможности прояснить

¹ Гомтаг — лента из ткани с пришитыми друг к другу краями, которую носят отшельники, проводящие множество часов, а подчас и ночи напролет в медитации, сидя в позе лотоса — традиционной позе скульптурных изображений Будды. Эту повязку надевают на поясницу, чтобы она помогала человеку сохранять неподвижность. В дороге ее носят через плечо.

² Дунг хатам — посох с трезубцем, который якобы был привезен в Тибет Падмасамбханой. Это принадлежность йогов, поклоняющихся богу Шиве, но тибетские трезубцы отличаются по форме от трезубцев индийских приверженцев Шивы.

интересовавший меня вопрос, я позабыла об осторожности и вмешалась в разговор двух лам.

Казалось, что незнакомец нисколько не удивился, что какая-то жалкая нищенка обладает незаурядными для женщин и мирян этой страны знаниями. Возможно, его настолько захватали тема беседы, что он уже не обращал внимания на собеседников.

Мы засиделись далеко за полночь, приводя по памяти цитаты из старых текстов и комментируя их, а также вспоминая толкования известных авторов. Я была в восторге.

Однако за ночь мой востоковедческий пыл угас, и, проснувшись наутро до того, как рассвело, я почувствовала себя более чем неуютно.

Мало того, что меня узнал таинственный *гомчен*, я сама допустила худшую оплошность. Показав свою осведомленность в вопросах, интересующих только просвещенных священников, я, возможно, возбудила любопытство нашего соседа по комнате и вызвала у него подозрение. *Пилинг жетсунема*, расхаживающая по Тибету уже восемь лет, была известна в разных уголках страны хотя бы понаслышке. Какую же глупость я совершила! Что будет, если лама без всякой задней мысли похвастается перед другими встречей со мной? Разве я тем самым не поставила под угрозу успешное завершение своего тяжелого путешествия? Сумею ли я теперь добраться до Лхасы?

Предаваясь этим малоприятным мыслям, я поднялась к Темо-ла, оставив странствующего философа досыпать в сером доме, отчего-то внушавшем мне тревогу.

Дорога, покрытая у вершины горы толстым слоем снега, тем не менее была удобной, и мы без труда преодолели перевал. Спуск через лес по направлению к Брахмапутре был чрезвычайно долгим. Мы позволили себе лишь короткую передышку, и все же стемнело прежде, чем нам удалось добраться до первых домов Темо.

Решив, что здешние крестьяне уже заперли двери и уснули, мы поставили свою палатку в уединенном месте. Неподалеку оказались дрова, и, притащив часть топлива в свой лагерь, мы смогли развести большой костер. Было довольно холодно, но, положив догорающие поленья перед

незадернутым входом в палатку, мы надеялись, что наши ноги не замерзнут.

Ночь прошла спокойно, и я проснулась поздно, вернее, мне приснилось, что я проснулась на рассвете и увидала перед собой ламу. Этот человек не был похож ни на непостижимого *гомчена*, ни на образованного любителя рассуждений, оставшегося по другую сторону горы. Лама стоял с непокрытой головой. Длинные волосы, заплетенные в косу, доходили ему до пят, и на нем был костюм *рексъянгов* с белой юбкой.

— *Жетсунема*, — говорил он мне, — вам не подходят светский наряд и роль нищенки, хотя вы усвоили психологию своей героини. Вы лучше смотрелись с *зеном* на плечах и *тё тренгом* на шее. Придется снова их надеть, когда вы приедете в Лхасу... Вы туда доберетесь... Не сомневайтесь.

При этом он насмешливо-добродушно улыбнулся и прочитал с нарочитым пафосом строку одного из моих любимых стихотворений: «*Джиг мед налджорпа нга*»¹.

Я хотела ему ответить, но тут и в самом деле проснулась. Лучи восходящего солнца падали мне на лоб, и я увидала сквозь откинутые полы маленькой палатки открытое пространство, за которым вдали сверкали золотом крыши монастыря Темо.

Добрый дух, очевидно сопровождавший нас во время этого путешествия и устранивший все препятствия, возникавшие перед нами, в очередной раз оказал мне услугу, направив Йонгдена к дому, где он сразу нашел и провизию и одежду, которая ему требовалась. В самом деле, он должен был приодеться. Его монашеское платье превратилось в лохмотья, и, с тех пор как мы вышли из леса, он ужасно дрожал от холода по ночам.

Костюм, который он купил по случаю, был слегка поношенным, но сшитым из добротного сукна темно-гранатового цвета, полусветского покроя, из тех, что носят в дороге ламы. В этом одеянии мой спутник походил на зажиточного паломника, чей наряд изноился за время пути. Добрый продавец милостиво преподнес ему также козью

¹ «Я, бесстрашная йогиня» (тибетск.).

шкуру, которая могла служить подстилкой. Это была уже роскошь! До сих пор Йонгден спал на голом полу.

В Темо я узнала новость, которая произвела на меня удручающее впечатление. Пенчен-лама из Ташилумпо¹ якобы сбежал из своей резиденции, и за ним в погоню отправили солдат, которые должны были его задержать... Люди, сообщившие нам об этом, не знали, чем все кончилось.

Я гостила у Пенчен-ламы, как было сказано в предисловии к этой книге, и он относился ко мне весьма благосклонно. В течение ряда лет его мать, с которой я переписывалась, неизменно присыпала мне в начале каждой зимы чепец из желтой парчи и пару войлочных сапог, которые она самолично украшала вышивкой.

Каким же образом могущественный духовный наставник Шигадзе стал беглецом? Я знала, что его отношения с

¹ Великий лама из монастыря Ташилумпо в Шигадзе, которого иностранны, как правило, именуют Тashi-ламой. Тибетцы величают его *Пенчен римпоче* («Драгоценнейший или превосходнейший мудрец»). Слово «пенчен» соответствует санскритскому термину «пандита».

лхасским двором были порой далеко не сердечными. Говорили, что его симпатия к Китаю и антиимпериалистская позиция были не по нраву правителю Тибета. Мне было также известно, что несколько раз на него налагались взыскания в виде больших налогов, но мне и в голову никогда не приходило, что ему придется покинуть Тибет, где его почитают как воплощение чрезвычайно возвышенной души, именуемой *Ё паг мед*¹.

Впоследствии я узнала подробности разыгравшейся чисто восточной драмы и вкратце изложу их, ибо, возможно, это заинтересует некоторых моих читателей².

С годами неприязнь Далай-ламы и проанглийски настроенной части двора по отношению к Тashi-ламе усилилась. Хотя он уже выплатил немало налогов, ему приказали обложить свою провинцию новыми пошлинами. Люди, предоставившие мне эти сведения, говорили, что чиновники, посланные за деньгами, не смогли сбрать нужной суммы, и Тashi-лама предложил Далай-ламе отправить его в Монголию, где благодаря силе своего авторитета он надеялся найти средства, которые посланцам государя было не под силу собрать с уже обнищавших деревень Цанга³. Тashi-лама не получил на это разрешения, и его пригласили явиться в Лхасу.

Для него выстроили дом в парке Норбулинг, где обычно проживает Далай-лама. Я видела это здание, расположенное в укромном уголке поместья, — оно выглядит незаконченным. Среди простых людей ходили слухи, что в доме устроена тюрьма, и Пенчен-лама сбежал, после того как прослыпал об этом.

Собирались ли власти Лхасы отправить Великого ламу Ташилумпо за решетку? Это известно только им, но такой поворот событий не представляется невозможным. После

¹ Ё паг мед (санскр. «амитабха») — «бесконечный свет» (тибетск.).

² Разумеется, я лишь передаю то, что мне рассказывали, и не могу поручиться за достоверность фактов, которые нельзя было проверить.

³ Цанга — обширная провинция, расположенная к западу от провинции Ю. Столицей Цанга является Шигадзе, а столицей Ю — Лхаса.

разгрома китайцев ламаистский двор подчас жестоко расправлялся с их тибетскими сторонниками.

В ту пору мне рассказывали, что одного Великого ламу, которого непросто было предать публичной казни из-за его титула *тюльку*¹, посадили в тюрьму и обрекли на голодную смерть. Что касается членов церковной общин и высокопоставленных священников его монастыря, им ежедневно вбивали в тело гвозди до тех пор, пока не наступила смерть.

Примерно в том же году представитель высшей тибетской знати, который в бытность министром оказал поддержку китайцам во время боевых действий, был зверски убит во дворце на холме Потала. Этого человека якобы вызывали к государю, который недавно вернулся в Лхасу, раздели, сняв с него шелковые одежды, а затем избили палками до полусмерти, после чего связали и сбросили с одной из тех длинных лестниц, что ведут к дверям ламаистского дворца от подножия горы. Он был еще жив, когда скатился вниз, и его прикончили на месте.

Сын министра узнал об этой казни и, предвидя для себя такую же часть, попытался бежать. За ним отправили погоню, и солдатские пули сразили его на скаку.

Нет ли в этих рассказах некоторой доли преувеличения? Возможно, но трудно утверждать это наверняка.

Кроме того, во время пребывания в Лхасе — двенадцать лет спустя после восстания против китайцев, окончившегося победой тибетцев, — я узнала, что трое *жъяронг-па*², ламы высокого ранга, все еще томятся здесь в заточении как государственные преступники и носят *канг* со дня своего ареста. Таким образом они искупали вину, заключавшуюся в преданности бывшим союзникам.

Эти примеры уже достаточно красноречиво свидетельствуют, что гостеприимство государя должно было вызвать

у Тashi-ламы подозрение, но к ним добавились и другие факты, затрагивавшие его уже непосредственно.

Согласно слухам, ходившим в Лхасе, в тюрьме, предназначеннной исключительно для знатных людей, что находится в стенах дворца Далай-ламы, держали трех-четырех аристократов, которых лишили свободы в связи с делом о налогах, упоминавшимся выше.

Люди передавали друг другу множество всяческих историй, в которых правду было невозможно отличить от вымысла, и все же нетрудно понять, какая тревога охватила Тashi-ламу и его окружение, когда они получили приглашение явиться ко двору.

Подробности побега, в том виде, как мне рассказывали, могли бы послужить темой для приключенческого романа.

В течение двух лет один из верных друзей Тashi-ламы лама Лобзанг, которого я знаю лично, разъезжал по стране под предлогом паломничества и изучал дороги, наиболее подходящие для быстрого побега. Он еще не успел вернуться из последней поездки, когда Пенчен-Тashi-лама внезапно покинул Шигадзе, сожая, что над ним нависла неотвратимая угроза. Лобзанг прибыл туда на следующий день после отъезда Тashi-ламы и устремился вслед за другом, надеясь его догнать. Тashi-лама и его свита с большим трудом миновали перевал, засыпанный снегом. Вскоре после этого новая метель окончательно завалила дорогу, и наперсник ламы, наткнувшись на непреодолимую преграду, был вынужден повернуть обратно.

Лобзанг больше не чувствовал себя в Тибете в безопасности и перешел индийскую границу. Об этом стало известно, и повсюду был разослан приказ задержать его. Однако ламе удалось сесть на пароход, отплывавший в Китай, и, когда несколько часов спустя пришла телеграмма, где говорилось о его аресте, он был уже в открытом море.

Что касается Тashi-ламы, то *нёнпо* одного из дзонгов якобы узнал его в толпе странников, проходивших мимо его резиденции, и отправил гонца в Лхасу, чтобы сообщить Далай-ламе о своих подозрениях.

¹ Тюльку — букв.: «волшебное тело». Иностранные неверно именуют священников, носящих этот титул, «воплощенными ламами» и «живыми буддами».

² Жъяронг-па — так называют тибетцев из племен, обитающих в китайских долинах и на крайнем западе Сычуани.

В Лхасе и в Шигадзе никто не догадывался о бегстве Тashi-ламы. Когда чиновник, посланный в Ташилумпо, обнаружил, что Пенчен-римпоче нет ни там, ни в одном из его дворцов, расположенных в окрестностях города, триста солдат¹ во главе с *депёном*² устремились в погоню за именитым беглецом.

Но уже было потеряно много времени. Когда солдаты добрались до китайской границы, которую не имели права переходить, Великий лама и его сторонники находились уже далеко.

Само собой разумеется, восточные люди не могли просто излагать факты, как я их пересказала. Бегство Тashi-ламы произошло совсем незадолго до моего прибытия в Лхасу, но уже приобрело легендарный характер.

Одни утверждали, что, покидая Шигадзе, Великий лама оставил там свой фантом, похожий на него как две капли воды, который вел себя точно так, как он, и поэтому те, кто не был посвящен в эту тайну, даже не подозревали о его отъезде. Как только Тashi-лама оказался в безопасности, фантом улетучился.

Другие толковали чудо иначе. По их мнению (таких людей было большинство), сбежал в Китай не лама, а его двойник, в то время как подлинный Пенчен-римпоче по-прежнему оставался в Шигадзе и был невидимым для своих врагов, но его верные подданные и набожные паломники, почитавшие Тashi-ламу, могли его видеть.

Будучи в Темо, я не знала ничего, кроме того, что Пенчен-римпоче покинул Шигадзе и его преследуют.

Размышляя об этом странном событии на пути к Брахмапутре, я неожиданно припомнила один случай.

Два с лишним года тому назад, когда я жила в Жакиендо³, один бард из провинции Кхам исполнил для меня из

¹ Всегда следует учитывать восточную склонность к преувеличениям; скорее всего, количество всадников не превышало пятидесяти человек.

² Д е п ё н — чин, соответствующий приблизительно полковнику или генералу.

³ Тибетский город, расположенный на краю степи, который не раз упоминался в этой книге.

вестное эпическое сказание о короле Гезаре де Линке. За те шесть недель, что мы общались, этот человек ознакомил меня с очень древними предсказаниями о приходе воина-спасителя, который внезапно появится в «Северной стране», — его ждали все тибетцы. Одно из пророчеств гласило, что, прежде чем явится этот мессия, Тashi-лама покинет Тибет и отправится на север.

Я слушала его крайне недоверчиво и спросила в шутку, сколько веков должно миновать, прежде чем произойдет это событие. В ответ певец, в высшей степени загадочный человек, убежденно заявил, что я своими глазами увижу, как исполнится предсказание, и это случится раньше чем через два с половиной года.

Второе пророчество показалось мне еще более невероятным, чем первое, и даже совершенно бессмысленным. Между тем я оказалась в Темо, в глубине Тибета, где узнала о бегстве духовного наставника Ташилумпо в северные просторы, и со времени, когда бард рассказал мне о предсказании, до отъезда Пенчен-римпоче прошло два года и один месяц.

Странное совпадение, если не сказать больше! Как я должна была это понимать? Что, если вскоре последует приход мессии?.. Неужели этот герой объявитя в мистической стране Шамбале¹ и, собрав, как гласит предание, огромную армию «беспощадных и непобедимых» солдат-великанов, объединит всю Азию под единым началом? Быть может, это только мечта, но на Востоке об этом мечтают миллионы людей.

Покинув Темо, мы направились к песчаным берегам Брахмапутры. От величественной реки и окружавших ее

¹ «Чанг Шамбала» (Северная Шамбала) является для посвященных мистических школ символом из разряда явлений духовно-психологического порядка. Некоторые просвещенные люди считают Шамбалу идеальным государством, разновидностью восточной утопии. Другие говорят о ней как о райской обители наподобие *Занг дот пал ри* (Благородная гора цвета меди), где обитает Падмасамбхава. Я знала людей, утверждавших, что побывали в Шамбала, и тех, кто более скромно заявлял, что знает туда дорогу. Как бы то ни было, многие тибетцы ныне полагают, что Шамбала находится на территории России, в Сибири.

высоких гор веяло глубоким покоем и миром; казалось, что над ними не властно время. Безмятежность овладела моей душой, и все страхи, тревоги и волнения за будущее улетучились — я почувствовала, как они растаяли в этой бесконечно спокойной атмосфере.

Мы перешли на неторопливый шаг: вокруг было столько интересного, столько надо было записать! Так, по той же дороге шествовали многочисленные отряды паломников Бонпо, совершивших обход горы Конг-бу-бон-ри¹, которая считается в их религии священной.

Бонпо — это приверженцы религии, преобладавшей в Тибете до введения буддизма. Возможно, первоначально их вера была почти такой же, как и шаманистов² Сибири, но это невозможно проверить, ибо в те времена, когда к учению Бонпо еще не примешался буддизм, в Тибете, по всей видимости, не было письменности. Больше я не могу задерживаться на этой теме.

Множество паломников совершили обход святой горы, падая ниц на каждом шагу: они вытягивали перед собой руки, ложились ничком на землю, проводили ногтем линию, соответствовавшую длине их тела, затем поднимались и перемещались на длину прочерченной линии, снова падали, отмечая точку, до которой доставали их пальцы, и так продолжалось на протяжении нескольких километров.

Я неохотно покинула берега Брахмапутры и, поднявшись вверх по течению реки Жъямда, осмотрела по дороге *Пу чунг сер кюи лаханг* — небольшой храм с позолоченным куполом, в котором находится золотой алтарь.

По мере продвижения по долине я видела, какое запустение царит в этих краях. Опустевшие дома разрушились, сорные травы и лес вновь завоевали некогда распаханные и возделанные земли. Когда-то на дороге, проходившей по

левому берегу реки, стояли китайские наблюдательные пункты. Кое-где и теперь виднелись высокие полуобвалившиеся сторожевые башни, вокруг которых обосновались крестьянские семьи, большей частью смешанные: они состояли из отца-китайца и матери — уроженки Тибета. Теперь по безлюдной дороге рыскали лишь лихие разбойники, спускавшиеся с гор, которые я собиралась преодолеть до встречи со странствующим *гомченом*. Крестьяне из окрестных селений настоятельно советовали нам перейти через реку и подняться вверх по правому берегу; хотя этот путь был более длинным, местность, через которую он пролегал, была несколько более заселенной и более безопасной. Однако и там находилось не много селений. Миновав Чемадзонг, мы почти все время следовали через безлюдные леса.

На этой дороге я встретила двух беспомощных странниц, напомнивших мне умирающего человека, которого я видела близ Ха-Карпо в начале своего путешествия.

Одна из женщин, несмотря на наши настоятельные просьбы и небольшое количество денег, которые мы ей дали, отказалась от предложения отвести ее в соседнюю деревню, где она могла бы найти приют, и принялась разводить огонь под деревьями, на обочине дороги. Йонгден собрал множество веток и поленьев, сложил их возле странницы, и мы отправились дальше.

Я несколько раз оборачивалась, надеясь, что она нас позовет, но женщина хранила молчание. Обернувшись в последний раз, я увидела, что она неподвижно сидит возле кучки дров. Тонкий столб голубоватого дыма, поднимавшийся в быстро сгущавшемся сумраке, наполовину скрывал ее и, казалось, был символом угасающей жизни.

Вторая паломница лежала под крошечным навесом из веток, который соорудил для нее некий сердобольный крестьянин. Возможно, его милосердие этим и ограничилось и он не захотел поместить в своем доме больную, но возможно, она, как и предыдущая странница, предпочитала одиночество и спокойствие на лоне природы. Она лишь сказала мне, что из соседней деревни ей ежедневно приносят еду.

¹ Конг-бу-бон-ри — «гора Бонно в Конгбу».

² Несмотря на исследования шаманизма, предпринятые востоковедами, в этой области остается еще много неизвестного. К разряду шаманистов относят людей, исповедующих очень разные взгляды, но, как и в ламаизме, иностранцы сталкиваются лишь с вульгарным толкованием этой религии. Существуют образованные шаманы, но их еще меньше, чем обученных лам, и поэтому их труднее отыскать.

Возле женщины сидела маленькая собачка, которая охраняла ее, как могла. Как только кто-нибудь появлялся, она принималась яростно лаять и пыталась напугать того, кто приближался к ее хозяйке. Верный песик был поистине трогательным.

В данном случае я тоже не смогла ничем помочь: лишь дала немного денег и пошла своей дорогой... «Иди своей дорогой» — не это ли мы вынуждены делать каждый день, хотя наши сердца обливаются кровью, но мы бессильны облегчить страдания бесчисленных горемык, лежащих вдоль дорог во всех уголках мира.

Жъямда считается в Тибете крупным городом, но это самая обыкновенная деревня. Лишь местоположение на перекрестке двух важных трактов — главной дороги из Лхасы в Чамдо и дороги, спускающейся к Брахмапутре, — придает ей значимость торгового и, возможно, стратегического центра. Несмотря на то что долина, где расположена Жъямда, находится на высоте 3300 метров, климат здесь довольно теплый. Мой термометр показывал в январский полдень 18 градусов выше нуля.

Путешественники, направляющиеся в Лхасу, должны переправиться в Жъямда через реку, и на здешнем мосту взимается пошлина. Мы давно об этом знали, но представляли себе мост таким же, как в Шова, с дверьми и будками сторожей, которые рассматривают и расспрашивают проходящих. Сколько же часов мы потратили, выдумывая и обсуждая всяческие уловки, чтобы выпутаться из трудного положения!

В действительности все выглядело иначе. Мост был обыкновенным настилом из досок, и напротив него, на дороге, стояла хижина, в которой жила женщина, собиравшая деньги с путников. Двое малышей играли возле воды. Когда Йонгден уплатил пошлину, одному из детей велели проводить нас к *нёнпо*, у которого мы должны были получить разрешение, чтобы продолжать свой путь.

Лама вошел в дом «большого человека», а я осталась сидеть на камне перед входом. Множество людей проходило мимо по очень узкой улице, и никто не обратил на меня внимания.

В глубине дзонга Йонгден встретился то ли с самим чиновником, то ли с его секретарем. Скорее всего, это был какой-нибудь мелкий служащий, скромный конторский писарь. Несколько минут спустя мой сын вернулся, мы взвали на спину свои тюки, и вскоре опасное место осталось позади.

Удаляясь от него, мы с моим спутником переглядывались и иронически посмеивались друг над другом, вспоминая, как ломали головы, строя сложные планы. Вещи, которые считаются трудными и опасными, оказываются очень простыми, когда сталкиваешься с ними на практике.

Теперь мы вышли на прямую дорогу в Лхасу, единственный в Тибете почтовый тракт¹, большой отрезок которого тянется из Чамдо, расположенного на китайской границе, до Гималаев через Лхасу.

Вдоль этой старинной дороги Центральной Азии стоят сооружения, напоминающие крошечные часовни: они обозначают расстояние в милях, являя собой прогресс цивилизации. Сначала я ошиблась, приняв их за сельские алтари или хижины с *тса-тса*, которые встречаются в Тибете на каждом шагу. Окончательно ввели меня в заблуждение камни, покоявшиеся на некоторых из этих домиков, с традиционными надписями *Ом мани падме хум хрин* и другими изречениями такого же рода. На земле виднелись следы богомольцев, совершивших круговой обход «священных памятников». Я обнаружила свою ошибку благодаря одному из этих набожных людей.

Заметив старика, сосредоточенно шагавшего вокруг «часовни», я решила взглянуть на статую или картину, которые, как я полагала, здесь находились. Каково же было мое изумление, когда перед моим взором предстал красноватый камень, на котором значились цифры один-три-пять. Моих знаний в области ламаизма оказалось недостаточно, и мне потребовалось несколько минут, чтобы прояснить тайну этого символа.

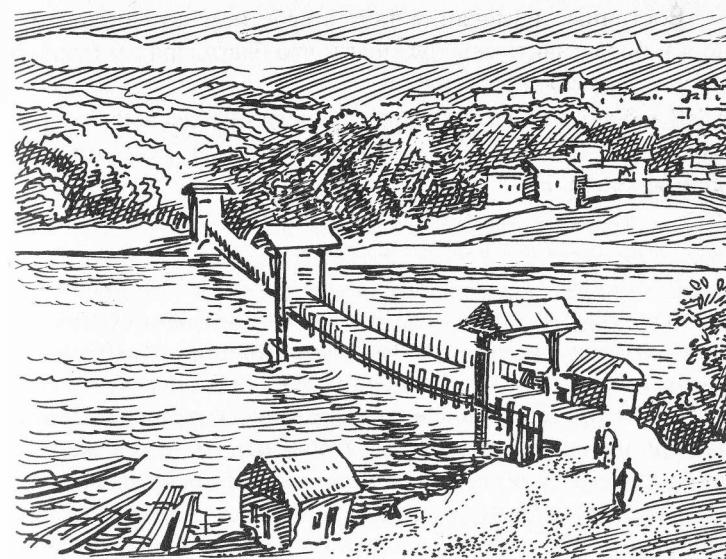
¹ Не считая короткого ответвления, обслуживающего Шигадзе.

Восточные изыскания таят в себе немало сюрпризов, но я и представить себе не могла, что благодаря им открою культ километровых столбов.

Я наблюдала немало картин и вела интересные беседы, вносявшие оживление в мое путешествие в Лхасу на последнем этапе. Но я вынуждена опустить все эти подробности, чтобы оставить достаточно места для описания своего пребывания в самой столице.

Наш переход через перевал Па в Конгбу был омрачен удручающим зрелищем. Группа паломников из Восточного Тибета в этом месте по непонятной причине раскололась, что, к сожалению, нередко случается в этих краях, и часть путников превратились в разбойников. Они неожиданно напали на своих спутников, чтобы отнять у тех жалкое тряпье и деньги, общая сумма которых не превышала десяти рупий. Несколько женщин прятались здесь в горной расселине, будучи не в силах двигаться дальше. У одной из них была пробита голова, у другой — сломана рука и зияла страшная рана в груди. Все они были в той или иной степени изувечены. В нескольких шагах от места, где укрывались несчастные паломницы, лежали трупы двух мужчин. Женщины рассказали мне, что другие мужчины смогли продолжать свой путь.

Это произошло неподалеку от Лхасы, на почтовом тракте. Конные солдаты без труда могли бы догнать разбойников, но кто заботится о таких вещах в этой бедной стране?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мы приближаемся к Лхасе. Странные обстоятельства помогают мне незаметно войти в город. — Дворец Далай-ламы; живописные подробности моего посещения Поталы. — Чудеса, приписываемые Далай-ламе. Его простодушные подданные полагают, что он является союзником Англии. — В Центральном Тибете исчезают из обращения деньги. Праздник масляных торма. — Панорама тибетской столицы. Большие ламаистские монастыри. — Храм Джово и церковные надзиратели тибетского Рима. — Выдающийся общественно-признанный философ Тибета. — Современная армия. — Странное суеверие. — Мои соседи. — Красочные сцены из жизни бедняков. — Монастырь Гальден. — «Козел отпущения» в человеческом обличье. — Торжественная церемония, во время которой «человека-козла» изгоняют из Лхасы. — Чудесное шествие под названием «сер пан»

Однажды утром, после четырехмесячного похода, приключений и наблюдений, лишь ничтожную часть которых я смогла здесь изложить, мы вышли из Дечена на рассвете,

чтобы совершить последний переход до Лхасы. Стояла прекрасная, холодная и сухая погода, небо было ясным и светлым. В лучах восходящего солнца вдали показался величественный дворец ламаистского владыки.

— На сей раз это победа! — сказала я Йонгдену. Но он оборвал меня:

— Пока еще нет, ничего не говорите, не радуйтесь заранее. Как знать?.. Мы еще должны преодолеть Кюи-Чу, и там, возможно, перед нами возникнет препятствие...

Я отказывалась верить, что теперь, когда мы были почти у самой цели, удача могла нас покинуть, но не стала спорить.

Мы шагали быстро, и дворец на холме Тси-Потала на глазах увеличивался в размерах. Уже можно было ясно различить изящные линии его многочисленных позолоченных крыш, острые углы которых поглощали свет и метали молнии.

Долина, по которой мы шли, постепенно расширялась. Быть может, обрамляющие ее горы были некогда покрыты лесами, но сегодня здесь не осталось ни одного дерева, за исключением тех, что украшают немногочисленные сады в деревнях.

По мере приближения к столице селений встречались чаще, но я с удивлением отметила, что необработанные земли занимают значительную площадь. Однако в Лхасе жизнь дорогая, и, казалось бы, люди должны быть заинтересованы в увеличении сельскохозяйственной продукции в ее окрестностях. Почему же здешние крестьяне к этому не стремятся? По-видимому, земля в этих краях не слишком плодородна, удобрений не хватает, навоз, получаемый от скота, используют исключительно в качестве топлива и дорого его продают. Однако с этими трудностями можно было бы так или иначе справиться, как делают в других частях страны. Возможно, развитию сельского хозяйства мешают другие факторы, как тот, который мне когда-то приводили в пример в окрестностях Шигадзе: слишком большие налоги не позволяют земледельцам получать прибыль, или размеры ее невелики, и поэтому крестьяне стремятся производить небольшое количество зерна, необхо-

димое лишь для своего пропитания да приобретения товаров для собственных нужд путем обмена.

Добравшись до Кюи-Чу, мы переправились через реку на пароме, украшенном головой какого-то животного, вероятно лошади, по замыслу местного художника. На пароме собралась разношерстная толпа; здесь теснились и люди и скот. Переправа продолжалась всего несколько минут; никто даже не смотрел на таких жалких оборванцев, как мы, которые сотнями приходят ежегодно в столицу.

И вот мы на территории Лхасы, но до самого города еще далеко. Йонгден вновь пресек мою попытку затянуть торжественную песнь, хотя бы вполголоса. Чего он еще опасается? Мы — у цели. К тому же небо вновь посыпает нам знак отеческого благоволения.

Когда мы уходили из Юньнани, «боги» способствовали нашему ночному бегству, «усыпив людей и заставив собак замолчать», и наш приход в Лхасу был означен монументальным чудом.

Как только мы высадились на берег, доселе ясное небо внезапно омрачилось. Несколько минут спустя началась страшная буря, поднявшая вверх кучи песка. Я видела саммум в Сахаре, и этот ужасный сухой ливень создал у меня ощущение, что я снова оказалась в пустыне. Какие-то неясные тени попадались нам на пути; сгорбившиеся люди прикрывали лица длинными рукавами либо полами своих одеяний. Кто стал бы обращать на нас внимание? Кто смог бы нас узнать?

Гигантская желтая завеса протянулась перед Поталой, ослепляя хозяев дворца, скрывая от их взоров Лхасу и дороги, которые к ней вели. Мне виделся в этом символический залог нашей грядущей безопасности, и последующим событиям суждено было подтвердить мое предчувствие. В течение двух месяцев мне предстояло разгуливать по тибетскому Риму, осмотреть его храмы и побывать в самых высоких галереях Поталы, но никто даже не догадался, что впервые со времен сокровения мира чужеземная женщина проникла в запретный город.

Как обычно, новогодние празднества привлекли в Лхасу множество народа из всех уголков Тибета. Все постоянные дворы были переполнены. Те, у кого имелись комнаты

или хоть какой-то кров, сдавали их; путники спали в коюшнях и ночевали во дворах. Я могла бы ходить из дома в дом в поисках пристанища в течение долгих часов, в результате чего мне пришлось бы ответить на множество вопросов от природы любопытных тибетцев. Но я сумела избежать этого опасного и неприятного занятия.

Буря прекратилась так же внезапно, как началась. Мы стояли возле базарной площади и пребывали в нерешительности, не зная, куда направить стопы, но тут ко мне подошла какая-то женщина.

— Вы ищете жилье, *ма ге¹*, — сказала она. — Должно быть, вы очень устали, ведь вы пришли издалека... Следуйте за мной, мне известно место, где вам будет хорошо.

Удивившись, я улыбнулась отзывчивой женщине и пробормотала слова благодарности. В Стране Снегов много предупредительных людей, и в сердечной заботе незнакомки не было ничего необычного, но как она догадалась, что я «пришла издалека»? Возможно, эту мысль подсказал ей мой посох странницы; к тому же после стольких голодовок и лишений я сильно исхудала и могла внушить жалость, и все же встреча показалась мне несколько странной.

В отличие от большинства своих соотечественников, наша новая знакомая не была словоохотливой. Мы молча следовали за ней, несколько оторопев от шума и суетолоки, от которых отвыкли за последние четыре месяца, проведенных вдали от людей, но, пожалуй, еще больше мы ошалили от своей удачи. Мы так долго сомневались и боялись... и вот все было кончено, наш путь подошел к концу. Нервное возбуждение от постоянной борьбы внезапно спало, и наши чувства на некоторое время притупились.

Женщина отвела нас на край города, откуда открывался обширный и чрезвычайно красивый вид, в том числе и на Поталу. Это очень меня обрадовало, ибо на протяжении

всего пути я мечтала найти в Лхасе жилище, откуда смогу вдоволь любоваться дворцом.

Дом, в котором нам сдали крошечную каморку, был полуразвалившимся лачугой, но зато мы могли чувствовать себя в безопасности. Никому не пришло бы в голову искать здесь иностранную путешественницу, и местные оборванцы не подозревали, кто я такая.

Женщина, которая привела нас сюда, тут же ушла, сказав на прощанье всего несколько слов. Мы больше никогда ее не видели.

Вечером, перед тем как заснуть в этой конуре, я спросила своего верного спутника:

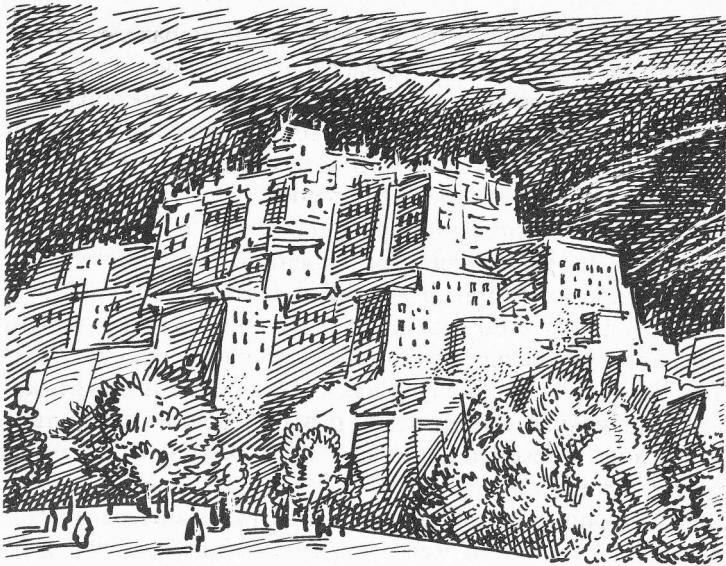
— Теперь мне можно сказать, что мы победили?

— *Лха жъяло. Де тамче нам!* Мы — в Лхасе! — ответил он, вложив в это негромкое восклицание всю радость, переполнявшую его сердце.

Я благополучно добралась до Лхасы, справившись с наиболее трудной частью своей задачи, но борьба была еще далеко не окончена. Мы попали в Лхасу; теперь следовало в ней удержаться.

Хотя я предприняла попытку проникнуть в столицу Тибета не столько потому, что горела желанием ее посетить, сколько приняв вызов, брошенный путешественникам, теперь, когда мы здесь оказались, я намеревалась вознаградить себя за лишения и неприятности, которые мне пришлось претерпеть на пути к своей цели. Я чувствовала бы себя опозоренной, если бы меня узнали, арестовали, продержали где-нибудь, заперли и выпроводили за границу, до того как я успела бы осмотреть город. Этого не должно произойти. Я хотела подняться на вершину Поталы, посетить храм и большие монастыри в окрестностях Лхасы, принять участие в различных церемониях и новогодних празднествах. Такая награда полагалась мне по праву, и я не собиралась ее лишаться.

Лхаса, самый крупный город и столица Тибета, отнюдь не является важным центром. Она построена в широкой долине, на правом берегу реки Кюи. Величественные, лишенные растительности горные цепи, которые закат окрашивает в чудесные тона, виднеются на ее горизонте.

Как бы ни был красив пейзаж, окружающий Лхасу, он не привлек бы внимания в такой стране, как Тибет, изобилиющей исключительно великолепными местами, если бы холм Потала не придавал ему совершенно неповторимый облик.

Гигантское здание дворца находится на одной из вершин¹ невысокого горного хребта, странным образом обособленного и возвышающегося посреди долины. Картина могла бы дать более полное представление об этой постройке, чем любое описание, но даже самая лучшая из фотографий бессильна передать внушительный облик красного дворца, увенчанного золотыми крышами, который поконится на массивном фундаменте.

Из сокровищ, хранящихся в многочисленных строениях, беспорядочно громоздящихся друг над другом на склоне Поталы, можно было построить сказочный дворец, но тибетские зодчие никогда не были подлинными художниками. Самые дорогие материалы в их руках служат лишь

¹ На второй вершине построено медицинское училище.

для выражения богатства и силы, но не поражают своей красотой. Тем не менее варварское сочетание золота, серебра и драгоценных камней накладывает своеобразный отпечаток на дворец и храмы Тибета, уподобляя их дикой местности, среди которой они возвышаются, и эта гармония производит сильное впечатление.

Большая часть стенной росписи дворца на холме Потала, как и Джоханга, является творением китайских художников либо их учеников. Можно в течение долгих дней и месяцев бродить по бесчисленным коридорам и галереям ламаистского дворца, знакомясь с легендами о богах и святых, изображенных на фресках в виде несметного множества крошечных фигурок; их позы и одеяния тщательно выписаны. Кажется, что весь архитектурный ансамбль одухотворен и полон жизни.

Среди покоев дворца рассеяно немало лахангов, в которых находятся статуи всевозможных символических и мистических персонажей буддийского пантеона махаянистского толка.

В более темных и отдаленных уголках приносят жертвы местным богам и духам, от которых тибетцы так и не решились отказаться после принятия буддизма.

Других грозных существ держат в заточении с помощью магических заклинаний и обрядов. Их постоянно охраняют часовые, чтобы они не смогли вырваться на свободу; тибетцы считают, что это непременно произойдет, если слова, наделенные тайной силой, которая держит духов в подчинении, не будут произноситься в срок.

Помимо этой традиции, навеянной страхом, я упомяну также о простодушном, но трогательном обычай кормить великанов-йидагов с огромными животами и крошечными ртами, куда можно просунуть разве что иголку. Йидаги постоянно терзаются голодом и жаждой, но вода при приближении к ним неизменно превращается в пламя. Чтобы утолить жажду этих страдальцев, каждое утро им приносят воду, освященную служителями культа с помощью магических заклинаний.

Данная мифология и грубые либо поэтические ритуалы весьма далеки от подлинного буддизма — рационального

учения, не признающего никаких религиозных обрядов. Тем не менее все тибетские мудрецы, даже самые скептические из них, отстаивают эти обычаи, утверждая, что в такой форме ламаизм соответствует их стране и духовному уровню ее народа.

Часть дворца занята роскошными личными покоями ламы; верхнюю галерею, где расположены беседки в китайском стиле, можно было бы превратить в идеальные висячие сады, каких нет нигде в мире. Но, вероятно, ни одному из государей, сидевших на здешнем троне, не пришло это в голову.

С высоты Поталы открывается вид на всю долину вместе с раскинувшейся на ней Лхасой — с одной стороны, и на пустыню, ограниченную вдали высокой цепью крутых гор, — с другой. У подножия этой гигантской гряды виднеется большой белоснежный монастырь Сера¹ с красными постройками и золотыми крышами подобно дворцу Поталы, и с его могуществом должен считаться владыка Лхасы.

Ко всем моим приключениям на пути в Лхасу, даже самым неприятным из тех, что обычно относят к разряду драматических событий, неизменно примешивалась доля комизма. Не обошлось без смешного и теперь; это придало моему визиту во дворец оригинальную окраску.

Направляясь к резиденции ламаистского государя, я подумала, что безопаснее проникнуть туда вместе с паломниками или с другими посетителями. Если бы я затерялась в толпе подлинных тибетцев, ни у кого не возникло бы подозрений.

К сожалению, мы не встретили на своем пути ни *докпа*, ни жителей пограничных областей, и я уже смирилась с мыслью, что нам придется взойти на Поталу вдвоем, но внезапно заметила двоих мужчин в крестьянских одеяниях из грубой белой саржи; они прохаживались неподалеку от главного входа.

— Давайте возьмем эту парочку с собой, — предложила я юноше.

¹ Сера — «град» (тибетск.).

— Как же мы можем сделать им такое предложение? — ответил он. — Быть может, они не испытывают ни малейшего желания осматривать дворец.

— И все же попробуем, — возразила я. — Кажется, это простодушные дурачки, что нам и требуется.

В нескольких словах я посвятила сына в свой план.

В тот же миг показалась группа крестьян из тридцати человек, тащивших огромное бревно. Йонгден воспользовался случаем и, резко отпрянув, чтобы избежать столкновения с тяжелым грузом, сильно толкнул одного из двух крестьян.

Он вежливо извинился, и это послужило поводом для начала разговора.

— *Амси!* Я вас не заметил.

— Не беда, лама, — почтительно отвечали простаки.

— Откуда вы? — осведомился мой юный друг у крестьян с покровительственным видом горожанина.

Один из них назвал неведомую нам деревню, а затем сообщил, что он и его спутник приехали в столицу продать зерно и теперь, покончив с делами, хотят немного развлечься в большом городе, прежде чем отправятся на следующий день домой.

— Вы должны посетить дворец, — произнес Йонгден убежденным тоном.

Крестьяне робко заявили, что это не входит в их планы. Они уже неоднократно бывали в жилище Драгоценного заступника¹ и...

Но Йонгден оборвал их на полуслове и со знанием дела, как один из здешних монахов, принялся перечислять заслуги, которые они приобретут благодаря этому благо-

¹ Только иностранцы называют Великого ламу Лхасы Далай-ламой — данный титул был присвоен ему монгольским императором и буквально означает «лама-океан», то есть «превосходнейший лама». Тибетцы называют своего государя «Жъялва римпоче» (Драгоценный завоеватель) либо «Жъяп гюэн римпоче» (Драгоценный заступник), а также «Жъяп гюэн бу» (Центральный защитник) — намек на провинцию Ю (центр), столицей которой является Лхаса. Дворцовые слуги называют ламу просто «бу», но никогда не используют это короткое обращение в присутствии придворных, так как их могут за это наказать.

чествивому визиту. Вместо того чтобы слоняться без всякой пользы по улицам и пить в кабаках, они могут проявить благородство и отдать дань уважения обитателям многочисленных лахангов дворца. Затем, сменив тон, гипнотизируя крестьян взглядом, выражавшим бесконечное сочувствие и доброту, притворщик добавил елейным голосом, что, раз уж их свела судьба¹, он намерен водить своих новых знакомых из храма в храм, называя им имена богов, чьи статуи там находятся, и рассказывая о них легенды.

Подобная удача выпадает не часто. Два простака последовали за Йонгденом с сияющими лицами, преисполненными благодарности, не помня себя от радости.

Я уверенно шагала позади, поднимаясь по длинным наружным лестницам, ведущим ко второй двери, через которую можно попасть в здание. Троє мужчин прошли первыми, пользуясь правом мужского превосходства. Я тоже собиралась смиленно вступить под своды дворца, как вдруг мальчишка лет десяти — двенадцати, приземистый и толстый послушник с красным лицом, приплюснутым носом и большими ушами, похожий на гнома в монашеской ризе на три размера больше, чем нужно, остановил меня и очень грубо приказал снять мой чепец с подкладкой из овчины.

В таких головных уборах не разрешалось входить во дворец.

Я так была поглощена другими заботами, что позабыла об этом правиле. Мне следовало надеть фетровую шляпу: *пату*² или *бакор*³, — а теперь из-за своей оплошности я была вынуждена продолжать прогулку с непокрытой головой. Это происшествие кажется незначительным, но для меня оно грозило обернуться настоящей катастрофой. Я давно

¹ В тибетском языке: «в результате предшествующих причин». Данное выражение объясняется строгим детерминизмом буддийского учения, и хотя тибетцы в основном непоследовательные буддисты, в этом отношении их вера непоколебима.

² П а т у — головной убор в виде короны, который носят женщины Лхасы.

³ Б а к о р — высокий женский головной убор с загнутыми вверх краями.

носила эту убогую шапку, будучи почти уверенной, что ее положили на моем пути неведомые друзья, обитатели иных миров, чтобы довершить мой маскарадный костюм. Головной убор частично скрывал мое лицо, бросая на него тень, и я понимала, как надежно он защищает меня от посторонних взглядов, не допуская, чтобы меня легко узнали.

Хуже всего было то, что тушь, которой я красила волосы, иссякла до того, как я добралась до Лхасы. Можно было бы купить здесь еще туши, но состояние моего жилища с потрескавшимися стенами и дощатой дверью, в которой зияли большие щели, так что в любой час дня и ночи любопытные могли подглядывать за моими действиями, не позволяло мне снова заняться окраской. Таким образом, мои волосы вновь приобрели свой натуральный каштановый цвет, не сочетавшийся с черными как смоль накладными косами из волоса яка, которые я носила. Эти косы тоже стали значительно тоньше с той далекой поры, когда я обзавелась ими в лесах Ха-Карпо. Теперь они были не толще крысичного хвоста. Когда я закручивала их вокруг лба, наполовину пряча под шапкой, они отдаленно напоминали прическу женщин некоторых кочевых племен, но отвратительный маленький послушник, похожий на жабу, велел мне обнажить голову!.. Я была уверена, что ни один клоун ни в одном из цирков мира не выставлял на обозрение более странную и нелепую прическу, которую мне предстояло явить взорам солдат, ризничих и сотен богохульцев, расхаживавших по дворцу ламаистского владыки.

Однако у меня не было возможности избежать этого испытания. Я сняла чепец и спрятала его за пазухой, как мне приказали, а затем догнала своих спутников. Йонгден слегка отстал, поджидая меня; при виде моего лица он разинул рот от ужаса и с трудом удержался от крика.

— Что вы сделали? — спросил он дрожащим голосом. — Кто отобрал у вас шапку?

— Мне не разрешили войти во дворец в этом головном уборе, — поспешно ответила я.

— Вы похожи на дьявола, — продолжил он с отчаянием. — Никогда в жизни я не видел такого уродства... Вы станете всеобщим посмешищем.

Я чувствовала, что еще немного, и со мной случится истерика. К счастью, безучастные физиономии двух крестьян придали мне немного бодрости. По-видимому, они не усматривали в моей внешности ничего необычного или странного и продолжали внимательно слушать своего гида, который был охвачен лихорадочным возбуждением и рассказывал без умолку всевозможные истории о богах, святых и Далай-ламах былых времен. Другие посетители встали в ряд, внимая словам речистого оратора, и вскоре вокруг Йонгдена образовалась небольшая толпа людей, восторгавшихся безграничными знаниями доброго ламы, который соизволил их просветить. Я следовала за сыном, смешавшись с толпой, по длинным коридорам и лестницам, входила в узкие двери храмов, и никто не обращал внимания на мою чудовищную прическу. Я одна осознавала, до чего нелепо выгляжу, но постепенно успокоилась, и эта комичная ситуация начала меня забавлять. Йонгден же, когда его первоначальный испуг прошел, по-прежнему не решался смотреть в мою сторону, опасаясь расхочтаться.

В конце концов вся наша ватага добралась до верхней галереи дворца, где находятся китайские беседки, ярко-красные крыши которых предстали передо мной в начале последнего перехода, суля скорое окончание путешествия.

Проведя во дворце несколько часов, мы спустились к главному входу.

С высоты наружной лестницы я долго любовалась великолепной панорамой Лхасы, раскинувшейся у моих ног со своими храмами и монастырями; сверху город был похож на бело-красно-золотой мозаичный узор, окаймленный вдали песками и тонкой голубой лентой Кюи-Чу.

«В таком бесподобном месте, — подумала я, — западные народы построили бы дивный город». Я представила, что вижу перед собой широкие улицы, памятники и парки. Однако подлинная Лхаса, невзрачная и роскошная одновременно, медленно и неумолимо затмевала мираж современного города, и он вскоре рассеялся. Да избавят боги Тибета его столицу от небоскребов и искусственных нарисованных садов! Ламаистский Рим, расположенный среди

голых гор, песков и камней, под ясным небом, по-своему красив и величествен.

Я уже подходила к главному входу, когда один из паломников, шедших мне навстречу, наконец обратил внимание на мой необычный вид.

— Откуда она могла явиться? — спросил он у своих спутников. И тотчас же сам ответил на свой вопрос: — Должно быть, из Ладака¹.

Когда мы вышли из дворца, двое крестьян поблагодарили Йонгдена и преподнесли ему несколько мелких медных монет в знак уважения и признательности.

— Все в порядке, — сказал мой юный спутник, — я помешал двум глупцам напиться, и вдобавок они оказали нам услугу. С этими словами он вложил монетку в руку слепого нищего, тем самым осчастливив еще одного человека.

Каким бы великолепным ни был лхасский дворец, нынешний Далай-лама, видимо, не считает его особенно привлекательным и приезжает сюда лишь время от времени, по случаю некоторых праздников. Его постоянной резиденцией является Норбулинг²: очень большой парк, в котором проложено несколько аллей.

Здесь же находится небольшой зверинец и странный птичий двор, куда допускают только петухов, как и в парламенты некоторых слаборазвитых стран. Триста, если не больше, обитающих в этом месте птиц обречены на безбрачие.

В парке возведено несколько дворцов для Далай-ламы. Каждый из залов в одном из них обставлен в собственном стиле; их называют: английская комната, китайская комната, индийская комната и т. д. Плоская, как принято в Тибете, крыша здания увенчана позолоченными украшениями, именуемыми *жъялтсенами* — символами власти и победы. В связи с этим придворные государя-ламы приду-

¹ Ладак — местность, расположенная в Западном Тибете.

² Норбулинг — букв.: «остров или жемчужина». Иными словами: «прекрасное место, похожее на драгоценность».

мали местную шутку, которую неустанно повторяют в его присутствии.

— Все эти комнаты, — говорят они, — английская, китайская и индийская — находятся под тибетской крышей и тибетскими *жъялтсенами*; посему Тибет — выше всех стран мира, и вы являетесь величайшим из монархов.

Вероятно, Далай-лама вежливо улыбается, слушая эту чушь. Я не могу поверить, что он воспринимает такие высказывания всерьез. Он уже два раза был в изгнании, сначала в Китае, затем — в Индии и за это время, несомненно, немало узнал о мире, лежащем за пределами Тибета. Но если сам государь понимает свое положение, то его подданные верят самым невероятным историям, которые им рассказывают для поддержания авторитета Далай-ламы и его двора.

Вот одна из таких легенд: во время путешествия Далай-ламы в Индию он гостил у английского вице-короля, и как-то раз ему пришлось находиться вместе с ним в большой гостиной, где собралось множество выдающихся людей. Неожиданно лама вытянул руку, и — о чудо! — присутствующие увидели на его ладонях две лхасских горы: на одной Поталу с дворцом, на другой — Шокбури, на вершине которой расположено медицинское училище. При виде такого дива англичане во главе с вице-королем упали на колени перед ламой и попросили его взять их под свою защиту. Немедленно было послано донесение английскому королю, и тот, разделив чувства страха и почтения, которые чудо внушало его высокопоставленным подданным, принял умолять Далай-ламу стать покровителем его королевства и оказать ему помощь в случае нападения. Добрый и отзывчивый владыка Тибета любезно обещал ему прислать на выручку свою армию, если Англии будет когда-нибудь угрожать опасность.

Наслушавшись подобных историй и неправильно истолковав смысл фактов, которые было бы слишком долго пересказывать, большинство тибетцев в настоящее время полагают, что их страна является в некотором роде сюзен-

реном Великобритании; именно так объясняют им непродолжительные визиты в Лхасу уполномоченного английских властей. Они верят, что он приезжает, чтобы смиренно получить предписания Далай-ламы и передать их его подопечному — английскому королю.

Безусловно, это всего лишь забавная шутка, но такие шутки таят в себе опасность, которую способны распознать лишь те, кто долго жил в отдаленных уголках Азии.

Для путешественников, которым известна история Тибета, а также политические интриги, средоточием которых он стал в наше время, и особенно для тех, кто хорошо знаком с ламаизмом, пребывание в Лхасе окажется необычайно интересным, другим же оно, скорее всего, принесет разочарование.

Не стоит искать здесь улиц с забавными магазинчиками — базаром под открытым небом, как в Китае, где раздолье для охотников за безделушками. Наибольшим спросом на рынке Лхасы ныне пользуется кухонная посуда из алюминия; на втором месте — отвратительные товары низкого качества, ввозимые из Индии, Англии, Японии и некоторых европейских стран. Я нигде не встречала более ужасных хлопчатобумажных тканей, более грубых изделий из фаянса, чем те, что красуются на прилавках лхасских купцов. Некогда процветавшая торговля с Китаем настолько сократилась, уступив место товарам из Индии, что почти сошла на нет; предпринимаются дальнейшие усилия, чтобы окончательно подорвать ее; лишь чай и шелковые ткани по-прежнему ввозятся из этой страны.

Прибыв из Китая, где в ходу большое количество денег в виде монет и слитков, я столкнулась в Лхасе с тем, что, как я предчувствовала, ожидало меня во Франции. В центральных провинциях Тибета не стало денег. Местная валюта *транка* — мелкая монета из серебра очень низкой пробы — почти совсем исчезла из обращения и ценилась на вес золота.

Что касается серебряных монет достоинством в пятьдесят таэлей, распространившихся во время китайской оккупации, которые жители Лхасы назвали *тамигмой*, они и вовсе канули в Лету, отойдя в область преданий.

Лхасское правительство выпустило скверные медные деньги, которые использовались при торговых сделках в столице и ее окрестностях, но их не признавали в других областях страны.

Также были напечатаны банкноты, но они по-прежнему оставались редкостью, и торговцы не брали их даже в Лхасе.

Наконец, поблизости от Норбулинга чеканились золотые монеты, но они не находились в обращении. Крошечный монетный двор соседствовал с небольшим складом оружия.

Я справлялась у многих людей о причинах странного исчезновения денег в Центральном Тибете, хотя в китайской части Тибета их по-прежнему было достаточно.

Полученные ответы отличались друг от друга в зависимости от общественного положения и характера людей, к которым я обращалась. Некоторые лишь улыбались, когда я спрашивала у них, куда подевались деньги; другие заявляли: «Деньги у правительства; оно их копит», — а самые резкие отвечали: «Наше правительство отдает их *пилингам* — хозяевам Индии в качестве платы за старое оружие, которое они нам продают. Оно может нам пригодиться, если мы будем биться с китайцами, которые плохо вооружены, но перед армией *пилингов* окажется бесполезным».

Некоторые выражали ту же мысль более оригинально, проявляя присущие тибетцам предрассудки. Простые люди утверждали, что до того, как оружие было продано их стране, чужеземные священники совершили над ним магические обряды, в результате чего оно лишилось способности убивать *пилингов* и их солдат.

Не только в Лхасе ходят слухи о деньгах, отданных иностранцам, но жителям столицы по крайней мере известно, что тибетцы получают взамен. В других местах дело обстоит иначе. Когда крестьяне той части провинции Кхам, что недавно находится под властью ламы-государя, начинают жаловаться на постоянно растущие налоги, чиновники отвечают им, что их отец-заступник Далай-лама тут ни при чем, но *пилинги* приказывают ему отбирать у

них деньги. Простым горцам не объясняют, почему государь подчиняется и что он получает за эти деньги. Крестьяне лишь запоминают, что причиной их разорения являются гнусные «иностранные с белыми глазами».

Так в отдаленных уголках Азии насаждают и подогревают ненависть к белым людям. Эта ненависть возрастает, распространяется и готовит все новых сторонников любого вождя, который возложит на себя миссию долгожданного спасителя — поборника справедливости.

Каждый год в ночь полнолуния первого месяца в Лхасе отмечают очень любопытный праздник. Конструкции из легкого дерева высотой до четырех-пяти метров украшаются орнаментом из подкрашенного масла. К ним прикрепляют фигурки богов, людей и животных, также сделанные из масла, и перед каждым из этих сооружений, именуемых *торма*, ставится стол с несколькими рядами масляных ламп. В *паркоре*, то есть «круговом маршруте» паломничества вокруг храма Джо-Ханг¹, пролегающем по улицам города, воздвигают приблизительно сотню *торма*. Этот ночной праздник предназначен для богов; подчас для их развлечения устраивают концерты.

Праздник масляных *торма*, отмечаемый в Лхасе, славится во всем Тибете и даже в соседних странах. Безусловно, это очень яркое зрелище, но предпочитаю, когда оно проходит в величественном монастыре Ку-Бум, где мне не раз доводилось на нем присутствовать.

Как бы то ни было, эта часть программы новогодних празднеств в Лхасе позволила нам провести очень веселый вечер.

Как только лампы были зажжены, мы с Йонгденом отправились в *паркор*, где собралась большая толпа, ожидавшая прихода Далай-ламы, который должен был произвести смотр *торма*.

Я уже неоднократно наблюдала подобные скопления народа, но приходила на такие гуляния в сопровождении слуг, следовавших впереди, и других людей, прокладывав-

¹ Джо-Ханг — «дом божества».

ших мне дорогу. Впервые мне предстояло узнать на собственном опыте, что значит тибетская толчея.

Группы *докпа*, могучих великанов в бараньих шкурах, взвившись за руки, образовывали цепи, бросались ради забавы в те места, где толпа была особенно густой, и принимались дубасить огромными кулаками по бокам тех, кто, на свою беду, попадался им на пути. Местные полицейские, вооруженные кнутами и длинными палками, все больше нервничали по мере приближения часа появления Далай-ламы и пускали в ход свое оружие направо и налево без всякой причины. Мы пережили немало веселых минут среди этой суматохи, уворачиваясь от ударов и стараясь, чтобы нас не затолкали. Наконец объявили о приходе Далай-ламы, и беспорядок усилился. Полицейские окончательно рассвирепели, и драчуны разбежались. Остались лишь зеваки, выстроившиеся в ряд вдоль домов лицом к *торма* и прижатые друг к другу плотнее, чем сардины в консервной банке. Я стояла среди них. Позади у окна своего дома сидел человек, которому я загораживала обзор, и время от времени он толкал меня кулаком в спину, но все его усилия были тщетны: даже если бы я захотела, то не смогла бы сдвинуться с места. В конце концов он, очевидно, это понял или моя бесчувственность его сломила; так или иначе, тибетец перестал утруждать себя зря.

Весь гарнизон был в боевой готовности; пехота и кавалерия прошли друг за другом перед *торма*. Далай-лама, которого несли в китайском кресле, обтянутом желтым шелком, проследовал в окружении главнокомандующего и высокопоставленных чиновников. Шествие замыкали солдаты. Духовой оркестр играл английскую эстрадную музыку; трещали китайские петарды, и бенгальские огни озаряли пространство вокруг кортежа своими мимолетными отблесками. Вскоре государь-лама скрылся из вида.

Затем процесии последовали одна за другой: дворяне, впереди которых шагали слуги с китайскими фонарями; знатные дамы, окруженные камеристками; высшие церковные чины со своими слугами-монахами; представитель

махараджи Непала и многие другие — аристократия, духовенство, богатые купцы; все они были в нарядных одеждах, довольные, веселые, немного навеселе... Мы с Йонгденом приняли участие в народном гулянье, и нам передалось всеобщее возбуждение: мы бегали по освещенным улицам, толкались и радовались, как дети, что встречаем Новый год в Лхасе.

Когда пришло время возвращаться в свою лачугу, мы с изумлением увидели, что улицы, которые полная луна должна была заливать своим светом, становятся все более темными. Что бы это значило? Мы не употребляли спиртных напитков, и, в отличие от большинства жителей столицы в тот вечер, у нас не было оснований видеть все в тумане. Добравшись до какой-то площади, мы убедились, что луну окутал мрак: это было затмение. Простые люди принялись барабанить по котлам и другой домашней утвари, чтобы заставить дракона отпустить ночные светило, которое он намеревался проглотить.

Затмение было полным; я наблюдала его до утра и могу утверждать, что никогда не видела более интересного зрелища.

— Это еще лучше, чем завеса из песка, которая протянулась перед Поталой в день нашего прибытия, — сказал мне Йонгден со смехом, — «ваши боги» уже начинают затмевать луну, чтобы скрыть нас от чужих глаз. Если вы мне верите, скажите, чтобы они перестали: чего доброго, еще погасят солнце!

Лхаса разделена на несколько районов: Лубу, Рамоче, Ютог, Лассашё, Тенжиайлинг, Тсемалинг, Тсешолинг, Банаджонг, Паркор и Норбулинг.

Достопримечательностями города являются мост через приток реки Кюи и обелиск на пьедестале.

Мост сделан в китайском стиле; он окрашен в красный цвет и покрыт крышей из зеленой черепицы — считается, что это связано с его названием «мост с крышей из бирюзы». На самом деле данное название происходит от имени

знатного рода, чей дом расположен поблизости. Один из предков этой семьи получил в награду от китайского императора «бирюзовую пуговицу» (*ю тог*¹ — по-тибетски), с тех пор его потомков величают «господа *ю тог*», и мост с близлежащим кварталом окрестили в их честь.

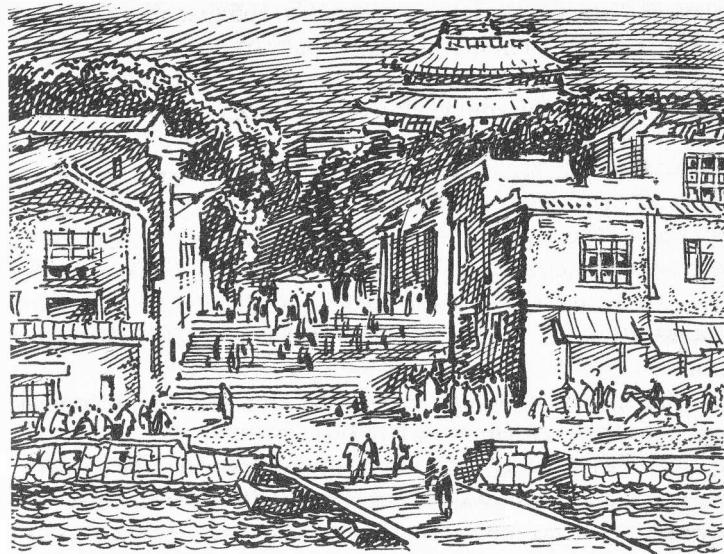
Обелиск — гораздо ниже, чем на площади Согласия в Париже, и на нем нет никаких иероглифов; тем не менее он хорошо смотрится на своем месте. Напротив него возвышаются стелы — сооружения в виде сужающихся кверху столбов, на которых высечены надписи на тибетском и китайском языках; они находятся под крышами двух домиков.

Обелиски и стелы стоят у обочины большой дороги, пролегающей у подножия Поталы.

Эта дорога, какой бы заурядной она ни казалась, начинается в Индии, проходит через всю Центральную Азию, Монголию и заканчивается в Сибири; несмотря на то что эту длинную трассу перерезают высокие горные цепи, она не представляет особых трудностей для хорошего всадника. Зимой, когда благодаря низкой температуре можно перевозить продукты и другие товары по льду, по ней можно добраться до монгольской границы почти напрямик, через безводный край. Летом путники вынуждены делать крюк, обходя с восточной стороны большое Голубое озеро (Кукунор), о котором я уже упоминала. Вероятно, когда-нибудь трансазиатские экспрессы повезут по здешним местам туристов, удобно устроившихся в роскошном купе, но тогда путешествие утратит большую часть своей прелести, и я рада, что прошла от Цейлона до Монголии до наступления этой поры.

Столица Тибета — оживленный город, населенный жизнерадостными людьми, которые больше всего любят проводить время вне дома; поэтому, хотя в Лхасе живет немного народа, ее улицы наводнены людьми от рассвета до заката. Неразумно выходить из дома с наступлением тем-

¹ Это своеобразная игра слов: «тхог» означает «крыша», а «тог» — «пуговица» — знак отличия мандаринов при бывшем китайском режиме. Слова произносятся немного по-разному. «Ю» переводится как «бирюза».

ноты. Местные жители утверждают, что их безопасность, которая, вероятно, всегда была не слишком велика, стала куда более сомнительной после учреждения армии и государственной полиции. Говорят, что законные стражи порядка ночью нередко превращаются в бандитов.

За исключением небольшой части города, улицы Лхасы широки и прерываются площадями. Они содержатся в относительной чистоте. К сожалению, здесь нет санитарной службы, в большинстве домов отсутствуют отхожие места, и зачастую их заменяют пустыри. Я уже писала, что в Тибете все совершается открыто. Однако мужчины и женщины в длинных одеяниях справляют нужду так ловко, что неискушенный человек, видя группы сидящих на корточках людей, может подумать, что они рассуждают о делах.

В городе расположено несколько монастырей, а также две знаменитые школы, где преподают тантристские ритуалы и магию. Лишь три больших монастыря, которые славятся на весь Тибет, привлекая тысячи паломников, и куда приезжают учиться молодые ламы из самых отдаленных

уголков Монголии, Маньчжурии и Сибири, находятся не в самой Лхасе. Сера, о котором я упоминала, удален от столицы приблизительно на четыре километра, Депунг — примерно на шесть километров, и Гальден, скрытый в горах, — на тридцать километров. Это самые настоящие религиозные города: так, Депунг насчитывает в своих стенах около десяти тысяч монахов.

Не только эти монастыри, самые крупные и влиятельные из ламаистских обителей, пользуются в Тибете большим уважением. Среди других монастырь Ташилумпо в Шигадзе считается лучшим центром философских исследований. В нескольких днях ходьбы от Шигадзе расположен памятник истории — древний монастырь Сакья, где обитает глава одноименной секты. Говорят, что в его громадной библиотеке хранится множество старинных санскритских рукописей. В Амдо находятся большие прославленные ламаистские монастыри Лабранг, Ташикуйл и Кум-Бум. В северо-восточных просторах Тибета *Дзоченгомпа* известен как очаг мистической подготовки и занятий магией. Этот список можно было бы продолжать еще очень долго.

Религиозные общины в Тибете образуют маленькие государства в государстве, от которого они почти совершенно независимы. Все монастыри владеют землями, стадами и обычно в той или иной степени занимаются торговлей. Большие *гомпа* управляют обширными территориями, населенными арендаторами, чье положение почти не отличается от жизни средневековых крепостных крестьян в Европе.

Обитатели *гомпа* живут порознь, однако у них общее имущество и каждый из них получает свою долю монастырской прибыли, которая выплачивается им в натуральном виде: зерном, маслом, чаем и т. д. Эти части очень неравноценны в количественном отношении; они зависят в первую очередь от богатства монастыря и, во-вторых, от положения каждого монаха на иерархической лестнице. У монахов существуют также иные источники дохода: приношения в *гомпа*, которые они делят между собой, церков-

ные службы, подарки родителей молодых людей, находящихся у них на обучении, и т. д.

Несмотря на множество недостатков, которые можно по праву подвергнуть критике, тибетские монастыри служат превосходным приютом для учащихся, мыслителей и всех тех, кто стремится к интеллектуальной и духовной жизни. Всякий лама даже самого низкого звания почти полностью избавлен здесь от материальных забот и может вдоволь предаваться в своей келье изучению религиозных и философских трудов своей страны.

Большой тибетский монастырь — это целый город, состоящий из сети улиц и дорог, площадей и садов. Над обычными домами возвышаются увенчанные знаменами и всевозможными украшениями позолоченные крыши и плоские кровли более или менее многочисленных храмов, залов заседаний различных священных коллегий и дворцов церковных сановников. В *гомпа* каждый лама¹ живет в отдельном доме, который является его собственностью, он строит его на собственные средства, покупает и получает в наследство. Лама может завещать свое жилище одному из учеников или родственников, но последний должен принадлежать к духовному сословию. Мирянам не разрешается владеть домами на территории монастыря.

Бедные люди, которые не в состоянии приобрести дом, снимают квартиру или просто комнату в жилище более зажиточного собрата. Им также могут предоставить кров бесплатно в обмен на некоторые услуги в соответствии с их способностями: от обязанностей секретаря или управляющего до работы привратником или дворником.

Храм Джо-Ханг — это святая святых Лхасы. Здесь можно видеть статую из позолоченного сандалового дерева,

¹ Следует напомнить, что говорилось выше по поводу слова «лама». Это почетный титул, на который имеют право лишь священники, занимающие высокое положение среди духовенства. Все остальные именуются *трапа* (ученики, послушники). Однако в разговорном языке слово «лама» часто употребляется для вежливого обозначения всех тех, кто принадлежит к духовному сословию.

которая считается изображением принца Сиддхартхи Гаутамы в юности, до того как он стал Буддой.

Эта статуя была привезена из Индии в Китай еще до н. э. Китайский император Тайджунг Тайтсунг преподнес ее дочери в качестве приданого, когда она вышла замуж за короля Тибета Сронг Тсан Гампо. Доверчивые тибетцы рассказывают множество историй о том, как была сделана статуя. Некоторые даже утверждают, что она сотворила себя сама, без участия скульптора, и все уверены, что при случае она может говорить.

Помимо этой статуи в многочисленных помещениях храма стоят несколько сотен других скульптур богов и святых усопших лам. Комнаты, где они находятся, лишены окон и освещаются лампами.

Паломники, расхаживающие гурьбой среди неподвижных фигур, многие из которых изображены в полный рост, являются собой странное зрелище. Издали порой трудно отличить живых людей от деревянных и металлических статуй в монашеских одеяниях. В отличие от того, что я видела в других уголках Тибета, данная коллекция не представляет художественного интереса, и тем не менее все эти спокойные лики со взором, обращенным внутрь, а не на окружающие предметы, производят большое впечатление.

Многочисленные ламы в одеяниях темно-гранатового цвета, наводняющие храм, не обращают особого внимания на своих безмолвных предшественников, чьи статуи их окружают. Все те, кто не занят у алтарей, наблюдают украдкой за шествием паломников, стараясь выделить среди них самых богатых, самых набожных либо самых наивных, от кого можно ждать солидного вознаграждения. Благочестивый глупец, попадающий в руки одного из этих проныр, вынужден лицезреть всяческие диковины, в том числе монжи, которые возлагают ему на голову, выслушивать всевозможные истории, пробовать святую воду из бесчисленных золотых и серебряных кувшинов, и это может продолжаться бесконечно. При виде каждого нового экспоната паломнику, разумеется, приходится выкладывать несколько мелких монет для товарищей своего гида, которые хранят эти вещи, не говоря уж о заключительных чаевых.

Я не была похожа на богатую женщину, но мой простодушный вид, должно быть, привлек хитроумных мошенников; они окружили меня и повели в дальние закоулки храма, показывая множество необычных предметов и оглушая рассказами о невероятных чудесах. Мне казалось, что я снова попала в западный Рим и слушаю речи говорливых зевак.

Как ни странно, меня опять приняли за уроженку Ладака.

Я вертелась вокруг церковной утвари, из которой люди пили святую воду, собираясь улизнуть, так как выпила уже достаточно жидкости, но тут за моей спиной послышался чей-то добродушный голос:

— О! Дайте святой воды этой бедной женщине, которая пришла из Ладака... Из таких дальних краев!.. Как же велика ее вера!..

На сей раз ламы руководствовались не жаждой наживы. Я видела вокруг себя улыбающиеся лица. Один из мужчин взял меня за руку и повел к воде, а другие стали расталкивать верующих, чтобы проложить мне дорогу в толпе. Я смогла еще раз полюбоваться вблизи драгоценными камнями и дорогими украшениями. Серебряный кувшин, отделанный золотом и бирюзой, наклонили к моим рукам, которые я вытянула, как правоверная буддистка, чтобы получить несколько капель освященной жидкости.

«Выпьем же воду и смочим ею голову, — подумала я. — Это мои крестины, и теперь я — жительница Ладака!»

Я правильно поступила, приурочив посещение Лхасы к началу года: в другое время мне не удалось бы увидеть столько диковинных праздников и интересных церемоний.

Смешавшись с нарядно одетой толпой, я смотрела на группы всадников в роскошных костюмах, сшитых по ста-ринной монгольской моде, пехотинцев и кавалеристов в кольчугах, с копьями и щитами, изображавших тибетских воинов былых времен. Я побывала на коротких лошадиных бегах, необузданных, бешеных, веселых и забавных, но, разумеется, они не могли сравниться с теми скачками, что устраивают пастухи в степях. Каждый день происходи-

ло какое-нибудь зрелище религиозного или светского характера.

Не раз мне доводилось слушать человека, которого тибетцы считают величайшим ученым своей страны. Он читает проповеди в течение первого месяца года на свежем воздухе, восседая на троне Тсонг-Хапа, под навесом, натянутым для него напротив Джо-Ханга. Его аудитория состоит не из простых людей, как можно было бы подумать из-за того, что он выступает за пределами храма. Лишь монахи имеют право сидеть возле него на земле; все они явились сюда по приказу начальников и таким образом исполняют свой долг. Горе тому, кто заговорит с соседом или сделает какое-нибудь движение; горе неосторожному милянину, который в порыве религиозного рвения подойдет, чтобы послушать речь величайшего из учителей: *трапа*, поставленные в качестве надзирателей, немедленно жестоко отстегают беднягу толстыми веревками.

Общепризнанный философ Тибета — невзрачный старец с худым и костиистым лицом благородного и высоко-

мерного аскета. Он передвигается мелкими и быстрыми шагами под зонтом из желтой парчи, который *трапа* держит над его головой, и выражение затаенной скуки на лице свидетельствует о том, что ему надоели зрители и публичные выступления.

Человек, восседающий на троне, лишен того пафоса и страсти, которых мы неизменно ждем от западных проповедников. Он сохраняет учительскую позу, не жестикулирует и говорит не повышая голоса, безучастным тоном, подобно всем буддийским ораторам, в соответствии с учением, которое излагает. Разительный контраст между мудрыми вещами, о которых рассуждает великий философ Тибета, и его обликом, с одной стороны, и невежественной толпой и надзирателями — *трапа* с грубыми лицами — с другой, может вызвать у иностранца недоумение. Что касается самого Сер-ти-римпоче¹, рожденного и выросшего в здешней среде, он, скорее всего, этого не замечает.

Достижения западной цивилизации в Лхасе выражаются в военных парадах. Солдаты с довольными лицами, в форме защитного цвета, следуют за духовым оркестром, играющим — на мой взгляд, весьма недурно — английские народные мелодии, и проходят через весь город, шагая, как правило, не в такт музыке. Они вооружены старыми английскими винтовками, которые все еще весьма ценятся в Центральной Азии. В их распоряжении также несколько артиллерийских орудий, которые перевозят на мулах. Эти приземистые, позеленевшие от времени машины, напоминающие огромных жаб, служат для них развлечением. Они хватаются за орудия по всяческому поводу и без оного, чрезвычайно осторожно ставят пушки на землю и гордо возят их взад и вперед по полю, где проходят учения, перед взо-

¹ Так обычно называют этого человека в Лхасе. Драгоценный золотой трон — символ его сана. Подлинный титул ученого — «Гальден-ти-па» (« тот, кто занимает трон Гальдена»), т. е. трон Тсонг-Хапа, основателя секты «желу па» («те, у кого добродетельные правила и привычки»), известной под названием «желтые колпаки». Монастырь Гальден построен Тсонг-Хапа, который там жил, и там находится его могила.

рами любопытных зевак. Во время маневров одна из пушек выстрелила, убив несколько человек, но и после этого несчастного случая восторженная любовь лхасских солдат к своим орудиям нисколько не убавилась¹. Впрочем, в этой благословенной стране события такого рода никогда не вызывают особенной грусти. Порой их даже считают счастливым предзнаменованием. В связи с этим я расскажу об одном случае, который произошел, когда я находилась в Лхасе.

Как водится, в первый месяц года тибетское правительство устраивает всевозможные гадания, чтобы узнать, что ожидает государство и особенно его главу Далай-ламу. Одно из этих гаданий заключается в следующем: сначала ставят три шатра и затем в каждый из них помещают какое-нибудь животное или птицу — козу, кролика или петуха с амулетом, освященным Далай-ламой, на шее. Мужчины стреляют по шатрам из ружей, и если хотя бы одно из животных будет убито или ранено, это значит, что страну ожидают большие беды и здоровье или даже жизнь ее государя — в опасности. В таком случае в столицу созывают всех лам из монастырей Сера, Гальден и Депунг, и они в течение двадцати дней читают в Лхасе Священное писание и совершают различные обряды, чтобы предотвратить несчастье.

Когда я была в Лхасе, люди, которым надлежало проделать эту процедуру, выстрелили по шатрам из английских, китайских и тибетских ружей двадцать раз вместо положенных пятнадцати. Ни одно из животных не было задето, и это расценили как прекрасную примету. Однако ствол одной из тибетских винтовок разорвался, тяжело ранив стрелка, который умер на следующий день. Вместо того чтобы скорбеть по этому поводу, тибетцы сочли гадание весьма благоприятным для Далай-ламы. Несчастный случай якобы предотвратил неведомую опасность, которая

¹ Очевидно, что за время моего пребывания в Лхасе вооружение тибетцев улучшилось. В последние дни, что я провела в Тибете, караваны привозили сюда из Индии боеприпасы и винтовки.

ему грозила. Враждебный демон выместили свою ярость на несчастном подданном государя, и теперь он больше не страшен.

За время пребывания в Лхасе я совершила немало прогулок по ее окрестностям, осмелилась и стала разгуливать по запретному городу, покидать его и возвращаться обратно. Но один случай нарушил мое относительное спокойствие, внушив мне серьезную тревогу.

Оказавшись на рынке, я глазела на товары, разложенные на прилавке, и тут рядом со мной остановился полицейский в форме и стал пристально на меня смотреть. Что ему было нужно? Быть может, он просто заинтересовался, из какой провинции я приехала, или у него возникли какие-то подозрения? Я не догадывалась об этом, но следовало приготовиться к самому худшему. Тогда, приглядев одну кастрюлю, я принялась неистово торговаться, предлагая за нее смехотворную цену, подобно дикарям из приграничных областей. Люди, собравшиеся вокруг прилавка, начали смеяться и обмениваться *лаззи*: жители столицы постоянно подшучивают над пастухами из степных районов, чей выговор и манеры я копировала.

— Ах! Вы сущая *докпа*, — сказала мне торговка, которая развеселилась и в то же время пришла в раздражение от моего нелепого упрямства и бессмысленной болтовни. И весь народ еще сильнее стал потешаться над глупой крестьянкой, которая не видела в своей глупи ничего, кроме скота да травы. Полицейский посмеялся со всеми и ушел.

Я купила кастрюлю и, опасаясь, вопреки здравому смыслу, что за мной будут следить, заставила себя еще некоторое время побродить по рынку, прикидываясь простушкой и разыгрывая дурацкий восторг при виде безобразных товаров, привезенных из западных стран. В конце концов мне повезло: я повстречала настоящих *докпа* и завела разговоры на их наречии о «наших» родных краях, где я побывала несколько лет назад. Эти простые люди без труда поверили, что я жила неподалеку от них, и весьма вероятно, что при их буйной фантазии они могли бы на

следующий день искрение побожиться, что давно меня знают.

Я волновалась напрасно: полицейский не собирался меня преследовать.

За долгие годы, что я провела среди тибетцев, мне не раз доводилось наблюдать вблизи и изучать жизнь различных слоев населения, но нигде я так тесно не соприкасалась с простым народом, как в Лхасе.

Хижина, в которой я жила, была центром своеобразного постоянного двора, где обитали самые странные представители человеческого рода. Десяток постоянцев — сливки здешней черни — спали под крышей, а остальные, несмотря на мороз, ночевали на улице. Все здесь совершалось на людях, и даже мысли высказывались вслух. Мне казалось, что я попала на страницы романа, действие которого проходит на дне, но каким же забавным и причудливым было это дно! Тибетцы совсем не походили на мрачных западных босяков. Все они были грязны и носили лохмотья, ели от случая к случаю грубую и неизменно скучную пищу, но каждый из них наслаждался ясным голубым небом, ярким живительным солнцем, и волны радости бушевали в душах этих бедняков, лишенных всяческих земных благ. Никто из них не занимался ремеслом и даже не думал работать, и все жили как птицы, питаясь тем, что удавалось найти в городе или на обочинах дорог.

За исключением неудобств, вызванных полным отсутствием всяческого комфорта, я не испытывала ни малейшего беспокойства, и странные соседи меня не смущали. Они не подозревали, кто я на самом деле, и относились ко мне сердечно, даже с почтением, как к матери ученого ламы, занимавшего отдельную комнату.

Некоторые из них зывали лучшие дни. Так, один бедняк был младшим сыном человека, обладавшего небольшим состоянием. В молодости он женился на богатой вдове, которая была гораздо старше его, и мог бы преуспевать, если бы лень, пьянство и азартные игры постепенно не довели его до разорения.

Когда жена моего соседа стала совсем старой, он обзавелся сожительницей и привел ее в свой дом. Вскоре законная супруга поняла, что окончит свои дни в нищете, если ни на что не годный муженек будет продолжать проматывать ее состояние, и придумала довольно хитрый способ, как от него избавиться.

Собрав близких родственников и родных мужа, она сообщила им о своем решении уединиться и провести остаток жизни в постах и молитвах. Старушка добавила, что ее супруг влюблен в свою подругу и она не станет противиться их браку¹, но им придется покинуть дом, в котором она отныне намерена жить как отшельница. Они должны также взять на себя все долги, которые наделал мужчина, и считать ее свободной от обязательств по отношению к нему. Одним словом, это был развод.

Условия были приняты, составили контракт, и новая семья поселилась отдельно.

В ту пору, когда я познакомилась с бывшими любовниками, их жизнь не была соткана из безоблачного счастья.

Мужчина, добрый, но очень слабохарактерный человек, превратился в законченного алкоголика. Каждый день после полудня он был уже мертвецки пьян и спал до следующего утра. Жена нередко присоединялась к нему, ложась в угол комнаты на мешки, заменявшие диван. Однако, прозрев, она становилась деятельной и отличалась более живым умом, чем муж. Ее расторопность давала повод к бурным ссорам: мужчина утверждал, что во время его долгого сна она крадет вещи, оставшиеся у него от былой роскоши, — кухонную посуду, одеяла, скатерти и т. д. Супруга давала своему благоверному отпор, жалуясь на то, что он продал принадлежавшие ей украшения и проиграл вырученные за них деньги.

Когда ей удавалось повысить голос до нужного тона, чтобы вывести пьяницу из его бесчувственного состояния — а для этого требовались недюжинные легкие, — следовала чрезвычайно красочная сцена. Нередко по ходу их диалога муж хватал тяжелую трость, которую всегда держал

¹ Полигамия и полигандрия узаконены в Тибете так же, как и развод.

под рукой, так как страдал подагрой и ходил с трудом, и задавал своей бывшей возлюбленной первостатейную взбучку. Избитая женщина лежала на полу и плакала, пока кто-нибудь не входил и не вступался за нее. В их тесной каморке был один-единственный вход; хитрый пьяница загораживал его своей тучной фигурой и таким образом мог достать жену своей длинной палкой в любом из уголков, где она пыталась укрыться.

Хижина была разделена на три части: скандальная пара занимала комнату у входа, я жила в тесном помещении рядом с ней, и еще одна необычна семья обитала в темной каморке, сообщавшейся с первой комнатой.

У этой семьи тоже когда-то были золотые деньки. Хозяйка конуры вела себя как женщина, получившая хорошее воспитание. Ее муж, когда они поженились, владел каким-то состоянием и был произведен в офицеры тибетской армии во время войны с Китаем. Его судьба была похожа на судьбу соседа: непомерная страсть к игре и спиртному погубила бывшего военного.

Он дошел до крайней нужды, но не утратил прежней гордости. Это был красивый мужчина высокого роста с благородным лицом. Питая глубокое презрение к любой работе, он изображал из себя аристократа, с достоинством принимающего незаслуженные удары судьбы. Все обращались к нему по званию, которое приблизительно соответствовало чину капитана в нашей армии.

Этот человек не мог согласиться на какую-нибудь скромную должность, несовместимую с его утонченными чувствами, а правительство не предлагало ему занять место в государственном совете; посему он гордо предпочел свободную профессию нищего.

Каждое утро, выпив чая, мой сосед выходил из дома с дорожной сумкой за спиной и нищенской котомкой, небрежно переброшенной через плечо.

«Капитан» никогда не возвращался до захода солнца. Он где-то столовался и считал излишним откровенничать по поводу приглашений, которые получал. Тибетец был довольно умен от природы, умел пошутить и пользовался

популярностью во всех районах Лхасы. Люди, которых забавляли его манеры и речь, давали ему то, что он просил как бы между прочим, с равнодушным видом, и можно было подумать, что этот дворянин совершает свои регулярные обходы лишь для того, чтобы нанести визит каким-нибудь знатным пэрам.

Данная тактика приносила ему удачу, и каждый вечер он возвращался домой с двумя полными сумками, содержимым которых питались его жена и двое детей.

Скоры в семье толстого пьяницы участились, после того как исчезло украшение из бирюзы, принадлежавшее его жене. Она тотчас же обвинила мужа в краже, но вскоре он доказал свою невиновность, так как была найдена воровка: ею оказалась служанка супругов (хозяйка каморки держала горничную).

За этим последовал страшный скандал. Служанка утверждала, что ее незаслуженно оклеветали и поэтому должны возместить ей ущерб. По ее словам, она не украла украшение, а просто нашла его на полу, подобрала и унесла. Она считала, что это было совсем другое дело.

Вскоре в доме и во дворе собралось множество людей, и каждый играл какую-то роль: судьи, адвоката, советчика или свидетеля. Большинство из них никогда раньше не видели ни медальона, украшенного бирюзой, ни служанок и даже не знали сути спорного вопроса. Гости явились рано утром, ели, пили и засиделись до позднего вечера. Я могла наблюдать это любопытное зрелище из своей комнаты, сквозь дверные щели, и вдоволь позабавилась нелепыми доводами, которые выдвигали участники доморощенного суда, особенно в конце дня, когда после обильных возлияний в умах присутствующих стали рождаться оригинальные мысли.

Это продолжалось несколько дней. Как-то раз после обеда снова началась бурнаяссор; сначала служанка и ее бывшая хозяйка осыпали бранью друг друга, а затем перешли к рукопашной. Мужчины никак не могли их разнять, ибо две фурии царапались и кусали всякого, кто пытался вмешаться в их поединок. Наконец несколько минут спустя им удалось вытолкнуть служанку из дома, и, чтобы она не вернулась, они гнали ее через весь двор, до ворот, выходящих на улицу.

В порыве беспричинного гнева, который внезапно охватывает алкоголиков, хозяин дома возложил ответственность за драку на жену, заявив, что она позорит его перед гостями своими грубыми манерами. Проклиная ее, он попытался проделать излюбленный маневр: загородить дверь своей тучной фигурой и поколотить злополучную супругу. Однако его благоверная, распаленная недавней схваткой, бросилась на мужа и резким движением вырвала у него из уха длинную сергу¹, отчего мочка обагрилась кровью. В ответ он нанес противнице удар по голове, и она принялась вопить.

Жена «капитана» выскочила из своего темного логова, чтобы утихомирить драчунов. Не успела она сделать и двух шагов на крошечном поле битвы, как случайно получила сильный удар палкой по щеке и упала на мешки, служившие диваном, вызывая о помощи.

¹ Тибетцы носят в одном ухе длинную сергу, а в другом — пуговицу.

Йонгдена не было дома. Я сочла своим долгом вмешаться, чтобы не дать разъяренному мужчине искалечить жену, и тоже побежала в каморку, намереваясь спрятать у себя плачущую соседку, которая была объята ужасом. Другие гости этого караван-сарай тоже поспешили на помощь и оттащили мужа от входа, освободив его жене путь к отступлению.

— Уходите скорее, — шепнула я женщине, прикрывая ее. Она быстро прошмыгнула мимо меня, и больше ее никогда не видела.

Вернувшись вечером, «капитан» нашел свою супругу с распухшей, посиневшей щекой.

Мой скромный литературный дар не позволяет мне воссоздать драматическую сцену, разыгравшуюся при мерцающем свете жаровни. «Капитан» был прирожденным трагедийным актером. Его патетический монолог продолжался полночи; мужчина то приходил в исступленную ярость и взывал о мщении, то, смягчившись, трогательно жаловался на страдания своей дамы, то вставал в полный рост и, почти касаясь головой низкого потолка лачуги, говорил об оскорблении, нанесенном его чести.

Человек, которому были адресованы все эти красноречивые тирады, валялся на своем горе-диване в полубесчувственном состоянии; «капитан», который и сам не раз за день прикладывался к бутылке, завершил свою речь, заклеймив пагубное пристрастие к спиртному.

На следующий день бывший военный отозвал Йонгдена в сторону и сообщил ему о своем намерении возбудить судебное дело и пригласить меня в качестве свидетеля, чтобы получить компенсацию за синяк, красовавшийся на щеке жены.

Юный лама попытался отговорить его от этой затеи. Он прочел ему проповедь, внушая, что прощение предпочтительнее мести, и дал немного денег. «Капитан» почтительно выслушал его поучения, прикарманил деньги, но не изменил своего решения. Человека, который нанес ему оскорблени, следовало покарать, и я должна была помочь ему в этом.

Когда Йонгден передал мне этот разговор, я почувствовала себя очень неуютно. Став свидетелем на нелепом

процессе, я должна буду появиться перед множеством людей, которые, несомненно, захотят услышать рассказ о странствиях паломников, явившихся из столь дальних краев и посетивших немало святых мест. Это может вызвать бесконечные расспросы о том, откуда мы родом, что создаст угрозу для моего инкогнито.

Мы молча выпили чай, размышляя о том, как избежать этой опасности, как вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился какой-то человек. В Тибете, особенно среди простого народа, не принято стучаться или просить разрешения войти в комнату либо в дом. После традиционного обмена приветствиями незнакомец известил нас о том, что моя соседка, которой я помогла бежать, собирается потребовать развода и просит меня дать свидетельские показания о том, как грубо обращался с ней муж.

Так же, как Йонгден в предыдущем случае, я попыталась убедить гостя в том, что мне лучше сохранить нейтралитет по отношению к супружам, которым я сочувствовала в равной мере, так как они оба относились ко мне сердечно, но мужчина заупрямился подобно «капитану». Уходя, он сказал, что будет настаивать, чтобы меня вызвали в суд в качестве свидетеля.

Тогда мы решили уехать на неделю, надеясь, что за это время страсти после скандала улягутся и мое незначительное участие в деле будет забыто.

Найти цель для поездки нетрудно. По дороге в Лхасу мы не смогли посетить большой монастырь Гальден, мимо которого проходили. Все его обитатели находились тогда в столице на ежегодном съезде монахов трех государственных монастырей¹, и двери храмов были закрыты. Мы решили отправиться туда, чтобы осмотреть достопримечательности и поклониться мавзолею религиозного реформатора и основателя секты Желонгпа Тсонг-Хапа.

Эта экскурсия не обошлась без происшествий. Йонгден гулял один по монашескому городу и неожиданно встретил человека, который давно знал нас обоих. Тибец, разумеется, спросил обо мне, и мой спутник ответил, что я по-прежнему нахожусь в Китае и он вернется ко мне,

¹ Большой «мёлам», о котором упоминалось в предыдущей главе.

как только совершил это паломничество. Наш друг пригласил его к себе на трапезу, но Йонгден отказался, сославшись на небольшое недомогание, и обещал навестить его в другой день. Он вернулся ко мне; к счастью, мы уже закончили осматривать монастырь с его окрестностями и поспешили покинуть это место.

Пока мы отсутствовали, на нашем постоялом дворе в Лхасе было выпито много чая и спиртного, и два судебных процесса оставались по-прежнему под вопросом. В столице приближались новые празднества, и судьи распустили присяжных до их окончания. Это известие положило конец моим опасениям, ибо я решила покинуть Лхасу на следующий день после того, как состоится грандиозное шествие *сер пань*, завершающее периодувеселений.

История повторяется, и у человеческой фантазии существуют пределы. Люди из разных стран, удаленных друг от друга на огромные расстояния, воспроизводят по прошествии нескольких веков обычай, поверья и ритуалы народов, о которых они никогда не слышали, и поэтому их нельзя заподозрить в plagiatе. Мне было суждено получить в Лхасе новое подтверждение этого факта.

Подобно древним евреям, тибетцы ежегодно совершают обряд, в конце которого они изгоняют из города «козла отпущения». Однако тибетского «козла» роднит с его библейским собратом лишь миссия, которую оба выполняют; роль животного играет здесь человек.

Тибетцы верят, что некоторые ламы, сведущие в магии, способны переносить на голову добровольной жертвы все нравственные и религиозные прегрешения народа, вызывающие гнев богов, что выражается в плохих урожаях, эпидемиях и прочих бедствиях.

Так, ежегодно во время своеобразного ритуала человека, именуемого *люд конг кюи жыялло*¹, осыпают проклятья-

¹ «Люд» переводится как «выкуп, искупление». Так называют всякие деньги, предназначенные для выкупа жизни человека или животного, или любое приношение божеству или дьяволу во имя спасения. *Люд конг кюи жыялло* («король выкупов») предлагает себя вместо грешников и больных, чтобы его покарали боги и демоны.

ми, возлагая на него всю вину за все неправедные деяния государя и его подданных, и изгоняют в пески Самье.

За это опасное дело берется, как правило, какой-нибудь бедняк, которого прельщает значительная сумма вознаграждения: он соглашается нести тяжкое бремя в виде грехов всего народа и злобы демонов.

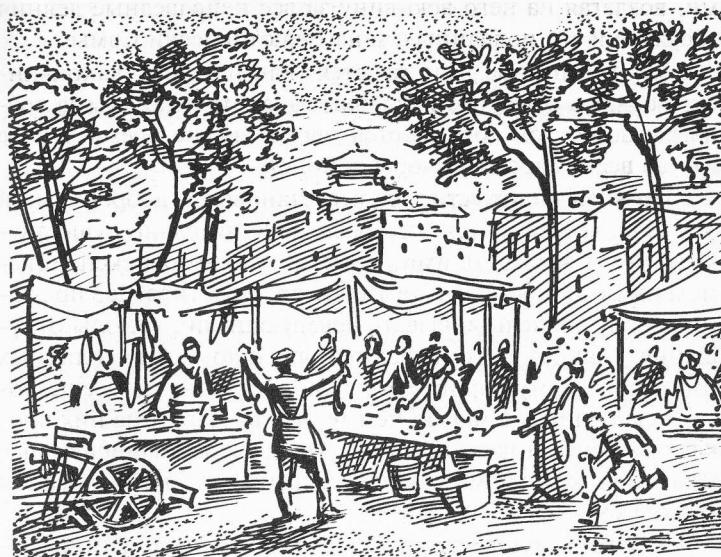
По всей видимости, те, кто становится добровольной жертвой, сомневаются, что бесы действительно существуют и могут завладеть ими, и все же, каким бы скептицизмом ни были пронизаны взгляды простых тибетцев по этому поводу, их нельзя назвать неверующими¹. «Козлы отпущения», скорее всего, надеются, что с помощью солидных гонораров смогут привлечь на свою сторону лам, еще более искушенных в магии, чем те, кто возлагает на них проклятую ношу, и рассчитывают, что, освободившись от нее благодаря колдунам, сумеют спастись от преследования злых духов.

Тем не менее всякий *люд конг кюи жъялпо*, сомневающийся в действенности обрядов, совершаемых в его честь, не может не верить в могущество людей, приносящих его в жертву грозным богам. Под воздействием самовнушения бедные «козлы отпущения» нередко оправдывают ожидания соотечественников, навлекая на себя все беды и отводя несчастья от других. Они должны играть свою роль три года подряд, после чего получают почетное звание и правительственные пенсии. Но такое случается редко. Почти все добровольные актеры, выступающие в этом странном амплуа, якобы вскоре умирают, одни — скоропостижно, без видимых причин, другие при загадочных обстоятельствах либо от странных болезней.

Последний «козел отпущения» умер во время своего пребывания в Лхасе за день до того, как его преемника должны были изгнать из города.

В течение двух недель, предшествующих данному обряду, *люд конг кюи жъялпо* может собирать пожертвования

¹ Атеисты встречаются лишь среди образованных лам, и особенно среди отшельников-гомиченов, но и те, и другие скрывают свое неверие и признаются в нем лишь таким же просвещенным людям или самим лучшим из своих учеников.

с хвостом черного яка в руках — отличительным знаком его будущей миссии. Он не просит подаяние, а взимает определенную сумму с разрешения властей. Каждый обязан давать ему милостыню либо деньгами, либо в виде продуктов, и стоимость такого принудительного подарка зависит от величины состояния или положения человека. Таким образом, дарующие создают связь между собой и «козлом отпущения», передавая ему вместе с подаянием причины, способные принести им несчастье.

Если кто-либо колеблется, торгуется или делает вид, что не хочет ничего давать, будущий «король выкупов» принимается махать над головой упрямца хвостом яка; этот жест означает проклятие и, как считают суеверные тибетцы, приводит к ужасным последствиям. Поэтому они, как правило, охотно раскошеляются; если же попрошайка предъявляет непомерные требования, робко пытаются его оброзумить.

Разумеется, я не упустила случая пройтись по городу и понаблюдать издали, как *люд конг кюи жъялпо* собирает по-

жертвования. Этот человек, на котором был красивый тибетский наряд, остался бы незамеченным, если бы не держал в руке свой опознавательный знак. «Козел отпущения» прохаживался по базарной площади, останавливаясь на пороге лавок. По-видимому, все щедро одаривали его, ибо мне не пришлось увидеть, как он потрясает хвостом яка над чьей-либо головой. Правда, один раз возник спор; я стояла слишком далеко и не могла расслышать, о чем говорили тибетцы, но поняла, в чем дело. Будущий «козел отпущения» рассердился и уже собрался поднять руку со своим забавным символом власти, но тотчас же вмешались несколько мужчин, и, очевидно, все закончилось как нельзя лучше, поскольку я услышала, как люди, стоявшие вокруг, засмеялись.

Таким образом, *люд конг кюи жъялпо* получает немало трофеев. Кроме того, когда «козел отпущения» уходит из города под улюлюканье и свист толпы, те, кто страстно желает избавиться от бремени дурных поступков, память о которых их тяготит, от тяжких болезней или какой-либо иной беды, добровольно швыряют ему монеты и всяческие предметы, чтобы он унес вместе с ними все несчастья и увел вызывающих их демонов. Последние дары старателльно собирает один из родственников «жертвы», следующий за ним с этой целью.

Я гадала, посетит ли *люд конг кюи жъялпо* мой постоянный двор, но он, вероятно, решил, что не стоит утруждать себя ради нескольких медных грошей, которые можно сбрать с нищих обитателей нашего двора, и обошел нас стороной. Все же я столкнулась с этим странным персонажем на углу улицы, и он протянул мне руку с раскрытым ладонью. Мне захотелось увидеть, как он размахивает своим волосатым скапетром, и я сказала в шутку:

— Я — паломница... Я пришла из очень дальних краев, и у меня нет денег.

Он сурово посмотрел мне в глаза и произнес только одно слово:

— Давайте.

— Но у меня ничего нет, — повторила я.

Тогда он начал медленно поднимать руку, как недавно на рынке, собираясь предать меня анафеме, и я уже предвкушала забаву, но в этот момент мимо проходили две дамы в роскошных туалетах, которые остановили его с криком:

— Мы заплатим за нее!

Они вложили в руку мужчины несколько монет, и он отправился дальше.

— *Атси*, матушка, вы не знаете, что вас ожидало, — сказала одна из щедрых женщин. — Если бы он поднял этот хвост над вашей головой, вы никогда не вернулись бы на родину¹!

Наконец настал день долгожданной церемонии.

Сначала большая толпа собирается возле Джо-Ханга, откуда должен выйти «козел отпущения». Почему люди толпятся здесь? Большинству зевак, должно быть, известно по опыту прошлых лет, что их прогонят с этого места задолго до появления государя-ламы и начала «представления».

Но это их не волнует. Передо мной — полная коллекция представительниц женского пола Тибета. По их головным уборам можно определить, откуда они родом. Здесь и жительницы Ю в *пату* из красного сукна, украшенных коралловыми шариками и кусочками малахита, и обитательницы провинции Цанг в *пакорах* — сооружениях высотой в двадцать — сорок сантиметров в виде рогов, соединенных нитяминского или натурального жемчуга, которым обладают некоторые счастливицы.

Провинциалки из более отдаленных областей и пастушки демонстрируют всевозможные головные уборы: окружные крошечные чепцы кукольного размера, остроконечные колпаки, как у Пьера, средневековые шапки и шляпы, похожие на шлемы мотоцилистов.

¹ Здесь имеется в виду племя или провинция, где живет человек, одним словом, «малая родина», которая считается в Тибете наиболее важной. Эти женщины не сомневались, что я принадлежу к тибетской расе, но понимали, что я не из Лхасы, ибо одета не как жительница столицы.

Представителей сильного пола тоже хватает, и они разряжены не хуже дам. Некоторые мужчины носят в правом ухе кольца величиной с женские браслеты; другие вдевают туда длинную сергу, достающую до плеча. Их толстые пальцы унизаны огромными перстнями, на шляпах, отделанных дешевой парчой, красуются различные вышивки, и на шеях висят бусы. Бесчисленные украшения переливаются, звенят и кажутся чудовищно нелепыми на этих неуклюжих мужчинах.

Толпа приходит в движение, и смех звучит все громче, перемежаясь с ворчанием, непохожим на проявления восторга. Выходят полдюжины мужчин; они несут гигантские палки величиной со ствол молодого дерева и принимаются разгонять пеструю и нарядную толпу, нещадно колотя тех, кто не успел убежать. Полицейские дубины не пропускают никого: ни прекрасных дам, ни оборванных нищенок, ни старух, с трудом переставляющих ноги, ни мальчишек, ни надменных торговцев, ни монахов; они не трогают лишь иностранцев, и непальские или индийские купцы могут при желании с достоинством удалиться. Эта сцена в точности повторяла ту, что я наблюдала в день праздника масляных *торма*.

Люди отходят в сторону и образуют группы, но их снова вытесняют с места таким же образом, и эта однообразная процедура повторяется множество раз. Затем появляются другие блюстители порядка: впереди идут низшие чины — монахи в невообразимо засаленных платьях, черные, как сенегальцы, из-за своих чумазых лиц¹, а также *доддоги*, вооруженные молотками. За ними следует величественный человек в великолепном костюме из саржи гранатового цвета и куртке из сукна, расшитого серебром². Он старается двигаться быстро, насколько позволяет длинная

и тяжелая балка из неотесанного дерева, которую он держит посередине одной рукой, с трудом сохраняя равновесие. Время от времени тибетец поднимает ее обеими руками и ставит на землю. От этого жеста рвение его подчиненных удваивается, и они принимаются потрясать своими молотками пуще прежнего. К счастью, человек, который несет балку — символ власти, — не может ею размахивать. Каким бы сильным он ни был, этот предмет слишком тяжел; если ударить им быка, тот свалится замертво.

Толпа, оттесненная в сторону, ждет еще несколько часов; люди толкаются, подаются на несколько метров вперед и тотчас же отступают назад; на них обрушаются удары монашеских кнутов и дубинок мирян, которые обязаны удерживать проход свободным.

И вот главный распорядитель приходит в волнение, узнав о появлении Далай-ламы. Люди обнажают головы, но государь все не появляется, и они надевают шапки, чтобы тут же снять их снова.

Наконец все видят тибетского владыку. Впереди вышагивают солдаты в приличной форме защитного цвета, с карабинами через плечо. За ними следует на лошади главнокомандующий армии, тоже облаченный в мундир хаки. Он всегда сопровождает государя, когда тот едет верхом.

За военачальником шествуют высокопоставленные ламы из дворца в роскошных монашеских одеяниях из саржи гранатового цвета, желтого атласа, золотой парчи и круглых меховых шапках с атласной подкладкой, сшитых по монгольской моде. Позади них ламаистский папа в таком же наряде восседает на великолепном черном мule, покрытом дорогой попоной. За ним едет еще один лама, и пятеро-шестеро солдат замыкают шествие.

Процессия удаляется, и толпа, которую больше никто не сдерживает, наводняет улицы.

Теперь в Джо-Ханге должна состояться церемония, предшествующая изгнанию «козла отпущения».

Люд *конг кюи жыялпо* уже здесь, но не в том кокетливом наряде, который он надевал для сбора пожертвований, а в нелепом карнавальном костюме; по странной случайности

¹ Они специально не моются, чтобы выглядеть более грозно.

² Это одеяние священников высокого ранга, на которых временно возлагаются обязанности, не связанные с религией: хозяйственные дела и т. д. Во время новогодних празднеств государственные чиновники Лхасы на некоторое время лишаются своих полномочий, и они переходят к ламам монастыря Депунг.

одежда сшита из козьих шкур и навевает библейские ассоциации. Лицо мужчины спрятано под причудливой маской, состоящей из двух равных частей белого и черного цвета; на его голове возвышается сооружение из огромного взъерошенного хвоста черного яка; другой такой же хвост он по-прежнему держит в руке.

Затем «козел отпущения» должен сыграть в кости с одним из лам, олицетворяющим Добро, Религию, могущественных Покровителей — все то, что может оказаться благоприятным для славных тибетцев и принести им счастье. Если *люд конг кюи жыялло* проигрывает, лама имеет право его прогнать; если, напротив, это исчадие ада победит, его нельзя трогать. Разумеется, «козел отпущения» проигрывает: то ли его противник шельмует, то ли после нескольких бросков удача ему изменяет. Тогда ламы, совершающие обряд, с проклятиями возлагают на него все преступления, ошибки, грехи, физические и психические болезни целого народа и прогоняют «человека-козла» в монастырь Самье.

Наверное, под воздействием этого ритуала он теряет голову и убегает, не помня себя, словно пьяный. Конечно, брань, которой его осыпают, может вызвать у любого легкое волнение, даже если ему уже доводилось играть эту роль, но, давно зная Тибет, я полагаю, что подлинная причина такого возбуждения заключается в обильных предварительных возлияниях, призванных придать «жертвам» мужества.

И вот «человек-козел» удаляется большими шагами, почти бегом, в окружении носильщиков, нагруженных его многочисленными вещами. Со всех сторон к ним присоединяются люди, раздаются крики и свист; переполох усиливается, как в те дни, когда тибетцы со страшным шумом пытаются напугать демонов и изгнать их из своих домов. Впрочем, все смеются. Этот праздник похож на веселый карнавал и представляет собой не только торжественную очистительную церемонию, но и гораздо больше.

Толпа беглецов скрывается за облаком золотистой пыли. Солнце словно улыбается на высоком безоблачном небосклоне, подтрунивая над человеческой глупостью. Люди, которые сидят на земле или медленно прогуливаются,

снова принимаются болтать. Торговцы сладостями, сухими фруктами и лепешками, жаренными в масле, предлагают свои лакомства. Первая часть спектакля окончена.

Люд конг кюи жыялло убегает далеко, уводя за собой злых духов и унося все таинственные, необъяснимые, непонятные и оттого более страшные явления, которые могли причинить зло жителям Лхасы. А что, если полезные, крайне желательные вещи также последуют за ним, увлеченные его движением?.. Да, это вполне вероятно... Значит, необходимо как можно быстрее предотвратить опасность.

А вот и средство против нее: длинная процессия лам из двух тантристских¹ школ Лхасы — *жюид тёна* и *жюид медна*² — приближается к зрителям. За ней несут *торма*, сложные сооружения из палочек, веревочек, бумаги и ячменного теста, из которого пекутся всевозможные, чаще всего треугольные, лепешки, обильно сдобренные подкрашенным маслом.

За процессией *жюидна* следует другое шествие. Оно состоит из мужчин, переодетых древними воинами в кольчугах и доспехах, со щитами, копьями и старинным огнестрельным оружием. За ними движутся рядовые персонажи мистических танцев в дьявольских масках. Однако не следует видеть в них бесов: на самом деле это добрые божества, принимающие грозный облик для того, чтобы разбить и покарать злых духов, которые хотят нанести вред людям. Одно из божеств настолько окутано покрывалами, увешано флагами и знаменами, луками, колчанами со стрелами и саблями, что его самого не видно. Впрочем, нередко под всей этой бутафорией нет статуи; изображение божества якобы необязательно; считается, что оно незримо присутствует в своем одеянии, водруженном на палке, среди принадлежащих ему украшений. К тому же зрители могут полюбоваться другим небожителем в виде гигант-

¹ Тантры — это санскритские труды, в которых излагаются мистические учения и ритуальные церемонии. В тибетском языке их называют «жюиды».

² Высшие и низшие жюиды.

ской куклы в прекрасном китайском костюме прошлого века, которая переваливается с боку на бок скорее весело, нежели с достоинством.

Последними проходят юноша и девушка: Пао и Памо (герой и героиня). Через некоторое время появляется еще одна процессия, менее многочисленная, чем предыдущая; ее участники ведут себя благопристойно, что свидетельствует об их знатном происхождении; среди них находится выдающийся доктор философии Гальден Типа — *Серти римпоче*, как его называют жители Лхасы.

Что думает этот эрудит о маскараде? Вероятно, то же самое, что не раз повторяли мне образованные люди его страны: народ умен, и ему нужна религия, соответствующая его уровню...

Немного дальше, за городом, колдуны начинают твердить заклинания и сжигают *торма* в кругу грозных богов, которые совершают медленные и грациозные движения, держа в руках длинные кинжалы и черепа, полные крови¹.

Таким образом, *йанг*², которые следовали за «козлом отпущения», призываются обратно в Лхасу.

После церемонии ламы, воины и боги вперемешку возвращаются в город. Лишь Его Высокопревосходительство сохраняет некоторое достоинство, но тоже ускоряет шаг, торопясь вернуться домой.

На обратном пути Далай-лама вновь проезжает через свою столицу, на сей раз без сопровождающего его «человека с балкой» и монахов с кнутами, и это выглядит уже не столь торжественно. Государь восседает на лошади между двумя своими приближенными-ламами и запросто разговаривает с ними. Его свита больше не соблюдает порядка. Солдаты, быстро шагавшие впереди, внезапно замечают, что государь находится далеко позади, а их товарищи, замыкающие шествие, то и дело останавливаются и выходят из строя, чтобы поболтать с приятелями из числа зрителей.

¹ Это театральная бутафория: черепа сделаны из гончарной глины и обтянуты крашенными тряпками; кинжалы танцов, исполняющих главные роли, — из бронзы и меди и из крашеного дерева — у остальных.

² Благополучие, материальные блага.

Город, жители которого полностью очистились и теперь ждут обещанного им бесконечного процветания, не может не веселиться. Все его обитатели выходят на улицу, и даже инвалиды и старики, которые едва волочат ноги, трещат без умолку, смеются и особенно пьют с большим воодушевлением, чем их здоровые земляки. Кажется, что счастливы все: нищие в жутких лохмотьях, самые жалкие из калек, слепые и безобразные прокаженные, — кажется, что все эти люди с вымученными улыбками радуются не меньше богатых и знатных жителей города.

Я встречаю нескольких человек, с которыми познакомилась в Лхасе, — они не догадываются о моем происхождении — и поневоле оказываюсь в ресторане, где мне придется отдать дань множеству местных яств. Признаться, это испытание даже доставляет мне удовольствие. Хороший тибетский обед заслуживает уважения.

В то время как все пируют, *люд конг кюи жъялпо* добирается до реки Кюи-Чу, где его уже поджидают лодочники, и переправляется на другой берег вместе с вещами и сопровождающими его братьями.

Здесь тибетец снимает с себя наряд из овечьих шкур, маску и скверный парик. В приличной одежде он ничуть не похож на недавнего паяца. Подъезжают крестьяне на лошадях и грузят вещи; мужчины садятся верхом и отправляются в монастырь Самье.

По правилам, *люд конг кюи жъялпо* должен провести там неделю в стенах *Уханга*¹, но обычай устарел и больше не соблюдается. Приехав в Самье, современный «козел отпущения» вешает одеяние из козьих шкур, маску и хвосты яка на столб у дверей *Уханга*. Затем он устраивает трапезу для здешней братии; исполнив все обязанности, он снова садится на лошадь и спокойно едет в соседний город Тситанг, чтобы купить там на пожертвованные ему деньги саржу и сукно. Сделка производится быстро, так как он заранее посыпает своих людей, которые выбирают ткани и торгуются. Транспортный вопрос его не волнует: он имеет

¹ Уханг («дом жизненной силы») — особое помещение, где якобы обитают бесы, питающиеся человеческой энергией.

право на бесплатную перевозку груза и заказывает столько выючных животных, сколько нужно. Покончив с покупками, «козел отпущения» возвращается в Лхасу с товарами через неделю после того, как покинул город. Теперь он может их выгодно продать, удвоив прежнюю сумму.

Вот так прозаически, по-деловому завершаются приключения тибетского «козла отпущения».

В год моего пребывания в Лхасе Далай-лама, согласно предсказаниям астрологов, переживал критический период своей жизни. По-видимому, смириенно признав, что тяжесть его собственных прегрешений является непосильной ношей для одного человека, а также желая еще больше себя обезопасить, духовный вождь Тибета обзавелся личным «козлом отпущения». Таким образом, в то время как «официальный козел», как обычно, направился в Самье, его соратник, двигаясь на север, добрался до первого перевала, расположенного на пути в Монголию, но этот последний *люд конг кюи жъяло* не вызывал у публики особого интереса.

На следующий день я забралась вместе с другими зеваками на выступ холма Потала и стала смотреть оттуда на грандиозное шествие под названием *сер панг*. Никогда еще за время своих долгих странствий я не видела более прекрасного зрелища. Процессия состояла из нескольких тысяч участников в праздничных одеяниях священников и оригинальных костюмах, напоминавших старинные китайские, монгольские и тибетские наряды. Эти люди несли сотни знамен, флагов и зонтов из красной и желтой парчи, на которых были вышиты символические рисунки и надписи. Высокопоставленные служители культа шли под навесами в сопровождении слуг, которые обмахивали их веерами, и кадилоносцев.

Время от времени змеевидный, переливающийся всеми цветами радуги кортеж останавливался; при этом юноши начинали танцевать; люди, которые несли литавры, приходили в движение, и музыканты принимались ритмично ударять по этим инструментам. В шествии участвовали также слоны Далай-ламы; их окружали сказочные грифы, сминающие животные, сделанные из бумаги, как

принято в Китае. За ними следовали местные боги в сопровождении воинов в доспехах и служителей посвященных им храмов.

Процессия двигалась под аккомпанемент медленных и торжественных мелодий: огромные тибетские трубы сотрясали воздух оглушительным ревом, а монгольский оркестр играл нежные и приятные мотивы.

Это волшебное зрелище разворачивалось на фоне великанов — Поталы, скалистые склоны которого были усыпаны зрителями — ламами, и Шог-пур-ри с остроконечной вершиной.

Сидя на холме, я возвышалась над *сер пангом*, пестрой толпой тибетцев в праздничных нарядах, и Лхасой, раскинувшейся в долине. Золотая кровля ее храмов отвечала мимолетными вспышками света на молнии, исходившие от ярко-красной крыши дворца государя-ламы. Чудесное солнце Центральной Азии озаряло окружающую местность, делало краски еще более яркими и заставляло сиять белоснежные горы на горизонте. Все вокруг было так зыбко, до того насыщено светом, что казалось, того и гляди превратится в огонь... Мне никогда не забыть этого зрелища, вознаградившего меня за все лишения, которые я перенесла, чтобы его увидеть.

ЭПИЛОГ

Я покинула Лхасу так же тихо, как пришла сюда, и никто так и не догадался, что иностранка открыто жила в столице Тибета в течение двух месяцев.

Но мое путешествие вовсе не окончилось. Вернувшись к берегам Брахмапуты, я пустилась в новые странствия и посетила немало интересных мест, в том числе монастырь Самье, о котором сложено несметное множество легенд и где обитает один из величайших официальных предсказателей Тибета. Я видела там запертую дверь дома, в котором якобы происходят зловещие пиршества демонов, питающихся «жизненной силой» умирающих людей.

Я обошла также всю провинцию Йарлунг, побывав в ее святых местах, и множество других уголков. Чтобы описать это путешествие, потребовалась бы отдельная книга.

Наконец однажды вечером я оказалась в Гьянгдзе.

Гьянгдзе — третий по величине город Тибета, расположенный на главной дороге из Индии в Лхасу. Англичане устроили здесь наблюдательный пост.

Когда я заглянула в одно бунгало, чтобы попросить приюта, находившийся там европеец, услышав, как «тибетская женщина» обращается к нему по-английски, онемел от изумления.

Все комнаты дома оказались заняты, и я отправилась в крепость, как торжественно величали огороженное укрепленное место, где обитали торговый агент, замещавший поверенного в делах, постоянная резиденция которого находилась в Сиккиме, по другую сторону границы, а также несколько офицеров, в том числе военный врач, и небольшой гарнизон индийских солдат. Здесь также располагались почта и телеграф, кабинет местного врача и другие службы.

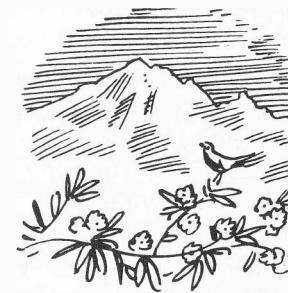
Мое появление было также встречено с удивлением.

Когда я рассказала, что пришла из Китая пешком, в течение восьми месяцев странствовала по Тибету, побывав в местах, где еще не ступала нога белого человека, и провела два месяца в Лхасе, все потеряли дар речи, буквально «не веря своим ушам».

Мне было приятно встретить в крошечной английской колонии весьма миловидную девушку — дочь торгового агента. Благодаря ей, а также джентльменам из Гьянгдзе, у меня сохранились самые теплые воспоминания о пребывании в этом месте, где меня радушно приняли и окружили заботой.

Мне еще предстояло проделать долгий путь из Гьянгдзе до индо-тибетской границы, пройти через высокие перевалы и голые плоскогорья, где гуляли ледяные ветры, но путешествие в Лхасу закончилось.

Я была одна в своей комнате и, перед тем как уснуть, воскликнула: *Лха жъяло!* (Боги победили!)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Выход из Юньнани. — Как я избавилась от своих носильщиков. — Ночное бегство к горному массиву Ха-Карпо. — Неожиданная встреча в темноте. — Мы с Йонгденом переодеваемся и меняем свой облик. — Странные видения в лесу. — Переход границы запретной страны на высоте 5412 метров. — Хищные звери обнюхивают нас во время сна. — Явление призрачного города. — Первая встреча с паломниками. — Беспокойный переход через первую тибетскую деревню. — Хитрый ризничий	17
---	----

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я утешаю умирающего больного. — Я опасаюсь за свое инкогнито и меняю национальность. — Уловки, к которым мы прибегаем, чтобы миновать военные посты. — Йонгден проявляет себя как искусный чародей. — Меня едва не разоблачают. — По горам и долинам, мимо монастыря Педо. — Я нахожу шапку, которой суждено сыграть важную роль в моем путешествии. — Чиновник из Лхасы призывает нас к себе. — Я показываю язык почтенному представителю ламаистского правительства.	63
---	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Переход через перевал Ку. — Йонгден применяет свой пророческий дар, чтобы помочь ослику. — Я впервые вхожу в тибетский дом в качестве гостьи, под видом нищенки. — Страшная ночь возле монастыря Дайюл. — Горячие источники и ночное купание на свежем воздухе в мороз. — Новые опасения по поводу моего инкогнито. — Мы сворачиваем с дороги и блуждаем по горам. — Я переправляюсь через Салуин, прикрепленная к тросу сомнительным крюком. — Происшествие. — Я качаюсь в пустоте над рекой	96
---	----

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Найденная шапка начинает приносить мне пользу. — Изнурительные скитания по горам. — Мы задаемся вопросом, как избежать встречи с представителями властей. — Ночные блуждания в бурю. — Скупой крестьянин надувает моего ламу. — После всех стараний уклониться от встречи с чиновниками мы натыкаемся на жилище одного из них, где в качестве милостыни нам подают угощение. — Пиршество оборванцев: похлебка из протухших внутренностей. — Загадочное происшествие: крестьянин предсказывает появление Йонгдена и ждет его прихода, чтобы умереть. — Наши хозяева отводят нам в разгар зимы вместо спальни крышу своего дома, расположенного на высоте 4500 метров. — Переход и монастырь Сепо-Ханг. — Трагическая история заброшенной усадьбы. — Экономичное путешествие.....	126
---	-----

ГЛАВА ПЯТАЯ

Две дороги из Тashi-цзе в местность По. — Величайший английский путешественник. — Купание в ледяной воде при переходе через реку. — Дорога к перевалу Деу. — Секрет тибетских отшельников: искусство согреваться на морозе. — Похороны и кладбища в Тибете. — Негостеприимные пастухи. — Я выпутываюсь из трудного положения благодаря привычке тибетских нищих искаль вшей под одеждой. — Я притворяюсь ясновидящей, чтобы внушить почтение нашим хозяевам: неожиданное чудо удается на	
--	--

славу. — Йонгден священнодействует, чтобы вызвать снегопад. — Хозяин дома не желает оплачивать услуги ламы, и мы сами вознаграждаем себя за труды 158

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Восхождение к перевалу Айгни. — Бесхитростная душа. — Предчувствия. Я устанавливаю рекорд в высокогорном скоростном спуске. — Йонгден падает в овраг и получает вывих стопы. — Мы застреваем в пещере без огня и еды; снегопад продолжается. — Его состояние улучшается; мы отправляемся в путь. Среди ночи мы находим пустую хижину. — Продолжение поста; снегопад не прекращается. — Блуждания в горах. — Новогодняя ночь в местности По. — Йонгден бредит в лихорадке, и я вынуждена удерживать его силой, чтобы он не бросился в пропасть. — Суп из кожаных подметок. — Долгожданная встреча с обитателями По. — Отступление от внутренней политики Тибета. — Среди мятежников. Первая деревня По-юл, где мы получаем миску супа в качестве подаяния. Неужели мы съели собачий суп? 195

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Монастырь Сунг-дзонг. — Сказочный край. — Опрометчивое предсказание. — Скиты Дашинга. — Мы встречаем Филимона и Бавкиду. — Мы пируем у местного царя. — Веселые дни. — Начало беспокойного периода. — Как я едва не убила вора, которого хотела лишь напугать. — Своевременная встреча со странниками. — Разбой в По-юл. — Я снова переправляюсь через реку по воздушному мосту. — Рискованные акробатические этюды на живописной горной тропе. — Мы избегаем опасности 233

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я мистифицирую и устрашаю семерых разбойников. — Забавная уловка помогает мне перейти охраняемый мост через Тонжижюк. — Таинственный лама, возникший перед нами как призрак, узнает меня. — Встреча с любезным философом. — Восхождение на перевал Темо. Сон или видение? — Страница современной истории Тибета. Бегство Великого ламы Ташилумпо. — Древнее

предсказание о воине-спасителе, который должен появиться в «Северной стране», начинает сбываться. — Изнурительные религиозные обряды. — Беспомощные странницы. — Я открываю кульп километровых столбов 262

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мы приближаемся к Лхасе. Странные обстоятельства помогают мне незаметно войти в город. — Дворец Далай-ламы; живописные подробности моего посещения Поталы. — Чудеса, приписываемые Далай-ламе. Его простодушные подданные полагают, что он является союзником Англии. — В Центральном Тибете исчезают из обращения деньги. Праздник масляных торма. — Панorama тибетской столицы. Большие ламаистские монастыри. — Храм Джово и церковные надзиратели тибетского Рима. — Выдающийся общепризнанный философ Тибета. — Современная армия. — Странное суеверие. — Мои соседи. — Красочные сцены из жизни бедняков. — Монастырь Гальден. — «Козел отпущения» в человеческом обличье. — Торжественная церемония, во время которой «человека-козла» изгоняют из Лхасы. — Чудесное шествие под названием «сер панг» 293

Эпилог 342